
ЗОВ
ДАЛЬНИХ
МОРЕЙ


AFRICA


GASCAR



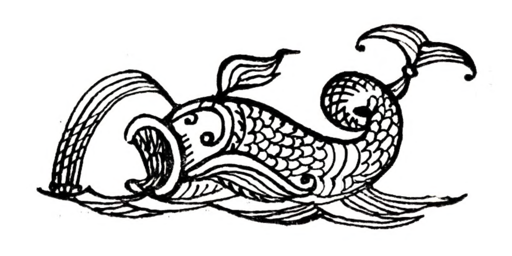
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»


А дальняя дорога
Дана тебе судьбой
Как матушкины слезы,
Всегда она с тобой

А. Б. ДАВИДСОН
В. А. МАКРУШИН



ЗОВ ДАЛЬНИХ МОРЕЙ

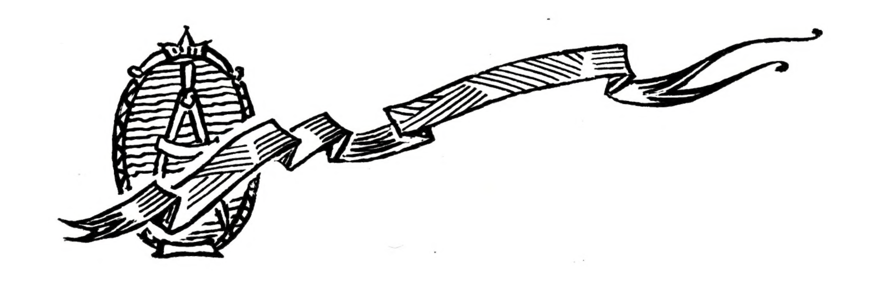


ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

9(С)14
Д13

ХУДОЖНИК Н. А. АБАКУМОВ

Д $\frac{10603\text{-}002}{013(02)\text{-}79}$ 30-78. 0504030000



Предуведомление

Что может быть красноречивее документов, живых следов минувших дней? Уже и заголовки их — заговорившая история. Вот хотя бы такой:

«Полномочная и удостоверительная грамота Государя Императора Петра I, данная вице-адмиралу Вилстеру, капитану Мясному и капитан-поручтику Кошелеву о принятии в его Государево покровительство Мадагаскарского короля, позволяя ему жить в России и обещая всевозможным образом защищать его».

Или еще:

«Грамота Государя Императора к Королю Мадагаскарскому о благосклонном принятии отправленного к нему адмирала Вилстера и о доверии к предложениям его».

Дата на этих грамотах — 1723 год. Хранятся они в одном из московских архивов — в Архиве внешней политики России. И в других бумагах петровского времени говорится о том же событии. Сказано в них, что когда-то, больше четверти тысячелетия назад, снаряжались корабли, чтобы от берегов Невы плыть вокруг Африки.

Читатель, верно, подумает: полноте, что тогда знать-то могли об Африке?

И правда, знали совсем немного. Даже позднее, в царствование Елизаветы Петровны, дочери Петра, порой описывали тот материк, как сказочное тридесятое царство.

«...Вся Африка наполнена слонами, львами, барсами, верблюдами, обезьянами, змиями, драконами, страусами, казуриями и многими лютыми и редкими зверьями, которые не токмо проезжим, но и жителям самим наскучили».

Со страниц старых книг смотрят на нас странные звери и диковинные люди. А за документами о дальних плаваниях чудятся похождения за семью морями, солдаты с кремневыми ружьями, офицеры со шпагами, одноглазые пираты, жестокие короли, придворные-заговорщики. И прекрасные женщины! Ждут не дождутся они своих возлюбленных из долгих странствий.

А уж таинственного, загадочного...

Ну, словом, все есть, что надо доброму сказочнику!

Если бы мы умели сочинять сказки! Как было бы славно! Ученых книг теперь пруд пруди, а вот сказок... Рассказывали как-то в газетах о девочке — жаловалась она, что не пишут больше книжек с простым началом «жили-были...»

Но, увы, мы тоже не умеем сочинять сказок. Да и книгу нашу печатают в издательстве, которое называется «Наука». Так что больше пристало нам рассказывать, как все было на самом деле.

Только кто теперь знает, каковы они, те далекие времена? Где там быль, где небыль? Как отделить одно от другого?

Эти петровские грамоты... Для нас они звучат слышанной в детстве сказкой. Но ведь все это действительно было. Когда-то Петр диктовал их или писал своею собственной рукой. Потом писаря перебеливали. Чтобы доставить эти бумаги, отправлялись боевые фрегаты. Едва не полтысячи матросов и офицеров ушли в строжайше засекреченное плавание. И сколько из них погибло...

А взять ту книгу, где сказано, что Африка наполнена драконами и другими «лютыми зверьями». Это не лубочное издание, а объемистый научный труд: «Краткое руководство к древней географии с изъяснением нынешнего состояния известных в древние времена земель», издано в Санкт-Петербурге в 1753 году императорской Российской Академией наук.

Вот и разберись тут, где же искать быль, где — небыль. И можно ли понять тогдашнюю быль без тогдашней небыли? Сколько труда и таланта, сколько жизней ушло на создание моделей мира, которые кажутся теперь столь наивными. Нам трудно бывает понять, как это могли наши предки верить в такую, кажется, очевидную несуразицу. Будут недоумевать и наши потомки, рассуждая о нас. Но поддайся они соблазну отделить быль от небыли в нашем сознании, смогут ли тогда что-нибудь понять? Можно ли разрубить надвое узел человеческих представлений, где так срослась с былью небыль?

От каждой эпохи какие-то представления остаются, доходят до потомков. Другие исчезают, отжив свой срок, проваливаются в небытие. А не узнав их, просто невозможно понять прошлое. Труднее всего отыскать то, что было самым известным, азбучным, прописным. Об этом меньше всего пишут: зачем, мол, опи-

сывать то, что всем и так ясно. Но уйдет это общепринятое — и попробуй, разыщи его следы.

О чем тогда говорили друг с другом люди? О чем молчали? Не у кого спросить, никто уже не ответит. Не донесет ветер их разговоров — самых простых, повседневных. И ветер теперь другой, и говорят и молчат ныне совсем иначе.

Как трудно понять хоть малую толику прошедшего! И только ли седую старину? Не вернешься даже в свое собственное былое. У каждого из нас прежние дни скрыты новыми впечатлениями. Проходят годы...

И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать...

Как же при свете электричества уловить аромат лучинного времени, когда и керосиновая лампа давно забыта? В потемках столетий так легко увидеть очертания современности. Дела давно минувших дней так просто объяснить на сегодняшний лад. И какой соблазн для историка поверить, что прошлое — в его руках, и кроить его по своему усмотрению, в угоду сиюминутному... Не потому ли призывал Фауст:

Не трогайте далекой старины,
Нам не сломить ее семи печатей...

Но извечно манит людей Минувшее. Искали и ищут в нем ответов, как когда-то алхимик — свой философский камень. Где же еще их искать? Ведь неразрывна связь времен.

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет.

О минувшем и эта книга. О первых замыслах российских плаваний в Южное полушарие, о тех россиянах, кто побывал в тех жарких землях в XVIII столетии.

По следам этих путешественников мы и шли. Читали старинные дневники — толстые тома с гравюрами и картами, рукописи — тщательно проверенные, подправленные уже дома или прерванные смертью в пути. Как памятники далеким плаваниям стоят они теперь в книжных шкафах. Осыпалась позолота на корешках, пожухла кожа переплетов. Но словно живые говорят путешественники о чужих землях, о морях-океанах, об иных мечтах, о совсем другой жизни.

Роясь в стогах архивного сена, мы отыскивали былинки тех трав, что удержали запах былого. Разбирали кудрявые писарские почерки, вглядывались в старинные манускрипты и выцветшие карты. Хотели понять, какой же казалась отсюда, из нашей северной стороны, дальняя, южная окраина Старого Света во времена Петра и Екатерины II. И что это были за люди — наши земляки, прадеды наших прадедов. Почему рвались они в ту пору в дальние моря и страны. Почему не терпелось им

повидать, как в тех краях живется, сравнить с житьем-бытьем у себя дома.

Зов дальних морей...

Доносится он и до нас с вами. Но теперь моря, даже самые дальние, давно изучены, и миллионы туристов лениво оглядывают их с палуб океанских лайнеров и из иллюминаторов реактивных самолетов.

В минувшие времена зов дальних морей был иным. Его мы и пытались различить сквозь время — тот глухой, тревожный призыв.

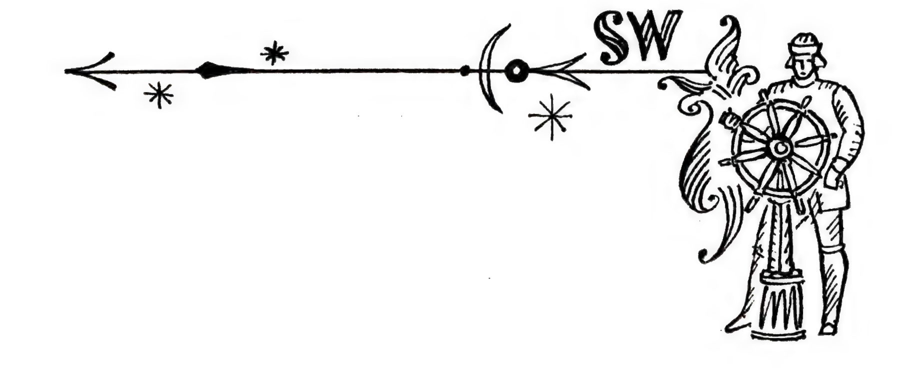
Несколько лет назад мы написали книгу «Облик далекой страны». Нам повезло — она получила отклики *. Много дали нам советов, высветили новые стороны темы, помогли найти новые исторические документы. От души благодарим всех, кто помог нам продолжить работу и написать теперь эту книгу.

* На книгу откликнулись журналы литературные и общественно-политические («Новый мир», «Литературное обозрение», «За рубежом», «Новое время», «Знание — сила»), исторические («Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Преподавание истории в школе»), востоковедные («Народы Азии и Африки», «Азия и Африка сегодня»), географические («Известия Географического общества». «Известия Академии наук СССР. Серия географическая»), да и зарубежные издания.

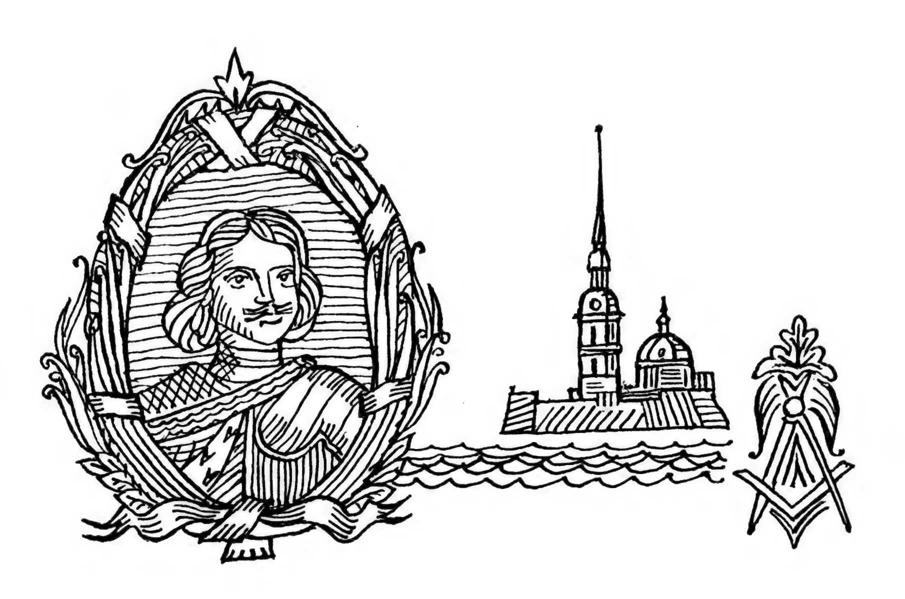


Гул волн
и ветров океана
ворвался в Россию
в крутую эпоху Петра,
и весь XVIII век
тревожно-призывно
несся над нею зов
неведомых
южных морей




SW

Высочайший указ: проложить путь в южные моря



Двадцать первого декабря 1723 года, в субботу, ранним утром зимнего непогожего дня, два фрегата выступили в дальнее плавание. Во исполнение государева указа они вышли из порта, что находился в 47 верстах к западу от Ревеля, в единственной тогда для российского флота бухте, редко замерзающей в зимнее время. Порт назывался Рогервик, но потом, меняя названия, стал Балтийским портом, а в наши дни — портом Палдиски. Впрочем, и сам Ревель именуется нынче Таллином.

Рогервик тогда занял в планах Петра особенно важное место.

«Летом 1723 года Петр, в сопровождении своих вельмож, ездил морским путем в Рогервик и положил там основание длинного мола, с закрытою дорогою на верху и с батареей. У государя тогда рождалось желание перенести туда и свой военный

порт, так как в Кроншлоте замечалась большая примесь пресной воды, способствовавшая скорой порче кораблей. В Рогервике море образует большую бухту, окруженную отвесными скалами и до того широкую, что в ней могло вместиться до 1000 больших судов. Она была очень глубока и не принимала в себя отнюдь пресных вод».

Так писал историк Николай Иванович Костомаров. И продолжал: «По возвращении из Рогервика в августе 1723 года, Петр обозревал в Кронштадте флот и любовался своим делом, совершенным им с любовью в течение всей своей жизни...» [1].

Пятого декабря Петр подписал инструкции флагману экспедиции вице-адмиралу Вильстеру.

«Ехать вам от Санктпетербурга до Рогорвика, и тамо сесть на фрегат „Амстердам-Галей“ и другой с собой взять „Декронделивде“, и с помощию божиею вступить в вояж до Ост-Индии, а именно до Бенгала...».

Намеченный Петром путь пролегал через невиданные россиянами страны — вокруг Африки, в Индийский океан. Суда должны были пройти вдоль восточного побережья Мадагаскара до еле видимого на карте острова Санта-Мария. Затем, во всяком случае при благоприятных обстоятельствах, плавание должно было продолжиться.

Надлежало пересечь Индийский океан, обогнуть Индию, причалить у берегов Бенгалии, и «когда с помощию божиею в показанное место в Ост-Индию прибудете, тогда явитесь там Великомочному Моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтоб с Россиею позволил производить коммерцию, и иметь с ним договор...».

Этот план был одним из самых смелых даже среди замыслов преобразователя Руси. Пройти полмира, когда и европейские морские пути еще не были вполне освоены только что родившимся российским флотом.

Тем, кто слышал и писал об этом петровском замысле, он представлялся дерзким до безрассудства. Вот ведь и к мелководью Финского залива с таким трудом прорвался — к местам, которые потом окрестили Маркизовой лужей, а уж плыть вокруг Африки собрался! Шторма океанского молодой флот не видел — и сразу к самым роковым пучинам, к мысу Бурь. Само слово «матроз» не успело обрусеть, войти в народный язык. «Матрозы» из тамбовских и вологодских крепостных, да и многие офицеры, еще не доучившиеся у «голанских и аглицких» шкиперов, даже и представить себе не могли великой безбрежности океанов.

И все же вот они, неопровержимые свидетельства этой дерзкой экспедиции. Документы, составляющие фонд «Сношения

[1] Н. Костомаров. Русская история... Т. II, с. 237—238.

России с Мадагаскаром, 1723 г.» в Архиве внешней политики России Министерства иностранных дел СССР.

Памятью последних месяцев жизни Петра осталась эта верительная грамота (3 декабря 1723 года).

«Божиеи милостью мы, Петр Первый, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем сим понеже нам ведомо учинилось, что высокопочтенный король славного острова Мадагаскарского в прошлых временах искал протекции у покойного короля Шведского... того ради мы за благо изобрели к нему, высокопочтенному королю Мадагаскарскому, нашего вице-адмирала Вилстера и капитана морского Мясного и капитан-порутчика Кошелева послать к оному наше намерение предложить, а именно, что ежели вышеупомянутый король Мадагаскарский склонность имеет у какой державы протекцию искать, то мы от сердца желаем, дабы мы то счастие имели оного в нашу протекцию принять и яко высокомудрая особа может он сам рассудить, где по нынешнему состоянию в Европе оную протекцию получить может лучше... Мы с охотой позволим жить, где во владениях наших пожелает, и обещаем накрепко... что мы от всех его неприятелей его, короля, и людей его, которые в наше государство прибудут, защищать будем, несмотря ни на что, что б от того произойти могло...».

Потаенное событие в год 1723-й

Для того времени это было секретом государственной важности. Но все тайное становится явным, и через сто с лишним лет, когда было издано первое «Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.», правоведы удивленно читали в седьмом томе письмо Петра к «королю Мадагаскарскому», отпечатанное и размноженное в типографии уже без всякой секретности.

В этом золоченом собрании — своде царских указов, повелений и государственных законов, сведенных в единое издание при Николае I,— и нас вначале поразила эта верительная грамота.

Некоторые ученые, не задумываясь о сложности положения страны после недавнего потрясения устоев государства и общества, говорят об этом замысле Петра с нескрываемой иронией. «Это была новая игра Петра Великого,— писал известный французский историк Юбер Дешан в книге „Пираты Мадагаскара“,— и он взялся за нее со свойственной ему энергией и поспешностью, солидно обоснованной полным непониманием полудикаря».

Многое в петровской Руси стало бы, вероятно, понятнее для нас, если бы удалось восстановить картину этой первой попытки дальнего плавания. Правда, этот путь был утаен и от самих участников экспедиции. Они могли догадываться о его необычайности по тому, как снаряжались фрегаты. Что же думали они о странах, в которых не побывал еще ни один соотечественник?

Конечно, они знали о своем пути куда меньше, чем нынешние космонавты перед запуском космического корабля. Трудно сказать, какие именно представления, мысли и чувства наполняли их души перед выходом в плавание, которое в случае успеха могло вывести страну в разряд океанских держав.

К сожалению, никто из участников экспедиции не оставил ни воспоминаний, ни дневников или записок. Во всяком случае, до сих пор таких материалов не найдено.

Виновато в этом не только время. В пору подготовки экспедиции вряд ли многие современники могли слышать о ней. Даже среди отобранных для плавания старших офицеров не все были посвящены в замысел Петра. Он старался избежать малейшей огласки. Никто из экипажа не должен был знать, что флагман имеет при себе личные послания Петра к «королю Мадагаскарскому» и к «Великомочному Моголу». И сам флагман не знал, что капитаны кораблей получили конверты, которые они имели право вскрыть только при выходе в Атлантический океан.

На государственную переписку, которая велась в связи с этой экспедицией, секретность наложила свой неизбежный отпечаток. О многом говорилось неясно в составленных тогда документах. Да и большинство их вообще не сохранилось. А те, что остались,— зачастую в копиях, к тому же неполных. Почти все они приводятся в нашем очерке.

Историки писали об этой петровской экспедиции мало — тоже, должно быть, из-за ограниченности документальных свидетельств. За два с половиной столетия, прошедших после экспедиции, появилось лишь несколько небольших статей на русском языке и упоминаний о ней во французских книгах по истории Мадагаскара.

Автор одной из этих статей уверенно писал: «Отправление кругосветной и вообще дальней экспедиции было давнишним намерением Петра Великого, и хотя еще не предвиделось скорого окончания войны со Швецией, но мысль об отправлении судов постоянно занимала государя» [2].

Изначальным толчком для петровского замысла послужили тайные переговоры шведского короля Карла XII с пиратской «республикой», существовавшей тогда в Индийском океане. Петр вообще внимательно следил за действиями своего старого противника, старался выведать его «крепкие секреты» и ис-

[2] И. Зейдель. Снаряжение первой дальней экспедиции..., с. 65.

пользовать их к выгоде своей империи. К таким секретам относится и план союза Швеции с пиратскими республиками южных морей.

С этих событий лучше всего и начать.

Флибустьеры ищут защиты у Карла XII

В конце XVII столетия наступил перелом в истории европейского пиратства. Существовавшая в Вест-Индии флибустьерская республика распалась, и с 1684 года пираты, теряя своих вожаков, отходили в южные моря. Многие их корабли, обогнув Южную Африку, ушли в Индийский океан. Новые республики были основаны близ великого пути шелка, пряностей и других сказочных богатств Востока — на северо-восточном побережье Мадагаскара и на расположенном возле этого берега островке Санта-Мария.

Но в Индийском океане пираты властвовали недолго. Морские державы Западной Европы в 1699 году решили уничтожить их. Это было для пиратов смертным приговором. Мадагаскарские «джентльмены удачи» уже опасались показываться на пути европейских кораблей в Индию. Поле их деятельности все больше ограничивалось выходами в Красное море и Персидский залив.

Тогда-то пираты задумали просить покровительства у кого-нибудь из европейских государей. Идея эта сама по себе была не новой. В прежние времена флибустьеры, корсары, каперы в тех или иных формах пользовались поддержкой государей. Но эпоха флибустьеров к XVIII веку прошла. Короли больше не нуждались в их помощи, не искали союза с ними. И пиратам Санта-Марии пришлось самим просить покровительства.

В 1713 году явился в Европу посланец мадагаскарских пиратов. Был это, вероятно, один из капитанов. Для представительства, конечно, выбран был человек, умеющий вести переговоры.

Положение на Санта-Марии еще не стало кризисным, хотя и клонилось к тому. Флотилия пиратов Мадагаскара насчитывала около десятка судов и более тысячи человек экипажа.

Через шведского посла в Ганновере гонец испрашивал у Карла XII защиты, протекции. «Среди нас,— говорил он,— очень мало шведов, и мы никогда не нападали на шведские суда» [3]. Это была правда. Корабли Швеции и не очень-то бывали в южных морях.

[3] В. К. Трутовский. Флибустьеры XVIII века, с. 7.

Но переговоры скоро прервались. Стокгольмский сенат принял петицию на августейшее имя. А решение отложили до возвращения самого Карла XII, который из-за страсти к дальним походам не часто баловал своим появлением родной Стокгольм.

Обнадеженные гонцы вернулись на Санта-Марию. Но пираты не могли выжидать бездействуя. Их ремесло кормило их. Снова начались вылазки на великий европейский путь в Индию, а это заставило морские державы послать в Индийский океан новые военные суда. Положение пиратов становилось отчаянным.

В 1718 году сам «адмирал» пиратов отправился в Швецию. Его имя, как и имя одного из главарей флибустьеров Вест-Индии, было Морган. Знаменитый вест-индский Генри Джон Морган был героем своего времени. Король Англии пожаловал ему дворянскую грамоту и вице-губернаторство на острове Ямайка. Такие, как он, послужили прообразами героя книги Рафаэля Сабатини «Приключения капитана Блада».

Впоследствии многие считали, что на Мадагаскаре и был тот самый Морган. Это неверно. «Генерал пиратов Ямайки» Генри Морган умер и был похоронен с почестями в церкви Порт-Рояля в 1688 году, за девять лет до того, как этот город в результате пронесшегося над Ямайкой урагана, наводнения и опускания почвы оказался на дне морском. Последним «подвигом» флибустьера было разграбление в 1671 году Панамы — перевалочной базы для серебра и золота Испанской Америки.

Мадагаскарского Моргана звали Каспар Вильгельм. Он предлагал Карлу XII устроить фактории на Мадагаскаре и на Санта-Марии и готов был отдать королю награбленные богатства. Только бы соблаговолил Карл пожаловать охранную грамоту и принять в шведское подданство раскаявшихся пиратов.

Вот что сказано в книге Вольтера «История Карла XII, короля шведов»:

«Давно уже пираты разных наций... разбойничали на морях Европы и Америки, всюду беспощадно преследуемые, они удалились на берега острова Мадагаскар. Это были отчаянные люди, известные подвигами, которым не хватало только честности для того, чтобы считаться героическими. Они искали государя, который принял бы их под свое покровительство. Как только стало известно, что Карл XII вернулся в Швецию, они возымели надежду, что этот государь, терпя недостаток во флоте и в солдатах, окажет им благосклонный прием» [4].

Вольтер восхищался прежними деяниями флибустьеров. Он даже написал статью «Флибустьеры». Там говорится: «Предыдущее поколение только что рассказало нам о чудесах, которые проделывали эти флибустьеры, и мы говорим о них постоянно,

[4] Вольтер. История Карла XII, короля шведов. Т. 2, с. 154—155.

они нас трогают... Если бы они могли иметь политику, равную их неукротимой отваге, они бы основали великую империю в Америке... Ни римляне и ни один другой разбойничий народ не совершали столь удивительных завоеваний» [5].

Карл по ходатайству своего министра барона Герца согласился опекать «джентльменов удачи», хотя и понимал, должно быть, что рискует вызвать естественный протест, возмущение других морских государств, которые вылавливали пиратов и вздергивали их главарей на реях — «сушиться на солнышке».

24 июня 1718 года Карл подписал охранное письмо, где Морган объявлен наместником шведской короны на Мадагаскаре и Санта-Марии. Туда была снаряжена экспедиция. Полномочным представителем Швеции король назначил подполковника Карла Врангеля. У него два помощника: один — для организации торговой фактории, другой — для изучения недр островов и организации горного дела. Была и финансовая договоренность. Король принимал «накопленные богатства» как правительственный заем и даже обещал пиратам выплачивать проценты.

Карл хотел продолжать войны, но неудачи в России и Польше подрывали экономику Швеции. Не было кораблей, не было денег. Герц торопил короля, убеждал его заодно с Морганом, который уверял, что у него есть десятки кораблей. Из них тридцать Морган обещал отправить навстречу королевской экспедиции. Король согласился на предложения пиратских посланцев.

В том же, 1718 году Карл погиб, а Герца повесили; казалось бы, шведам на какое-то время стало не до Мадагаскара и не до пиратов.

А пираты, оказывается, стучались и в другие двери в поисках милосердия. Приводим часть письма из пятитомного «Собрания старинных дел, касающихся Мадагаскара», изданного французским Комитетом по делам Мадагаскара.

Сообщение, представленное королю Дании 6 июня 1716 года:

«Нижеподписавшийся всепокорнейше заверяет Ваше Величество, что он собрал достоверные сведения. На Мадагаскаре находится немало пиратов, которые плавают под различными флагами и за долгие годы захватили много добычи у мавров как у входа в Красное море и в Персидский залив, так и в Индийском океане. Покойный король Англии Вильгельм III, понимая благие результаты этого, объявил всем пиратам прощение. Но капитан Кид и его товарищи были казнены по настоянию жены одного ими убитого офицера. Это нарушение публично данного обещания и другие ошибочные действия англичан по отношению к названным пиратам привели пиратов в отчаяние и вы-

[5] Collection complète des oeuvres de Voltaire. T. 23 [внутри тома — т. 3], с. 248—249.

звали у них недоверие к английской нации... Имею высокую честь еще раз представить Вашему Величеству, что, кроме самого милосердия, есть еще два основания, чтобы Ваше Величество соблаговолило оказать им Вашу высокую протекцию. Первое — это возможность воспользоваться личной службой названных пиратов Вашему Величеству... особенно их морским опытом и их отважностью, так широко известной, что нет необходимости об этом говорить; второе — это значительная сумма денег, которую они не замедлят Вам предложить, как только узнают, что Ваше Величество благосклонно дать им свою милостивую протекцию... Нижеподписавшийся молит только дать ему возможность приложить все свое усердие, чтобы иметь счастье быть полезным Вашему Величеству на службе». Подпись: «Жан Анри Хугетан д'Одибе» [6].

Правительство Дании, вероятно, не погнушалось бы ни личной службой пиратов, ни их портами. Все знали, что и от людей, прибывающих из колоний, большой благопристойности ждать не приходится.

Но у Дании уже были колонии. И она в это время еще продолжала войну со Швецией. Король датский думал об освоении Скании, южной провинции Швеции, захваченной в 1710 году и с трудом удерживаемой.

Мадагаскарцы делали предложение и Голландии. Но ее купцы хорошо знали порты на пути к Восточной Индии и не верили историям о могуществе и богатствах пиратов.

Франция тоже отклонила услуги мадагаскарских пиратов, которые через некоего Ламервеля, побывавшего на Санта-Марии, предлагали французам свои суда для торговли с Индией.

Историк Юбер Дешан приводит историю одного маркиза, который, спекулируя на широкой популярности россказней о могуществе и богатстве пиратов, призывал турок объявить войну римскому папе и обещал от имени мадагаскарцев послу Осману-аге 20 тысяч смельчаков и 60 военных судов с Мадагаскара.

В 1718 году к пиратам на Мадагаскар прибыли новые шайки. После окончания войн за испанское наследство остатки флибустьеров, еще помогавшие Франции в захвате испанских владений в Америке, рассеялись по островам Карибского моря. В 1718 году крупные шайки Тейлора, Лябюза, Плантейна и других вожаков с острова Провидения явились на Мадагаскар в полном вооружении. Вновь прибывшие вовсе не хотели покровительства короля. Увлеченные легкой добычей на Красном море, налетами на арабские торговые судна, они воодушевляли и своих собратьев, мадагаскарских старожилов, не чуя скорой беды.

[6] Collection des ouvrages anciens concernant Madagascar. T. 3, c. 626—629.

Такова была обстановка на Санта-Марии, когда пираты искали протекции Карла XII.

В истории пиратства на Мадагаскаре чередовались подобные периоды упадка и подъема. В тяжелые годы пираты каялись, в удачливые — все забывали. Последний подъем начался в 1718 году и закончился к 1723-му. Но уже в 1720 году отдельные шайки переходили на мирную жизнь на острове Бурбон (сейчас Реюньон), где их хорошо принимали.

А тем временем преемники Карла XII Ульрика Элеонора и Фридрих Гессенский с опозданием подтвердили решение Карла и подготовили вторую экспедицию на Мадагаскар. Пиратам давалось право жить в Швеции, а оставшимся на Мадагаскаре — быть под протекцией шведской короны. Новые подданные должны были передать начальнику экспедиции свой порт на Мадагаскаре у острова Санта-Мария и сам остров с хорошо оборудованной для торговли гаванью, с достаточным количеством судов и моряков.

Здесь надо напомнить, что в ту эпоху искусные мореплаватели, как и военачальники, нередко переходили на службу в другие страны, иногда даже «перебегали», как мы сказали бы теперь, на службу к противникам своего государя. Влияние средневекового ландскнехтства на рубеже XVIII века еще не исчезло. Поэтому вербовка пиратов на государственную службу, переманивание опытных капитанов не вызывали особого негодования.

Вторая экспедиция отправилась в путь в 1722 году. Начальник ее, генерал-адъютант командор Карл Густав Ульрих, вел фрегат, сопровождаемый четырьмя тоже военными судами. Но все они были замаскированы под купеческие. Ульриху велено было не поднимать военного флага, избегать заходов в порты.

В Кадиксе корабли Ульриха несколько месяцев стояли на якорях в труднейших условиях засекреченного плавания. Ждали Каспара Моргана, который несколькими годами раньше обязался встретить их, чтобы привести в тайный порт пиратов. Но теперь Морган не прибыл — обстановка на Санта-Марии изменилась из-за прихода «пополнения». Так оборвалась вторая экспедиция. «Трудоспособным» головорезам вовсе не улыбалась перспектива вечно зимовать в Швеции.

Ни с чем вернулся командор Ульрих в Швецию, где за невыполнение королевского наказа был предан суду. Ему приписывали даже измену короне. С трудом доказал Ульрих свою невиновность. Но хотя причиной неудачи была оттяжка экспедиции правительством, все-таки служба в Швеции уже была закончена для королевского генерал-адъютанта.

В парижском «Собрании старинных дел», изданных Мадагаскарской комиссией, неуспех экспедиции объясняется иначе: в пути возникли распри между офицерами, эскадра не двинулась

дальше Кадикса и вернулась в Швецию, не выполнив своей миссии. При таком объяснении понятны и арест Ульриха, и отдача его под суд как флагмана, допустившего бунт в королевском флоте.

Петр выведал шведский секрет

Соперник и победитель Карла XII, жаркий аспирант морских наук Европы, Петр в эти годы стремился нагнать европейцев, создать флот и выпустить корабли на божий свет. И не в последний черед — к южным морям, откуда идут «пряные зелья, корица, и гвоздика, и инберь, и мушкат, и благовонные ароматы, и сахар».

Время не ждало. «Ни одна великая нация не существовала и не могла существовать в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого» (К. Маркс). Хозяйство страны нуждалось в непосредственных сношениях с богатым Востоком. Петр часто говорил: «Торговля — верховная обладательница судьбы человеческой».

Вести о действиях мадагаскарских гонцов, посланных в Швецию, подтолкнули давние намерения Петра. Пираты в своем островном убежище продолжали еще оказывать незримое влияние на равновесие морских сил европейских стран.

На этот раз, сами того не ведая, они вызвали на соревнование за первенство две северные державы. А сами беспечные пираты между тем возобновляли свои волчьи вылазки на морских дорогах. Они уж не ждали ничьей помощи, никак не полагая, что может быть в этом мире государство, готовое по собственному почину оттащить их от виселицы.

Не только Карл XII и Петр I пребывали еще под обаянием векового владычества флибустьеров в океанах. На весь мир прославлены были подвиги вождей пиратов в морских боях с флотилиями испанцев. Да и не на морях только пираты умели воевать. Они захватывали укрепленные города не только на побережьях. Подобные могущественные флотилии пиратов и чудились на Мадагаскаре Карлу и Петру. Легендарные подвиги флибустьеров, слава о них пережили самих флибустьеров. Совсем недавнее прошлое принимали за ныне существующее, потому что пиратство потеряло свое могущество необычайно быстро.

Замысел шведов раскрыл Петру бывший на службе шведской короны шаутбенахт (адмирал) Даниель Вильстер. Бывалый моряк, Даниель Вильстер служил и датчанам в их войне со шведами, и шведам против датчан. В 1714 году он явился в Петербург с рекомендательной грамотой Фридриха IV, «божией милостью короля Дацкого и Норвежского... понеже он у нас о своем отпус-

ке всеподданнейше просил и мы на то всемилостивейше позволили; того ради мы сие свидетельство его абшита и добрых поступок ему дать соизволили».

Вильстер не остался тогда в России, и цель его прибытия неизвестна. Через семь лет Вильстер снова прибыл в Петербург из Швеции.

«По заключении Нейштадтского мира в наш флот поступил Вильстер, шведский вице-адмирал, получивший этот чин за храбрость, выказанную им в сражении с датским флотом, но чем-то недовольный и озлобленный против своего правительства. Вильстер решился перейти на русскую службу, и первым его действием было представление Петру Великому проекта о посылке экспедиции на остров Мадагаскар» [7].

Петр «вице-адмирала Данила Вилстера в вице-адмиралы пожаловал и учредил июня 25 числа, 721 году». Так объявлено в патенте «за подписанием его императорского величества руки» [8].

Даниель Вильстер доложил Петру то, что знал о шведской экспедиции. Как мог отнестись Петр к этой затее своего противника, обещавшей шведам опору на пути к Востоку? В какой мере знал Петр тот путь, по которому должны будут пойти первые фрегаты россиян? Какими представлялись Петру мадагаскарские пираты, устройство их общины на далеком островке Индийского океана?

Петр достаточно знал пиратские повадки. Он предусматривал даже государству «профит» от столкновения его судов с пиратскими. В инструкции капитану Кошелеву, 1723 год, в связи с экспедицией в Испанию (несостоявшейся), в первом пункте разъяснялся маршрут, во втором и третьем — как салютовать из пушек встречным иноземным военным судам. А в четвертом пункте:

«Буде же ты усмотришь на море 1, 2 или 3 корабля в баталии действуют, тогда тебе прямо на них идти, и ежели рассмотришь, что они каперы нации барбарийской или моры (мавры. — *Авт.*) в действе противу какого христианского корабля, тогда такому кораблю от оных каперов вспомогать и освобождать.

Ежели за помощию божиею такие барбарийские каперы признаешь, что одолеть их можно, тогда все, что есть на них, тож людей и каперы взять в приз с собой... считать за добрый наш приз» [9]. К этому пункту помета: «Полагается на соизволение е. и. в. такие корабли барбарские и моры тамо продавать ли и с людьми, которые на них возьмутся (в бытность оного капитана в гавани); ординарная цена тамо барбару и мору одному человеку 75, 80, 90 и 100 ефимков, а больше не бывает». (Ефимок —

[7] И. Зейдель. Снаряжение первой дальней экспедиции..., с. 68—69.
[8] ЦГАДА. Ф. 248, кн. 231, л. 239.
[9] Материалы для истории русского флота. Ч. II, с. 686—687.

русское название талера, бывшее в употреблении до половины XVIII столетия.)

О чем думал государь, слушая объяснения Вильстера? В мглистой дороге от прошлого к нам затерялись они, эти ясные приближенным Петра особенности его характера, интонации его речи, его заветные мысли.

Должно быть, он, больной и стареющий, раздраженный своим недомоганием и некомпетентностью Вильстера в русских делах, все решал один. Он приказал Вильстеру немедленно «сделать подробный экстракт» из всех писем и документов и «изложить свое мнение».

Вместе с Вильстером в том же июне 1721 года был принят на русскую службу шведский капитан Норкрюс, или, как писали тогда в России, Наркрос. Через полгода Наркрос вышел в отставку, и через год, в декабре 1722 года, посланник в Англии князь Долгоруков доносил о нем Петру. В позднейшем пересказе это сообщение выглядит так: «...рассказывали, что Наркрос прибыл со специальной миссией от русского правительства найти флибустьеров, которые „искали протекции блаженной памяти короля шведского", что ему поручено обещать им протекцию и покровительство русского императора, что, в случае их согласия, местом жительства им назначается Архангельск или соседние с ним местности и города. Далее говорили, что шведское правительство, испуганное, будто бы, возможностью успеха России и удачного исхода миссии Наркроса, зовет последнего снова к себе на службу и надеется склонить, при его помощи, флибустьеров снова на свою сторону» [10].

«Экстракт» был нужен Петру, вероятно, для обобщения всех сведений об экспедициях шведов. А сообщения о намерениях Швеции Петр получал еще во время подготовки их экспедиции. Наркрос, возможно, и разыскивал вожаков пиратов для ознакомления с положением на Мадагаскаре, судя по реляции Долгорукова. Разведка, осведомители Петра действовали во враждебной стране. Много внимания и средств отдавал царь предугадыванию намерений соперника.

Самым удобным местом для этого была морская и колониальная столица мира — Лондон. Но слухи о действиях Наркроса выдали замысел Петра.

К 1723 году русский флот уже владычествовал на Балтийском море. И Петр все упорнее думал о морских сношениях с Индией. Экспедиция князя Бековича-Черкасского в Среднюю Азию в 1716—1717 годах для разведки пути в Индию окончилась трагически. Его большой отряд погиб, а с Бековича-Черкасского сняли кожу с живого — по приказу хивинского хана, который очень боялся русского проникновения.

[10] В. К. Трутовский. Флибустьеры XVIII века, с. 13—14.

Успешная для Петра война с Персией тоже не открыла пути к Индии. Сухопутная дорога от Баку в Индию трудна. Может быть, легче пересечь два океана. «Принятие острова Мадагаскара под покровительство России, да еще на таких выгодных условиях, нет сомнения, дало бы, хотя бы даже только временно, сильный толчок осуществлению этих надежд Петра» [11]. Корабли есть, есть и моряки, да нет навыков плавания в теплых морях. Еще ни один российский корабль не пересекал экватора. Можно бы, конечно, воспользоваться опытом архангельских поморов, но их суда не выходили в теплые моря, на мировые пути.

В сущности, речь шла о зачине российских кругосветных плаваний, о вступлении флота в океанскую эпоху. И это за восемьдесят лет до экспедиции Крузенштерна!

Не так ли рождался замысел?

...Уставал Петр. Все не устроено, не доведено до конца. Новые государственные порядки, как они еще неустойчивы, особенно в глубине страны. Не накрепко оборонен и город на краю России, у враждебной шведской границы. Но первые-то победы на море увенчаны: уже два года миру на Балтийском море. Теперь черед за океаном.

Все надо самому ведать и вести. Велика Россия. А вот судьба ее тут определяется. Все свелось к этому побережью моря. Отсюда одна стезя ниточкой пойдет в полдневные моря, к Великому Моголу.

Тоскливо государю-плотнику в малообжитых, неуютных еще хоромах. Торжественно-пусты они. На кашель гулко откликаются стены палаты. И пахнет крашениной...

Зимний дворец императора с 1721 года был примерно на месте, где потом возведен Эрмитажный театр,— против Петропавловской крепости. А около нее таможня, амбары, бараки-мазанки. Крепость загораживала большую Троицкую площадь, где Петр устраивал военные смотры, празднества, машкерады, народные гулянья. Дальше по набережной и первый деревянный домик царя, и первый дом Меншикова. Дом Шафирова, где в 1724—1727 годах будет Академия наук, дом Гагарина, казненного в 1721 году [12].

...Но Петр смотрел влево, в сторону устья Невы. Видимо, и на море тишь! В подзорную трубу видно, как на 6-й линии строят

[11] Там же, с. 11.
[12] См.: [Богданов Г., Рубан В.]. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга...

особняк Лутковского. Некрасно ставит дом полковник. Указу не послушен! Жалобится: «Качество земли сего места есть от части болотистое и сыроватое, от части каменистое». А гостей с моря надобно встречать парадом, затейливостью строек. До двухсот флагов проходит в год к стрелке Васильевского острова. С Сашки Меншикова бы пример брали...

Дворец первого помощника государя до позднейшей перестройки (каким знаем его мы) богаче принаряжен. Во дворце учиняли и большие, многолюдные, шумные ассамблеи с участием знатных иностранцев, и приемы послов в отведенных для того посольских палатах. Особняк Меншикова был обширнее дворца Петра. К нему возведен и первый мост на барках от Исаакиевской площади.

На месте Академии художеств — пустырь. Пустырь и на пространстве Румянцевского сада. В глубине пустыря — дом архитектора Доменико Трезини. В центрах заселения Санкт-Петербурга уже есть улицы, пригожие дома в ряд стоят. «Первая часть града Санктпетербургской остров, 2 часть Адмиралтейской остров, 3 часть Московская сторона, 4 часть Выборгская сторона, 5 часть Васильевского острова» [13].

Правый берег Невы, ныне Университетская набережная, полузаболочен, покрыт хвойными деревьями и кустарником. Здание Двенадцати коллегий еще не достроено. Вдоль него — канал. На канале — лодки офицеров, подьячих. По указу Петра лодок множество построено на Партикулярной верфи и на Ладоге. Лодки — это и собственные речные экипажи, и извозчичьи лодки для всех.

Возведены обширные здания государственных служб, и уже есть Морская академия, Инженерная, Артиллерийская и Медицинская школы. «Мы из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены» [14],— говорили сподвижники Петра.

На Городском острову да и на Московской стороне уже целые улицы. Фонари через каждые 18 сажен. Каменные палаты о двух и трех этажах. Службы при барских домах на задах во дворе, и все мазанковые или дощатые. Не из бревен, чтоб легче разметать службы при пожаре. Все «строение полковых квартир по представленным рисункам, от генерал-майора Чернышева». Невский проспект сплошь вымощен. Ровненькие деревья у некоторых домов, как солдаты.

А посмотришь с Невского на Морские слободки — одни мазанки до самой Галерной верфи.

Не было еще скачущего Медного всадника, такого издавна вжившегося в петербургский ландшафт, в панораму города. Жи-

[13] Там же, с. 479.
[14] П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга, с. 190.

вой Петр здесь окриками и палкой подбодрял строителей на берегах необжитой Невы. Петр еще не был Великим.

Нет еще и Музея антропологии и этнографии, куда потом собирались редкости со всех краев земли. Нет еще оружия и утвари, привезенных с Юга Африки российскими добровольцами англо-бурской войны, а из Эфиопии — многими путешественниками... Но Кунсткамера, зачаток будущего музея, уже есть. Сохранилось описание этой Кунсткамеры. Сделал его поляк, приехавший к Петру в составе посольства короля Августа II. Свои записки он назвал «Краткое описание города Петербурга и совершавшегося в нем в 1720 году». К сожалению, в журнале «Русская старина», где через 159 лет появился перевод этих записок, имя автора не названо. А писал он так:

«За городом, по направлению к монастырю, стоит над Невою дворец, в котором его величество царь показывал нам Кунсткамеру (Anatomija), которую купил где-то за Голландией, у какого-то славного заморского доктора. Доктор собирал эти редкости в продолжение 50-ти лет, а когда у него царь купил это собрание за 12 000 червонцев, то ему было 72 года... Дворец этот, из которого далеко видно, расположен на красивой равнине. Через сени с балконом входишь в комнату, в которой множество склянок, расставленных по шкафам. В этих склянках сохраняются головки маленьких детей, от одного до двух лет, и так хорошо сохранены в спирте, что кажутся живыми... В следующей комнате склянка с образцами развития человеческого плода. Есть здесь различные чудовища (monstra), как человеческие, так и животные, и другие редкости; также чучела разных животных — слонов, ящериц, рыб, и высушенные рыбы с удивительными ртами...

В трех других комнатах устроена весьма красивая библиотека; в ней находятся старые книги, имеющие полторы тысячи лет, как высчитали отцы-иезуиты; более всего греческих. Есть также много книг, напечатанных на славянском языке; другие сочинения относятся к военным искусствам... Кроме того здесь находится немецкая Библия и много книг латинских, немецких, французских и русских...»

В примечании поляк добавляет: «Также много хранится в склянках образцов животных. Немало птиц разного рода и цвета: страусы, красные аисты, ястребы, индейские вороны, попугаи трех родов... Были там странные мыши с собачьими головами и бабочки удивительной породы. Показывали нам янтарь и рассказали, как он родится...»

В той Кунсткамере уже можно было получить представление и о жизни людей в далеких краях.

«Было там изображение (effigies) дикого человека, которого нашли неживым, с двумя лодками. На одной лодке были рыбы, копье, колчан со стрелами из морского тростника; тростники были суковаты, а копье широкое, железное; где это ему сделали?

Лука не было — вероятно, выпал или ветер вырвал. На другой лодке сидел сам дикарь, и умер сидя. Платье его из странной пестро-желтой шкуры, с рогами из еще более странной кожи. Сам он был малого роста. Невозможно описать все виденное, так как пиша о многом забыл, особенно о морских предметах, рыбных чешуях, раках и т. п. ...Кунсткамеру намерены перевести в дом, который строят на острове за большим за́мком; в нынешнем помещении уже тесно, так как постоянно что-нибудь прибывает».

Кунсткамера в 1720 году помещалась в сохранившемся до нас Летнем дворце.

Город тогда был расположен на Петроградской (ныне) стороне, у Невы, и на Васильевском острове в передней его части к Неве, и на Адмиралтейском острове, как называлась тогда часть города между Невой и Мойкой, а потом Фонтанкой. Поэтому поляк писал «за городом, по направлению к монастырю, на Неве». Кроме того, он, вероятно, неточно ориентировался.

...На Неве множество судов мог видеть Петр. С петербургских островов — грузовые. Военные из Котлина (Кронштадта) да из Ревеля приходят. Два иноземных: одно разгружается, а тяжелое голландское быстрину реки с трудом одолевает. Галеры одна за другой идут.

Нева — с зеленой каймой покатых берегов. Несхожа она с нынешней. Чайки и те кричали иначе, звончей, веселее — не было оглушающего автомобильного гула города. Паруса хлопали на легком ветру. Плеск воды на веслах, да команды в рупор.

И запах просмоленных бортов. Скипидар сосновый от разогретых на солнце мачт и палуб. И нарядная резьба на капитанских мостиках. Цветистые, иной раз и жуткие символические фигуры на носах судов. Чудовища охраняют добро корабельное.

У стрелки Васильевского острова корабль о трех мачтах разгружают. Народ тут толчется — ни тычков, ни пинков смотрителей не чует. Ящики, бочонки, корзины, посудины какие-то, колоды решетчатые, мешки — груды товаров волокут из трюма иноземного судна. И пряности, и пьяности, и замысловатости барские, и бог весть что.

Простолюдину ни в ларях, ни на лотках такого не увидеть. Ждут. Даст бог, где лопнет, разорвется. Сбирать кликнут. И одарят. Может, чужие подобрей наших?

Морем, дальними краями, духом нерусской съедобины веет из трюма. Ловкая в работе одежа, веселый говор вольных людей. Черт-те что бормочут! Но молодецкие ухватки этих моряков вызывают восхищение, зависть. Бывальцы на морях!..

Что нам та галерная, гравюрная Нева! Старина, она невоспроизводима (хоть и знаем, какой была), неправдоподобна (хоть и знаем, что было так). Как для старика — далекие, первые детские впечатления. Они невоспроизводимы. Их не воссоздать, не повторить мысленно. Позднейшие, сфотографированные в на-

шем мозгу и натвердо закрепленные многими повторами впечатления взрослого человека никак не дают возможности вспомнить, каким виделся мир впервые, в далеком детстве.

Для Петра Нева — единственный путь к морям-океанам. Без оглядки на реальные возможности тянул он к океану россиян — указами, наставлениями, угрозами, мытьем и катаньем.

Еще до первого своего ботика подросток Петр задумывался у глобуса отца, Алексея Михайловича Тишайшего, о далеких от Москвы теплых морях.

И вот кончились войны на море со шведами. Есть уже свой флот. На российской службе есть опытные иностранные капитаны. Есть и свои моряки. Путь в океан открыт.

Два с половиной века миновали. Насколько справедливы державинские слова?

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Время не унесло заслуг Петровской эпохи. Не утопило в «пропасти забвенья» дела Петра. У нас теперь иные направления поисков, в других сферах: под водой океанов и в далеких высотах неба.

Ныне земля вдруг уменьшилась, увиденная в люки космических кораблей. Петру виделась она громадной. Небо было выше. Линия горизонта, измеряемая конским бегом по ухабистым дорогам,— дальше. Не только леса, травы до плеч мешали передвижению. А море! Нужно было молить бога и ждать погоды на берегу.

Новые времена — новые трудности, неведомые до того: бури во Вселенной становятся помехами дальнейших движений, полетов в пространстве. Но все-таки в околоземном космосе, в переходной зоне человек обвыкается. Ворота во Вселенную полуоткрыты. Будущие маршруты проверяются ракетами, посланными на Венеру и Марс без людей.

Петру нужен был океан. Он ловил чужестранные известия. Агенты Петра перехватывали британские донесения об устойчивых морских ветрах у мыса Доброй Надежды, в Индийском океане. Узнавал, каковы морские течения там. В наши дни человечество перешло от морских просторов к воздушным. И понадобились специалисты по Солнцу. Не по нашему «земному» солнцу, видимому сквозь воздушную подушку. То, иное солнце, не ровно-желтый диск, а живой, дышащий шар с языками громадных протуберанцев.

У Петра был знаток океана — не нынешнего, вдоль и поперек разведанного, где на палубах лайнеров пассажиры играют в теннис. Вильстер — специалист, талантливый умелец водить кораб-

ли по грозному океану XVIII столетия, опасному для парусников и в ураганных ветрах, и в безветрии. Грозному и побережьями, где ждут рифы, неизвестные подводные течения, где встречают стрелами не всегда гостеприимные обитатели.

Океан усмирен. На очереди грозный космос. Что же роднит, сближает приступ к освоению океанов и почин обживания космоса? Устремленность к скорому и неотклонимому будущему. Чудесная способность человека предугадывать настоятельные требования ближайших лет всегда усиливала его стремление совершенствоваться в преодолении громадных расстояний. Ведь еще косматый предок человека, плывя на бревне по реке, уже думал об устройстве плота. А придумав плот, догадался сделать весельную лодку.

Замысел обретает очертания

Еще 4 февраля 1723 года Петр вызвал Даниеля Вильстера к себе в Петербург из Ревеля.

Десятого июня 1723 года Вильстер представил генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину «экстракт», который он изготовил по велению Петра. Вильстер основательно готовил этот отчет третьему своему государю. Вложил в него все свои знания о пиратах и о переговорах шведов с ними — все, что знал как шведский адмирал. Уверял Петра в возможности плавания к Мадагаскару, отмечал обстоятельства, ставшие помехами шведской экспедиции.

Вильстер писал, что у пиратов начальник — вождь, и избирается он по желанию товарищей, и нет там единоличного управления. Этого, вероятно, Петр не принял во внимание. Он именовал предводителя «королем Мадагаскарским».

И. И. Голиков, автор многотомного издания «Деяний Петра Великого», полагал, что «великий наш государь начальника сих удальцов хотел польстить таковым титлом».

«Экстракт из писем» многостраничен, подробен, тщательно продуман. В нем рассказывается об организации шведской экспедиции, о составе эскадры.

Вот его начало:

«Экстракт из полученных мною писем. Августа 11 дня 1720 года получил губернатор Морган конфирмацию от нынешнего короля Свейского о протекции и прощении в винах тем, которые на помянутых островах Санкт-Марии и Мадагаскаре содержатся, которым король Каролус XII пожаловал, а после того от королевы Ульрики с рассуждения государственных статов в сейме 1719 года подтверждено... кто пожелает со всем

имением своим во Швецию ехать, чтобы тамо поселитися и промышлять, а которые в Швецию не поедут, оным быть и слыть шведским населением на выше писанных островах, и всем вкупе со всей подданной верностию в превечные веки короны Свейской соединенными пребывать...» [15].

После «экстракта» — «обсервация» на нескольких страницах. Она начинается с уверения, что Вильстер осведомлен был и прежде о готовящейся экспедиции. «Помянутые Зебах, Мандель, Остог и Люнг-Фельт, которые командору Ульриху для совета с ним были посланы, оных отчасти я сам знавал, а от других слыхивал, что оные люди доброго ума и острого разума» [16].

Все же «сия всеподданнейшая моя обсервация и мнение не в указ буди»,— осторожно оговаривается Вильстер. Незадолго до представления «экстракта» с «обсервацией» у Вильстера были какие-то служебные неприятности; может быть, было даже недоверие к нему со стороны Петра. За шесть дней до сдачи Вильстером «экстракта», 1723 года «июня 4 е. в. изустно указал вице-адмиралу Вильстеру быть в службе, е. в. по-прежнему, точию (только.— *Авт.)* перед прочими вице-адмиралами, которые ныне обретаются в службе е. в., старшинства ему, Вильстеру, не претендовать, и привести его по морскому уставу к присяге» [17]. Вот кусочек «обсервации»:

«...Хотя жители на островах Санкт-Марии и Мадагаскаре чрез депутатов своих Швецию многократно просили о протекции, и шведам в прошении их сомневатись не для чего было... однако ж по всему можно видеть из последней инструкции, что шведы опасались их и не уверялись статися такому великому делу, однако ж все дела зависят от всевышнего бога вседержителя, который может и его императорского величества намерение по желанию всяким благополучием наградить. А понеже из сего изъяснения о командоре Ульрихе признается, что оный был в той експедиции только екзекутором, а главное дело и пункты даны были Моргану, и ежели б можно Моргана самого сыскать, то б весьма (для уведомления о том деле) изрядно было, что повелено ль будет докупиться копии с приложения его, Моргана, и данной на то ему резолюции, которое можно достать от штатского секретаря иностранных дел Фан-Гепкина» [18].

Дальше Вильстер подсказывал, что Морган может быть «коварен». Жители Санта-Марии, согласясь «продаться Швеции», потом, после смерти Карла XII, могли переменить свои намерения.

[15] Ф. Туманский. Собрание разных записок... Ч. 9, с. 229.
[16] Там же, с. 235.
[17] Материалы для истории русского флота. Ч. III, с. 228.
[18] Ф. Туманский. Собрание разных записок..., с. 238.

Какие припасы нужны в дальнее плавание? Царь дал три тысячи червонных золотых.

Офицеры, намеченные Вильстером в плавание, были иностранцы — опытные мореплаватели. Но Петр написал на полях: «Офицеров перемешать с русскими, как говорено».

По тексту «экстракта» можно предполагать, что задолго до сдачи его президенту Адмиралтейской коллегии Апраксину (10 июня 1723 г.) экспедиция уже была решена и руководителем ее назначен Вильстер.

Петр высоко ценил опытность и способности Вильстера. В то лето Петр явно отдал ему предпочтение перед другими адмиралами. Выписка из протокола Адмиралтейств-коллегии 1723 года мая 28: «В нынешней кампании быть и над корабельным флотом главную команду иметь вице-адмиралу Вильстеру и шаутбенахту Синявину» [19]. Синявин, русский, дан в помощники Вильстеру. Когда необходимо было поручить иностранцу эскадру, Петр нередко назначал помощником ему русского моряка.

Кто-то хорошо знающий русский язык перевел «экстракт» со шведского языка. При большой засекреченности экспедиции Петр мог доверить перевод только одному из организаторов плавания. Сам вице-адмирал Вильстер «российского языка не разумел». В дальнейшем, при назначении его главным командиром Кронштадтского порта, Вильстер писал: «Велено мне ехать в Кронштадт и команду принять у господина адмирала и кавалера Гордона, и понеже мне за незнанием российского наречия без доброго переводчика проезть невозможно, а хотя при кронштацком порте переводчик и имеется, но оного я присмотрел недовольно искусным, чтоб такое дело снести при флагмане» [20].

Кто он, Даниель Вильстер? Был ли это один из тех моряков-авантюристов, каких много было в XVII веке у берегов Америки, когда между европейцами еще не закончился раздел испанского наследства? Авантюристы теперь направлялись к морским дорогам на Восток. Они уже редко становились вожаками пиратов, состоя одновременно на государственной службе.

Примером такого командира военного судна, который превратился в пирата, может служить знаменитый капитан Кид. Получив полицейские функции по инспекции морских дорог и розыску пиратов, Кид сам принялся грабить арабских и индийских купцов. В 1701 году Кид был повешен в Лондоне. Его труп, связанный цепями и просмоленный, был выставлен на набережной Экзекуций и висел там несколько лет.

[19] Материалы для истории русского флота. Ч. II, с. 715.
[20] ЦГАДА. Ф. 248, кн. 231, л. 347.

В год перехода Вильстера на русскую службу сибирский губернатор М. П. Гагарин за попытку отделить Сибирь от России и стать сибирским царем был в Петербурге «повешен 16 марта 1721 года перед окнами Юстиц-коллегии в присутствии царя и всех своих знатных родственников. Спустя несколько времени его перевезли на обширную площадь, недалеко от большой новой Биржи, где Берхгольц видел его на виселице 18 июля 1721 года». А 25 ноября 1721 года «последовал указ, чтобы с помощью железной цепи снова укрепить его на виселице» [21].

Мог ли оказаться подобным авантюристом вице-адмирал Даниель Вильстер, когда б стал хозяином двух фрегатов в открытом океане? Петр предусмотрел такой случай. Вопреки пожеланию Вильстера он назначил ему помощниками русских офицеров.

Но едва ли был склонен к авантюризму уже немолодой адмирал. К тому же он видел, что его новый государь умеет ценить по заслугам и награждать своих моряков. У Вильстера была семья. Получив 402 рубля 43 $^3/_4$ копейки подъемных «в проезд с детьми из Гамбурха», адмирал Вильстер в 1721 году — вероятно, сам управляя кораблем — вывез семью в Петербург.

Его два сына служили в России. Их послужной список:

«Вильстер, Яган Генрих. 1721 г. декабря 23. Принят в службу в капитаны 3 ранга... 1723 г. сентября 6. Скончался».

«Вильстер, Ульрих Кристьян. 1721 г. декабря 5. Принят в службу в капитан-лейтенанты... скончался в 1738 г.».

Судя по распоряжениям, отданным Вильстеру через графа Апраксина, Петр с большим доверием относился к умению Вильстера водить корабли. Не мог он опасаться и измены Вильстера. Семья адмирала находилась в Кронштадте. Да и окружен он был русскими офицерами. «Государь в серьезных делах оказывал предпочтительное доверие русским... когда важную для русских интересов мадагаскарскую экспедицию необходимо было поручить иностранцу, то к нему для совещания приставлены были два русских, младших его в чине. Бывали и такие случаи, что от иностранца командира судна приказывалось скрывать день, назначенный для выхода в море его корабля» [22].

Петр доверил Вильстеру начало своего давно продуманного предприятия — «приятельства» с Индией. Петр утверждает «экстракт» для руководства к подготовке экспедиции. Назначает начальником ее Вильстера и готовит путевые инструкции капитанам фрегатов. Пишет две грамоты — Великому Моголу и «королю Мадагаскарскому».

[21] И. Г. Прыжов. История кабаков в России..., с. 81.
[22] Ф. Ф. Веселаго. Очерк русской морской истории. Ч. I, с. 416.

Прежде Петра «экстракт» читал генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин. Он был единственным из адмиралов Адмиралтейств-коллегии, посвященным в тайну Петра.

В характере всей военной деятельности Апраксина, многолетней, с большими заслугами в ведении сухопутных и морских сражений, сквозила воеводская привычная боязнь «царского гнева», широко распространенная и при Петре. В приказах и письмах Апраксина ссылки и оговорки на «волю государя» особенно часты.

Ссылками на «волю государя» Апраксин мог оправдывать и злоупотребления своим служебным положением. «Несмотря на высокое общественное и служебное положение и на весьма значительное состояние графа Апраксина, имя его три раза встречается в судебных процессах того времени по обвинению в злоупотреблениях, наносящих вред государственным интересам и увеличивающих бедствия народа» [23].

Не имел президент коллегии своего взгляда и своего мнения и в трудном деле подготовки дальней экспедиции. Он мало способствовал ее успеху, пугаясь столь сложного плавания. Государь давно болен. За экспедицию будет отчитываться генерал-адмирал российского флота. Вся тяжесть задуманного горячностью императора прожекта ляжет на плечи старика Апраксина.

Удача или поражение? Даже в случайных, в спешке задуманных военных операциях успех решают все же общая подготовленность армии, уровень науки и техники в стране и, конечно, вера участников боя в победу. В хаосе множества неучтенных, никак не предвиденных обстоятельств, возникающих всегда неожиданно, знание цели сражения и желание восторжествовать способствуют победе.

Был ли главный адмирал уверен, что корабли одолеют такой дальний путь?

«Апраксин,— считал историк Ключевский,— самый сухопутный генерал, полный невежа в навигации, но добродушный хлебосол... Он враг реформы» [24]. Взвешивал он возможные причины успеха и неудачи — на уровне тогдашнего умения прогнозировать? Или больше уповал на авось да небось? А может быть, просто утешался словами мудрого Экклезиаста, что все равно «не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у радушных — богатство, и не искусным — благорасположение, но время и случай для всех их».

В плавание были выделены два фрегата: «Амстердам-Галей» и «Декронделивде». Построены на верфях Амстердама.

[23] Русский биографический словарь. Т. 2, с. 257.
[24] В. О. Ключевский. Письма..., с. 385.

«Амстердам-Галей» — в 1719 году, он служил 21 год, в мае 1740 года разбился на Балтийском море. «Декронделивде» спущен на воду в 1720 году, разломан после 1734 года. Плавательная способность этих фрегатов была вне всякого сомнения. Корабли петровского флота, и своего строения и купленные, были добротно сделаны. Петр сам следил за этим. Академик Тарле писал: «Так как во Франции признано было необходимым спешно увеличить королевский флот, то, по совету Кампредона, французское правительство хотело купить у России линейный 92-пушечный корабль, но цена (92 000 рублей, или 713 тыс. ливров) показалась слишком высокой» [25]. Английский посланник Джеффрис, сообщая в 1719 году английскому правительству, что «корабли строятся здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе», добавлял с беспокойством: «Если он (Петр.— *Авт.)* теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой флот равным нашему или даже лучше, чем наш?» [26].

Эти-то два фрегата Петр и приказал начальнику Ревельской эскадры контр-адмиралу Фан-Гофту вооружить и оснастить для дальнего плавания, не открывая Фан-Гофту, куда снаряжаются суда.

Приказ был дан Фан-Гофту 3 ноября 1723 года.

Но почему же такая проволочка? С 10 июня, когда Вильстер представил свой «экстракт», прошло около пяти месяцев. А Вильстер, убеждая в осуществимости экспедиции, показывал на примере Швеции пагубность оттяжки отправления кораблей.

Вильстер словно предчувствовал: для него промедление на море смерти подобно. Совсем в другое время, при другом государе придется Вильстеру перенести много «бедств», и «разорение безвинно приняти», и умереть, находясь под военным судом за задержку, хотя и необходимую, выхода в море другого, английского, корабля.

По-видимому, какие-то значительные обстоятельства долго мешали Петру принять окончательное решение. Может быть, огромное количество реформ и нехватка времени, необходимого для доведения каждой реформы до конца, были одной из причин задержки экспедиции. Они обрывались, эти тоненькие нити реформ, протянутые по огромной стране.

Как принудительным, подневольным тяжким трудом подданных богатеть государству? Не с охотой трудятся работные

[25] Е. В. Тарле. Русский флот и внешняя политика Петра I..., с. 86.
[26] Очерки истории Ленинграда. Т. I, с. 63.

люди. Не на совесть, за страх. На батогах, на плетях будет ли труд добротным? «Государственное безденежье особенно тяжело отозвалось на служащих в 1723 году, когда всем... нестроевым чинам... велено было жалованье, вместо денег, выдавать сибирскими и другими товарами... К увеличению тяжелого положения находившихся на службе, сенатским указом велено было... вычитать четвертую часть жалованья... Для соблюдения выгод казны, провиант в Адмиралтействе выдавали не мукой, а зерном, и коллегия нашла это невозможным только для строевых чинов, „которым рожь молотить некогда“».

Адмиралтейств-коллегия просила также о выдаче жалованья за текущий 1723 год служившим в адмиралтейской конторе без вычета и деньгами, а не товарами, «понеже многие пришли в нищету» [27].

Второго сентября 1723 года Адмиралтейств-коллегия получила запрос от сената. Могут ли служащие в коллегии и ее конторах служить без жалованья и получать какие-либо доходы «без повреждения его величества интересов и без народной тягости»? На этот неожиданный, странный запрос коллегия весьма резонно ответила, что в иных конторах, где дела имеются денежные, это возможно, но что «взятков имать не велено» высочайшим указом (24 декабря 1714 года).

К решающему моменту первой попытки молодого флота империи броском занять место в океанах наряду с европейцами государственная казна дошла до крайней степени истощения. И служащие, и служители портов морских, и плавающий состав офицеров и матросов обнищали. Правительство настоятельно давало понять, что взятки — эта печальная и беззаконная необходимость — явятся «подможным» средством государству, чтобы выйти из тяжкого денежного затруднения.

Если немногие молодые офицеры и грезили прежде плавать под экватором вокруг всех трех частей света до самого Дальнего Востока по великому морю, зовомому океан, то теперь не до того. Поместье не дает прибытка, мало крепостных, мало и жалованья.

Адмиралтейств-коллегия обратилась в сенат, испрашивая руководство по взяточности. Определение коллегии: «1723 г. Сентября 2. Адмиралтейств-коллегия, слушав е. и. в. указа из канцелярии правительствующего сената, согласно приговорили: взнесть в сенат доношение, в котором написать, что Адмиралтейской коллегии и присутствующих контор служители могут ли получать от дел какие доходы без повреждения е. в. интересов и без народной тягости и каким образом и от каких дел и почему порознь, и будут ли теми доходами оные довольны без жалованья, или хотя некоторой частью из определенного жа-

[27] Ф. Ф. Веселаго. Очерк русской морской истории. Ч. I, с. 496—497.

лованья с убавкой, о том требовать от правительствующего сената повеления, дабы о содержании оных служителей для апробывания дано было время с сего числа впредь на год» [28].

И все-таки в канун зимы, в ноябре 1723 года, Петр вдруг дал сигнал готовить фрегаты незамедлительно.

Подготовка велась украдкой

В ноябре воды Кронштадтского порта и других гаваней Финского залива начинают леденеть. Поэтому, вероятно, пришлось назначить в экспедицию корабли из Ревельского порта, который замерзает только в суровые зимы. Морская связь Петербурга с Ревелем затруднена. Это осложняло сношения Петра с командованием фрегатов мадагаскарско-индийской экспедиции.

Но именно теперь, зимой, вдруг пришла пора действовать. Какие-то неуловимые ныне обстоятельства вызвали судорожно скорую подготовку судов к плаванию. Тут могли оказать влияние и мельчайшие изменения международного положения России, и, может быть, рекомендации тайной агентуры Петра. Возможно, Петр только теперь по-настоящему убедился в полезности флибустьерских портов, несмотря на их удаленность от прямого пути в Индию.

Приказы шли из походной канцелярии Апраксина, минуя главное морское управление, прямо к исполнителям. Потаенность, засекреченность действий моряков — вот что пугало людей, даже случайно причастных к снаряжению судов: мастеровых, чиновников порта, лекарей.

Зима торопила, спешить нужно было безусловно. Тем более что слухи об экспедиции дошли до Голландии — хозяйки на Востоке. Правда, в Голландии говорили о других российских судах — о корабле «Девоншир», фрегате «Эсперанс» и гукоре «Кроншлот», которые с начала июня готовились, как писалось тогда в казенных бумагах, «в известную экспедицию». Их предполагалось отправить с торговой целью за границу с грузом ружей, снарядов. Голландский резидент де Вил доносил своему правительству, что они «пройдут в Испанию, а по другим слухам, может быть, в Ост-Индию».

Эта была другая экспедиция, только для Испании. Она не состоялась. Капитан Нанинг «за пропуск удобного времени для

[28] Материалы для истории русского флота. Ч. IV, с. 582—583.

похода в указанное место» был отдан под суд. Его корабли дошли до Ревеля и там остались на зимовку.

Но Петра могли настораживать слухи, появившиеся в Голландии. Хотя там говорили о других судах и другой экспедиции, но называли-то возможным местом назначения экспедиции Ост-Индию. А обе экспедиции готовились почти одновременно.

Вильстер отправлялся представительствовать от Российской империи не один. Как и в шведской экспедиции, при нем были тоже два комиссара для заключения трактата с пиратами и торгового договора с Великим Моголом. Комиссарами были командир «Амстердам-Галея» капитан-лейтенант Мясной и старший офицер «Декронделивде» капитан-поручик Кошелев.

Комиссары императора еще не знали о своем высоком назначении. Лишь в Атлантическом океане, когда все связи с материком Европы оборвутся, Вильстеру предписывалось объявить комиссарам о цели плавания.

Зачем же такая исключительная засекреченность? Можно ли было думать, что капитаны проговорятся? Или государь допускал возможность измены уже у берегов Европы? Может быть, для уверения Вильстера в том, что именно ему государь отдает предпочтение, считая его самым преданным? Нет, этого не было. Капитанам фрегатов Петр тоже дал секретные от их адмирала поручения.

Но как же капитаны, не зная маршрута, готовили в путь свои фрегаты? По каким морям, в каких поясах земного шара поведут они суда? В эпоху парусного флота зоны ветров и штилей наносились на карты и учитывались еще в порту отправления.

Что же думали капитаны, раскрывая карты? Или уж ничего не думали, прослышав о предании капитана Нанинга суду?

Где-то там, в петровском Зимнем дворце, нарастали события, отдавалось эхо европейской политики, поступали агентурные сведения. И два фрегата двинулись в Индию. Зимой. После представления «экстракта» Вильстера лучшие месяцы для оснащения кораблей в поход были упущены.

Подготовка экспедиции начиналась как будто с участием Адмиралтейств-коллегии, хотя даже президиум коллегии не знал назначения экспедиции. Определение коллегии: «Сентября 10. Фан-Гофту послать указ из фрегата „Кронделивде“ порох выгрузить и убрать в пристойные места, и выгрузя, ввесть оный фрегат в гавань, точию не разгружать и иметь в готовности; и будучи в гавани, того фрегата служителям морского провианта не давать, а давать сухопутный» [29].

[29] Там же, с. 584.

Третьего ноября был «изустный» указ Петра для «приуготовления» секретной экспедиции. «Словесные указы государя», «изустные повеления» часты в архивных материалах эпохи Петра. «1723 года. Ноября 3. Е. и. в., будучи в доме генерала-адмирала графа Апраксина, изволил указать: из ревельской эскадры вооружить два фрегата голландских для вояжа, и те фрегаты удовольствовать лучшими людьми... и чтоб оные [фрегаты] всеконечно вооружены были не более как в 10 дней... А провианта морского на означенные фрегаты положить на 8 месяцев».

На этот словесный указ императора откликается из Ревеля Фан-Гофт донесением 9 ноября Апраксину и 14 ноября донесением в Адмиралтейств-коллегию. Значит, коллегия еще участвует в подготовке экспедиции.

Фан-Гофт из Ревеля к графу Апраксину 9 ноября: «По оному е. и. в. именному указу назначены быть для вояжа фрегаты „Амстердам-Галей“ и „Декронделивде“ и вооружать оные сего ноября 8-го дня начали, а служителями удовольствуем лучшими».

Ноября 14-го донесение Фан-Гофта из Ревеля в Адмиралтейств-коллегию: «Фрегаты „Амстердам-Галей“ и „Декронделивде“, которые назначены быть для вояжа, вооружены и морской провиант, також и прочие корабельные припасы, принимают, и надеюсь, что оные чрез 3 или 4 дня будут совсем в готовности...»

Указания Фан-Гофту теперь дает только Апраксин. 1723 года декабря 2: «По получении сего извольте на нововооруженные фрегаты положить пороху на каждый фрегат по 80 выстрелов, и положа, оные фрегаты тотчас немедленно извольте отправить в Рогервик и тамо велите им ожидать указа» [30].

Пятнадцатого декабря фрегаты прибыли в Рогервик. Здесь-то «всякие досады и трудности учинились». Надо было спешить, а «угодные все погоды по отплытию миновались».

В Рогервик проследовал вице-адмирал Вильстер, флагман экспедиции. Он переоделся, снял знаки морского отличия.

Прокурор Адмиралтейской коллегии Козлов поместил замаскированного адмирала в квартире полковника (и капитана гвардии вместе с тем) Емельяна Маврина.

Маврин был «определен при строении Рогорвицкой гавани». Он мог и не знать о назначении экспедиции, хотя руководил последними приготовлениями ее. Вероятно, вооружал фрегаты пушками. По 32 пушки были поставлены на каждый фрегат. Прокурор поселил Вильстера в изолированной комнате — Маврин и не знал, кто таков его постоялец.

Зачем быть прокурору в порту? По-видимому, он своим при-

[30] Матерналы для истории русского флота. Ч. II, с. 690—692.

сутствием, своей персоной стража интересов государства напоминал участникам экспедиции, внушал им, что за «противностями и продерзостями» последует жестокая кара. «...Всяк какова б чину и достоинства ни был кто, ведением и волей против его императорского величества указов и повелений проступится, за то казнен будет смертию, а ежели кто неведением указ или повеление преступит, тот по рассмотрению дела наказан быть имеет» [31].

Но как же все-таки это выглядело для окружающих? Уж потому только, что неведомая личность в черном камзоле без офицерских галунов привезена самим прокурором, Маврин догадывался о значительности ее и удвоил свою деятельность. Это было к лучшему. Но вот как Вильстер под строжайшим инкогнито и при плохом знании русского языка мог наблюдать за снаряжением судов, трудно вообразить.

Позже, когда засекреченность Вильстера была наполовину снята, он доносил государю: «И я приказал английскому штурману Вальтону, чтоб он рапортовал меня, каковы оные (фрегаты.— *Авт.)* вне и внутри, и оный, осмотря, рапортовал, из которого в.и.в. изволит увидеть, в каком оные фрегаты состоянии, а я опасаюсь, что фрегат „Декронделивде" небольшим лучше будет». И все это оттого, что «здесь мне того сделать не свободно, понеже я в тайне содержусь»; это 6 февраля 1724 года [32].

Вильстер получил две инструкции, мадагаскарскую и индийскую. Обе помечены 5 декабря.

В первой инструкции в одиннадцати пунктах даны путевые указания до Мадагаскара и условия заключения трактата с пиратами. Идти не Английским каналом, на виду «противной» Англии, а править свой курс «кругом Шкоции (Шотландии.— *Авт.*) и Ирляндии». «Будучи в вояже от всех церемоний (как в здешнем море, так и в большем) удаляться под видом торговых кораблей... в гавани не входить».

Пункты мадагаскарского трактата, подписанного Петром:

«5. Когда в назначенное вам место с помощию божиею прибудете, тогда имея свой флаг, объявите о себе владеющему королю, что вы имеете от нас к нему комиссию посольства и верющую нашу грамоту при сем приложенную ему подайте.

6. А потом всяким образом тщитесь, чтобы оного короля склонить к езде в Россию...».

Пункты 7—10 — о денежной казне («послано три тысячи червонных золотых») и о провианте (послано «на восемь месяцев»).

«11. Ежели объявленный король по склонности своей поже-

[31] ЦГАДА. Ф. 248, кн. 231, л. 369.
[32] Материалы для истории русского флота. Ч. II, с. 703—710.

лает персоною своею ехать в Россию с некоторыми кондициями, то вам надлежит в наши порты пристать, ежели зимой, то в Колу[33], понеже там никогда не мерзнет, а ежели летом, то в Архангелогородской порт; и буде без него, но только посланные от него будут, то вам возвратиться чрез Зунд...

В Санктпетербурге в 5 день декабря 1723 года».

В индийской инструкции Петр указывает «действа у Великого Могола»:

«4. Когда с помощью божиею в показанное место в Ост-Индию прибудете, тогда явитесь там Великомочному Моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтоб с Россиею позволил производить коммерцию, и иметь с ним договор, которые товары потребны в Россию, также и какие в его областях товары из России надобны суть, и как можно трудитесь, чтоб между обеих сторон произвести к пользе благополучную коммерцию.

5. Ежели там будет с довольством покгоуту[34], то старайтесь как можно достать таких дерев, каких здесь у нас мало находится, а именно, чтоб в диаметре были от 26 и до 30 дюймов, и купить по настоящей цене столько, сколько можно в порученные вам фрегаты вместо балласта уместить.

Впрочем во всем, что к лучшему нашему интересу по тамошнему состоянию от вас за благо изобретено будет, отдаем в ваше рассуждение, как честному и искусному человеку.

5 декабря сего году».

Этот приказ плыть в Индию как будто бы не согласован с указаниями мадагаскарской инструкции, где намечалось доставление пиратов в Россию. Возможно, что в полной индийской инструкции (она не сохранилась) Петр приказывал взять пиратов на обратном пути из Индии. А может быть, государь, догадываясь по уклончивым ответам Апраксина о неполной готовности судов для плавания в Индию, готов был ограничиться на первый раз Мадагаскаром.

Не Мадагаскар — Индия манила Петра. И. И. Голиков, благоговейно чтивший все «относящееся до обожаемого монарха», конечно, не вносил своего суждения, чем и ценно его многотомное издание. Он писал: «Монарх крайне был огорчен учинившеюся остановкой в отправлении вице-адмирала Вильстера в Индийскую и Мадагаскарскую экспедицию». Голиков ставил на первое место не без основания «Индийскую» экспедицию. Мадагаскар — только удобная, готовая станция на пути к Индии.

Мыс Доброй Надежды не мог быть, вероятно, такой станцией. Эта морская таверна на полпути к Индии была уж очень на виду у всех европейских держав, и замысел Петра обнаружился

[33] Кола — гавань на реке Коле близ нынешнего Мурманска.
[34] Покгоут — сорт древесины, особенно пригодной для токарных работ.

бы сразу же. А это грозило множеством политических осложнений, могло пагубно повлиять на дипломатические отношения и тем самым на торговлю с Европой.

Интересно, был ли у Петра код, цифровая тайнопись, на случай рискованной переписки офицеров фрегатов с Петром. Петр читал в «экстракте» Вильстера указания, данные Ульриху. Там «ключ цыфирной дан, дабы когда случится в подданнейших своих письмах для уведомления приметы достойныя писать, то писать оною цыфрою» [35].

Смел и решителен был самодержец. Уж, значит, были основания прятаться Вильстеру в Рогервике и при последовавшей вскоре починке «Амстердам-Галея», который дал течь. Вильстер, пока чинили фрегат, сидел в каюте «Декронделивде» по приказанию Апраксина.

Апраксин подчеркивал исключительную секретность. Вот его «Указ капитану Мясному и капитану поручику Кошелеву» [36].

«Прилагается при сем за печатью нашею копия с инструкции, какова дана вице-адмиралу Вилстеру, которую вам иметь у себя не распечатывая до нижепоказанного термина, а именно: когда возьмете свое следствие из Рогорвика и пройдете Зунт и будете в Нордзее, тогда оную распечатав прочтите, токмо вы двое, а вице-адмиралу Вилстеру и другим офицерам (кто с вами будет обретаться) отнюдь не объявлять, но содержать в таком крепком секрете, чтоб кроме вас никто про оную не знал, и потом требовать от помянутого вице-адмирала оригинальной его инструкции и что повелено исполнять, усматривая к лучшему его императорского величества интересу с добрым и прилежным рачением, как надлежит честным офицерам.

Генерал-адмирал граф Апраксин

Послано декабря в 5 день 1723 года».

Апраксин, вероятно, редко присутствовал при снаряжении кораблей из боязни привлечь своим высоким званием особое внимание к экспедиции. Не было видно и флагмана, без участия которого не велась, по морскому уставу, подготовка кораблей его отряда.

Запрет накладывался даже на разговоры. Нельзя было обращаться к товарищу за советом — он мог спросить: «А куда плывете?»

И как вести морякам Вильстера шканечный журнал при такой засекреченности? А по шканечным и флагманским журналам составлена вся история плаваний одиночных судов и эскадр. Важнейшие факты, встречи судов, баталии, бои с пи-

[35] Ф. Туманский. Собрание разных записок..., с. 265.
[36] Там же, с. 213—214.

ратами, неожиданные открытия островов, определения еще неизвестных опасных течений в морях, переменные ветра́ океанов, как и выносливость своего корабля и его экипажа,— все это должно находить в шканечном журнале точное выражение по времени и месту в океане. Моряки Вильстера в записях журнала скоро выдали бы тайну плавания. Вероятно, Петр лишил своих моряков этого почетного и интересного дела.

Сколько их было — усилий, рачительных стараний всячески упрятать концы в воду. Скрыть и сам замысел, и приготовление судов. А ведь все равно европейская морская разведка, англичане, следившие за успехами Петра на морях, знали об экспедиции, вероятно, не меньше, чем сам ее шеф, флагман эскадры. Вильстер, спрятанный в квартире Маврина, не мог видеть судорожного оснащения фрегатов в порту, да и вообще всего того, что непереодетые, неспрятанные английские и шведские моряки на русской службе видели в Ревеле и в Рогервике.

Вот он, год 1723-й...

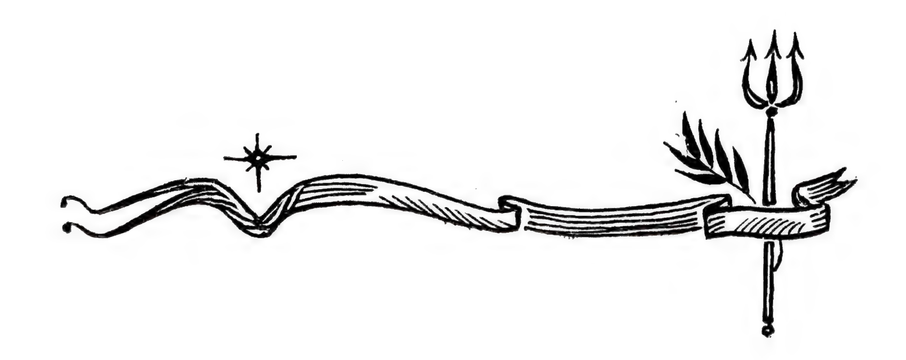
«Весь флот в 1723 году состоял из 24 кораблей и 5 фрегатов, на нем было 1730 орудий и до 12 500 человек экипажа. В это время вспомнил Петр о том небольшом ботике, на котором в молодости начал он учиться плаванию по Яузе и по северным русским озерам. Петр приказал привезти его в Петербург, поставил его в Кронштадте между кораблями, нарек Дедушкой русского флота и потом с торжеством перевез в петербургскую крепость, где назначил для хранения как национальную святыню. Это событие послужило поводом к торжественному многодневному празднеству, сопровождавшемуся и пальбою из пушек, и фейерверками, и обильными попойками».

Петру шел пятьдесят второй год. По нашим сегодняшним меркам, совсем еще не много. Но силы сдавали. «Замечали тогда, что характер Петра менялся. Он постоянно имел задумчивый вид, часто искал уединения, с ним боялись заговаривать о делах, когда он оказывался угрюмым. Иногда он требовал к себе священника, иногда доктора, а иногда вдруг, по-старому, предавался разгулу и окружал себя шутами и членами всепьянейшего собора...

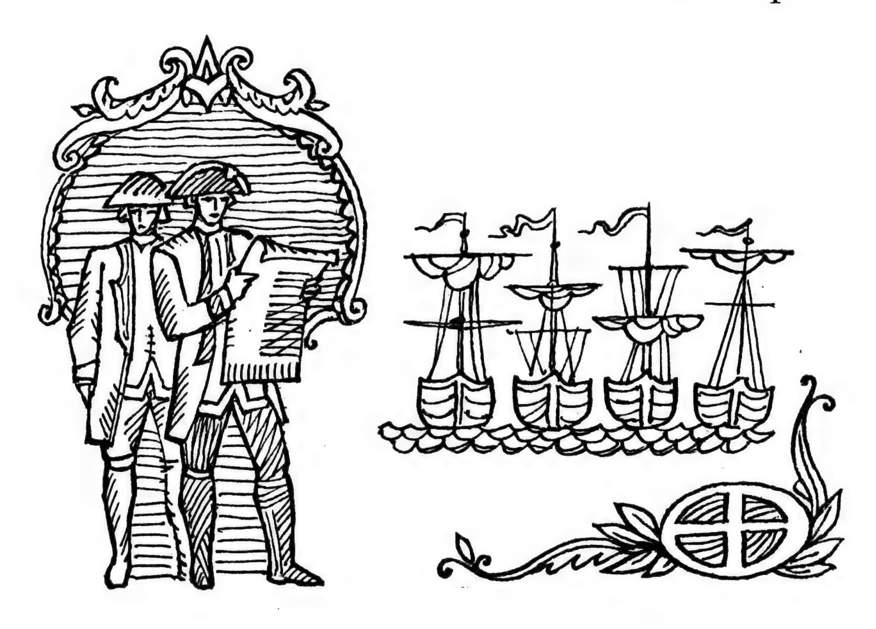
Россия представляла совсем не праздничный вид. Повсюду раздавались жалобы на бедность; недавние неурожаи произвели большую скудость необходимых средств к жизни; хлебные магазины, которые давно уже приказал устроить царь по всей России, существовали только на бумаге: на самом деле никто не спешил исполнять в этом повеление своего государя. По улицам городов и по большим дорогам сновали толпы нищих,

хотя государь много раз уже приказывал, чтобы в его царстве не было нищих и, под угрозами пеней и суровых наказаний, запрещал своим подданным раздавать милостыню. Голодные пускались на грабежи и убийства: около самаго Петербурга бродили разбойничьи шайки. Казенные недоимки все более и более возрастали; в военной коллегии и в Адмиралтейств-коллегии совсем недоставало денег на содержание войска и флота. Между тем тягости народу не облегчались; продолжали переселять русских людей в ненавистный для них Петербург, а множество неоплатных должников казне отправляемо было на тяжелую работу в Рогервик и Кронштадт. В то время, когда при дворе отправляли маскарады и веселились, в народе слышны были проклятия, за которые неосторожных тащили в тайную канцелярию и предавали варварским мукам» [37].

[37] Н. Костомаров. Русская история... Т. II, с. 238, 239—240.



Их глазами Россия увидит земли за экватором?



Моряки Петра отплывали отсюда же, с Невы, где ныне и гул автомобильный, и небо иное, прочерченное самолетами, и отношения между людьми совершенно иные.

Не было еще ни увлечения плаваниями, ни большого «профита» от морской службы. Одни тяготы матросам. Не все устроено как следует на кораблях и в новых гаванях. Не обжиты они, в новинку еще эти суда. А спрашивают с моряков много. Непосильна служба в петровском флоте.

Стажеры в английском флоте не все возвращаются. В 1717 году Петр писал в Лондон князю Куракину: «Понеже сам ведаешь, что какую противность ныне Англия начинает, того ради опасаюсь, чтобы наших учеников там не задержали, которые разным художествам учатся, или бы деньгами не пре-

льстили на смех. Того для старайся, чтобы их оттоль достать» [1].

И. И. Неплюев, посланный в Венецию и Испанию «для изучения практики и обыкновения военного», вспоминал: «Перебрались мы с кораблей на берег и, получив пашпорт, выехали из Копенгагена на почте. Накануне ж нашего отъезда бежал от нас один из наших товарищей, Кастюрин, в датскую службу». «1718-го генваря 10 князь Михайла Андреев, сын Прозоровский, бежал от нас» [2].

Бежали бы и матросы, да некуда. Словят. На Дон не уйти. С корабля бежать в Дании, в Швеции — к врагам попасть. «Матроса Андрея Ляхова за один побег бить кнутом и послать в каторжную работу на 5 лет; матросов Клима Елфимова, Козьму Васильева, Лариона Харитонова... послать в каторжную работу» [3].

Солдату в народе уважение, первое место у костра погреться. «Матроз» еще непривычен. Но, видно, здесь, у моря, нужен и водяной солдат. Шведы, датцы, англичане в моряках у государя служат. Как тут российским людям морским делом не заняться, бостроги-бушлаты не надеть?

«Для отправления адмиралтейских и прочих дел по должности адмиралтейского регламента и по́ртной книги повелено было адмиралтейский регламент и портную книгу и сухопутные артикулы перевести и напечатать на голландский язык... понеже в российском морском флоте многие командующие из иноземцев офицеры российского языка знать не могут» [4].

Это повеление государем дано в 1723 году. Через десять лет не научившимся русскому языку новых чинов не давали уже. Сантарио Марко, лейтенанту с 1720 года, в 1733 году «за незнанием русского языка... велено быть в ранге лейтенанта по смерть». Так лейтенантом он в 1752 году и «уволен от службы с награждением годового жалованья» [5].

Что же представляли собой люди, чьими глазами Россия впервые должна была увидеть океаны и земли Южного полушария? Эти моряки своим необычайным походом отмечали начало третьего десятилетия жизни Петербурга, первого российского международного порта. И не было среди них потомственных моряков — разве что иностранцы. А русские? Матросы — из тех же крестьян, согнанных в Петербург и окрестные места. Да и у офицеров отцы и деды не видывали ни моря, ни городов, подобных этому, на Неве.

[1] В. А. Бильбасов. Россия и Англия в XVIII веке, с. 5—6.
[2] [И. И. Неплюев]. Записки..., с. 12, 17.
[3] Материалы для истории русского флота. Ч. IV, с. 570.
[4] Там же, с. 537.
[5] Общий морской список. Ч. II, с. 333.

Первые петербуржцы

...Отзвучала петровская державная речь. Исчезли люди той четверти века, возводившие на пустынном берегу новую столицу и морской порт. Давность стерла лик того Санкт-Петербурга. Его улиц, площадей, набережных Невы, еще вольной, не сжатой камнем. Нет ни Адмиралтейской верфи, ни петровской гавани, ни беззвучно отплывающих кораблей с громадными надутыми парусами.

От людей, создавших новую силу империи — морской флот, осталось всего несколько портретов, и те парадные. От города — дома, дворцы, и те не раз перестроенные, перелицованные. Да гравюры, чаще праздничные. В архивах — документы писарским почерком, отголоски жизни бурливой. Записки, составленные и по каким-то личным поводам... А мысли, устремления сподвижников Петра среди моряков, их отклики на замыслы государя, сама их служба, быт корабельный... Как понять, увидеть теперь жизнь этих неуемных людей?

Санкт-Петербург, хоть в нем уж тридцать тысяч жителей, еще не обжитой, неуютный город на островах, на заболоченных, вязких берегах. Небывало быстро растет он. И заботы, заботы одолевают! К привычным делам — новые, морские заботы.

Гул строек. Звон корабельных колоколов. Грязь. Ее старательно месят сапогами солдаты в низеньких треуголках, затянутые в мундиры.

Мостят проложенные улицы и прорубают в лесу место новым, забивают сваи, так ухая, что гости с иноземных судов озираются на небо: не гром ли? Работных людей «всех художеств» не счесть. Только на Адмиралтействе тысячи. Мужиков не хватает. «Винные бабы и девки» выполняют мужичью работу.

Стук тележных колес по булыжникам Невского проспекта и хрип надорванной лошади ломового извозчика по вязкой глине боковых улиц. Мужики с настороженным взглядом пожизненных арестантов в Петербурге.

Народ еще не понимал, не ждал больших благ от доведения мощи флота до европейской. Немного было у царя людей, обладающих, как он сам, «пространством ума». Народ и в непосильном бремени работ все же ценил Петра за его простоту, за умение трудиться. Но и возмущался, укорял. «Ты зачем, государь-царь, чернят разоряешь? Ты зачем больших господ сподобляешь? А мы-то! В шахтах при лучине руду добываем. По болоту тянем мачтовый лес кораблей!» — говорили работные люди, когда «железные носы» — преображенские гвардии солдаты — приводили их за «непристойные речи» в Преображенский приказ.

Владыка России волен был распоряжаться страной и подданными. Немели храмы, с которых снимали колокола на корабельные пушки. Православные опускали головы, молчали. Да нет и времени прислушаться к благовесту колокольному. Одна великая маята непрестанно, без роздыху здесь.

Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона ли моя незнамая!
Что не сам-то я на тебя зашел,
Что не добрый меня конь завез,—
Занесла меня кручинушка,
Что кручинушка великая —
Служба грозная государева.

Тягости петровских дел легли на плечи народа, согнанного в Петербург из разных мест России. На солдатскую и матросскую службу, на строительство города и порта и для осушения болот. Да и на рытье Обходного канала кругом Ладоги, чтобы избежать частых бурь громадного озера.

...На канавушку на Лодожску,
На работу государеву...

Редко кто мог брать с собой жену, детей на необжитые берега Финского залива. Неприветный климат, сырые морские ветры, нехватка провианта, одежды, обуви. А труд тяжкий от восхода до заката и при свете смоляных факелов изнурял тело, угнетал душу. «Работные люди» падали около тачек, груженных землей или кирпичами. Умирали на глазах земляков смертью «собачей». Редко мог священник облегчить последние минуты верующего — прочитать по обряду «напутную» молитву.

Крик мужика, солдата, мастерового и матроса замирал без отклика. Этот крик отчаяния, усталости был привычен уху. Тут, на стройке нового города, казалась естественной, неизбежной «неописуемая скудность» работных и мелких служивых. Не было и зачатков мысли об уравнении прав людей, они появились только в конце века.

Выщелачиваются временем давние эпохи. Историки, писатели, художники донесли до нас панораму жизни высших сословий. Избяная жизнь черного народа больше удалена от нашего понимания. Веками обходили безмолвием жизнь мужика и посадских людей. Так ли уж давно археологи начали откапывать следы народной культуры Великого Новгорода?

Литературный язык образованного населения последних столетий нам все же известен. Народная языковая символика, слова, обороты речи, понятия и образы, заложенные в этих словах, сохранились больше всего в сказках, песнях, пословицах и поговорках. Но из песен петровского времени не понять отношения простолюдинов к великолепию строящихся зданий, особняков, к грандиозности Петропавловской крепости и Ад-

миралтейства и ко всему размаху улиц, набережных, парков и дворцов новой столицы. Народ, строитель Санкт-Петербурга, и здесь безмолвствовал.

Блага и тяготы были размежеваны по сословиям. «Вышние» персоны, «благородное дворянство» и «подлые» сословия.

Принудительное заселение Петербурга и не ограниченная годами служба дворян направили по новому руслу и судьбу помещичьих детей. Петр диктовал подданным не только образ действий, но и образ мыслей. Законодательство жестко контролировало все стороны жизни и быта.

Во всеобъемлющих регламентах Петра дела государственного значения охватывались с жестокостью самовластного реформатора. «Буде же кто сей наш указ преступит под какой оговоркой ни есть... тот... казнен будет смертию без всякия пощады». Регламенты давали и образцы поведения к неукоснительному исполнению на службе и дома. Как носить мундир, во сколько саженей и на каком участке Петербурга строить дом, как проводить ассамблеи и воспитывать детей, как держать себя в присутствии начальника.

В 1722 году была принята «Табель о рангах», закон о прохождении государственной службы, заимствованный у западных держав. Эта мера, необходимая после петровских реформ, уточняла степень близости к престолу и широту власти служилых людей. Был дан камертон почти на двести лет для отбора и квалифицирования служащих в административной, управленческой области государства. Пирамида государственных служащих, сбитых «Табелью» в три категории — среднего, старшего, высшего чиновничества и офицерства, все суживаясь вверх, увенчивалась персоной императора.

Не все реформы Петра надолго пережили его самого. Но «Табель о рангах» сохраняла свое влияние на государственную, общественную и личную жизнь россиян до 1917 года. Собрав в один кулак всех честолюбивых сторонников монархии, она помогала укреплению мощи Российской империи.

«Табель о рангах» разграничила и увековечила все нормы поведения, вплоть до узаконения количества денщиков, слуг, лошадей в упряжке, по титулам — сиятельство, превосходительство, высокородие и благородие. Лица всех чиновников одного и того же класса, казалось, навечно заштампованы «Табелью», слиты общностью воспитания и служебного положения в одно лицо.

Потом, в течение двух веков, «Табель» порождала сонмы людей, для которых целью жизни было карабкаться по этой лестнице чинов. Страсть даже не служить — выслужиться — убивала куда более достойные чувства. Потому-то уже с конца

XVIII столетия писатели, актеры, художники, демократические общественные деятели начали штурмовать ступени монархической пирамиды — бюрократизма, чиновничества, палочной военщины, созданных «Табелью о рангах». А Алексей Константинович Толстой написал в 1872—1873 годах, как бы отмечая полуторастолетний юбилей «Табели»:

Читатель мой, скажи, ты был ли молод?
Не всякому известен сей недуг.
Пора, когда любви нас мучит голод,
Для многих есть не более как звук;
Нам на Руси любить мешает холод
И, сверх того, за службой недосуг:
Немногие из нас родятся наги —
Большая часть в мундире и при шпаге.

И все-таки для своего времени «Табель» была явлением положительным. В ее основе лежал примат службы, заслуг, личных качеств над «породой». Она допускала перемещения из разных сословий в высшие чины усердных, талантливых слуг государю, его реформам, замыслам.

В то же время «Табель о рангах» окончательно разрушила патриархальность отношений между «благородными» и «низкими» сословиями, углубила разрыв между ними. Помещик, офицер, чиновник, ученый и даже протоиерей и игумен стали «ваше благородие, высокородие, преподобие».

Все больше становилось тех, кому по сердцу были новые порядки. Эти жили теперь в домах иноземного ладу и ходили в костюмах покрою «голанского да аглицкого».

Дворяне уже задумывались над переводной книгой «Приклады, како пишутся комплименты разные». Они углубленно вникали в «куриозитэ» Европы, восхищенно обживали весь новый «политес». Новый мир был еще мало понятен. Но он сиял, слепил новизной общественных порядков, великолепием дворцов, убранством комнат, пышностью костюмов, блеском всего дворянского обихода.

Носить новый костюм европейского покроя, входить в гостиную по блестящему скользкому паркету, вести светскую беседу, располагать к себе людей хорошими манерами — всему этому молодежи надо еще учиться.

«Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению». В первом издании эта книга «напечатася в Санктъпитербурхе» в 1717 году. Для скольких поколений дворянских детей эта книга была поводырем в новой жизни! В 1714 году вышел указ всем грамотным дворянам поступать на государеву службу, без того не могли теперь и жениться. А через три года вышло и это наставление — «Зерцало». Потом оно переиздавалось и при преемниках Петра. По нему учился

ЮНОСТИ

ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО

или

показаніе къ житеіскому обхожденію.

Собранное отъ разныхъ Авторовъ.

Напечатася повелѣніемъ

Царскаго Величества.

Въ Санктъпітербурхѣ
Лѣта Господня 1717,
Февраля 4 дня.

По этой книге учились «житейскому обхождению» и офицеры мадагаскарско-индийской экспедиции

юный Суворов. Составляли «Зерцало» сподвижник Петра Я. В. Брюс и переводчик И. В. Паузе.

Каков же должен быть молодой дворянин? В 18-м пункте наставлений «Зерцала» сказано так: «Младый шляхтич или дворянин, ежели в ексерциции (в обучении.— *Авт.*) своей совершенен. А наипаче в языках, в конной езде, танцевании, в шпажной битве, и может доброй разговор учинить, к тому ж красноглаголив и в книгах научен, оный может с такими досуги, прямым придворным человеком быть».

«13. Младый отрок должен быть бодр... прилежен и беспокоен, подобно как в часах маятник», то есть услужлив, скор в движениях. В церкви же «с таким вниманием молиться, якобы пред вышним сего света монархом стоять...

17. Седьмая надесять добродетель есть, бережливость и довольство, когда человек в настоящем времени тем, что ему бог определил, довольствуется». Это рекомендуется девицам, как и следующий пункт.

«20. Ныне приступим к двадесятой и последней добродетели девической, а именно к молчаливости. Природа устроила нам токмо один рот, или уста, а уши даны два. Тем показуя, что охотнее надлежит слушать, нежели говорить».

Удивительно, что в параграфах о дворянской чести свободно говорится наравне с дворянскими достоинствами и о крестьянских сильных сторонах. Обещание без отлагательства исполняй, дабы не следовать «глупой оной пословицы... обещать, то дворянски, а слово держать, то крестьянски. Но ведай себе, что и такая есть пословица. Со лжи люди не мрут, а впредь веры не имут. И конечно крестьянина лутче почтут, нежели дворянина, которой шляхетского своего слова и обещания не исполняет и не сохраняет: от чего ныне случается, что охотнее мужику, нежели дворянину, верят».

В этот свод наставлений для молодежи включены, вероятно, все возможные тогда для обобщения правила поведения молодого человека.

У себя дома: «В первых наипаче всего должны... отца и матерь в великой чести содержать». Обращение с челядинцами: «51. Не надлежит от слуги терпеть, чтоб он переговаривал или как пес огрызался, ибо слуги всегда хотят больше права иметь, нежели господин». С гостями, с сослуживцами «должны всегда между собою говорить иностранными языками, дабы тем навыкнуть могли: а особливо когда им что тайное говорить случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли, и чтоб можно их от других не знающих болванов разпознать».

Ценить женскую скромность: «Кто смиренную жену имеет, оный приобрел сокровище выше всякого богатства». Потому что «как малые рыбы с трудностию сетью и неводом уловлены бывают, так и смиренных с трудностию может сатана сетью уловить».

Много наставлений о поведении в обществе и при дворе.

«4. Без спросу не говорить, а когда и говорить им случится, то должны они благоприятно, а не криком и ниже с сердца, или с задору говорить, не яко бы сумозброды. Но все что им говорить, имеет быть правда истинная, не прибавляя и не убавляя ничего. Нужду свою благообразно в приятных и учтивых словах предполагать, подобно якобы с каким иностранным высоким лицом говорить случалось, дабы они в том тако и обыкли». При этом «не прилично им руками, или ногами, по столу везде колобродить, но смирно ести, а вилками и ножиком по тарелкам, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать». Да и вообще «младые отроки не должны носом храпеть, и глазами моргать... и руками не шалить, не хватать, или подобное неистовство не чинить...».

О языках иноземных: «30. Младые отроки, которыя приехали из чужестранных краев и языков с великим иждивением на-

учились, оныя имеют подражать, и тщатися, чтоб их не забыть, но совершеннее в них обучатися...

31. Оныя, которыя в иностранных землях не бывали, а либо из школы, или из другого какого места ко двору приняты бывают, имеют пред всяким себя унижать и смирять, желая от всякого научитися, а не верхоглядом смотря, надев шляпу, яко бы приковану на главе имея, прыгать, и гордитися...».

С внесением европейского этикета в быт дворянства, чиновников и именитых купцов все больше появлялось чужеземных слов. Язык не сразу находил свои собственные формы для выражения новых понятий. Вот и явился своеобразный петровский стиль, обильный варваризмами. Гут, плиз, пароль (обещание, слово), апартамент (и комната и каюта), конфузия, презент, дешперат (обморок). Почти весь XVIII век обкатывались петровские нововведения в литературный язык, в общественно-политический и научный. Многие из сохранившихся петровских варваризмов живут и сейчас (иногда в ином написании и произношении, да и с несколько иным значением) как памятники крутого поворота в быту, психике, нравах и этике высших сословий России.

Не вникнув в это «Зерцало», разве можно тешить себя надеждой, что хоть в чем-то понял «птенцов петровских»?

В нашей стране сейчас осваивается репринт, факсимильное воспроизведение книг и рукописей. Новый экземпляр никак не отличить от архивного оригинала — тот же выцветший шрифт, та же пожелтевшая от времени бумага, тот же кожаный помятый переплет. Среди первых книг, намеченных к такому воспроизведению, оказались первое издание «Евгения Онегина», ломоносовская «Российская грамматика», три брошюры Э. К. Циолковского, изданные когда-то в Калуге и облетевшие вокруг Земли на одном из космических кораблей.

Но все-таки еще раньше этих книг было воспроизведено «Зерцало» 1717 года. Оно ведь уже давно стало недоступно для читателей, и даже историкам приходилось перелистывать его с особенной бережностью. Во всем мире сохранились только два экземпляра, из них один подпорченный, с большим изъяном. А с 1976 года точная копия «Зерцала» есть во всех крупнейших библиотеках, и каждый может представить себе, по какой же книге училась жить молодежь 260 лет назад, какие она получала наставления в течение нескольких десятилетий.

Офицеры и чиновники уже при Петре начинали говорить языком малопонятным народу, одевались по-европейски. Их лик утерял подобие «образа божия». Правда, «скобленые», бритые лица все больше являлись и в купеческой среде, у городских торговцев. Бородовый сбор затронул и крестьян. При

проезде через заставу, в город или из города с мужика брали по две деньги. Хоть жги бороду! Где бритву взять? Ножом бриться. Нет и зеркала в избе. Мыло и то дорого. А в темные зимние дни как бриться у оконка из бычьего пузыря или под лучиной? Бабе дать свое лицо охорашивать под лютерана зазорно. Не любит царь Петр простого народа. К заморцам склоняется, к их нечестивым повадкам. Ладит морскую дорогу к ним.

...Как давно все это было. Изменилась с той поры сама «природная меблировка» нашей планеты. Поредели лесные массивы, исчезли целинные степи, обмелели реки. А уж как убыло население звериного, птичьего и рыбьего царства!

Вой волков туристы и геологи, обрадованные находкой живой старины, записывают на магнитофон. Пойманную стерлядь фотографируют вместе с широкой улыбкой удачливого рыбаря. А лешие и водяные вместе с обвораживающими русалками — какими зримыми они казались, как заполняли мир вокруг человека. Теперь они начисто истреблены науками, яркостью электрического света и грохотами транспорта на земле, на воде и в воздухе. Ушла из деревень и избяная мужицкая челядь — домовые.

Возможно ли представить нам сейчас историческую ограниченность возможностей Петра, увидеть те события глазами их современников? А это так нужно бы, чтоб понять попытку вывести первые русские корабли в южные океаны.

Экипажи фрегатов

Что мы знаем об участниках мадагаскарской экспедиции? Нелегко представить даже, как они выглядели. Хотя бы — как их одели для выполнения этой секретной миссии. Ведь они должны были выдавать себя за моряков торгового флота. Правда, форма русских военных моряков, даже офицеров, вообще появилась позднее. «Нигде не видно, чтобы морские офицеры в царствование Петра Великого имели определенную форму одежды»,— писали через полтораста лет петербургские историки флота [6].

Служителей, как тогда чаще называли матросов, было на «Амстердам-Галее» 204, на «Декронделивде» — 200. Сколько-нибудь подробных сведений о них, верно, уже не найти. Об этих мужицких сынах, назначенных в первое океанское плавание, вряд ли когда-нибудь будет достоверно рассказано. Но об офицерах сохранились кое-какие сведения в послужных списках.

[6] Ф. Ф. Веселаго. Очерк русской морской истории. Ч. I, с. 490.

Начальником экспедиции, флагманом этой эскадры назначен швед Даниель Вильстер, вице-адмирал красного флага (вторая по значимости категория флагманского, водительского отличия). Ему помогал, получая распоряжения через других лиц, «командующий флагман в Ревеле» Фан-Гофт. Он принимал деятельное участие в подготовке фрегатов к плаванию, не зная ни их рейсов, ни места назначения мадагаскарско-индийской экспедиции.

На флагманском судне «Амстердам-Галей» был в должности «советника при начальнике экспедиции» капитан-поручик Иван Кошелев.

Командиром «Амстердам-Галея» первоначально назначен был капитан 2-го ранга курляндец Варенс Шмидт, в послужном списке он именуется и Смитом. Потом его заменил капитан Данила Мясной. Офицерами были датчанин капитан-лейтенат Альберт Брюкман (Бритман), лейтенант Дмитрий Башилов, унтер-лейтенант Макар Бараков, унтер-лейтенант голландец Питер Беземакер (Безмакер), мичман Александр Кайсаров, мичман Семен Лаптев, шкипер Андрей Вилант. Корабельный секретарь взят с корабля «Ингерманландия», лекарь — с «Архангела Михаила». Их фамилий установить не удалось.

Фрегатом «Декронделивде» командовал капитан Джемс Лоренц (Лоуренс). Офицеры: капитан-лейтенант Михаил Киселев, лейтенант Кральбек, унтер-лейтенант Иван Черевин, мичман Лев Коптев, мичман Семен Языков. Корабельный секретарь переведен с «Астрахани», лекарь взят из Ревельского порта.

Как было бы хорошо по послужным спискам этих офицеров провести, как бы сказали сейчас, социологическое обследование — попытаться представить, по каким же признакам отбирали тогда морских офицеров для самых ответственных дальних плаваний.

Но, увы, сведений очень мало. Да и можно ли делать хоть сколько-нибудь широкие выводы по данным о такой маленькой группе.

На обоих фрегатах мы знаем всего шестнадцать офицеров: на флагмане «Амстердам-Галей» — десять, на «Декронделивде» — шесть. Но и об этих людях нам, в сущности, известно очень немного.

Что же все-таки можно установить?

Ну, например, что из всех шестнадцати офицеров, включая вице-адмирала Вильстера, россиян было, присоединяя и курляндца, десять человек. Иностранцев — шесть. Швед, датчанин и голландец, а кто были остальные — не знаем.

Двое из русских офицеров обучались морскому делу в Голландии. Один — в Голландии и Англии. И еще один — только в Англии.

Один «из солдат Преображенского полка написан в матросы, в 1713 г. произведен в боцманы» и затем стал морским офицером. Двое окончили Петербургскую морскую академию. Один — Московскую навигационную школу. Двое «поступили в службу гардемаринами» и одновременно, в 1721 году, произведены в мичманы.

Конечно, сведения скудные, куцые. Но все-таки и они дают ниточки для догадок и предположений.

Вот эти-то моряки тогда, в конце 1723-го, были, надо думать, взбудоражены до крайности.

Что-то готовится, словно по воздуху носится приуготовление чего-то всполошенного, не чаянного нами, нежданного. Потаенно делается, самим государем вершится, что ли?

Государевы морские тайности, они келейно разрешаются. Не ввязывайся, не вслушивайся, не гадай. Если и сам не ввалишься в беду, то начальника своего втянешь в передряги. Морская политика — не нашего ума процессус. Будь помельче что — в питейном доме прослышали бы.

Там завсегдатаем бывать будто бы и зазорно. Знамо: морские негоцианты впьяне наглы, русского чина не признают. А все ж хорошо! У них есть чего послушать. Тут тебе аглицкие морские песни, да и стихи и песни школяров, что наши привезли из Европы.

Сладко горькое питье!
Горько постное житье...

Стыдиться, что ли, что выпил?
Да ни за что!

Да и о себе, о моряках сколько доброго услышишь.

И звучит в кабацком хоре
Третий тост: «За тех, кто в море!»

Зайдет старый капитан, бывалец в разных океанах. Или вообще черт-те что такое, небывалое в российских краях — опаленный всеми ветрами мира, обожженный солнцем всесветный бродяга, полупират, полукоролевский офицер. Он же и купец, и даже пастор при случае, и врач в порту, и вербовщик рекрутов, и все на море умеет, и все на море знает. Два раза видел «Летучего голландца» и вот жив остался. Только руки стали дрожать. Полный кубок другой рукой придерживает. Да без людей или без фонаря ночью на улицу не выходит и смотрит себе под ноги, не поднимая глаз.

Хорошо сидеть в трактире.
А во всем остатнем мире —
Голод, злоба и нужда.
Нам такая жизнь чужда...

А моряки близкой Курляндии?

Одно из недоумений возникло у нас, когда мы прочли о том, что командиром флагманского фрегата был назначен курляндец.

Почему курляндец? Курляндия только что присоединена. Мог ли Петр так уж доверять этим новым подданным? Да к тому же этот человек, второй по значению в экспедиции, вероятнее всего, плохо владел русским языком, хотя, должно быть, и лучше, чем глава эскадры Вильстер.

В чем же все-таки могла быть причина этого назначения?

Может быть, ее надо искать в истории Курляндии. Мы немного заглянули в эту историю — в прошлое нынешней Латвии,— и оказалось, что курляндцы задолго до Петра уже плавали в Африку и хорошо знали путь если не кругом всего Черного материка, то, во всяком случае, к его западным берегам, мимо которых пролегал маршрут петровских фрегатов.

Герцог Курляндский Якоб (1642—1682) задолго до Петра создал свой морской флот, решил основать курляндскую колонию в Африке и действительно основал ее в 1651 году на западноафриканском побережье, в устье реки Гамбии. Мало того, он даже приобрел у Англии вест-индский остров Табаго. Суда торгового флота герцога Якоба с 40-х годов XVII столетия плавали в Атлантическом океане, ходили и в Вест-Индию. Еще в 1652 году побывали в Бразилии.

Герцог Якоб имел торговые договоры с Францией, Швецией, Испанией, Португалией, Венецией. «Со своим микроскопическим государством герцог мечтал чуть ли не о всемирной роли и не шутя думал влиять из Митавы на европейскую политику... основать курляндскую колонию не только в Африке, но даже в Америке. Для последней цели он хотел купить у испанцев остров Тринидад... который он имел в виду колонизировать под именем „Новая Курляндия“. Этому проекту, однако, не суждено было осуществиться. Более удачны были... его колониальные предприятия в Африке... Купив у одного из туземных князьков небольшой остров в устье реки Гамбии с частью прилегающего побережья... построил форт» [7]. Из этой африканской земли в Курляндию доставляли индиго, перец, кофе, пряности, слоновую кость, жемчужные раковины и золото.

Курляндская колония в Африке, правда, просуществовала всего несколько лет. Шведы, подозревая Якоба в сближении с царем Алексеем Михайловичем, вторглись в Курляндию и в 1658 году взяли в плен самого герцога. А когда через два года

[7] П. А-в. Курляндская колония в Африке..., с. 2—7.

он освободился, его колония уже была захвачена англичанами. Но все же моряки герцога лет восемь совершали рейсы (вначале, вероятно, с помощью иноземных капитанов).

Попытки захвата побережий Западной Африки делались и другими странами, известными нам как неколониальные,— Швецией, Данией. Это было тоже в XVII столетии. Дания после датско-шведской войны 1657 года завладела шведскими колониями на побережье Гвинейского залива, но только в 1750 году датский губернатор ценою столетних стычек с местными племенами заставил их признать «право короля Дании» иметь здесь торговые фактории.

В петровское время датчане все еще только утверждались там. И датские моряки, возможно, жаловались Петру на трудности колонизации, на то, что «дикари» не понимают взаимного профита этих торговых связей.

После Полтавской битвы Курляндское герцогство оказалось уже под влиянием Петра. Бывальцев, участников плаваний в Африку, вероятно, уже не было в живых. Но память об этих плаваниях еще сохранялась у приморских жителей. Несомненно, были и архивные документы.

Недалекая от Петербурга Курляндия, расположенная на том же, восточном побережье Балтики, могла сослужить немалую службу Петру и его экспедиции в Индийский океан. Курляндские моряки — латыши, да и местные немецкие дворяне — обладали и умением водить суда, и морскими навыками, и знаниями, во всяком случае о части пути, намеченного для петровских фрегатов.

Петр, конечно, мог бы воспользоваться опытом этих плаваний. Среди его морских офицеров были курляндцы, да и о курляндских плаваниях в Африку и Америку он, несомненно, должен был знать.

В записках англичанина, жившего или часто бывавшего в Петербурге до 1724 года (имени его установить не удалось), сказано: «Петр и его приближенные знали о колониях курляндцев... Я знавал некоторых... они решались поддерживать у царя убеждение, что он, на основании настоящего владения Курляндией, имеет право на остров Табаго в Вест-Индии [тоже бывшая колония герцога Якоба], причем они распространялись насчет многочисленных выгод, связанных с учреждением там колонии».

Проекты дальних плаваний российского флота этот англичанин считал весьма реальными, а о петровских кораблях писал даже так:

«Если какие-нибудь суда в мире могут нанести [нам] вред, то особенно стоят в таких условиях российские, выстроенные в Петербурге, которые, без сомнения, раз их снабдят достаточными командами, обладают отличными качествами как парус-

ные суда и несравненно лучше наших снабжены мачтами, парусами, якорями, кабелями и прочею снастью».

Правда, вместе с тем англичанин утверждал: «Приведи они это намерение в исполнение, оно было бы, без сомнения, сопряжено с нижеследующими неудобствами: лишь только команды этих судов научились бы зарабатывать себе пропитание и ознакомились бы с более приглядной жизнью в других странах, они несомненно дезертировали бы, как и случалось на судах, зимовавших в Норвегии, хотя эта страна, с одной стороны, мало представляет приманчивых прелестей, а с другой — существовавший между царем и королем датским в то время союз подвергнул их опасности быть выданными при первом же требовании» [8].

В мадагаскарской экспедиции курляндец капитан Варенс Шмидт был заменен капитаном Данилой Мясным — по неизвестным нам причинам. Но почему же курляндцев с их опытом морских плаваний Петр вообще не привлек к участию в этой экспедиции? Своих нужно было обучать. Вильстер и другие офицеры-иностранцы на его фрегатах были опытнее курляндцев. И русские офицеры обучались в Голландии, в Англии, где им приходилось участвовать на иностранных судах в дальних плаваниях.

Почему же не Ганнибал?

Пытаясь сейчас представить подготовку экспедиции, невольно вспоминаем и Ганнибала. Находясь при Петре с 1706 года до отправления во Францию в 1717 году, Ганнибал, по свидетельству формулярных списков, «был при всех тех походах и баталиях, при которых его величество своей особой присутствовать соизволил». Он был неотлучно при царе, неся при нем обязанности камердинера, секретаря [9].

Ганнибал был «Пятницей» Петра-моряка, ординарцем, постоянным спутником царя. Французы называли его «le Nègre du Czar». Преданный всей душой, неизменный верный помощник, сначала мальчик на побегушках у царя, потом офицер. Образованный, обрусевший африканец, он представляется живым олицетворением связей России с Африкой того времени.

И разве не стоило Петру включить Ганнибала в состав плавателей вокруг Африки?

Ведь возможны вынужденные остановки, причаливания к берегу Западной, да и Восточной Африки на долгом пути в

[8] История Российского флота в царствование Петра Великого, с. 86.
[9] М. Вегнер. Предки Пушкина, с. 23.

Индию, продолжительные стоянки, необходимость торгового обмена с местным населением для пополнения запасов пищи, воды, передышка малоопытных плавателей, отдых, починка судов. Разве присутствие африканца среди русских моряков не помогло бы скорее установить доверие, контакт, привести к более тесному общению?

Да и в плавании, казалось бы, Ганнибал, инженер французской выучки, мог быть полезным в ремонте фрегатов, в установке артиллерии и ведении огня. Его познания в математике, астрономии, как и большая находчивость, одаренность, смелость и просто физическая выносливость человека, с детских лет находившегося в непрестанных походах, помогли бы ему стать очень нужным в экспедиции.

Может показаться, будто историки занимались Ганнибалом так пристально и много, что не найти в его жизни такой стороны и в его судьбе такого поворота, которые бы не просвечивали рентгеновскими лучами исторического исследования.

Да разве только историки? А Юрий Тынянов? Сколько у него мыслей родилось и о самом Ганнибале, и о том, как и откуда «пошло русское ганнибальство, веселое, свирепое, двоеженцы, шутники, буяны, русские абиссинские дворяне» [10].

Но сколько бы ни писали о Ганнибале, до сих пор всего еще не сказано. Ни одно историческое лицо не может быть навсегда до конца узнано, выяснено, исчерпано. У новых поколений появляются и новые проблемы, каждое поколение старается понять свое место в истории, в соотношении сегодняшнего с прошлым и будущим. Сыновья обращаются к прошлому не с прежними вопросами, а уже с иными, которые их отцам, может быть, и в голову не пришли бы.

Это относится и к Ганнибалу. До сих пор почти все, кто интересовался Ганнибалом, шли к нему от Пушкина, по прадеду хотели лучше узнать правнука. А что собой представлял Ганнибал как личность на стыке разных культур? И какой могла представляться Россия глазам человека другой расы, с другого континента, совсем другого воспитания, пусть и прерванного в детстве, но все-таки несомненно наложившего свой отпечаток? Человека, взращенного в иных природных и житейских условиях. И как чувствовал себя человек из Африки в тогдашней России?

Сейчас благодаря научно-технической революции материки и страны резко сблизились, они словно стыкуются друг с другом, превращаясь в единую землю. Различные расы стали соседями и хотят — да и просто вынуждены — лучше узнавать друг друга, а значит, и историю взаимных представлений друг о друге, чтобы отделить выдуманное от подлинного.

[10] Ю. Тынянов. Из записных книжек, с. 133.

Появилась даже наука имагология, она изучает закономерности становления образов, прежде всего образов других народов и рас.

Появляется все больше статей и книг не только о том, как Европа смотрела на «экзотические страны», но и о том, как в Африке и Азии складывался образ Европы. Идут поиски материалов об африканцах, которые попадали в Европу в давние времена, реконструируются их биографии, собираются по крупицам их высказывания. В ГДР издали двумя томами труды африканца Антона Амо, который в течение нескольких десятилетий жил и работал в Германии во времена Ганнибала. Он был доктором философии и магистром права, преподавал в университетах Галле, Виттенберга и Йены вплоть до 1747 года, когда решил вернуться на родину, в Африку. Другой современник Ганнибала — африканец, получивший в Европе имя Якобус Элиза Йоханнес Капитан. Он изучал теологию в Голландии, в Лейдене, и в 1742 году был направлен в качестве проповедника в Западную Африку.

В Англии недавно переиздали книгу, вышедшую почти два столетия назад, одну из первых автобиографий, написанных африканцами. Ее первое издание было переведено на русский язык во времена Екатерины II.

«Жизнь Олаудаха Экиано, или Густава Вазы африканского, родившегося в 1745 году, им самим написанная; содержащая историю его воспитания между африканскими народами; похищение; невольничество; мучения, претерпенные им на вест-индских плантациях; приключения, случившиеся с ним в разных частях света; описания как разных народов африканских, их веры, нравов и обыкновений, так и многих стран, виденных им во время своей жизни, со многими трогательными и любопытными анекдотами, и с присовокуплением гравированного его портрета. Перевел с немецкого А. Т. Части первая и вторая. Москва. В типографии Селивановского и товарищей. 1794».

В «Предуведомлении» к русскому изданию говорилось, что «оригинал сей книги издан в Лондоне в 1789 году» и «столько понравился публике, что для удовольствования любопытства оной принуждено было три раза издавать в течение одного года. 1790 года переведен оной в Роттердаме на голландский, а в 1792 появилось сие сочинение и на немецком языке».

Как, должно быть, занимало когда-то российских читателей изумление Олаудаха Экиано (правильнее — Экуано), когда он, еще мальчиком, впервые увидел снег:

«Прибытие мое в Англию случилось в начале весны 1757 года, когда я имел от рождения двенадцать лет. С удивлением осматривал я строения и вымощенные улицы в Фалмуте: все, представляющееся моему взору, возбуждало меня к новому удивлению. Некогда поутру вышел я на верх корабля, и увидел

оный покрыт снегом, выпавшим ночью. Как я оного никогда не видывал, то я почитал его солью. Я побежал поспешно к штурману, просил его итти со мной и посмотреть, что ночью весь корабль усыпали солью. Он тотчас догадался, что сие собственно значило, и сказал мне, чтоб я оный принес к нему. Я взял полные пригоршни оного, и чувствовал великий холод... Велел мне отведать, что я исполнил изумляясь чрезвычайно... Вскоре увидел я весь воздух, наполненный падающим снегом».

Это, разумеется, не самое важное из наблюдений африканца в Европе. И все-таки разве не примечательно, что в воспоминаниях, написанных через тридцать лет, после тяжких испытаний, невольничьего труда и унижений, он все-таки не забыл первого снега.

Ганнибал был старше нигерийца Олаудаха Экуано почти на полвека. Когда он увидел свой первый снег? Не на санях ли привез его посланник в Турции граф Савва Рагузинский? Как озирался восьми-девятилетний мальчик, тогда еще Ибрагим, видя заснеженную столицу своей второй родины?

С каким интересом, наверно, прочитал бы Ганнибал книгу, написанную человеком судьбы, в чем-то сходной с его собственной, хотя и куда более несчастной. Но автобиография Экуано вышла в Москве уже после смерти Ганнибала, в 1794 году.

Была, правда, книга, изданная еще при жизни Ганнибала. «Похождение готтентота, или дикого африканца, писанное им самим; переведено с немецкого в Санктпетербурге, печатано в вольной типографии Вейтбрехта и Шнора 1780 года. $6^1/_2$ листов, в 8 долю».

«Родился я в средине самого дикого и варварского народа, какой только в свете сыскать можно, в средине народа, который от других просвещенных едва в число людей причесться может... народом кафрским, обитающим в южной части Африки, и коего владение на несколько только дней езды от находящихся на мысе Доброй Надежды голландских селений отдалено... Мать моя была одна только дочь у короля... я узнал, что отец мой был белый... зверство сего народа никак не могло терпеть между собой чужестранца». Отца убили, сына белые взяли лакеем, но «госпожа фон Марвик» решила «испытать, не можно ли сделать готтентота также разумным и ученым, как и лучшего европейца, дабы тем доказать философам нашего отечества, что душа в готтентоте имеет равную способность, как и их, если только будет она иметь заблаговременно такое же наставление... Мало-помалу позабыл я совсем мое начало, происхождение, воспитание и рабство и приметил также, что и голландцы, живущие на мысе, об оном забыли».

И счастливый конец: готтентот стал «в роте прапорщиком 4 года», женился на дочери губернатора, теща «купила недалеко от Бурдо весьма прекрасную дачу».

Рецензент «Санктпетербургского вестника» (апрель 1780 года) и посмотрел на все это как на курьез. «Изрядная любовная повесть, из числа тех, коих на чужестранных языках сотнями считать можно. Содержание ее мало соответствует заглавию, в рассуждении которого казалось бы надобно было ожидать другого чего, а не обыкновенных любовных дел. Сей готтентот только что родился между дикими африканцами и от европейского любовного витязя ничем не отличается».

Что ж, такие во многом действительно курьезные книги выходили не только во времена Ганнибала. Они появлялись вплоть до нашего времени. Всего лишь двадцать лет назад на Западе вышла книга под названием «Я был дикарем». Она прекрасно оформлена, с иллюстрациями в стиле «модерн». А назвал себя ее автор «принц Модупе».

Случайны ли такие книги? Нет, конечно. Трагедия писателей-африканцев, в том числе и мемуаристов, в том, что они буквально до наших дней не имели читательской аудитории у себя на родине, где и грамотных-то было ничтожно мало. Поэтому приходилось обращаться только к читательской аудитории в Европе. А европейцам, разумеется, трудно было понять совсем иную жизнь. Вот издатели и авторы и сдабривали, а то и вообще подменяли подлинную жизнь экзотикой...

И все-таки эти воспоминания — единственное, что дает нам возможность хоть как-то понять африканцев, попадавших в Европу, особенно в столь давние времена. Очень жаль, что и таких воспоминаний куда как мало.

Какими бесценными были бы мемуары самого Ганнибала! Он достиг в России таких высот государственной власти и влияния, каких, кажется, не достигал никто другой из африканцев в Европе. Был генералом-аншефом. Внес действительно немалый вклад в улучшение военно-инженерного дела в России, и этот вклад получил всеобщее признание. К тому же прожил долгую жизнь — восемь с половиной десятков лет, сколько царствований пережил, сколько разного повидал.

Напиши он воспоминания, мы могли бы увидеть Россию XVIII столетия с еще одной неожиданной для нас стороны — глазами африканца. А для сегодняшней Африки какими бы интересными были такие мемуары!

И главное, были ведь эти воспоминания. Ганнибал сам, своей рукой уничтожил их. Сохранились только его крайне лаконичные «Автобиографические показания» да еще его труды по инженерному искусству.

И о петровском замысле плавания в южные моря Ганнибал тоже мог бы многое рассказать. Ведь он был обер-комендантом Ревеля, да и в Рогервике был начальством, занимая пост главного директора Ладожских каналов и комиссии кронштадтских и рогервикских строений. Правда, все это было позднее, после

Петра. Но ведь и в Рогервике и в Ревеле, конечно, долго помнили организацию первого дальнего плавания.

Но тогда, в 1723-м, почему же Петр не включил своего арапа в готовившуюся экспедицию? Ганнибал уже вернулся в Россию, в начале 1723-го явился в Петербург из Франции, где за шесть лет инженерное искусство постиг, волонтером французской армии воевал с испанцами, получил ранение в голову и даже в плену у испанцев побывал.

Одним словом, Ганнибал переживал именно ту пору своей жизни, о которой в 1976 году на «Мосфильме» поставили картину «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». (Там действие и начинается с возвращения из Франции. Правда, на самом деле Ганнибал первый раз женился только в 1731-м, когда Петра уже давно не было в живых; женился в Ревеле, а не в Петербурге, и не на русской боярышне, а на гречанке. А скромность, простота и наивность арапа, сыгранного Владимиром Высоцким, не очень вяжется со словами того же фильма: «В парижской-то земле бабы уж на что привычные, а и то от него плакали». Но на то и кинокомедия, чтобы дать место вымыслу.)

Вернувшись из Франции, Ганнибал стал применять свои познания на инженерных работах в Кронштадте и вскоре стал поручиком Преображенского полка, бомбардирской роты, где капитаном был Петр. Опять арап в непосредственном повиновении императора. Офицер остался «Пятницей» у царя, который готовил выполнение своего давнего замысла — отправление кораблей в океаны. Но в архивах и в немногих печатных статьях, относящихся к экспедиции, мы нигде не нашли упоминания имени Ганнибала.

Мог ли Ганнибал не знать давних пожеланий Петра и не замечать, бывая часто во дворце, келейных совещаний царя с Апраксиным и Вильстером? Он ведь встречался с государем и по своей придворной службе и даже жил близ дворца. К тому же Ганнибал, наверно, был лишен старорусского молитвенного почитания царя. Такого трепетного страха перед его величеством, как у Апраксина, Ганнибал, возможно, и не знавал. Кто знает, может быть, он, воспитанник Петра, и мог не робея спрашивать: «Что затеваете, государь?» Русскую пословицу «в церковь ходят по звону, а в гости по зову» Ганнибал, любимец Петра, познал позже, в годы дворцовых переворотов.

Может быть, популярность арапа в Петербурге при назначении его в экспедицию привлекла бы больше внимания и подсказала бы значительность экспедиции. А его африканское происхождение указывало бы маршрут фрегатов. Кроме того, на Мадагаскаре офицер-африканец мог компрометировать русский военный флот в глазах европейцев-пиратов.

Ганнибал после ранения в голову испытывал головные боли и не мог переносить морской качки. Когда в 1722 году Ганни-

балу предложили возвратиться морем в Петербург, он 5 февраля писал кабинет-секретарю Макарову: «Прошу вас, моего государя, доложить имп. в-ву, что я не морской человечек; вы сами, мой государь, изволите ведать, как я был на море храбр, а ноне пуще отвык. Моя смерть будет, ежели не покажут надо мною милосердие божеское, понеже светлейший князь [Долгорукий] сказал, что морем ехать всем. Ежели имп. в-во ничего не пожалует, чем бы нам доехать в Петербург сухим путем, то рад и готов пешком итти... Прошу Христа ради и богородицы, чтоб морем не ехать» [11].

Конечно, ни сам Ганнибал, ни Петр не посчитались бы с морской качкой и головокружениями. Петр и себя не щадил ради дела, ради решения государственно важных задач.

Скорее всего, ответа надо искать в засекреченности плавания. Она отметала все, что могло, по мнению Петра, демаскировать цель, маршрут и место назначения экспедиции.

Засекреченность подготовки похода, поспешность отправления фрегатов в море в прямой связи с боязнью огласки — все это привело к тому, что преобладали устные указы, распоряжения, писаных приказов избегали.

«Гистория славная о российском матрозе»

Все же нам в какой-то мере удалось окольными путями, по косвенным свидетельствам установить состав экипажей фрегатов. По послужным спискам офицеров петровского времени мы определили, кто из них был назначен в экспедицию. Эти послужные списки помогли нам составить себе представление о степени морской подготовки отобранных офицеров, о прохождении ими службы, об их заслугах и оплошностях.

Мы, в сущности, исчерпали все найденные материалы. Во всяком случае, нам так кажется. Привели здесь и некоторые наши домыслы, подсказанные этими документами.

Но самое трудное — представить себе общественную атмосферу нового морского города и портов тех лет. Духовный облик моряков, жизненно отличные от нашего времени черты их характера, особые трудности их службы, условия жизни на кораблях, на берегу.

Все это по-настоящему могли дать только записи самих моряков или их современников, близких к ним по роду деятельности. Но этого мы не нашли.

[11] М. Вегнер. Предки Пушкина, с. 27—28.

Поэтому и решили привести здесь старорусскую повесть о тогдашнем моряке. Это повесть о Василии Кириацком — матросе, ставшем офицером. Там дан образ офицера и все же показаны корабельная служба, быт моряков. Кириацкий учился морскому делу в Голландии и вернулся в Петербург в 1719—1720 годах. В Голландии проходили морскую науку и ведущие офицеры мадагаскарско-индийской экспедиции: Иван Кошелев, Михаил Киселев, Данила Мясной. И образ Василия Кириацкого чем-то помогает понять их, людей того же поколения и во многом сходной судьбы.

Можно ли сказать, что в повести «Гистория славная о российском матрозе Василии Кириацком и о прекрасной королевне Ираклии Флорентийской земли» (так названо большинство списков этой повести) сохранилась подлинная старина?

Л. Н. Майков, знаток повестей петровской эпохи, отмечал связь этой повести с действительностью. Да и П. Н. Берков, отлично знавший историю русской литературы, считал, что в этом произведении «можно подметить некоторый след той необыкновенной эпохи, к которой оно принадлежит» [12].

Это история бедного дворянина, добровольно поступившего во флот в первые, самые тяжкие годы его формирования, когда Россия только что становилась морской державой и так нуждалась в молодежи, увлеченной морской службой. Военный флот, еще не отстоявший даже близкие к Петербургу побережья от покушений шведских эскадр, требовал множества и обученных матросов, и морских пехотинцев, чтобы закреплять победы на суше.

Как трудно было спешно собирать рекрутов по громадным пространствам бездорожной страны, видно из отчета майора Линемана в 1711 году. «...Идучи... до Полонного, дорогой отдано больных в Смоленску — 39, больных же отправлено из Музир в Киев — 281, бежало — 72, померло — 109, итого 501. Всего в отдаче и с убылами 4042» [13]. Почти восьмая часть рекрутов убыла в пути.

Противники петровских реформ, фрондирующая часть дворянства чинили всяческие помехи выполнению указов Петра. Оппозиционное дворянство особенно противодействовало созданию мощного морского флота, считая его ненужным для сухопутной России. Впрочем, дискуссии о нужности большого флота России продолжались еще двести лет. В 1909 году обсуждалась книга адмирала П. Н. Белавенеца, историка русского флота, «Нужен ли нам флот?».

[12] П. Н. Берков. О так называемых петровских повестях, с. 420.
[13] Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. II, с. 372.

Повесть о матросе-добровольце написана словно по социальному заказу, как мы ныне говорим. Многие «недоросли» не являлись на смотры молодежи для набора в армию и флот. Крутые меры расправы с ослушниками мало помогали. Повесть же эта была широко распространена в списках (до нас дошло их четыре).

Повесть отчетливо делится на две части: жизненно-бытовую и полусказочную, что начинается с кораблекрушения и явления образа королевны. В первой части много реалистического, подлинные черты матросской службы на петровских судах, и служба волонтерами в голландском флоте, и своеобразная романтика того давнего тяжкого и опасного плавания на парусниках. У первой части «Гистории» нет заключения. Вторая часть приложена потом. Переписчик 30-х — начала 40-х годов вплел сюда другого матроса Василия. Эта часть продолжает традиционные в русской литературе приключения отважного юноши в чужеземных краях, с женитьбой на прекрасной королевне. Причем в этой повести сильно влияние более позднего авантюрно-галантного повествования.

Части объединены лишь образом героя-матроса. Во второй части матрос Василий совсем не такой человек, с иными мыслями, чувствами и поведением, с иными целями, интересами и жизненным опытом. Здесь другой стиль, не тот язык. Это человек следующего поколения, человек предъелизаветинского времени, с иным отношением к женщине, к жене, к невесте, которая уже не просто девица, а и «мадемуазель». Матрос Василий во второй части повести схож с «Александром российским дворянином», который уже «философии и прочих наук достиг», и «склонность его была более в забавах, нежели во уединении быть», и едет он за границу потому, что «возревновал красоту маловременной жизни сего света зрети».

Петр только еще начинал преобразовывать общественный и семейный быт. Даже для дворянской девушки не открылись настежь тугие двери те́ремной жизни. «Приклады како пишутся комплименты» уже изданы в 1708 году. Но правила, как вести ассамблеи, обнародованы указом Петра лишь 26 ноября 1718 года. И загремели трубы, фаготы и литавры. Потом был привезен оркестр из Вены.

Грубость нравов даже среди дворян, забитость и невежество женщин (запертых до того в светлицах) не только в провинции, но и в Петербурге. Первая петербургская дама Екатерина, жена Петра, как и первый кавалер города Меншиков, не отличались взыскательностью. Хорошую простоту, искреннюю веселость мешали с грубиянством. Непристойные (казарменные, как потом называли) шутки чередовались с живыми, остроумными беседами, с милым дамским сердцам кавалерственным обхождением.

Петербург с громадными верфями и широкой «першпективой Невской» все же только начинал приобретать черты европейского города.

Вот вариант[14] этой повести, признанный за более близкий к первоисточнику. Называется он: «История славная о российском матрозе Василии Кириацком, как он ходил на кораблях и в других Европиях и како из острову от разбойников ушел и с собою прекрасную девицу королевну Ираклию Флоренскую от них избавил и поняв ее себе в жену и бысть во Флоренской земле королем многие годы». Это один из списков. Разночтений в разных списках множество. Даже героя именуют то Василий, то Василей.

«В российских Европиях дворенин некоторый живяше, небольшое имение стяжаше, ему же имя Иоанн, по малой фамилии Кириацкой... И оный дворенин в великую скудость прииде, что не имеяше дневной пищи. Во едино время оной ево сын Василий рече отцу своему: „Государь мой батюшко, прошю твоего отеческого благословения, извольте меня отпустить, пойду в службу, то мне будет жалованье, от которого буду и вам [присылать] на нужду и на прокормление“. Выслуша отец отпусти. То он приняв от [отца] благословение и записался в службу, определили в морской флот матрозом.

Како служил на кораблях
в обыкновенности матроской

По определении, на корабле пребываше, жестоко по обычаю матрозскому служаще, науки все перенимал и всех протчих матрозов в науке превзошел и всем персонам знатным и незнатным верно служил, которава все возлюбише и доброе о нем слово говорили и хвально восхваляли и жаловали...

[*Прош*]*ение ево в другие грады*
для лутчей науки

Случися на кораблях указом матроз младших, которых для лутчей науки за моря в Галандию отсылать потом на караблях многих отобрали, токмо единаго матроза Василия оставили. Видя он, Василей, себя оставлена, ревность велию во-

[14] Опубликован в «Трудах Отдела древнерусской литературы» Пушкинского дома (т. X, М.— Л., 1954). Сохраняются все особенности списка и разнописания слов. Пунктуация нашего времени.

зымел к большой галанской науки и желание непомерное себе восполил; потом нача проситца у всех жалостно... Того ради в ево прошении показали к нему милость и написали в список галанской отпуск и отпустиша с протчими в галанскую землю. И тому он весьма был радощен. И как прибыли в Галандию и всех в науку здаша, потом велено им учинить квартиры, то по ево щастию в галанском граде поставили ево к некоторому купцу, гостю богатому и славному. И как он пребывал у того гостя богатаго в квартире, вельми себя услужна и послушна вел, яко тому... гостю возлюбился и с ним по морям в другие грады со всякими драгими товары на корабях хождаше для лутчей науки и [плава]ния научитца... Гость... все ему поручил товары и веря ему во всем... многократно вместо себя хозяином посылал, то он больше ему прибыли чинил... И потом многое время пребывал в Галандии и желание воспринял, чтобы ему самому побывать в России... И во едино время прииде пред гостя корабельного и нача с ним беседовать... И гость ево видя очень смущенна, [рече] ему: „Друже мой драгий, о чем ты во един мамент изменился и печален явился?" Тогда российский матроз Василей рече: „Благоприятный мой господине и благосердный и честный гость купли галанския, вам, моему государю, всю истину предъявлю нескрытно, ино во мне великая печаль вселилась в сердце мое о родителях своих... прошю пожаловать меня учинить свободна от себя из Галандии"... Сия словеса гость слышев, и против того ему рече: „...Отъезд мне твой скорбь приключает от жалости. Пожалуй, послушай, не езди. Видишь ты сам — у меня никово не имеется сродственников, яко тебя имею за родственника, имению тебя оставляю наследника"... Василей рече: „...Мне от нестерпимой своей печали едва можно живу быть. Токмо едино у вас прошу пожаловать мне свободна учинить и свое намерение исполнить, и то, что вам прежде рек, исполню возвращение"...

Как поехал из Галандии в Россию

И даде ему гость три корабля с разными дорогильными вещами и отпусти ево с великой честию из Галандии. И оной российской матроз нашел к себе на корабли работных людей довольно, сколько ему надлежало, и пошел морем из Галандии. Однако ж имел размышление некоторое в себе о приключающейся некоторой невзгоде, яко своим сердцем вещим припознася. Един в корабле от всех отлучился, где ево драгие вещи лежаще, взял 300 златых червонных и зашил в тайное место в одеяние свое для всякой приключающейся нужды себе во опасение, и потом идоша морем на кораблях.

Како на море
приключилось нещастие

По отъезде из Галандии минувшем пятому дни восставшу на море великому ветру дышащу, яко всему морю изо дна с песком мешатися и кораблям от волн морских поколебатися и всем на кораблях живущим от страху вне ума бывшу, и падоша, яко мертвы... вси три корабля не могли спасатися, но разбишася, и люди работныя истопоша. Токмо оной российской матроз Василей на едину широкую карабельную доску впаде, на которую руками своима крепко ухватился, и призываше бога себе во спасение, дабы от потопления избавитися. И божиею помощью принесло ево к некоторому великому острову, на котором великий лес имеетца, и не проходимо никуда. Тогда российский матроз Василей седяше на берегу острова еще мало в уме от страха и седяше многое время, по коих пор ум ево собрася».

Этим и кончается первая часть повести на обороте 4-го листа рукописи. Приводим только заголовки второй части:

«О пребывании ево во острове морском и как в руки разбойников впаде и поставлен от них атаманом („за острый ум" — против желания Василея.— *Авт.*) и как от них избавился и прекрасную королевну Ираклию от них уведе.

О содержащей у них, разбойников, девице, прекрасной кралевне Флоренской.

О ухождении ево, матроза, от разбойников и з собою уведшем прекрасной кралевны Ираклии и о пребывании в Цесарии».

Пребывание Василея в Цесарии связано с историческим фактом. Вена и правитель австрийский привлекали тогда внимание России.

В Вену ездил сам Петр. О его посещении дворца австрийского императора долго вспоминали в Петербурге со смехом и гордостью за простоту Петра-труженика. Царь-плотник сразу ошеломил чопорных придворных, разрушил так тщательно подготовленный церемониал встречи двух государей. Два монарха, идя торжественным шагом по галерее венского дворца с противоположных ее концов, должны были встретиться посередине, как две равные персоны.

«Император Леопольд двигался по галерее медленной, рассчитанной походкой, царь нетерпеливо зашагал большими шагами, подошел к цесарю, когда тот был всего лишь у третьего окна» (до́лжно у пятого) [15].

К цесарю бежали политические эмигранты: царевич Алексей, князь А. П. Прозоровский и другие. Вена поставляла Рос-

[15] Петр Великий. Сборник статей, с. 382.

сии музыкальные инструменты, музыкантов, целые оркестры.

...Продолжаем заголовки второй части повести:

«Как поехал во дворец к цесарю.

О разговорах российского матроза с цесарем.

О приезде [в] Цесари[ю] из Флоренской земли адмирала...

О умышлении того адмирала».

Флорентийский адмирал, посланный тамошним королем на поиски Ираклии, тайно увез ее от Василея и хотел взять ее себе в жены. Но был разоблачен Василеем во дворце цесаря, и Василей сам женился на Ираклии с согласия ее отца, «короля Флоренской земли».

Последний, 33-й лист: «...А всего его житея от рождения, а именно: в матрозы записался двенадцати лет, на караблях служил шесть лет, в Галандии пребывал семь лет, на острове у разбойников два года, в Цесарии год, на королевстве пятьдесят три года, и всего житея его от рождения было восемьдесят один год. Дозде конец истории российского матроза Василея».

Вот так рассказал о петровском матросе неизвестный сочинитель этой истории.

Много их было, русских матросов, посланных Петром для совершенствования в Голландию в первом десятилетии и в начале второго десятилетия, сверстников этого Василея. И уже опытных матросов, и новичков в морском деле.

Одним из новичков был молодой князь М. Голицын. Он писал: «Амстердам. 2 апреля 1711 г. ...О себе возвещаю, при помощи божией, жив во обремененны моих печалех и тягостех. О житии моем возвещаю, житие пришло мне самое бедственное и трудное. Первое, что нищета, паче же разлучение. Наука определена самая премудрая: хотя мне все дни живота своего на той науке себя трудить, а не принять будет, для того, не знамо учитца языка, не знамо науки... А паче всего в том моя тягость, что на море некоторыми мерами мне быть невозможно, того ради, что весьма болен. Како от города поехал, были в пути 8 недель, и в тех неделях единого дня здорового не было. Паче же натура моя не может снести мореходства... Прошу вас, моего любезного друга и государя, умилися надо мною, паче для кровныя своей, с теми письмами съезди, где будет обитать адмирал и оны секретарь, и упроси, чтобы меня отставить от той науки, а взять бы к Москве и быть хотя бы последним рядовым солдатом... А мы ныне пошли морем в Копенгаген, в Датцку землю и будем тамо жить» [16].

«Натура не может снести мореходства»,— жаловался Голицын. «Морская скука» — морская болезнь. На нее сетует и Ва-

[16] Путешествия русских людей за границу в XVIII веке, с. 60—61.

силий Кириллович Тредиаковский в стихотворении 1726 года. Он в 1726 году отправился в Голландию, жил в Гааге.

Канат рвется,
Якорь бьется,
Знать, кораблик понесется.
Ну уж плынь спешно,
Не помешно,
Плыви смело, то успешно.
Ах! широки
И глубоки
Воды морскй, разбьют боки.
Вось заставят,
Не оставят
Добры ветры и приставят.
Плюнь на суку,
Морску скуку...

Почти в одно время с писателем Тредиаковским и с незадачливым моряком М. Голицыным был в Голландии и молодой дворянин Василей Кириацкий, герой повести, по которой когда-то в глухих уголках России узнавали о морской службе, потому что воспоминаний петровские моряки не оставили. А как бы интересно побольше узнать об этих моряках!

Мы хотим, исходя из этой повести и архивных сведений о тех временах, попытаться представить, какой могла быть встреча с Петербургом у такого Василея, много лет жившего на чужбине. Ну хотя бы один из его первых дней после возвращения.

Моряк Василей вернулся из Голландии в Петербург

...Сделав отчет Адмиралтейств-коллегии о своей морской службе «в Европиях» и повидав своих прежних товарищей, Василей захотел побродить по городу, по набережным Невы. Посмотреть на нынешних матросов с высоты своего опыта дальних плаваний под голландским флагом. А уж потом отправиться на побывку к отцу. Углубиться по проселочным дорогам в сухопутную Россию, повидать родину, где не бывал тринадцать лет.

Вот уж несколько дней дивится Василей многолюдью на Невской першпективе и богатству, великому обилию новых зданий на набережных Невы, на Городском острову и на ближней стороне Васильевского острова. Удивляется и мощности теперешних петровских кораблей, их хорошей оснащенности и вооруженности. Рад, что вернулся. Адмиралтейств-коллегией ему обещан вскоре высокий чин капитан-лейтенанта. Через чин награждают новым званием!

Отчет Василея одобрен самим генерал-адмиралом всего флота. Граф Федор Апраксин вдарил ладонью о стол по отчету Василея и по приложенным к тому голландским аттестатам, словно припечатал, и встал: «Лестно уведать таковое хваление русака от океаничных плавателей!» Подошел, поцеловал. «Каким долгим чертом вымахал!»

Василей напевает мелодию голландской портовой песенки. Смотрит с берега на невские суда.

За море, кое Африку омывает,
И за свежий бриз с утра
Венчальный дело кубок выпиваю
На улице Лилий. Пора!

Так пейте ж вы и воззывайте
В путь нам — добрый ветер вест
И капским хладным запивайте,
Славьте теи вина до небес!

Всякая радость удаче рабочей, будь то досрочная погрузка, скорое отплытие корабля или ловкий подъем парусов, вызывала вкус рома на языке моряка. Но в море пить моряку нельзя. На берегу — пей сколь влезет, говаривал сам государь.

Василей сколько дней у себя дома и ни разу не опробовал российского! И этих, как их... фрейлейн! — редко зрел вблизи. Вспомнив их, Василей вдруг запечалился. Сколько лет странствую. Оценили. Буду капитан. А где же мой дом, свой... Жена, дети... Бобылем остаюсь. Петербург радовал моряка, все тут родное. Отсюда взял когда-то с берега горсть земли, так уж пошло с давности. Как это и у немцев:

Крепко в кулаке зажмем
Щепоть земли родной.

Спасибо, родина, за все —
За кров, за хлеб и за питье,
За все тебе одной!

Еще долго ходил Василей по берегам Невы, приглядываясь, как бойко поднимаются матросы до самых верхних рей. А ведь скользко от дождя. Боцман сидит себе, курит — и не в положенном на то месте. Седой черт, палки просит! На голландский военный корабль бы тебя, да в Ост-Индию года на три! Заверещал бы. А может, подошли какие-то постные дни? Старик и заунывл на щах с одной капустой. Василей забыл. Он там, в Голландии, избаловался. Не постился. И только одну неделю, вместо семи предпасхальных, соблюдал, и говел, и исповедовался. Ездить к православному священнику далеко было там...

Помехой в тяжком матросском труде считал это постничество англичанин, живший или часто бывавший в Петербурге до 1724 года. Мы уже цитировали его рукопись. Граф Е. Путятин нашел ее на полках книжного магазина в Лондоне и перевел.

«Губительное влияние имеет их религия, предписывающая строгое соблюдение в году трех постов, достигающих 15-ти недель, не считая в том числе всех сред и пятниц в течение года... Это-то самое воздержание изнуряет их и усиливает в них уны-

ние духа, отнимая у них и бодрость, и желание работать там, где требуется расторопность и телесная сила» [17].

...Всем хороши россияне на судах. А того порядку все же нет. И город. Да он краше голландских. Но почему нет мостов? Долго ж государь упражняет народ к водному навыку...

Петр понимал, что одними указами не привить подданным любви к плаваниям, умение строить суда. И решил не возводить мостов в Петербурге. Поневоле займутся строительством лодок, а потом и покрупнее судов для перевозки грузов. Поэтому не разрешал за все свое царствование ни одной постройки постоянного моста через судоходные реки столицы.

Василей посмеивался. Хочешь не хочешь, а строению ладейному скоро научишься.

Дело идет к вечеру. Дождь, ветер. Чаек и тех нет. Пора и Василею. Наконец-то, еще не насквозь промокший, решился он оторваться от Невы. К теплу, на ассамблею, где и незваному есть место; а Василея приглашали порассказать о плаваниях.

Первая ассамблея была у генерал-адмирала Апраксина. Ассамблеи бывали у Меншикова, у канцлера Головкина, у вице-канцлера Шафирова. Это уже успел узнать Василей. И ждал увидеть особняк, богатый подъезд с фонарями, кареты у крыльца.

Здесь победнее. Прямо на кирпичной переходной дорожке три каменные ступени и дубовая дверь. Но навес у подъезда причудливый, с медными украшениями. Окна всех двух этажей освещены. Постоял. Вслушался. Армейскую поют. Василей почистил грязь с башмаков о скребницу. Потряс мокрые полы голландского плаща. Прислушался к нестройному хору.

Он будет, король шведский, ко мне кушати.
Уж мы столики расставим — Преображенский полк,
Скатерти расстелим — полк Семеновский,
Мы вилки да тарелки — полк Измайловский,
Мы поильце медяное — полк драгунушек,
А уж потчевать заставим — полк пехотушек!

Василей приободрился. На офицерской ассамблее попроще будет и выпить, и побеседовать со своим братом. Знатных уж нагляделся на приеме у государя. Да и в Коллегии перед адмиралами навытяжку постоял достаточно. Отвык Василей в Голландии от такого чинопочитания. Оно и здесь не так уж в тягость. Да привык сам командовать!

Ассамблеи в Петербурге широко распространялись. Успех был чрезвычаен. Они до того утвердились всюду, что даже среди столичного духовенства бывали потом. Павел Иванович Ягужинский, это на него Петр возложил надзор за ассамблеями, сам весельчак, неутомимый танцор, не жалел ни своих, ни

[17] История Российского флота в царствование Петра Великого..., с. 83.

казенных денег, помогая ставить их на широкую ногу. Генерал-аншеф в сорок лет, Ягужинский ввел ассамблеи в среде военных.

Ввести в домашнюю и общественную жизнь своих подданных светский лоск, столь нужный для тесных дипломатических, торговых, научных и политических связей с Европой, заимствовать необходимый для общения, всюду в Европе принятый этикет и цивилизованность европейских горожан — все это царь Петр стремился принудительными мерами внедрить хотя бы в двух столицах.

Ассамблеи «не только для забавы, но и для дел». Клубов не было. Клубы постоянно, ежедневно открыты, а ассамблеи можно назвать клубами от случая до случая. Это как ярмарки по сравнению с рынком. Ассамблеи более шумны, посетители их более случайны, встречи, знакомства на ассамблеях ни к чему не обязывают, разговоры там более независимы, вольны.

В «Полном собрании законов Российской Империи с 1649 года», в пятом томе помещен указ 1718 года об ассамблеях. «Ноября 26. Объявление генерал-полицмейстера Девиера.— О порядке собраний в частных домах и о лицах, которые в оных участвовать могут.

Ассамблеи слово французское, которого на русский язык одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать: вольное, в котором доме собрание или съезд делается не для только забавы, но и для дела; ибо тут может друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, притом же и забавы».

Хозяин не обязан даже и быть дома, а только должен приготовить несколько комнат, столы, свечи, трубки, табак, питье для утоления жажды и игры на столах. Всякий мог пробыть сколько ему угодно и делать что угодно: сидеть, ходить, играть. Каждый сам себе хозяин, «никто... церемонии делать встречанием, провожанием и прочим отнюдь не дерзает» под штрафом «Большого орла». Посетитель при входе и выходе обязан был лишь отвесить поклон. Посещать ассамблеи могли все, вплоть до мастеровых людей и приказных.

«Ранее 5 или 4 часов не начинается, а далее 10 пополудни не продолжается».

На ассамблее

...Должно, седьмой час пошел, решил Василей и открыл дверь. Домашней прислуге, по указу, быть на пути гостя не положено. Сколь бы ни велик был состав прислуги — все убирались в задние комнаты. В широком вестибюле толстый купец вприпрыжку вез на себе преображенца. Офицер в ру-

бахе подгонял купца черным чехлом шпаги, бил по его ногам. Другой офицер, в полной форме, чистил зеленый мундир товарища и негромко ругался, прилаживая полуоборванные узкие золотые галуны.

На лестнице во второй этаж, беззвучно хохоча, стояла, перегибаясь за перилы, женщина и считала удары по ногам купца. Двое играли в чехарду. И все молча, тихо — по пьяной возможности.

— Двадцать пять, тридцать секундов! — сказала она.— Слезай. Пришел урочный термин. Каждый хлёст — секунда. Штраф за порчу галуна отбыл купец.

Не сходя с лестницы, женщина, светски улыбаясь, сделала книксен Василею и указала на вторую дверь во внутренние покои первого этажа:

— Там Павел Иваныч. Пообчистись, навигатор.

Василей — то ли от яркого света после темени улицы и от тепла после стужи и мокрети наружной, то ли от вида этой женщины — молча уставился на нее. Нарядно одетая в синее, как васильки, платье со снежно-белыми кружевами кругом шеи и на груди, с пышными фижмами по бедрам при тонком стане, она казалась Василею воздушной, взлетевшей, чтоб сейчас спуститься к нему через ярко раскрашенные перилы.

И вспомнил. Так уже было однажды. После боя с алжирскими пиратами, захватившими два торговых корабля голландских, Василей спасся от плена на галиоте с кучкой голландцев и попал в испанский порт. Там на лестнице женщина окликнула его в таверне и увела к себе перевязать рану. Такая же чернявая волосом, а с синими глазами и будто ста́тью та же. И также полупьяна при первой встрече.

— Это он правил песней-то,— объясняла женщина, сходя с лестницы.— Ягужинский, генерал-прокурор всего Сената. Отчистись же!

Женщина не понимала причины оторопи Василея. Он, пятясь, сбросил на вешалку плащ, а преображенцы смотрели на него с удивлением и осуждением. На ассамблеи пьяным не приходи. Хозяина бесчестишь. Там пей, но явись туда, как стеклышко!

— Худо это. Тебе, хозяйке, обида, Дарья Алексеевна! — сказал один из офицеров.

Не спуская глаз с Дарьи Алексеевны, Василей нащупал ручку и открыл дверь. В большой, освещенной сальными свечами комнате — два стола длинные и один круглый около широкобокой изразцовой печки с синими голландскими рисунками. Это буфет. Василей пить хочет. Комната в четыре окна с частыми переплетами рам. За окнами — Петербург. Выпить бы да стать у окна. Но выпить так, сходу, неловко. А в окно ничего уже не видно.

Народ в комнате шумит, Василея и не замечают. Главенствует Ягужинский. Этот «видный мужчина, с лицом неправильным, но выразительным и живым, со свободным обхождением, капризный, самолюбивый, был очень умен и деятелен, он в один день делал столько, сколько другие не успевали и за неделю» [18].

Здесь он за полтора-два часа поспевал выпить за двоих. Поспевал и ухаживать за теми, кого года, ежели их присоединить к его сорока, не превышали бы шестидесяти в обоюде. Поспевал и в шахматы выигрывать партию за партией у офицеров да и у иноземных негоциантов. В упоении триумфом, не догадываясь о поддавках партнеров, Ягужинский утерял свою всегдашнюю любезность и покрикивал, торопя делать ходы.

Теперь все зримо ожидали, когда он ретируется. И намекали на нездоровье его жены. На такую дерзость решались лишь молодые женщины, ибо жена изменяла Ягужинскому, хотя имела двух детей.

Ягужинский собирался разводиться по совету государя. Это уже было возможно тогда. «Когда Ягужинский стеснялся разойтись с женой, страдавшей ипохондрией, то Петр Великий сказал ему: „Бог установил брак для облегчения человека в горестях и превратностях жизни, а дурное супружество прямо противно воле божией, и потому столько же справедливо, сколько и полезно, расторгнуть его“» [19].

Василей направился к буфетному столу. Там и лимонад, входящий в моду, и шоколад для дам, и вот оно, токайское. Он оглянулся: а ежели и обогреться? И протянул руку к штофу, к простой водке.

— Извольте откушать,— удержала его руку Дарья Алексеевна.— Сделай милость,— улыбнулась она. И уже вовсе по-дружески, не соблюдая принятой проформы, добавила: — Не поевши пить водку — обожжешь глотку. Отвык, поди, там от нашей-то?

— Мин херц прокурор,— обернулась она к Ягужинскому,— вы зрите пред собой россиянина в голландском мундире. Дозвольте ему поведать нам его морские бывалости. А то, гляди, перепьет и занесет его на хвастанье.

Василей выпил две чарки и едва успел проглотить кусок студня. А на мясо только посмотрел и встал.

— Экселянс! — подошел он к генерал-прокурору.— Я прибыл из Амстердама ради определения во флот его величества!

Ягужинского на этот раз дама-партнерша не пощадила, и ему грозил мат. Поэтому генерал-прокурор обрадовался случаю выйти из игры вничью.

[18] А. А. Голомбиевский. Сотрудники Петра Великого, с. 3.
[19] В. С. Иконников. Русская женщина накануне реформы Петра..., с. 76.

— А ну, позабавь сиятельных дам! — Ягужинский указал Василею табурет рядом с собой.— Сядь и жги побыстрее. Ей, потише там! — помахал он рукой назад.

Кое-кто подошел поближе. Пьяные будто присмирели. Только из вестибюля доносились речи. Двое приказных, перебивая друг друга, обсуждали как-то вдруг возникшее недоумение. Как это в Европии во храме сидя молятся, да еще и под музыку? Англичанин, от него ждали веской аргументации в защиту молитвенного сидения, плохо знал русский язык и не понимал спора. Он, стоя рядом, пел, отстукивая время от времени такт по плечу приказного. Тот оборачивался, думая, что бритт собрался с мыслями и хочет говорить. Вот это-то и затянуло обсуждение. Может быть, англичанин и поет псалмы свои, тем доказывая обоснованность сидения в церкви.

Ассамблея была простенькой. У майора. Установленные каноны ведения ассамблеи здесь не соблюдались строго. Ягужинского немного подпоили. Да он и сам был из простых, сын органщика из Польши.

Василей посмотрел вокруг. Всего-то на виду пять дам. И одна особливо ладная. Это она, Дарья Алексеевна. Посмотрел на аляповато рисованную пышнотелую Диану и на Нептуна в углу. Ко рту Нептуна тянулся вконец пьяный шкипер, по виду — из шведов на русской службе, с чашей в руке.

Ведь как будто дома, у себя, в России. А все не так здесь, как было семь лет назад. К батюшке скорее бы, в имение успеть до определения в службу государеву!

Ягужинский толкнул в бок задумавшегося Василея:

— Начинай мореходцкую науку изъяснять!

Василей стал сказывать свои приключения на голландских судах с первого года службы там:

— Амстердам стоит при море, и оттого легко было во все улицы провести каналы столь великие, что корабли идут по ним. И на всех тамо улицах фонари. Всяк повинен противу своего дома ту лампаду возжечь. И по тем улицам к вечеру плезир, тамо люди гуляют. Есть у них двор Остинской, другой Вестинской, где корабли делают. И Бирж, или такая площадь, где сходятся торговые люди...

Скоро все еще полупьяные ассамблейщики оказались в одной комнате. Слушали рассказ бывалого мореходца.

— На том Остинском дворе кумпании торговых людей, я и начал у них мое иноземное учение. Большие корабли военные и торговые делают они. И в том дворе видел корабль, который делал наш государь — называется «Петр и Павел». На нем уже ходили в Ост-Индию несколько раз и назад возвратилися. Был я и у того мастера, который государя учил, именем он Бас.

Рассказал Василей, как, накопивши денег, он некоторое

малое время учился высокой математике в Академии Утрехтской:

— Учатся тамо и медицине, и философии, и гистории, и теологии. В те палаты Академии я слушать ходил на пятом году службы, как начал разуметь латынь и по-галански вольно стал говорить.

А потом — о дальних плаваниях в караване голландских торговых судов под прикрытием военных кораблей. В памяти Василея, видимо, особенно ярко рисовались испанские гавани. О них он говорил с большим воодушевлением.

— Есть там собрание всяких вещей, называется галереей. Товаров в рядах изрядно множество, и предивной работы, и есть фонтана каменная со скамейкой. В жару холодная вода вверх брыжжет.

Испанией и закончил Василей свою речь.

— Еще на четвертом году моей службы, как вышли мы на трех кораблях хозяина, господина ван-Бранда, из Лиссабона и как повернули к Гишпании (далась ему эта Гишпания, дивилась Дарья Алексеевна, все сводит округ ее), так тут вскоре и началось. Своих товаров с выгодой продали португалам. Да и ихними дешевыми нагрузились. Чаяли с выгодой тоже продать их на мысе Бона Сперанца. Оттуда в Каликут, в Ост-Индию надобе. Да вот хозяин торопился. Понадеялся на свои двадцать две пушки, не стал ждать конвою. А я был у них за помощника старшего капитана, что̀ вел всю эшкадру эту. Идем к Африке. Старшо́й указывает, чтоб сигналы судам давали. Упаси бог, не отстал бы кто! Бежим мы парусом не так далеко от берегов-то. Места беспокойные, самые разбойные. Там мусульмане снаряжают свои корабли для грабежей. А время далеко за полдни. Вечера там не бывает. У нас солнце садится, садится. Святые кресты на храме навзрыд горят, за душу берут. Долог вечер. Там ночь сразу, будто ставни, что ль, где закрыли. Спешить надо подале уйти. Ан! И не успели...

Тут Дарья Алексеевна перебила речь Василея. О чем-то страшном начинает говорить!

— Выпил бы, да и передохнуть пора. Как тебя величать-то?... Андреич? А я жена майора, хозяина дома. Он изволит отсыпаться.

— Майн либер Павл Иваныч! — хрипел на ухо Ягужинскому голландец.— Наше бы дело с тобой закончить!

Павел Иванович поморщился.— Дай послушать моряка! — Ягужинский знал от адмиралтейцев о морских делах Василея.

А тут преображенец, руки в боки своего нарядного мундира, фертом наступал на моряка.

— Такая-то верзила!.. Порченым вином торговал. Без тебя б и не знали, что есть Гишпания! — смеялся преображенец.—

Ты, коли военный человек, так расскажи о боях морских. Вот о чем!

Ягужинский от тепла в комнате и от винных паров в голове давно снял пышный парик. Он подхватил его с кресла, подошел и буклями заткнул офицеру рот.

— Не рычи, князь Иван, Василей бился не раз и с королевским флотом аглицким в Индийском океане, ежели когда нужда была в том у галанцев. Да и его величеству шесть лет до того на боевых судах служил. А что обидное слово визитеру с дальних земель сказал, так за то пеня положена.

— Свойский же он, наш, тутошний,— оправдывался преображенец, выпивая чару «Малого орла».

Дарья Алексеевна со смехом подбодряла князя Ивана:

— Пей до дна. Да глянь, не лежит ли на дне та «морская скука», ее же Василею в насмешку ставил.

Поклонение женственности, любование женской красотою, искание приюта, отклика у женщины были и у костра пещерных времен. С тем же неодолимым нашим влечением к цветущей молодости. Были и тогда беззвучные задушевные речи, без слов понятные. Было и неизъяснимое чарование именно этой, единственной сейчас женщиной. Все прочие блекли и только раздражали, если мешали видеть ту, подойти к ней.

Василей ныне испытывал то же. Он незаметно из-за спины князя Ивана смотрел, как Дарья Алексеевна изящными, легкими движениями, свойственными лишь одной ей, помогала Ягужинскому надеть парик. И совсем по-детски, раскрывая губы, шевелила языком.

Так и тянет Василея заслонить ее лицо ото всех. В рот бабе глядят! Так в Европе не допускается. Но никому нет дела до Дарьи Алексеевны. Гости, как и сама хозяйка, вдруг повеселели. Хозяйка свое сделала, заботливо собрала знатную персону на выход.

Генерал-прокурор и хотел бы посидеть тут. Расспросить Василея о наших моряках в Европе. Да с голландцем дело тож самонужнейшее. Ягужинский ушел. И все ожили, словно дети без гувернера. Из других комнат понеслись крики, пение и топот пляски. Да и здесь толстая дама подскочила к Василею и, кружась, запела.

Я не в своей мочи огнь утушить!
Сердцем я болею, да чем пособить!..
Сколь мне без друга мила тошно пребывать...

Василей, мигая, озирался. Так много хлынуло новизны в давно знаемом городе. И вдруг пустился вприсядку, приглаживая обеими руками свою русую стриженую голову. Дескать, и

без помощи рук отобью, что положено моряку, сбалансирую тулово без откинутых рук. Гляньте, как пляшут молодецки люди, иже имеют обык и на корабле под парусами кружку с водой на голове не расплескать!

Нежданно для самого себя, яростно топая и глядя на Дарью Алексеевну совсем в упор, до неприличия, вдруг запел одну из песен голландских беглецов. Тех, что оседали помалу в дальних гаванях на пути Ост-Индской компании, не в силах годами выносить тяготы корабельной службы.

Матроз сманил любезную с собой.
Девицу он переодел матрозом.
Целуя ейные ланиты, порешил:
Сбегу! И боцмана оставлю с носом!

Весь красный, не понимая, что с ним, Василей, растерянно и почему-то зло озираясь, стал перед очи Дарьи Алексеевны, считая в простоте душевной — теперь все пропало! Ведь он будто пират созорничал в хоромах боевого офицера.

Дарья Алексеевна живо кликнула музыкантов, чтоб отвести внимание гостей от озорной выходки такого скромного моряка. В эту пору при Петре музыка была «потехой», не искусством еще. Вошли три мужика в кафтанах и в сапогах, коротко стриженные под скобку. Явилась Русь в онемеченную палату. Все здесь были и в немецких камзолах, и в разноцветных мундирах при шпаге, в чулках по колено и в башмаках с блестящими пряжками. Офицеры на ассамблеи в сапогах не приходили. В сборнике наставлений «Юности честное зерцало» есть к тому пункт: «Непристойно на свадьбе в сапогах и острогах [шпорах] быть, и тако танцевать, для того что одежду дерут у женского полу, и великий звон причиняют острогами, к тому ж муж не так поспешен в сапогах, нежели без сапогов».

У женщин на ассамблее — французские пышные, замысловатые прически. Нарядные платья, юбки круто приподнятые к «осиной» талии колокольчиком.

Василея обучали танцам. Теперь он ждал, когда ж начнется танец, где выбор партнера предоставлен женщине.

Дарья ангажировала Василея. Как много готовил он рассказать ей! Но сразу же повел речь об Испании, не понимая сам зачем. Ведь хотел посетовать на давнюю невольную отреченность от всего родного. В чужих землях юность прошла. Вчера не мог глаз оторвать от хороводов в Морской слободке.

Но вот в палату ввалился протрезвевший и сердитый с похмелья майор. Он движением руки прекратил музыку и оторвал жену от Василея:

— Ты, право, казак донской, а не благородный навигатор Европы! Заместо салонной беседы к чужим женам льнете!

Он прав, майор. Действительно, осмелевший Василей, глядя на вольности преображенцев, тоже прильнул к стану Дарьи

Алексеевны. Тем более что под оглушительную музыку на полковых инструментах нельзя было дать воли языку, приходилось подтверждать галантные намерения, выражая руками степень очарованности красотой своей дамы.

Обидел господина майора, огорчил, опечалил хозяина дома, сожалел Василей и думал, как бы загладить свою вину. И начал было описывать более свободное обращение с женщинами в городах Европы. Показывая, как там галантно склоняют свое лицо к даме. Почтение к женщине, чествование ее сочетались там с простотой и в любовных связях.

— У знатных персон так: у мужа — камора-кабинет, а у жены — своя светлица, называемая будуар. Женщина полную власть имеет звать, кого захочет, в свой апартамент.

Василей все больше терялся. Его слушали в пол-уха. Мало чего нового было в его речах. За семь лет отлучки Василея из России многое изменилось на европейский лад в домашней жизни, в семейном укладе. Выход русской женщины в свет сопровождался не только отменой прежней одежды. Петр, открывая окно в Европу, приоткрыл и краешек двери для женщины в мужское общество, замкнутое до того. Помог женщине сделать первые шаги в обществе, хотя бы и только в высшем свете, среди знатного дворянства и сановников.

Уже самое присутствие женщин на больших собраниях мужчин, где обсуждались и сложные проблемы общественной и даже государственной жизни, воодушевляло мужчин, вызывало их на соревнование умов, воли и решительности в своих спорах и выводах.

Петр девушке из дворянского сословия дал возможность самой найти будущего супруга. В Московской Руси даже барышня поставлена была в трудное, невыносимое положение. Она хочет замуж. Пора, семнадцать лет. Три-четыре года — и перестарок! Страшно и подумать! Свататься ей не дозволено. Должна ждать, пока ее найдут, увидят, полюбят, пришлют сватов. Сама она не увидит жениха чуть не до самого венчания. Не властна была она над своей судьбой.

Барышня послепетровских времен сама ищет жениха, бывая в обществе; ее окружают галантные кавалеры. Выбирай и властвуй! Петр установил обряд обручения за шесть недель до венца, дабы за эти недели невеста и жених могли узнать друг друга. По указанию Петра синод объявил в 1721 году допущение брака с иноверцами, считал такие браки не только законными, но «и похвальными, если они ведут к пользе государству».

Ратуя за женское образование, Петр году в 1711-м хотел даже послать девушек-дворянок за границу. «Было предположение, что самых молоденьких и красивых русских девиц, по примеру их братьев и за счет их родителей, посылать на житье к

кому-нибудь в Кенигсберг, Берлин, Дрезден и др. города для обучения иноземным нравам и языкам, а равно и работам, необходимым для девиц; но родители возражали, что эти юные дети не устоят перед иноземной галантностью и честь их может подвергнуться опасности» [20].

Галантные кавалеры были и в Петербурге. Они восхищались новыми европейскими туалетами, прическами и манерами женщин. Новый этикет. Люди останавливались на улице и наблюдали. Почтительные поклоны мужчин, реверансы женщин. Кавалер при шпаге, сняв шляпу, помогал даме подняться в карету.

Василей тоже воспринял в Европе изысканно любезное обращение с дамами. Но как применить те манеры здесь, на ассамблее у офицера? Живая, приветливая и видная собой Дарья Алексеевна зачаровала воображение моряка. Ее милые, кажется, так давно знакомые черты лица и нечаянно увиденное изящное сужение ноги у щиколотки при высоком красном каблуке вдруг опять напомнили Испанию. Тот удивительный запах хереса в таверне был и в брусничном квасе, чем угощала Дарья Алексеевна пьянеющего Василея.

Он думал. Да разве можно говорить — думал. Василей рисовал себе возможность встретить такую же Дарью у батюшки, в деревне. Ждал отдыха, тихой жизни в уютном деревянном доме отца. Старая, тяжелая соломенная крыша усадьбы всегда сыпала перегнившие соломинки на плечи. Нужно было отряхнуть их на резном с такими памятными балясинами крыльце. И рядом бревенчатые, внаклад, углы мужицких изб. Их оконца к вечеру чуть светятся. Войдешь — душистый запах горящей лучины, и хлебный дух, и ласковое тепло огромной печки. Бородатые мужики поднимаются с лавки:

— Милости просим! Значит, это... с дальнего пути. С приездом тебя...

На днях ведь уеду! Василей взглянул на цифирный круг каминных часов. И полчаса не осталось. Эх, завей горе веревочкой! Василей тронул плечо Дарьи Алексеевны:

— Дозволишь ли увидеть тебя когда?

И она дозволила:

— Заходить-то ко мне зазорно. А вот будет ассамблея либо иное какое собрание военных, ты взойди.— Дарья улыбнулась: — Токмо не тверди ты мне об этой проклятущей Гишпании.

Не дождаться Василею новой встречи. Что ж ему выговорить на прощание! Живи он в Петербурге безвыездно, он бы произнес ей трогательные слова здешнего галантного поклонника.

[20] Там же, с. 68.

Ах, дрожайшая, всего света милейшая...
Точию сей мой пароль объявляю...
И мою дражайшую воспеваю!..

Но он был простак. И одинок, давно одинок — и на морях, с голландцами, и в Петербурге. Дарья Алексеевна давным-давно, часа с три назад, разгадала душевное состояние Василея и сожалела о его несчастливой доле. Без жены, и это в двадцать пять лет!

По потолку над Василеем словно барабанную дробь отбивали. На втором этаже уже закончились и польские танцы, и «миновея» (менуэт). Вечер завершался шумным гроссфатером. Начинался этот танец, чуть ли не вчера введенный на ассамблеях, медленным маршем шестнадцати пар (больше не набралось в этом доме). Знак жезла — и плясовая музыка. Дамы оставили своих прежних кавалеров и брали по собственному выбору новых. Веселая, шумная толкотня. И снова сигнал жезла, и снова медленные, плавные движения марша. Ускользнувшие от дам, нередко выбежавшие на лестницу намеренно, ради «малого орла», штрафовались (или награждались, как сказать!) этим совсем не малым кубком хоть и легкого фряжского вина. Ведь все участники ассамблеи родились-то еще в семнадцатом веке, когда не было Петербурга и редки бывали привозные «легкие вина». Они привыкли пить крепкую водку.

Василей в дороге

Провожать Василея до дверей подъезда, сколь ей ни хотелось этого, Дарья Алексеевна никак не могла. Регламент ассамблей неукоснительно в первые годы запрещал провожание гостей. Пока «Табель о рангах» не научила уважать чин. Четверть века Петр громил устаревшее московское чинопочитание. С 1722 года ввел свою чиноступенчатость.

Дарья Алексеевна не провожала моряка, но держала его около себя долго. Она опять стояла у раскрашенных перил лестницы. Одетая не так-то уж богато, но к лицу, она много выигрывала в привлекательности на фоне затейливо витых украшений перил, окрашенных под стать ее яркому платью.

Правда, скоро пришлось ей отойти с Василеем в сторону, на пустое место. Гости повалили на улицу. Остерегалась, как бы кто в сутолоке не пересек тени ее с Василеевой на полу. Она сама не понимала, чем ей так дорог этот моряк.

Теней их при прощании никто не пересек. И все же Василею не посчастливилось еще раз увидеть Дарью Алексеевну до отъезда к своему отцу.

Но как долго в хмельном угаре мерещилась Василею Дарья Алексеевна на улице в тот ассамблейный вечер. Морока какая-то! Дарьин силуэт являлся и в полутенях качающегося решет-

чатого фонаря судов на причале, и у освещенных подъездов особняков. Видимый облик Дарьи, ее ласкающая улыбка вызвали у Василея томительную грусть от своей неприкаянности. Кто он? Голландский шкипер, что ли, здесь в Петербурге?

Дивясь, Василей только мигал. Такого не бывало и в Испании! И снова в редких фигурах проезжающих женщин Василей искал неповторимо теплое, приветливое дарьино обаяние. Похоже на то, как рассказывал старый моряк-шотландец. Он не раз плавал к дальнему северу и только раз видел его небесное сияние всеми красками. И потом, подплывая, все ждал. Ан, являлась только одна сплошная синева, яркая, игристая. А уж не то чарующее глаза, ласкающее душу ликование сотен танцующих радуг...

Безымянный автор повести о Василии Кириацком, да и переписчики не нашли на всей Руси девицы, достойной быть наградой за все испытания, мытарства и заслуги мореходу. Вот они, воспитанные на повестях о Бове Королевиче, и подвели кралевну Ираклию российскому моряку, стосковавшемуся в Европах. Пригожести россиянки, ее светлого взгляда, ее самопожертвования и непрестанных забот — этого, считали они, теперь мало Василею.

Грандиозность подвигов Василея (редкий еще русак мог объехать полсвета), его многолетние схватки с ураганными ветрами, с бешенством океана и голодные, жаждные скитания по морям под жарким солнцем трогали за душу, волновали автора повести и переписчиков. Гиперболически живописным и приветливым казался океан тем, кто не знал его, не побывал на его соленых валах, хватающих своими щупальцами, как осьминоги, неосторожных моряков с палубы. Он, океан, величественно жесток, хитер, обманчив своею раскрашенной всеми цветами, румянцами поверхностью и потайной черной бездной под ней.

Омывая и обледенелые и знойные земли, океан безграничными побережьями охватывает все материки, все страны, все народности земли. В его заливах отражается все сущее на планете. Хозяин земель, он требует оплаты за проезд по его путям и грозит смертью без покаяния, без причастия.

Какой же должна быть девица, способная вознаградить Василея за его муки! Вот тут и выдумана кралевна из Флоренции.

Долго ехал моряк поздней грязной осенью по нескончаемым проселочным дорогам, вспоминая старую присловку: октябрь ни колеса, ни полоза не любит. Мужики при каждой смене лошадей на стоянке хвастались своей дорогой. Она-де битая, ездовая. Хоть кубарем по ней езжай. А дорога — хуже вряд ли может быть. В Европе в лесу тропы, где валежник возят, не в пример лучше.

Все в пути тогда было иное. Все так несхоже с теперешней поездкой моряка в отпуск. На сотни ступенек-годов нужно глубоко спуститься в минувшее, чтобы увидеть дорогу Василея к отцу.

В кибитке на окованных колесах едет петровский офицер со всеми регалиями чина. С галунами на мундире, в треугольной шляпе, с блестящим, как позолоченным, эфесом шпаги. Так и в наше время, бывает, ездят молодые офицеры в отпуск в полной форме, чтобы показать свои отличия, достижения родителям и близким.

На лице Василея детски наивная радость ожидания встреч в отчем доме, что и нам было бы понятно — моряк прост душой. Он еще сохранил допетровскую патриархальность. И отличается от парней встречных деревень кроме своего наряда только начитанностью и умением водить корабли. Говорит он тем же языком, в тех же простонародных выражениях, и мир видит теми же глазами простых людей.

Лет через тридцать офицеры стали иными. А то было поворотное время от давних устоев Московской Руси к переустройствам в Российской империи. И вот едет себе Василей-моряк. Озирается на знакомые с детства и тринадцать лет невиденные «пейзажи», как сказал бы близкий потомок Василея, елизаветинский офицер, одетый элегантнее и говорящий в нос.

Как же это давно-то было. В далекую от нас пору ехал Василей по проселочным дорогам. Столетиями отдален он от нашего времени, этот первопредок российских моряков. А ведь и по его почину, по начинаниям петровских мореходов стронулось с нети и вышло на океаны судовождение у нас.

Проселочные же те дороги Василея знал еще и Есенин.

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин,—
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...

Дни и ночи, с передышками на упряжку новых коней, скачет Василей уже больше полмесяца в кибитке с гнутой кожаной крышей. Бьет по крыше дождь, ветер забивает мокрый снег в кибитку. От промокшей соломы пар идет. И не видно конца тому пути, той деревенской дороге. Отвык Василей — кажется, что кружит кибитка все по тем же местам.

Не было еще ничего такого, чем веет ныне дорога на человека. Только через три поколения явилась «птица-тройка», что так воодушевленно рисовал Гоголь. Почтовой тройки коней, воспетой в старинных песнях и романсах, не бывало еще. Она впервые упоминается в 1770 году. Но и те тройки «ходили» на

благоустроенном почтовом тракте Петербург — Нарва. В ямской обиходной речи слово «тройка» появилось лишь в первые годы XIX столетия.

Василей «катил» — и быстро-пребыстро, как ему казалось — на двух лошадях, впряженных гуськом в кибитку. Запах соломы, хруст мятой соломы под ногами, запах всегда и всюду душистого, свежеиспеченного ржаного хлеба, соленых огурцов и осенней «молодой» засолки груздей сопровождал Василея всю его долгую дорогу. Огурцы да грузди ел он на стоянках. Они были в запасе в кузовках и лукошках кибитки.

Перезвон колоколов редких храмов, скрипы колодезного вóрота и свист ветра в дуплах старых ветел напоминал моряку детские годы. А когда ветер приносил пахучий дымок из близкого селения, когда кибитка ускоряла ход и ямщик удалым посвистом оповещал о прибытии к новой «станции», Василей вглядывался, ожидая чуда — вдруг здесь покажется его дом.

Тринадцать лет назад мальчишкой проезжал он последний раз по этим однообразным дорогам и по таким схожим во всем селениям. За этой станцией опять все та же стыдливая, застенчивая глухомань. Даже природа, родной с детства лес словно старается скрыться за бесконечными поворотами. Не всмотреться, не разглядеть леса на подскоках кибитки, на крутых поворотах.

По шатким деревянным мостам две лошади осмотрительно шагали. Ямщик, сняв шапку, крестился, пока не миновали мост. А сама дорога! По краям дороги змеями вьются корни деревьев. Моряк, утерявший навыки умело держаться за сиденье, не раз велел ямщику умерить качку.

И опять деревушка. Избы низенькие, дымные. Мужиков не видно. Только мальчишки да старики, сняв шапки, низко кланяются издалека. Бабы со зримой неприязнью острым взглядом провожают кибитку офицера.

О чем мог думать Василей? Отсталость ярче выступала после многолетней жизни в Европе. Фортуна не жалует мужиков. Как много лучше живут крестьяне и ремесленники там, в Европе.

Преклонения перед Западом еще не было на Руси. Конечно, ученичество у Европы не могло быть успешным, если бы не уважали учителей. Но при Петре перенимали науки, технику, ремесла преимущественно. Мысли Василея вязли в смутности, неопределенности его отношения к благам европейской жизни, ее культуре, уже привлекательной, но еще чуждой ему.

А вот душевные ощущения обострились в дороге. Переживания людей, чувства мало изменились столетиями в отношениях к близким, родным и милым сердцу. Правда, отец тогда очень почитался.

Свое увлечение Дарьей Алексеевной моряк теперь, в долгой дороге, мог обдумать. Любовь к замужней — не есть ли это на-

чало «мерзкого блуда»? О нем говорил, напоминал отец при прощании. И Василей зарекался и обещал отцу.

Да вряд ли он мог вволю побыть у отца. Вскоре опять завязались схватки со шведами на море. Едва успел получить благословение на битвы от двух своих отцов. Духовный отец, священник, благословил кипарисовым нательным крестом. Родной отец надел на грудь Василея свою старую ладанку.

Капитан Василей Кириацкий повел свой корабль на битву. Бушевало ли море, или штиль сковывал паруса, баталии продолжались многие часы, дни. Был окончательно пробит шведский заслон к морским путям на Запад. Но сколько их, боевых товарищей Василея, моряков да и напалубной, десантной пехоты, убито, ранено, обожжено горящими парусами и опустилось ко дну моря вместе с останками кораблей!

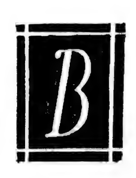
В 1721 году закончилась долгая война со шведами. Петр готовил дальние плавания в океаны. В экспедицию Вильстера назначены боевые товарищи Василея, может быть, и он сам. Вот такие люди, как Василей, и готовились пересечь экватор, одолеть впервые долгий, трудный и опасный тогда путь через два океана.

В этой книге, пожалуй, нет больше возможности поговорить о сохранившихся от петровского времени народных сказах, повестях, песнях. Жаль это. Помянуть бы не только «Гисторию о российском матрозе». А эту повесть, в которой переданы черты морской службы и быта, мы стремились, пользуясь давними документами, сделать понятнее в наши дни, через четверть тысячелетия.



Что ждало их на Мадагаскаре





Вот таким морякам, как Василей Кириацкий, и доверил Петр свое письмо к «королю Мадагаскарскому».

«Божиею милостию мы, Петр Первый, император и самодержец всероссийский и проч., и проч., и проч., высокопочтенному королю и владетелю славного острова Мадагаскарского наше поздравление.

Понеже мы заблагорассудили для некоторых дел отправить к Вам нашего вице-адмирала Вилстера с несколькими офицерами: того ради Вас просим, дабы оных склонно к себе допустить, свободное пребывание дать, и в том, что они именем нашим Вам предлагать будут полную и совершенную веру дать, и с таким склонным ответом их к нам паки отпустить ж изволили, какого мы от Вас уповаем, и пребываем Вам приятель.

Дано в С.-Петербурге. Ноября 9 1723 года».

Почему Петр, обращаясь к флибустьерскому вожаку, называл его «королем Мадагаскарским»? В те времена это было естественно. Эти же слова встречаем и у знаменитого современ-

ника Петра, Даниеля Дефо. Одна из его книг называлась «Король пиратов. Повесть о необычайных похождениях капитана Эйвери, названного королем Мадагаскара».

Стремясь установить связь с флибустьерами, Петр, уважительности ради, назвал Моргана королем. Наверно, зримо представил себе властный облик неторопливого, важного предводителя флибустьеров во всем блеске и пышности его кавалерского наряда — кафтан с золотым шитьем, шляпа с плюмажем, шелковые чулки, золотые пряжки башмаков и дорогое дворянское (пусть отнятое) оружие.

Тогда было иное, чем теперь, отношение к пиратам.

Петр интересовался всем, что происходит на морях, и знал, хотя бы понаслышке, историю пиратов. Он жил в Голландии, когда ее правительство сочетало свою колониальную политику с действиями флибустьеров. В Англии, Дании Петр видел то же. Известные корсары, флибустьеры являлись там на приемы во дворцы королей и вельмож, как ныне «звезды» экрана на званые вечера в особняки миллионеров. За знаменитыми, прославленными флибустьерами в европейских портах мальчишки бегали по улице, как за матадорами в Испании.

Да и у самого Петра были свои корсары, они захватывали на Балтике суда враждебной Швеции. Так что Петр наверняка прислушивался ко всему, что говорили о пиратском промысле и о встречах с пиратами бывалые моряки-иностранцы, служившие в его флоте.

Еще больше он мог узнать из иностранных изданий, которых читал множество, даже ведь сам писал для «Ведомостей», первой русской газеты, статьи и заметки о событиях в чужих странах. Попадался ему на глаза, вероятно, и классический труд о пиратстве — книга А. О. Эксквемелина «Пираты Америки», вышедшая в Голландии в 1678 году, в том же веке переведенная на английский, французский и немецкий языки и не один раз изданная на этих языках при жизни Петра. Может быть, саардамский плотник Петр Михайлов, он же царь всея Руси Петр Алексеевич, в часы своих коротких голландских досугов перелистывал страницы давнего издания «Пиратов».

Петр знал, конечно, об известных всему миру баталиях флибустьеров с испанским флотом — ведь флибустьерскую тактику ведения морских боев изучали и перенимали адмиралы. Но знал он и социальную почву флибустьерства. Понимал, что пираты, как и разбойники на суше,— это бунтари. В оправдание своих действий они во время допросов ссылались на то же самое — на несправедливость общественных отношений, на неравенство в распределении благ.

Флибустьерство было порождено эпохой географических открытий, первоначального накопления. И пиратам приходилось раздвигать шоры, которые ограничивали кругозор людей

того времени, ломать многие барьеры в их, да и в своем собственном сознании. Ведь отказаться от преданности своему королю, от верности государственному строю, общественному порядку было непросто. Потому так и восхищался флибустьерами Вольтер. Он даже считал, что, явись между ними человек гениальный, способный объединить их разрозненные силы, они захватили бы Америку от Северного полюса до Южного и произвели бы совершенный переворот в политике Европы и Америки [1].

На Мадагаскаре, на этом неведомом россиянам острове в другом конце полушария, абсолютизм первого императора России мог бы столкнуться с вольными общественными порядками пиратских общин. Эти внесословные, вненациональные общины оторвались от всюду сущего тогда строя общественной жизни. Объявили войну всему миру с его несправедливым делением людей на знатных и «подлых», на богатых и бедняков. Известный пират капитан Беллами так выразил общее суждение своих товарищей: «Мы не подчиняемся законам. Они созданы для богачей, чтобы под защитой многих законов грабить бедных. Мы же грабим богачей, и под защитой только своей отваги».

Как же Петр, император, самодержец, решился для своих первых далеких плаваний искать подмоги у бунтарских общин? Так ли давно он подавил восстание Булавина, да еще как жестоко. А рассказы участников боев со Степаном Разиным памятны ему с детства.

Крепко же верил Петр в прочность созданной им империи, если звал к себе на постоянное житье эту вольницу — тем более что он считал ее очень многолюдной.

Флибустьерству пришел конец

Флибустьеры, пираты, корсары, каперы... Где теперь прочтешь вразумительную характеристику каждой из разновидностей морских разбойников!

Именно там, на Мадагаскаре и на соседних с ним островах, под их лазурным небом завершилась история флибустьерства. Флибустьерами называли обычно тех европейских пиратов, которые в XVII веке обосновались в Вест-Индии, создали там свои республики, сражались не только на море, но и на суше и по временам помогали какому-нибудь из европейских государств. Мадагаскар и остров Санта-Мария после разгрома флибустьеров в Вест-Индии стали их последним приютом. Историки-малагасийцы пишут, что в XVII столетии восточное побережье Мада-

[1] Collection complète des oeuvres de Voltaire. T. 23, c. 248—249.

гаскара часто посещали европейские корабли и что на одном лишь острове Санта-Мария, расположенном возле этого побережья, в конце XVII века обосновалось около 1200 флибустьеров [2].

До Петра доносились эти сведения, но с большим запозданием — может быть, на десятилетие, даже два. Очень уж далеко до Мадагаскара.

К началу мадагаскарско-индийской экспедиции Петра на Санта-Марии уже не было штаба пиратов. Порт был заброшен. Каспар Морган — в английской тюрьме. В порту останавливались корабли, когда их относил восточный ветер, зимний муссон с морского пути. Здесь можно было набрать воды, с помощью бывших пиратов и у малагасийцев пополнить припасы, отдохнуть в полуразрушенных постройках пиратов. Это, конечно, было возможно только для больших судов с многочисленным экипажем. Маленький шлюп бывшие пираты еще способны были одолеть.

Пиратской вольницы уже не существовало ни на острове Санта-Мария, ни на Мадагаскаре. Юбер Дешан, изучая историю пиратства на Мадагаскаре, нашел свидетельство некоего Бенара, датированное 1723 годом: «В кантоне Мадагаскар не больше 40—50 пиратов, большинство их англичане». Дешан добавляет: «Под кантоном разумеется залив Антонжиль или, вернее, побережье Мадагаскара против Санта-Марии... И эта цифра кажется возможной, а вся численность бывших пиратов на Мадагаскаре после прекращения активного пиратства не должна бы достигать и 200 человек, и указанный кантон, вероятно, был самым населенным».

Фрегаты Петра опоздали бы. Это, вероятно, знал Наркрос, когда вдруг исчез из Лондона. Наркрос видел «мадагаскарцев» на виселице у Темзы. Кто знает, может быть, Петр, подписывая 5 декабря 1723 года две разные инструкции, мадагаскарскую и индийскую, давал возможность Вильстеру плыть прямо в Бенгал.

Но с полной определенностью узнать о развале пиратских гнезд и об аресте англичанами Каспара Вильгельма Моргана, «короля Мадагаскарского», Петр мог только в феврале 1724 года от командора Ульриха.

Исчезновение пиратов с Мадагаскара и Санта-Марии происходило быстро. Военные суда настойчиво преследовали их. Вожаков приговаривали к смерти. Иной год только в Лондоне вешали до полусотни человек. Пираты разбегались.

Читатели, увлеченные сюжетной остротой романов о пиратах, редко задумываются над тем, как это люди плавали годами, лишь ненадолго сходя на землю. Одолевали болезни, подхвачен-

[2] L. Ramaroson, N. Giambrone. Teto anivon' ny riaka..., с. 18.

ные на случайных стоянках у местных жителей. В отличие от легальных мореплавателей пираты не могли останавливаться на отдых в благоустроенных гаванях. Ничтожные царапины (не говоря уж о ранах) без элементарной медицинской помощи превращались в гнойные язвы от соленой воды и горячего солнца.

Кроме виселиц, тропических болезней, кораблекрушений и абордажных боев пиратов истребляло еще и пьянство. Пили на море и на стоянках, при неудачах и успехах, когда захватывали бочки рома и пива. И от этого гибло пиратов больше, пишет Дешан, чем от всех эскадр, посланных против них.

Можно представить, с какой безысходной горечью, ошеломленные смертями товарищей, озирались эти люди в ожидании примет хоть какой-то земли. Какого-то очага, жилища, отдыха. Бывало, что к заветному берегу подходил уже плавучий госпиталь, только без врачей и лекарств. Даже воды не было вволю.

Флибустьерский штаб на Санта-Марии был разогнан в 1721 году эскадрой командора Мэттьюза, посланного туда королем Англии. Многие успели ускользнуть от преследования, но все же пиратские налеты постепенно прекращались. Казнью главаря последней активной шайки француза Лябюза в 1730 году на набережной Сен-Дени острова Бурбон закончилась история «классического» европейского пиратства в последнем их убежище, на Мадагаскаре.

Честолюбивый Лябюз, чтобы не быть забытым, напомнил в последний час, что оставленная им криптограмма принесет несметные богатства тому, кто прочитает ее и найдет его сокровища. «Их ищут и до сих пор»,— пишет Дешан.

Клады флибустьеров — это не домыслы Стивенсона и Эдгара По. «Золотой жук» написан по следам искателей клада, которые откопали действительно сказочные богатства пирата Кида.

Чтобы собрать подобные богатства, много бед принесли мадагаскарские пираты,— ведь они больше топили, чем отнимали. В иные годы они начисто загораживали океан, разрушая еще непрочные связи Европы с Востоком.

Правда, тем самым они сдерживали экспансию европейских держав, десятилетиями тормозили захват новых земель. Сами того не понимая, охраняли в какой-то мере независимость народов Востока.

А может, и понимали? Выступая против всего мира, они заботились о прочном тыле. Вот свидетельство Эксквемелина, который был лекарем у флибустьеров Вест-Индии:

«Пираты настолько дружны с тамошними индейцами, что могут жить среди них, совершенно ни о чем не заботясь... Индейцы довольно часто ходят с пиратами в море и остаются с ними года на три или четыре, не поминая о своем доме, так что среди них есть много таких, кто хорошо говорит по-французски

и по-английски. Среди пиратов тоже немало людей, которые бойко говорят на индейском языке»[3].

Пиратские общины на Мадагаскаре и Санта-Марии особенно зависели от местного населения, им приходилось считаться с ним куда больше, чем флибустьерам в Америке — с американскими индейцами. Пиратским общинам на Мадагаскаре и рассчитывать-то больше было не на кого. Эпоха корсарства и каперства прошла.

Столетием раньше пиратов приглашали в Тайный совет английской королевы Елизаветы; даже позднее, в пору флибустьерства на дорогах к Новому Свету, их жаловали чинами, а теперь без суда вешали на реях военных кораблей. Вот и приходилось подчас искать спасения у местных жителей, а значит, и ладить с ними, даже дружить, видеть в них союзников против колониальных набегов европейских держав.

Не участвуя в большой европейской политике и замыкая свои связи на местном населении, флибустьеры на Мадагаскаре не имели отношения к бурным мировым схваткам — не то что несколькими десятилетиями раньше в Вест-Индии, где у них были контакты с европейскими торговыми, политическими, придворными кругами, грандиозные баталии с испанскими конквистадорами.

Из-за этого мадагаскарских флибустьеров куда меньше знают в Европе. И в художественную литературу они попали лишь редкими упоминаниями, хотя в флибустьерском дальнем синем море поднимала паруса и их бригантина. Из героев стивенсоновского «Острова сокровищ» разве что старый попугай Джона Сильвера живал когда-то на Мадагаскаре со своим прежним хозяином, капитаном Флинтом.

Правда, лет пятнадцать назад на Санта-Марии и Мадагаскаре был снят веселый приключенческий фильм о пиратских временах. В этом фильме, должно быть впервые, снимались артисты-малагасийцы. За ним последовало еще несколько кинокартин о мадагаскарских пиратах.

Теперь не только на Мадагаскаре, но и на Санта-Марии бывают наши соотечественники. На Санта-Марии неподалеку от прекрасных естественных пляжей сохранилось «Кладбище пиратов». Оно поросло кустарником, но почитается как памятная историческая достопримечательность. В городе Таматаве, центре восточной провинции Мадагаскара, одна из улиц названа в честь пирата Берто, а женщина, шеф-повар местной гостиницы, не без гордости сообщает, что это один из ее предков.

Легенды о пиратах стали неотъемлемой частью романтики тех мест, стали они и приманкой для туристов. Даже на жевательной резинке — пиратский флаг. Этикетка на бутылках рома

[3] А. О. Эксквемелин. Пираты Америки..., с. 208.

тоже напоминает о тех буйных временах. В приморских кабачках можно услышать, что на соседнем с Санта-Марией островке Форбан зарыты и до сих пор не найдены несметные сокровища флибустьеров.

С мадагаскарскими флибустьерами связана история, не нашедшая окончательного объяснения и в наши дни, через много поколений. Трудно сказать, легенда это, или быль, или смешение легенды с былью. Во всяком случае, с этой историей стоит познакомиться.

Страна Свободы в петровские времена

Да, Страна Свободы, флибустьерская община справедливых порядков на рубеже XVII и XVIII столетий. Республика Либерталия (или Либертатия).

Все изумляет в этой республике. И место, где она возникла,— на краю тогдашней ойкумены, на самом севере Мадагаскара, где сейчас порт Диего-Суарес. И то, что Страну Свободы создали пираты. И время — эпоха, когда Африканский континент на географических картах покрывали изображениями диких зверей, ибо не знали, что же там есть на самом деле.

История Либерталии настолько фантастична и невероятна, что не знаешь даже, с чего начать.

Пожалуй, лучше всего сразу же привести два или три из ее общественных принципов.

Один из них: «Наши помыслы верны, справедливы и благородны: это стремление к Свободе».

Другой: «Мы делаем добро угнетенным, бьемся с их угнетателями».

Третий: «Мы провозглашаем равенство всех людей без исключения».

Эти принципы были не просто рассуждениями, как у многих философов-утопистов. В Либерталии эти идеи воплощались на практике. История отпустила ей недолгую жизнь, но ведь и не однодневную — все-таки несколько лет. В наши дни это назвали бы социальным экспериментом.

Общественная жизнь республики определялась конституцией, принятой гражданами. Провозгласив республику, они назвали ее Либерталией — Страной Свободы, а себя стали именовать словом «либери», то есть свободными. Оно было понятно всем в этой необычайно пестрой коммуне французов, англичан, голландцев, португальцев, арабов и африканцев разных племен. Говорили на своеобразном жаргоне из европейских, африканских и малагасийских слов.

Частная собственность в Либерталии не признавалась. Имелась общая казна, но деньгами пользовались только во взаимоотношениях с внешним миром — для приобретения товаров, нужных республике. Товары делились между гражданами, причем европейцы не имели преимуществ перед африканцами и малагасийцами. В самой республике деньги не имели хождения. Труд считался обязанностью каждого гражданина, никакого особого вознаграждения не полагалось. Это был ежедневный труд, казалось бы неприемлемый для пиратов, как и добровольное подчинение дисциплине коммуны. Возделывали заросшую кустарником целину. Сеяли местный маис и зерно, найденное в трюмах захваченных судов. Одного лишь крупного рогатого скота имели не меньше 300 голов. Обменивали ткани, котлы, ножи, топоры и ром на рис, мясо, фрукты — мирная среда в Либерталии привлекала местных жителей, уже знакомых с изделиями Европы.

У республики был большой поселок — человек на тысячу, плантации, крепость, флот, доки. Вход в бухту, где построили поселок, был укреплен. Возведены два форта. Сорок пушек поставлены по обе стороны берега, десять — в центре бухты.

Население Либерталии составляли пираты почти всех европейских морских наций и черные рабы с захваченных невольничьих судов. Возникало равенство в правах независимо от сословия, национальности и цвета кожи. Добрые отношения пиратов с малагасийцами уже были установлены раньше. Пиратские общины на восточном побережье Мадагаскара и на острове Санта-Мария породнились с ними.

Все руководители Либерталии избирались сроком на три года. Это прежде всего члены совета республики. Во главе его стоял Миссон, французский дворянин родом из Прованса. Был в республике и государственный секретарь. На этот пост избрали итальянца Караксиоли (или Караччоли), в прошлом — монаха-доминиканца. Караксиоли был автором конституции и вообще главным идеологом республики. Он считал, что господь бог, создав человечество, уж не оказывает влияния на его судьбу и, следовательно, в человеческом обществе царствуют законы, созданные людьми, а не богом. Против них можно и должно восстать. Караксиоли вместе с Миссоном, который увлекся идеями великого итальянца Томмазо Кампанеллы, и были создателями Либерталии. Они объявили войну таким несправедливым установлениям, как монархия, неравенство людей и деньги — орудие и символ этого неравенства.

Флотом Либерталии командовал капитан Тью, известный пират-американец, который примкнул к республике уже после ее создания. У молодой республики было три корабля. Был и свой док, в котором построили еще два шлюпа — «Свобода» и «Детство».

Подготовка к созданию Либерталии заняла несколько лет. Идея зародилась в конце 1680-х годов, когда Миссон и Караксиоли познакомились друг с другом. Миссон был тогда офицером флота Людовика XIV. Прибыв на военном корабле «Виктуар» в Неаполитанский залив, он отпросился у своего капитана и отправился в Рим осмотреть достопримечательности «Вечного города». Там и встретил Караксиоли. Тот показывал ему античные памятники и одновременно знакомил со своим мировоззрением, которое имело мало общего с ортодоксальным римским католицизмом. Монах-доминиканец выступал за равенство и братство людей, против сословности и власти денег. Миссон был подготовлен к пониманию этих идей. Он получил по тому времени отличное классическое образование, а затем учился в военной академии. Монах и моряк решили действовать сообща и взять на себя миссию — создать общество равных. Отсюда, очевидно, и имя Миссон — так назвал себя офицер из Прованса.

Осуществить свою идею эти люди задумали в среде флибустьеров. Отщепенцы, выбитые из ячеистой общественной организации, тогда еще сугубо сословной, флибустьеры чувствовали, а некоторые и сознавали условность социальных барьеров. Ведь среди них были и образованные люди — дворяне, королевские офицеры, разорившиеся судовладельцы, торговцы — рядом с обнищавшими крестьянами, портовой голытьбой, ворами, дезертирами. Все они словно по социальному принуждению собраны были на одном корабле. И уживались. Сближали их, роднили опасное ремесло, жизнь без родины, без семейного очага, без детей, даже без освященного традицией захоронения, без кладбища — смерть на воде поджидала ежечасно.

Караксиоли сбросил монашеское облачение и стал членом экипажа корабля «Виктуар», чтобы не разлучаться с Миссоном. По приказу Людовика XIV «Виктуар» отправился из Средиземного моря к берегам Америки. Там сражался вместе с французскими флибустьерами против англичан. Миссон и Караксиоли отличались в битвах смелостью. Но их идеи не нашли отклика у флибустьеров, вожаки которых еще были на службе короля.

Начало осуществления их планов — 1690 год, когда после долгих плаваний и боев с англичанами были убиты почти все офицеры «Виктуара». Кораблем овладели сторонники Миссона и Караксиоли.

На палубе «Виктуара» собрались остатки экипажа — меньше 80 человек. Общим голосованием Миссон был избран капитаном, Караксиоли — его помощником. Жаркие споры вызвал выбор флага. Многие хотели поднять какой-нибудь из пиратских флагов. Спор решила воодушевленная речь Караксиоли (все цитаты мы приводим по запискам Миссона, а о самих этих записках еще скажем):

— Меня огорчает, что между вами нет согласия. Мы не пи-

раты. Мы, свободные люди, боремся за право человека жить по законам бога и природы. У нас нет ничего общего с пиратами, кроме того, что мы ищем счастья на море.

Под крики: «Свобода! Свобода! Мы — свободные люди!» — был поднят предложенный Караксиоли белый флаг с изображением женщины — Свободы — и надписью: «За бога и свободу». Эту речь Караксиоли французский историк Юбер Дешан назвал достойной великих римлян и тех героев, которые выступили за свободу, равенство и братство через сто лет, в годы Великой Французской революции.

И «Виктуар» отправился через Атлантику, кругом Африки к островам Индийского океана, чтобы основать там свою желанную республику.

Конечно, средства к существованию во время долгого похода экипаж «Виктуара» мог добывать только путем нападения на встречные корабли. Но при этом отбирали лишь предметы первой необходимости — все, без чего не могли обойтись: продовольствие и боеприпасы (и, конечно, ром, без которого не мыслили своего существования моряки, даже сторонники свободы и равенства). Но из этих предметов брали не больше половины, чтобы команда другого корабля могла продолжать плавание. Не трогали грузы. Лишь золото забирали в казну своей будущей республики.

Повсюду — на берегу, во время стоянок или при встрече с моряками других судов — Миссон и Караксиоли призывали неимущих восставать. Очень интересно было бы узнать, как действовали такие речи на слушателей. И еще интереснее — как же удалось Миссону и Караксиоли обуздать команду своего собственного корабля, пресечь стремление к грабежу, прекратить поголовное пьянство, привить уважение друг к другу?

У берегов Западной Африки «Виктуар» напал на два голландских корабля. Один из них оказался невольничьим. Захватив его, Миссон собрал своих людей и высказал им свое возмущение работорговлей и рабством:

— Вот пример позорных законов и обычаев, против которых мы выступаем. Можно ли найти что-нибудь более противное божьей справедливости, чем торговля живыми людьми? Разве этих несчастных людей можно продавать, словно скот, только потому, что у них иной цвет кожи, чем у нас? У разбойников, наживающихся на торговле рабами, нет ни души, ни сердца. Они заслуживают вечных мук в геенне огненной! Мы провозглашаем равенство всех людей без исключения. Поэтому, следуя нашим идеалам, я объявляю этих африканцев свободными и призываю всех, друзья мои, обучить их нашему языку, религии, обычаям и искусству мореплавания, дабы они могли зарабатывать на жизнь честным трудом и защищать свои человеческие права.

Республике были нужны люди, стремившиеся к свободе, но лишенные ее. Африканцев освободили и одели в костюмы убитых в сражении голландцев. Их приветливо расспросили — как могли, не зная языка. Участливо отнеслись к их судьбе.

Восемьдесят африканцев были высажены на ближайшем берегу, как они того хотели, а одиннадцать вступили в члены плавучей общины «Виктуара», вероятно не вполне еще понимая, что за люди здесь, но благодарные за доброе отношение.

Конфликт возник не с африканцами, а с голландцами, которые тоже присоединились к команде «Виктуара». Не сразу ужились они на разнонациональном корабле. Их шокировало равенство прав белых и черных, которых они так недавно держали на привязи в трюме, как опасную рабочую скотину. К тому же своим пьянством голландцы деморализовали моряков «Виктуара».

Миссон снова собрал экипаж и объяснил:

— Конечно, эти люди отличаются от европейцев цветом кожи, обычаями и религиозными обрядами, но они не менее нас суть всемогущие создания, ибо наделены таким же разумом.

Национальная рознь и сословные привилегии в отношениях офицеров с матросами исключались начисто. Свои преобразования Миссон проводил твердой рукой. За оскорбление африканца, за ругань и пьянство — батонаж (битье палками).

Так реальные трудности заставляли менять многие из первоначально принятых методов на пути к республике свободы и равенства. Пришлось признать также, что в самом начале этого пути нельзя отказываться от пользования деньгами. И, не меняя своего прежнего отношения к неимущим, перестали щадить богачей — начали отнимать у них ценные грузы.

От мыса Доброй Надежды миссоновцы шли уже на двух кораблях. Там, у южного берега Африки, «Виктуар» выдержал трудный бой с двумя английскими кораблями. Один, 32-пушечный «Бижу», был взят. Караксиоли стал его капитаном.

На двух судах направились уже не на юг Мадагаскара, как до того хотели, а к Коморским островам, вдоль западного берега Великого острова. От англичан узнали, что европейские суда заходят на Коморы. Там решили высадить пленных.

У Коморских островов встретили тонущее английское военное судно. Спасли экипаж и высадили моряков на острове Анжуан. Там остались на несколько месяцев и сами. Их любезно встретила королева, которая нуждалась в защите от воинственного султана острова Мохели.

После двух больших сражений с войсками султана, где флибустьеры пришли на помощь анжуанцам и Миссон командовал объединенными силами, был заключен мир. В награду многие

пираты получили анжуанок в жены. Миссон женился на сестре королевы, Караксиоли — на дочери брата королевы.

На острове Анжуан задержались надолго. Не раз отправлялись оттуда в далекие походы — до Персидского залива. Но в конце концов двинулись к заветной цели, к пиратским гнездам мадагаскарского побережья, где Караксиоли и Миссон мечтали вербовать сторонников для осуществления своего замысла.

У Мозамбикского залива — встреча с 60-пушечным португальским кораблем. В жарком бою погибли тридцать товарищей. Португальцев убили шестьдесят. Караксиоли потерял левую ногу. Анжуанки не уходили с палубы во время схватки, приносили воду, перевязывали раненых.

И снова поставили рваные, пробитые паруса, с попутным ветром пошли к Мадагаскару. Все несбыточное казалось возможным на этом милостивом к пиратам океане. Были новые богатые трофеи — золотой песок. Новые резервы бойцов для будущих сражений — освобожденные африканцы.

В 1694 году стали в заливе, который теперь называется Французским, среди скалистых берегов Северного Мадагаскара.

Тут и был заложен поселок. Строить его помогли триста жителей Анжуана. Королева отпустила их на четыре месяца, хотела отблагодарить миссоновцев за усмирение султана. Вскоре перешли из шалашей в дома. Построили склады для добычи. Ведь и военное снаряжение, и одежду, да и вообще многое из необходимого здесь можно было добыть только с захваченных судов.

Республика получила пополнение — на ее сторону переходили группы мадагаскарских флибустьеров. Среди них был капитан пиратского шлюпа Томас Тью. Выполняя поручения Миссона, Тью разыскивал невольничьи суда в двух океанах. Заходил далеко за мыс Доброй Надежды, в Атлантику. Нужны были люди, сочувствующие замыслам миссоновцев. Моряки-европейцы, как и скованные африканцы на захваченных кораблях, долго не могли ничего понять, когда Тью объявлял выпущенным из трюма, ослепленным солнцем рабам, что они теперь свободные люди. «Их одевали и потом размещали среди равного количества белых (миссоновцев.— *Авт.*), которые всячески высказывали африканцам свою ненависть к рабству». Многие освобожденные африканцы и не просили высаживать их на родном побережье. Они вступали в пиратскую общину, «потому что Великий Капитан, как они называли Миссона, милосердно освободил их из оков... И теперь они разделят фортуну Капитана».

Страна Свободы чувствовала себя все увереннее. Особенно после победы над пятью португальскими кораблями. Когда эта эскадра осадила Либерталию, все были на заранее установленных для каждого постах. Француз-сержант командовал ополчением — сотней африканцев, обученных французскими боцма-

нами. Они прикрывали берега от десанта. Под начальством Тью были англичане. Артиллеристы вели огонь с фортов. Миссон же командовал всем флотом. Чтобы отбить нападение эскадры с более чем тысячным экипажем, нужна была не только отличная организация обороны, но и множество защитников. Сколько же их было? По-видимому, не менее семисот-восьмисот. «Отправляясь на „Бижу" к Гвинее... Миссон поручил Караксиоли работы в доке. Дал ему двести человек: 37 негров, 40 португальцев, 30 англичан, остальные — французы». А когда Миссон решил разведать берега Африки, на его двух кораблях было не меньше пятисот человек.

Половину боевого экипажа кораблей составляли африканцы, освобожденные с невольничьих судов. «По возвращении шлюпов, которые делали съемки ближних побережий для составления морской карты, Караксиоли предложил отправиться на разведку других островов. Он отплыл к Маскаренским островам, имея в своем экипаже столько же негров, сколько и белых». Когда построили два шлюпа в доке Либерталии с командой по пятьдесят человек в каждом, то и тут половина экипажа была из африканцев.

После победы над португальской эскадрой Либерталию охватили давние споры между двумя старыми соперниками на морях, не забытые еще в новой республике. Англичане приписывали успех боя себе. Французы не соглашались. Обсуждение боевых заслуг дошло бы до дуэлей, широко принятых у пиратов. На дуэлях настаивал Тью. Но речь Караксиоли и на этот раз возымела свое благое действие.

— Братоубийственная борьба ослабит колонию. Предлагаю установить свои законы в общине и выбрать правителя, чтоб избежать подобных ссор и жить в согласии. Это необходимо для людей, у которых враг — весь мир.

Назавтра же три вожака — Миссон, Караксиоли и Тью — созвали всех, кто волей или неволей оказался с ними, и изложили свои проекты становления республики. «Там, где нет праведных законов и справедливого суда, нет и согласованности у людей. Там сильный забивает слабого». Предложили всем разделиться на группы по десять человек и избрать делегата от группы для составления законов и утверждения конституции.

За пятнадцать дней совместными усилиями, с увлечением людей, создающих для себя новую родину, построили дом-парламент для собраний и обсуждения общих дел Либерталии. «Караксиоли открыл сессию парламента речью. Он убеждал общинников в преимуществах крепкой централизованной организации и настаивал на необходимости доверить высшее управление одному человеку, избранному на три года, который будет вознаграждать заслуги и карать пороки по установленным нами законам».

Миссон под радостные крики пиратов и населения был избран сохранителем конституции республики, Тью — адмиралом, Караксиоли — государственным секретарем. Выбраны и члены постоянного совета, «без лицеприятия к нации и цвету кожи». Они наблюдали за действиями администрации и распределяли между всеми членами общины скот и добычу с моря.

Воодушевленные успехами, они ликовали. Хозяева своей страны, своей судьбы! Но общая радость ослабила их предусмотрительность, осторожность.

С пиратскими организациями Мадагаскара у миссоновцев не было постоянной связи. Либерталия была удалена от основного их центра, острова Санта-Мария, и прилегающего к нему восточного побережья Мадагаскара. Но теперь, когда создано свое государство, свое правительство, флот, миссоновцы решили привлечь в свою республику побольше людей. К пиратам Восточного Мадагаскара был отправлен на «Виктуаре» посол Либерталии — Томас Тью. Миссон тем временем ушел на корабле «Бижу» в океан, в поисках добычи — самого насущного. В Либерталии остался Караксиоли.

Успеха миссия Томаса Тью не принесла. Пиратским «королем Мадагаскара» тогда считался вожак английской шайки капитан Джон Эйвери. Ему было 37 лет, пенсионный возраст для пирата, как и для акробата под куполом цирка. Пираты так же вольтижируют на своем мачтовом куполе, часто и на ураганном ветру. А в абордажном бою прыгают при полном вооружении на корабль противника, что редкий ловкач-акробат мог бы сделать под ружейным огнем врага. Эйвери собирался вернуться в Англию — захватил уже достаточно сокровищ, чтобы как-то задобрить правительственных чиновников и хоть под чужим именем прожить остаток лет дома. И чтобы выслужиться, да и по давней вражде англичан с французами на море, он всячески боролся с проникновением французских пиратов на остров, с усилением их влияния на местные племена. Поэтому англичане из его общины сразу же заявили Томасу Тью, что они вовсе не намерены видеть француза Миссона «губернатором» Мадагаскара.

А пока Тью пил ром и убеждал здешних пиратов объединиться с Либерталией ради общих целей защиты от карателей, поднялась буря. «Виктуар» сорвался с якорей и разбился о скалы. Быть может, настороженный адмирал Либерталии, чуя враждебность Эйвери, не отвел корабль в глубь бухты и держал его наготове к быстрому отплытию.

Экипаж «Виктуара» погиб. Тью с немногими оставшимися в живых надолго задержался в гостях у одного из вожаков — англичанина, своего старого знакомца.

Дни и недели проходят в ожидании «Бижу» и Миссона. Тью

задумывается. Всюду пьяная разноязычная ругань вперемежку с молитвой святому Захарию, покровителю пиратов. Страшен и нелеп вид лохматых громил в шелковых рубищах, в прожженных дорогих одеждах. Давно ли Тью жил среди них, а тут видит как внове. Этим ли людям начинать новую жизнь в Либерталии?

А потом случилось непоправимое. Расплата за то, что Либерталия далеко вырвалась вперед из своего времени. Подлый мир неравенства, несправедливости своими длинными руками дотянулся до них. Настиг робинзонов равенства, братства, свободы. И уничтожил.

«Месяц спустя после крушения судна Тью, подходя утром к отлогому берегу, изумился. Он увидел недалеко на якоре два шлюпа. От одного тотчас отделилась шестивесельная лодка. На борту ее — Миссон. Так, значит, и „Бижу“ разбит у скал этим ураганом. Ступив на берег, Миссон бросился к Тью, обнял его и произнес: „Рухнули наши стремления к счастью. Без всякой нашей вины два больших отряда туземцев во время отлучки кораблей... ночью вырезали колонистов, не разбирая возраста и пола"».

Напали неожиданно, ночью. Куда было бросаться Караксиоли на одной ноге! Он погиб, как и большинство либери. Остались в живых лишь те, кто успел добежать до шлюпов. На двух шлюпах спаслись сорок пять человек.

Трудно установить истинную причину этой трагедии. Либери, спасшиеся в шлюпах, рассказывали только, что наступали два отряда.

Юбер Дешан допускает возможность, что это Эйвери организовал нападение. Действительно, трудно ли было Джону Эйвери или кому-нибудь из подобных ему, давно обжившихся на острове, спровоцировать такое избиение? Ведь вся жизнь в Либерталии, все, что там происходило, должно было казаться соседним пиратским общинам не только странным, но и подозрительным — какой-то изощренной хитростью.

А у малагасийцев, даже при весьма добрых отношениях с Либерталией, была вполне оправданная предубежденность против французов — куда бо́льшая, должно быть, чем против англичан или голландцев. Еще за полвека до создания Либерталии французы захватили юго-восточную часть острова, основали факторию Форт-Дофин и вели себя там как завоеватели. Прибрежные племена сообща изгнали французов. В 1689 году, уже в самый канун возникновения Страны Свободы, Людовик XIV опять пытался объявить остров своим владением. Странно ли, что подозрения вызывала у малагасийцев и Либерталия, где было много французов, и что эти подозрения могли в какой-то момент привести к взрыву даже из-за мелкого повода?

Пираты-землепашцы забыли в удачах, как они одиноки

здесь, на мысу огромного острова, населенного враждующими между собою племенами, у которых советниками, а то и вожаками нередко были флибустьеры, вытесненные из Америки. Авантюристы из столичных притонов Европы, ради наживы способные предать и товарища. А доверчивый к малагасийцам Миссон не заботился об охране с суши. Ждал напастей только с моря.

Так закончилась судьба коммуны отверженных моряков. Тью предлагал Миссону отправиться снова в Америку, где еще были остатки флибустьерских общин. Но тот хотел повидать свою семью во Франции. Убитый горем, вряд ли он мог вообще отдавать себе отчет в своих действиях.

...Миссон передал второй шлюп Тью и почему-то протянул руку со своим манускриптом одному из матросов в шлюпе Тью, французу. Тот, прощаясь, неохотно взял эти бумаги, словно предчувствовал новую беду. Так и расстались. «Тридцать человек отправились на шлюпе Тью. Пятнадцать — у Миссона». Но им еще предстоял долгий путь вместе. Оба шлюпа пошли на юг, к мысу Доброй Надежды, чтобы выйти в Атлантику.

Поднимался ветер. Шлюп Миссона шел впереди. Уже близок мыс Инфанта. Тью, приглядываясь, вдруг стал замечать «неполадки у Миссона». Может быть, паруса не так были поставлены. Пятнадцать человек экипажа не справлялись. Нагнать Миссона Тью, по-видимому, не мог или не успел. Шлюп Миссона стал тонуть и пошел ко дну на глазах Тью и его команды. Помочь было невозможно. Началась буря.

Создатель и глава Либерталии вместе со многими своими приверженцами погиб чуть восточнее мыса Доброй Надежды, возле самой южной оконечности Африки, у мыса Игольный. Его в те времена называли мысом Инфанта в честь Генриха Мореплавателя, наследника португальского престола.

Недолго пробыл Томас Тью в Америке. Снова вернулся в Индийский океан и был в бою разорван ядром с корабля Великого Могола. По мнению Юбера Дешана, Тью вернулся, чтобы дать убить себя в Красном море.

Один из матросов со шлюпа Тью долго жил в Америке — в Новой Англии. Когда он умер, среди его бумаг нашли записки Миссона. Матрос добавил к рукописи несколько строк о смерти Миссона.

Быль это или утопия?

Эту бы историю Павлу Когану! Героями его «Бригантины» наверняка стали бы Миссон и его сторонники, а не «люди Флинта».

Должно быть, всем, кто накануне войны были мальчишками и подростками, памятен тогдашний фильм «Остров сокровищ».

Не под его ли ветрами поднимала свои паруса когановская бригантина? Отличный был фильм. С каких только уроков, бывало, ни сбежишь, только бы посмотреть его еще раз. И послушать песни «Я на подвиг тебя провожала» и «Йо-хо-хо, веселись, как черт!». Там прошел свое песенное крещение Никита Богословский.

Создатели этой картины постарались тогда революционизировать сюжет Стивенсона. Они сделали его героев ирландскими повстанцами, и это получилось немного надуманно. Знай они историю Либерталии, им легче было бы выполнить свой замысел. Но о Либерталии в нашей стране узнали лишь недавно — пожалуй, в 1972 году, когда на русском языке вышел перевод изданной в Варшаве «Истории морского пиратства» публициста Яцека Маховского.

Да и вообще Либерталию в последние годы как будто снова открыли. В Париже в начале 70-х годов переиздана книга Юбера Дешана «Пираты Мадагаскара», вышедшая в 1949 году. Дешан, одно время заведовавший кафедрой истории Африки в Сорбонне, член Малагасийской Академии, написал главу о Либерталии особенно увлеченно. О Миссоне он сказал так: «Отверженному от мира пирату удалось на момент, на затерянном побережье, в дикой стране, создать эту интернациональную республику, это братство различных рас и народов, это смешение разных наций, предвестник общества будущего» [4].

Интерес к Либерталии появился на самом Мадагаскаре. В 1970 году статьи о ней были напечатаны в крупнейшей газете Мадагаскара «Ле курье де Мадагаскар», в журнале «Мадагаскар иллюстрэ» и в газете «Эклерёр де Диего».

Статья в номере «Ле курье де Мадагаскар» от 20 мая 1970 года не уместилась на большой газетной странице, перешла на другую. Заголовок «Либерталия... Когда в Диего-Суаресе была социалистическая и коммунистическая республика пиратов». Автор — журналист, прожил одиннадцать лет в городе Диего-Суарес, совсем рядом с местами, где была эта республика, и только «на днях» с изумлением узнал о ее существовании. Его вывод: «Кто знает, что было бы теперь на севере Мадагаскара, если бы Либерталия не погибла так трагически на самом взлете созидания».

Стали переиздавать записки Миссона (в Америке — в 1961 году) и даже весь двухтомник, в котором они появились когда-то, два с половиной века тому назад: «Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами, а также их нравы, их порядки, их вожаки с самого начала пиратства и их появления на острове Провидения до сих

[4] H. Deschamps. Les pirates à Madagascar, c. 105.

времен». В Польше он вышел в 1968-м, в Соединенных Штатах — в 1972-м.

Эти издания и переиздания дали Либерталии вторую жизнь в наши дни, много-много лет спустя после тех времен, когда, говоря словами Киплинга, «и здесь, и там встречным судам привет слал пиратский флот».

Но возрождение интереса к былому всегда вызывает и новые вопросы, новые сомнения.

И вот стали доискиваться, кто же такой капитан Чарлз Джонсон, автор «Всеобщей истории пиратов». Свою книгу он издал в Лондоне, первый том в 1724 году, второй — в 1728-м. Во втором томе и напечатаны записки Миссона. От себя Джонсон добавил как бы эпилог: «Тью вернулся из Америки в Индийский океан и погиб при абордаже судна Великого Могола... Что до французов, которые отправились с ним в Америку, они разошлись по разным местам. Это в бумагах одного из них, умершего в Рошели, найден манускрипт Миссона. И наше повествование — копия его».

Книга Джонсона — единственный источник для всех, кто когда-либо писал о Либерталии. На нее ссылались видные историки Альфред и Гийом Грандидье, включая в 1905 году материал о Либерталии в свое многотомное «Собрание старинных дел, касающихся Мадагаскара». На тех же материалах основана и статья в Британской энциклопедии, где сказано: «Капитан Миссон, француз из знатного рода, был единственным, кто соединял активное пиратство с социалистическими идеями. Он много лет правил утопической республикой на Мадагаскаре» [5]. В нашей книге все сведения о Либерталии и все цитаты мы могли брать, разумеется, тоже только из записок Миссона, опубликованных в старинной «Всеобщей истории пиратов» капитана Джонсона.

Кто же такой этот капитан, современник Петра I?

Догадка появилась совсем неожиданная: «капитан Чарлз Джонсон» — один из многочисленных псевдонимов Даниеля Дефо. Кажется, первым это стал утверждать американский литературовед Джон Роберт Мур. С ним согласились еще несколько знатоков творчества Дефо.

Значит ли это, что Либерталии могло и не быть, что это лишь утопия великого англичанина?

Взволновались и сами малагасийцы. В 1975 году, в очередном томе «Бюллетеня Малагасийской Академии», все это обсуждалось в специальной статье. К сожалению, статья — лишь краткое резюме большой и пока еще не опубликованной работы того же автора, англичанина Д. Т. Хардимена, члена Малагасийской Академии. В резюме не все достаточно обосновано и не все вполне понятно. Прежде всего высказано сожаление о том, что

[5] Encyclopaedia Britannica. Vol. 17. 1958, с. 952.

прекрасная история многонациональной и многорасовой коммуны поставлена теперь под вопрос. «Ведь так недавно история Либерталии была изложена в большой исторической работе. О Либерталии упоминали в книгах, посвященных Мадагаскару. Был фильм о Либерталии, и, кажется, думают о постановке второго фильма о республике Миссона. Казалось, доброе имя Миссона и благие деяния его республики не вызывают сомнений».

Но даже если встать на самую крайнюю точку зрения и решить, что Либерталии не существовало, то и в этом случае идеи, заложенные в ее конституции, пишет Хардимен, «найдут свое место в новой ветви исторических изысканий: *истории идей*. И мадагаскарцы будут гордиться, что знаменитый автор выбрал их землю, именно на ней развернул и показал миру эскиз одной утопии, где между ведущими идеями есть и те, что живут сейчас, в семидесятых годах».

Вместе с тем Хардимен считает, что авторство Даниеля Дефо не исключает возможности существования реальной флибустьерской республики, которую Дефо и показал, приукрасив, может быть, какие-то ее черты — так же, как действительный случай в жизни матроса на необитаемом острове он своим художественным колдовством перевоплотил в одну из вечных книг человечества, создав «Робинзона Крузо».

Должно быть, в ближайшие годы историки и литературоведы сумеют отделить истину от вымысла. Но в любом случае образ Либерталии не утратит для нас интереса. Даже если такая республика существовала только в воображении Дефо, разве не интересно, что два с половиной века назад могли родиться все эти идеи? Хотя бы идея равенства и сотрудничества белых и черных — это в пору расцвета работорговли!

Но, вероятно, что-то существовало и в реальной жизни, а не только в голове Дефо. Он ведь хорошо знал историю флибустьеров на Мадагаскаре, писал о них и в других своих книгах.

И еще одна часть загадки. На Мадагаскаре каждый школьник знает, что сын Тома Тью был королем северных бецимисарака. Это крупнейший народ Северо-Восточного Мадагаскара, в наши дни бецимисараков насчитывается около миллиона.

В 1971 году вышел на Мадагаскаре четвертым изданием учебник Л. Рамарусона «Здесь, посреди океана». Там рассказывается, как «возвратился из Англии, где он учился, метис Рацимиляху, сын Томаса Уайта (или Тома Тью), английского пирата, и Рахены, принцессы северных бецимисараков (или антаваратра)» [6]. Дальше там же говорится: «Рацимиляху-Рамарумапумпу, метис, создал государство Бецимисарака».

А в другом школьном учебнике, «История малагасийской страны», сказано: «Рацимиляху (годы правления: 1712—1754).

[6] L. Ramaroson, N. Giambrone. Teto anivon' ny riaka..., c. 19.

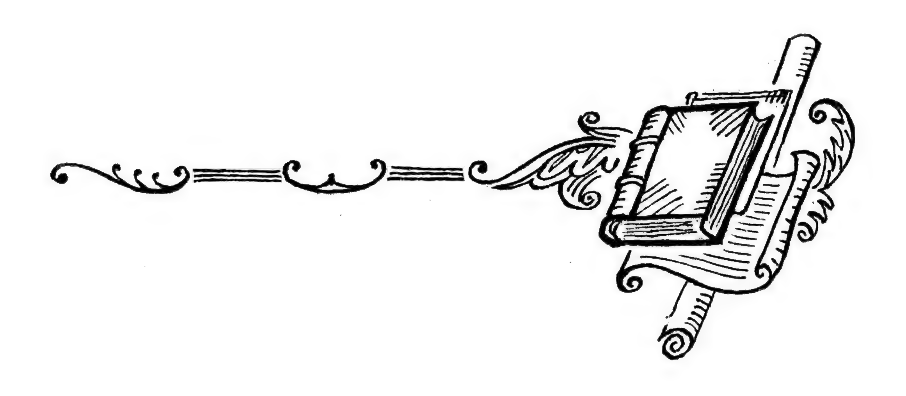
Северные бецимисарака сделали его своим королем. В 1712 г. ...ему было 18 лет... Изменил имя и стал называть себя Рамарумапумпу... Умер в 1754 году»[7].

Конечно, судьба сына Тома Тью, хоть он и стал мальгашским королем и принял столь типичное для мальгашей длинное имя, еще не доказывает, что Том Тью исповедовал идеи, приписываемые Либерталии. Но все же это еще раз подтверждает, что Том Тью действительно существовал. А если он мог жениться на мальгашке (или, как теперь принято говорить, на малагасийке) и их сын мог стать королем, значит, добрые отношения между людьми разных рас, описанные в «записках Миссона», тоже могли существовать в действительности.

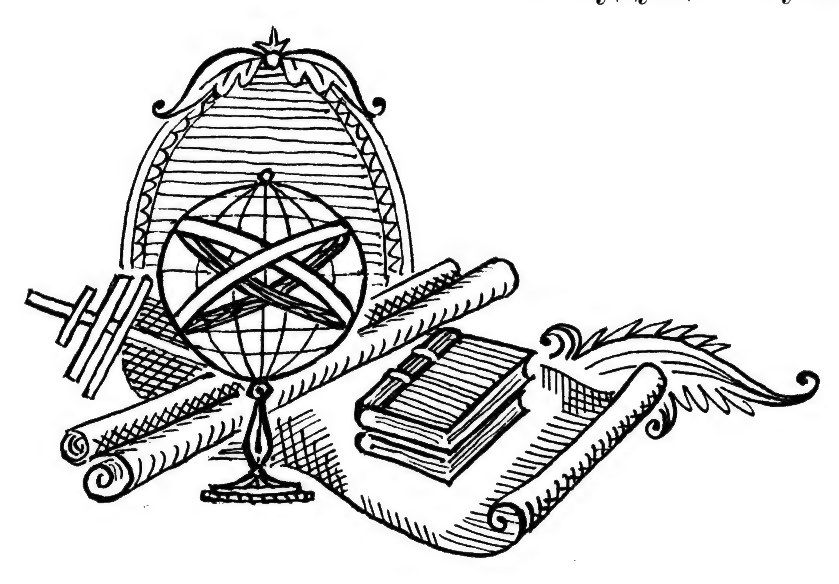
Так что споры о Либерталии разгорятся еще жарче.

Возвращаясь к петровскому замыслу, надо сказать, что Петр вряд ли слыхал об идеях общественного устройства у мадагаскарских флибустьеров. Но он знал: пираты, как и сухопутные разбойники, увлекают «простолюдинов» в свои шайки. Разбойники, они всегда готовы выручать обездоленных. Знал. И все же после стрелецких бунтов, после народных волнений решился отправить к пиратам своих матросов. Уж очень, верно, манили далекие южные моря, возможность плаваний вокруг Африки, к странам Востока.

[7] E. Fagereng, M. Rakotomamonjy. Ny tantaran' ny firenena malagasy..., с. 21.



Много ли знали о будущем пути



Поскольку маршрут экспедиции был строго засекречен, надо думать, только сам Петр, Вильстер, Апраксин да, может быть, еще несколько посвященных прокладывали его на картах, обсуждали океанские течения, ветры, характер побережий, особенности местных народов — на случай вынужденных остановок. Думали, как пройти самое опасное место на этом пути, которое португальские мореплаватели поначалу назвали мысом Бурь, а потом в суеверном страхе переименовали в мыс Доброй Надежды. Воды Атлантического и Индийского океанов бурно сталкиваются там друг с другом, и какой шкипер не перекрестится, избежав кораблекрушения!

Да и сам Мадагаскар. Сколько, верно, было о нем говорено...

Петр и его ближайшие сподвижники располагали, как сказали бы сейчас, новейшей информацией. Ну, а сами исполнители петровского замысла, моряки,— что могли знать они? Маршрута им не сообщили. Но в ходе самого плавания он ведь обнаружился бы; поняли бы, сперва кто побойчее, а потом

уж и остальные, куда же путь-то держим... Какие же представления могли возникнуть в сознании моряков, когда они узнали бы, что огибают Африку. Или когда впереди показались бы очертания Мадагаскара.

Среди офицеров кое-кто, наверно, был хорошо знаком с голландской, английской, немецкой литературой. Но и остальные офицеры должны были знать первые печатные «Географии», изданные Петром в те годы. География и картография при Петре развивались быстро. Он даже в инструкции посланникам вписывал географические вопросы, требовал подробных описаний стран, куда посылал своих дипломатов. В «Духовном регламенте» Петр указывал, что география необходима и для понимания истории, «понеже история без ведения географского есть как бы с завязанными глазами по улицам ходить». География была включена в программу новых учебных заведений. Если бы Петр успел основать университет, он, вероятно, приказал бы создать кафедру географии (такая кафедра в России появилась только в 1884 году).

К 1723 году новейшие на русском языке географические и мореходные сведения были обобщены в двух переводных книгах. Их издали в Москве в 1718 и 1719 годах.

По географиям Гибнера и Варения

Одна из этих книг стала пособием для мореходов. Она была особенно близка интересам царя как корабельного мастера и капитана. Он сам редактировал ее и заставил Федора Поликарпова исправить его перевод с латинского: переводить «не высокими словами словенскими, но простым русским языком», как писал Мусин-Пушкин Поликарпову.

Название книги на обложке: «Географиа генеральная, небесный и земноводный круги купно с их свойствы и действы в трех книгах описывающая. Переведена с латинска языка на российский и напечатана в Москве повелением царского пресветлого величества лета господня 1718 в июне».

Титульный лист: «Географиа генеральная или повсюдная, в ней же аффекции или действа земноводного круга толкуются автором Берн. Варением медиц. доктором. Переведена с латинска языка на российский и напечатана в Москве лета господня 1718 в июне».

Это перевод с одного из лучших амстердамских изданий не позже 1671 года. Самое старое амстердамское издание книги Бернарда Варения относится к 1650 году, второе — к 1672-му, третье — к 1681-му. В России издана в 1718 и в 1790 годах.

Это чисто физическая география, в ней много математических и астрономических сведений. Один из разделов: «О изящной проблеме художества навигатского, сиречь о обретении места на маппах, к которому во учиненной навигации чрез неколико время преидено, или како обрести места оного долготу и широту».

В книге трактуются математика и астрономия применительно к искусству кораблевождения, геодезия, геология, орография, океановедение и климатология, возможная в то время. У Варения нет биологии — описания растительного и животного мира. Нет антропологии, страноведения и исторических событий в описываемых краях земли. Нет описания материков, стран, государств и народов. Он толкует физические явления на планете и дает руководства для плавания судов, сообщает агрономические сведения, необходимые морякам, объясняет маппы (карты). Указывает, как читать их и составлять. Есть и сведения «о ризонте чувственном или видимом», «о горах во обществе» (горные хребты), «о горах горящих» (вулканы).

Следом за книгой Варения вышло «Земноводного круга краткое описание из старыя и новыя географии по вопросам и ответам, чрез Ягана Гибнера собранное и на немецком диалекте в Лейпцике напечатано. А ныне повелением великого государя царя великого князя Петра Первого всероссийского императора при наследственном благороднейшем государе царевиче Петре Петровиче на российском напечатано в Москве. Лета господня 1719, в апреле месяце».

Это была известная немецкая география Иоганна Гибнера (он жил в 1668—1731 годах). Ее перевели на языки всех крупных европейских государств. В Германии она только при жизни автора издавалась 36 раз. На языках Европы отпечатано 100 тысяч экземпляров. В русском переводе — 426 страниц. Переведено с издания, вышедшего в Лейпциге после 1711 года (в тексте упомянуто венгерское восстание 1711 года). Редактировал Я. В. Брюс.

Гибнерова география — первая на русском языке книга, где о странах и частях света рассказывалось сравнительно подробно. К 1723-му она была главным источником географических знаний, во всяком случае для тех, кто не мог свободно читать географические книги на западных языках.

О Мадагаскаре у Гибнера сказано:

«31. Где лежит остров Мадагаскар.

Оный лежит подле берега цангебарского и гораздо велик, ибо в округлости его щитают аки бы Англиа и Шотландиа вместитися могли.

Французы именуют оный остров Ла Дауфине, и построили они тамо крепость, которую называют Ле Форд Дауфине, и оную взяли англичане невдавне.

А португалцы называют оный остров Святого Лаврентиа, и они сперва остров той нашли, и по ныне еще тамо торгуют.

На сем острову не обретается важных городов, и кажется, что мало от него прибыли бывает».

Не ахти как много сведений. Да и местоположение весьма примерно указано: «возле берега цангебарского», занзибарского то есть. Но все-таки что-то можно было узнать — и о размерах «Великого острова», и о проникновении туда европейских держав.

Могло ли это распалить воображение? Наверно, мало кто верил в благости, что придут с построением флота. Южных морей, по которым уже давно плавали европейские корабли, российские моряки не ведали. Океанская стихия, дальние заморские берега были еще чужды им.

И все же было, конечно, немало тех, кто хотел своими глазами увидеть, как по «равнителю», экватору, человек ступает без тени. А купцы, издавна бывавшие в Белом море, в Ледовитом океане, отважились бы плыть и в жаркие моря «ради корысти великие». Пусть сам Мадагаскар и не сулит богатств — «мало от него прибыли бывает», сказано в Гибнеровой географии, но ведь это плавание и в другие земли путь откроет!

Из книги Гибнера россияне узнавали то, что было известно в Европе. Вместе с былью неизбежно доходили и небылицы. С ценными сведениями — неотделимые от них предрассудки.

Самой дальней южной оконечности Старого Света, которую пришлось бы огибать фрегатам Вильстера, в книге посвящены два раздела: «берег кафернской» и «о Мономотапе».

«X. берег кафернской

25. Что примечать на берегу кафернском.

Земля кафернская, лат. Кафрериа, простирается по обеим сторонам носа, именуемого глава Доброй Надежды.

Люди, которые к западу при ефиопском море живут, оные городов не имеют и никакого короля не знают, но токмо скитаются везде в оной земле, и не многим лутче зверей, а наипаче что оные человеческое мясо жрут. В земле своей называются оные готтентотен, а говорят подобно как у нас куры кричат.

А которые на другой стороне к востоку живут, оные разделяются в несколько королевств, хотя и сии не гораздо лутче прежних.

Зофала королевство, под обороною португалскою. Протчие земли и королевства неудобопамятны суть...

А глава Доброй Надежды лежит весма в низу, и обычайно чрез то разумеется весь нос, или мыз в низу Африки. В протчем тамо есть важная крепость под ведением голанским, и которая по правде за двери к Восточной Индии почтена быть может, когда прежде двух сот лет португалцы искали путя к Восточной Индии, пришли оные последи ко стране сей. А понеже

оные принуждены были до прибытия к месту сему много бедств претерпеть, того ради сперва назвали они мыз, или нос сей Капо Торментозо, сиречь гора трудная или бедственная. Но как потом щасливо им там удалось, пременили они то имя, и назвали гора Доброй Надежды. Ибо тогда можно добрую надежду иметь ко прибытию в Восточную Индию, когда токмо до сего места кто достигнет.

XII. о Мономотапе

27. Где лежит Мономотапа.

Оная лежит в низу между землею каферской, и для предивных золотых и серебряных рудокопных заводов оная есть богатейшая земля в Африке...

Тамо болше 20 царств содержится, но оные нам незнакомы. Португалцы домогались, дабы тамо вкоренитца, но не могли далеко проитти».

С этими скупыми фразами в представлении российского читателя возникают первые черты образа Юга Африки.

Вырисовывается, хотя, конечно, и очень смутно, географический облик. Правда, стран названо еще мало («протчие земли и королевства неудобопамятны суть»), но это важнейшие, наиболее известные тогдашней Европе.

Наименование «каферская земля», «Кафрерия» или, чаще, «Кафрария» сохранилось на картах Африки до конца XIX столетия. Оно происходит от арабского слова «каффир» — «язычник, неверный». Кафрами было принято называть южноафриканскую ветвь большой группы народов банту, населивших южную половину материка. Арабское слово «кафр» привилось у белых поселенцев мыса Доброй Надежды. В широком смысле слова так называли всех южных банту, в узком — только племена ко́са, жившие ближе всего к мысу. Земли этих племен английские власти в XIX веке именовали Кафрарией. Слово «кафр» в наши дни носит презрительный оттенок, употребляется как бранная кличка. Но долгое время такого оттенка не было.

Местные народы в представлении читателя обретают какие-то реальные черты. Например, становится ясно, что народы, живущие к востоку от мыса Доброй Надежды, более развиты. Это справедливо: к востоку жили банту («кафры»), а к западу — готтентоты. Верно отмечено и то, что готтентоты — впрочем, как и банту — кочевники. И то, что языки их не похожи на европейские. А сравнение с криком птиц возникло оттого, что в их языках много щелкающих звуков.

Небылиц в Гибнеровой географии, конечно, великое множество, но, пожалуй, все-таки меньше, чем во многих тогдашних западных книгах.

Вот как писал о готтентотах француз Франсуа Лега в книге, впервые изданной в 1708 году. Она была переведена на английский, немецкий и голландский языки. «Кафры, готтентоты безобразны, мерзкого облика люди, если только можно назвать людьми подобных животных» [1].

Конечно, сведения Гибнера об африканских народах нам, через четверть тысячелетия, могут показаться смехотворно скудными. Но автор и не пытался показать, будто все знал. Сообщая о Мономотапе, что «оная есть богатейшая земля в Африке» и что «тамо болше 20 царств содержится», он добавлял: «но оные нам незнакомы».

Больше всего, естественно, узнавал читатель о проникновении европейцев. О многолетних попытках португальцев найти дорогу к Ост-Индии. И о бедствах на пути вокруг Юга Африки, из-за которых «сперва назвали они мыз, или нос сей Капо Торментозо» — мыс бедствий, мыс Бурь. Становилась понятна роль этого мыса на кругосветном пути: крепость, «которая по правде за двери к Восточной Индии почтена быть может». Так читатель получал представление о голландской Капской колонии («колонии на мысе») и о Капстаде («городе на мысе»), который англичане лишь через сто лет переименовали в Кейптаун.

А португальцы, понимал читатель, хотя и самыми первыми стали на этот путь, преуспели не очень. Мысом не овладели. Мономотапы «домогались, дабы тамо вкоренитца, но не могли далеко проитти». Завоевано же ими «Зофала королевство» на побережье, между Мономотапой и Индийским океаном — центральная часть страны, которую мы называем Мозамбик. В наши дни Софалой именуют лишь маленький порт в Мозамбике, южнее устья Замбези.

Что же до Мономотапы, то в Европе она считалась богатой золотом. Это объединение племен в междуречье Замбези — Лимпопо называли даже империей. Ко времени издания Гибнеровой географии в Москве оно уже распалось, но в Европе еще об этом не знали.

Переводные книги Гибнера и Варения не были первыми в России печатными географиями. До них вышла еще одна: «География или краткое земного круга описание. Напечатано повелением царского величества в типографии московской. Лета господня 1710-го в месяце марте». Об Африке там сказано весьма лаконично: «Земли и страны, обретающиеся в части сей сии, суть: Варварна, Египет, Биледун, Герид, Сарадуни, Ефиопиа, Абиссини и Мономотата».

Эти географии служили источником сведений и позже — при Екатерине I, Анне Иоанновне, Анне Леопольдовне, одним

[1] Voyage et avantures de François Leguat, c. 223—224.

словом, вплоть до 1742 года. Других общих географий не издавалось.

Язык этих географий понятен всем. Они принадлежали к первым большим петровским книгам нового гражданского шрифта. В них еще редки новшества книжных оборотов речи, иностранные слова.

Переводить побольше и покороче излагать! Главное — только суть дела. В законодательных актах Петра I сохранилось его указание: «Понеже немцы обвыкли многими рассказами негодными книги свои пополнять только для того, чтобы велики казались, чего, кроме самого дела и краткого пред всякой вещью разговора, переводить не надлежит». Это Петр указал, просматривая книгу Гохберга о немецком сельском и домашнем хозяйстве.

Книг, изданных при Петре, было 591, утверждал академик П. Пекарский. Как обнаружено сейчас, даже больше. Печатались и газеты, календари, правительственные сообщения на отдельных листах о военных инцидентах, о реформах в народном хозяйстве. В Санкт-Петербурге были четыре типографии. Книгопечатание Петр применял для учебных целей и для пропаганды официальной идеологии, для популяризации правительственных мер.

Но в широких народных представлениях книгопечатание еще не успело произвести коренной перелом. И сотням матросов эскадры Вильстера неведома была Гибнерова география. В народе знали далекие страны по устной молве да еще по рукописным книгам, которые существовали и в петровские времена. Эти представления во многом шли от прошлых столетий.

О южных, полуденных странах редко кто слыхивал. Ведь и ближние побережья Африки казались тогда такими далекими за Черным, еще чужим морем, за теплым Средиземным, за святыми библейскими местами, куда и редкий богомолец дойдет. А того дальнего, южного конца земли не достигнуть и перелетным птицам. Конец миру божьему. За ним пучины, водоверти морские и острова чудовищ.

Белый свет в сознании россиян вряд ли был сходен с тем, что существовал в представлении европейцев, хотя от них узнавали на Руси о многих заморских краях.

На Западе школяров и студиозов тоже долго не учили географии — до начала XVII столетия. Но ее все-таки приходилось знать многим морякам, купцам, миссионерам, военным. Португальские мореплаватели, а за ними мощные Ост-Индские компании, голландская и британская, освоили и океанский путь вокруг Африки, к сказочно богатому Востоку.

Русь же долго держали взаперти от океанов громадные про-

странства суши, непроходимые леса, болота. Семимесячная ледовая броня на реках, да и у тех устья зачастую были за пределами Руси.

Знакомство с заморскими странами и тогда, в XVII столетии, начиналось в школе. Частные школы были даже в волостных селах. Казенных же было мало. К знатным, богатым людям учителя приходили на дом.

...Снег, бездорожье. Волки стаями. Дорога до ближайшего поселения опасна зимой. Вечером при лучине готовили уроки. В избе пахло костром. Зажигали и сальные лампы-светильники. Все равно темно. У стола собиралось несколько человек — дети и взрослые. Азбуковники дороги. Они были и книгами для чтения. Это не буквари, а прямо энциклопедии по истории, географии, естествознанию и толкованию слов, с грамматическими правилами.

Вот кусочек из предисловия к азбуковнику XVII века: «Ова от сих Африка, ова же Асия, и ина Европа... Африка же теплоты ради великия прозвася, предел же размеру ее сказуется Средним морем, и Аглинским, и Ефиопским, и рекою Нилом; в той же части Африки... и Египет, и Ефиопиа, и Пустыня великая».

Такое-то чтение и было главным окном в тот мир, куда, сколько ни скачи по бесконечным просторам Руси, не доскачешь. И это в эпоху великих географических открытий, ломки средневековых представлений о жизни на Земле!

Как велико было число людей, которые знали, учили это?

Вот как ответил когда-то профессор А. И. Соболевский: «Вообще грамотные крестьяне в XV—XVII веках не могли быть исключительным явлением, их процент в XVII веке едва ли был ниже 15». Это подтверждает уже в наше время академик Д. С. Лихачев («Культура Руси»): «По подсчетам подписей на документах полагают, что в начале XVI в. процент грамотных... среди посадских достигал 25—40».

О числе грамотных можно судить и по множеству сохранившихся «отписок» — донесений о странствовании мелких служивых людей — и «скасок» (списков) воинов, попавших в чужие страны, плененных крымскими татарами, турками, хивинцами, поляками и вернувшихся в отчизну. От XVI—XVII столетий в наших архивах и библиотеках сохранилось множество рукописей и документов. «Число их так велико, несмотря на пожары и разные невзгоды, постигшие наши города и села, что мы затрудняемся даже приблизительно определить их число в тысячах. Над ними должны были трудиться целые тысячи писцов и подьячих»,— писал Соболевский [2].

Не мало. Но и не очень много. А неграмотные? Какими

[2] А. И. Соболевский. Образованность Московской Руси..., с. 4, 12

былями и небылицами питалось их воображение? Не так-то часто доводилось им послушать, что вычитал в азбуковнике какой-нибудь грамотей. И сегодня есть неграмотные в подлунном мире, но они хоть слушают радио, а то и кино смотрят.

Отечественное землеведение в XVII столетии начинает смыкаться со всеобщей наукой о Земле. Самым ранним был перевод в 1637 году труда фламандца Герарда Меркатора «Книга, глаголемая Космография, сиречь всего света описание». Это творческий перевод обширных пояснений к общегеографическому Атласу Меркатора, изданному в Германии в 1590—1606 годах. Переводчик — Богдан Лыков с товарищем Иваном Дорном.

Космография — описание Вселенной. Там говорилось обо всем известном тогда мире. Название «Космос», утверждал Меркатор, дано было Вселенной еще Пифагором. Сказано и о том, что Земля есть шар: «Свет убо сей аки зерно округло: ни начала, ни конца не имеет». Исходное начало в космографиях — повествование Книги Бытия о разделении Земли между сынами Ноя Симом, Хамом и Иафетом. Поэтому части света в космографии определяются не собственно географически, а этнографически, по племенам и по языкам. К Африке отнесены Кипр, Крит и все страны, подвластные Турции.

Самые типичные русские списки: «Книга, глаголемая Космография, сиречь описание всего света земель и государств великих». Или просто «Космография 1670 года», «Космография в 76 глав» (хотя в разных списках разное число глав). Это свод, энциклопедия тогдашней географии, связное изложение наиболее важных сведений из византийских, польских и западноевропейских источников.

Каждый список был, в сущности, новым изданием, дополненным, в какой-то мере измененным. По указанию заказчика или по желанию переписчиков в рукопись вносились новые сведения или менялось освещение прежних. Цензура государства, цензура церкви не могли охватить все рукописные издания. Московская типография печатала богослужебные книги. Они распространялись большими тиражами, а книги светского содержания переписывались от руки. Лишь в последние годы века стали печатать буквари и грамматики. За рукописной книгой вплоть до Петровской эпохи оставались все виды светской общественной литературы — и познавательная литература, и развлекательная, и сатирическая.

«Космография в 76 глав» была первым рукописным учебником для учеников Славяно-греко-латинской академии. Географические сведения в ней время от времени дополнялись. Эту космографию читали даже при Петре. Она была уже иллюстрирована.

Что там говорилось об Африке?

«О третией части земли, жребия Хамова, иже именуется Африка». Дальше читатель дознавался, какие же это восемнадцать стран и земель в той Африке.

«Страна вторая Ефиопиа полуденная, и пространна, и велика. Цари разные, мало ж благочестивых христиан, нравы и веры разных вер. Под тою же землею и муринская земля».

«Царство магдайское, стоит на едином острову на мори полуденном... Вера ж у них, служат солнцу и огню, прилежат звездочтению и волхвованию... Бе же остров человекоядцы нарицаемыя на Фарсийском море. Человеческую и всяких зверей и скот плоти вкушают и кровь пьют. Диви ж и злонравны...» Это, верно, о Мадагаскаре.

У резного дубового стола задумывался об Африке дворянский сын, играя кисточкой витого пояса рубахи. Что там, за горячими песками Саары? Начитанный, он и мыслил у книги книжным языком. Окрест Саары по нашу сторону знакомые люди живут — и турки и мурины. У Ефиопского моря — пучины океанские великие. Под равнителем обитают ефиопы, арапы... Ну, а дальше-то, за равнителем? Кто за сим раскаленным местом жительствует? И деревы тени не дают. Ничто не опасает от жаркости того солнца.

Медленно, запинаясь на витиеватых книжных оборотах речи, читал вслух и посадский лапотник на чистой половине избы. Дядя-подьячий принес от протоиерея до понедельника эту рукописную книгу. И ни сам чтец, ни слушатели никак не могли «взять на ум», почему за равнителем все перевертывается в Африке. Ранние ночи там летом. Зимой — полный день свет. И равнитель у них на севере. Но слушатели недолго вникали в ученость. Озираясь на догоравшую дорогую свечу, спрашивали: что там еще?

Ни книгочей, ни слушатели не допускали и мысли усомниться в чистой истинности всего излагаемого в книге. Все так и есть, взабыль, в самом деле существует. В ту пору вера в необычайное, в чудеса, пожалуй, больше всего помогала увязать новые представления с привычными, сопоставить, казалось бы, несовместимые понятия. Расширяла границы восприятия «невероятного». Еще не было научного подступа к явлениям природы и жизни. Неведомого на планете еще очень много.

Но никак не растолковать себе, не уразуметь наоборотности там, за равнителем. Ее и сейчас, через триста лет, не всегда сразу поймешь. Писатель-моряк Виктор Конецкий вспоминает: «Где-то когда-то я читал, что направление водяной воронки в Северном и Южном полушариях противоположны. Мне хотелось засечь момент смены вращения. Но, несмотря на черный цвет воды и идеальные условия, я ничего особенного обнаружить не смог. Возможно, виноват в этом был сам я, потому что последним определял координаты по солнцу. И если я ошибся

в широте, то экватор мы пересекли не на экваторе, а черт знает где» («Среди мифов и рифов», 1972). И теперь образованному, начитанному человеку с севера Земли в Южном полушарии в первый раз видится много небывалого, настораживающего.

Тех читателей космографии зачаровывали сказочные опасности на землях предивной Африки, в жаркости ее солнца, среди львов и людей «человекоядцев». Не нашинские названия мест, племен. В ожидании жутких и тем более привлекательных небылиц среди цветистой растительности, где птицы на богатом корму вырастают с лошадь, иные московитяне жарко дышали на протоиерееву книгу. Церковнославянские слова, выспренность литературной речи еще усиливали доверие, освящали, вносили глубокое таинство в непонятное, значительность в каждое непривычное слово.

Расходясь из избы книгочея, припоминали ходившую из уст в уста молву — от паломников, купцов, разных чужеземцев, иноверцев, беглецов из турецкой неволи и других бывальцев. Эти рассказы оживляли читанное в книгах.

Казанец Василий Гагара в своих хождениях в Иерусалим и Египет в 1634—1637 годах даже в не столь далекой Грузии нашел чудищ: «А жил в той горе людоед, а ел на всякий день по человеку. Да в той же Грузинской земле есть меж гор щели, а в тех щелях заключены дверьми железными цари Гог и Магог...»

Каким же диковинным казался дальний конец Африки! Он позади чудес древнего Египта, за огромной Саарой, далеко за экватором, на самом последнем углу жаркой Африки, за которым опять, верно, стужа, льды. Тот угол Африки зовется «мызом Благия Надежды». Вокруг него злые острова в смыкании теплых и холодных вод.

Со сказками и давними преданиями так вязались описания южных морей в космографиях! Море-океан полуденный. «Остров, на нем живут люди, власы у них имеют видом львовы велицы и страшны зело». «Остров пуст. Живут на нем змии, лицо девичье... крылатые зовомы василисками». В том океане люди-чудовища, как и в русских сказках, охраняют богатства. «Остров, живут на нем люди, главы у них видом песьи, человецы велицы страшливы, много на сем острову каменей драгоценных» (карта к одной из космографий).

Изолированные от всего света труднопреодолимыми расстояниями, люди загораживались еще религиозными предрассудками и своим укладом жизни. Убежденность в извечной правоте своих богослужебных обрядов отталкивала от людей иной веры, искажала образы чужих народов. Рассказы же бывальцев в далеких странах смягчали как-то религиозную нетерпимость. А таких бывальцев становилось все больше. Хозяйственная, торговая жизнь России не могла развиваться вне мировых рынков.

На первых картах

Да и на печатных картах, и в их обрамлении долго держалась небывальщина. Разные чудные люди. Изумленного внимания достойна красивая полуодетая женщина с пятью грудями. Другая, белая, нагая вовсе, на невиданном звере едет навстречу слону.

Рисунки на картах как-то подсказывали, какова она, тамошняя жизнь. У зверей пасти зубастые, но темнокожие вожди попирают зверей ногами. Растения ветвистые, деревья плодоносные. На морях нарисованы огромные рыбы, больше корабля. И с морей, и с земель люди везут южные плоды, клыки слоновые, перья «строусов» в обмен на товары Европы.

Среди многих человеческих достоинств первое, кажется, ясность ума. Руководство здравого рассудка помогает и в путешествиях, в лишениях, в опасности находить оптимальные решения. И все-таки бывает трудно пуститься в рискованное и тяжкое путешествие, не воодушевив себя домыслом, ожиданиями чудес, небывалостей, изумительных находок, открытий, даже если в глубине души сознаешь их невозможность. Первые чудесные впечатления о мире, которые приходят к нам в детстве, чудо существования природы, волшебство самой жизни оставляют неизгладимые следы, приходят на выручку в самых тяжких обстоятельствах.

И как ныне художественные небылицы фантастов о жизни на дальних планетах Вселенной разжигают наше воображение, так вымыслы о небывалых зверях, людях на далеких островах увлекали когда-то читателей географий, космографий, карт с фантастическими рисунками на полях.

Наш современник, московский географ и писатель Я. М. Свет в книге «После Марко Поло» приводит домыслы раннего средневековья Европы о диковинных людях в Индии, которая тогда была для европейцев краем Земли: «В Индии сорок четыре области, и что ни область, то люди в ней разные: есть там горцы, ростом в два локтя, и они вечно воюют с журавлями... И есть... народ, в котором все безголовы; глаза... на уровне плеч... а вместо ноздрей и ушей на груди по две дыры... звери, у которых лицо человеческое, тело львиное, хвост скорпионий».

Здесь, как и в лубочных русских картах, опасности и лишения на пути к далеким, неизвестным землям выражались аллегорически, рисовались пугающим воображение видом грозных чудищ или уродливых людей. То была, быть может, защитная реакция общества, стремление удержать беспечную молодежь от безрассудных порывов к разгадке окружающей жизни. Ведь люди еще не обладали средствами передвижения, дающими какую-то уверенность преодолеть опасности пути.

Лубочные картинки и карты с их иносказательностью, надоумкой, подсказом и образной передачей мысли привлекают сейчас все большее внимание. В этом отблеске далекой старины, как и в прадедовских сказках, побасенках, приговорках, находим мы еще не начисто оборванные связи с нашей эпохой.

Помалу открывается на русских картах Африка. И на Западе-то ее не знали. Даже в 1770-х годах, когда французский картограф Д'Анвиль решил поместить на карте Африки только действительно известное, его карта оказалась почти пустой. Карты уточнялись путешественниками. Все выпуклее поднимался из океана юг материка. Затейливее рисовался рельеф побережий. Уточнялись названия областей. Появлялись все новые наименования народов, густели надписи. Как ветки разрастающегося молодого дерева, они заполняли белые пятна.

Очертания Африки на первой печатной карте никак не похожи на подлинные. Хоть напечатана она в начале XVIII века, это все же русская лубочная карта более давних времен, перерисовка одной из круглых карт средневековья. В названии карты: «Переведена бысть с римского языка, в ней описаны государства и земли и знатные острова, и в которой части живут какие люди, и веры и нравы, и что в которой земле родится, и о том значит в сочиненном окрузе сем». На ней весь мир, но без четкого разделения его на континенты и государства. Океанов нет в «сочиненном окрузе». Их названия есть только на обрезе круга земного: море-океан полунощный, западный, полуденный и восточный. Города, реки не ориентированы относительно стран света. Контур Европы неузнаваем. Русские моряки в плаваниях из Белого моря в Европу этой картой пользоваться не могли. У них еще в XVII столетии были шведские и голландские карты.

Все же лубочная круглая карта издавалась и в петровское время. Есть на ней и «из немецких земель корабленой ход в Ригу и в Санкт-Питербурх», нарисованы Петропавловский собор и крепость. Под надписью «царствующий град Москва» — Кремль с орлом на башне. На грани полуденного и восточного «окиянов» — острова, населенные чудовищными людьми. Далеки от Московии моря-океаны. Многие поколения и не видывали воды морской. Громады воды не представляются взгляду, зато лес отмечен и около Петропавловской крепости. Иллюзорность далекого от Руси мира хорошо выражена в «Коньке-Горбунке»:

У далеких немских стран
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;

С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.

Новые представления прорвались в Россию с рождением Петербурга, но поначалу дошли, конечно, только до образованных людей. Большинству же нужны были долгие годы освоения, «приручения» нового через привычные полусказочные представления о природе и жизни в далеких краях.

Карта 1707 года — «Новая земная плоскость» — уже не лубочная, но материк Африки сплюснут по высоте почти вдвое. На стыке «океана Ефиопского» и моря Индийского — «нос Дебона Есперанца». Область «Номотапа» — на крайнем юге. В ней город «Манаматапа». Ни готтентоты, ни кафры не упоминаются. Есть город Каффало против юга Мадагаскара. Тихий океан называется «море Мирное». За кругом земным сверху — Зевс-громовержец и Гера. Внизу — арабы, негры, индийцы. Животные жарких восточных и южных стран. Ковры, ткани, южные плоды. А Петербурга на карте еще нет.

На другой карте того же, 1707 года — «Глобус географический сиречь землеописательный иже являет четыре части земли — Африку, Азию, Америку и Европу» — контур Африки тоже еще далек от подлинности. У Мадагаскара указан «остров Святая Мариа», куда Петр I через 16 лет направит два фрегата. Сам Мадагаскар под тремя названиями: «остров Делфиский или Мадагаскариа и Святого Лаврентиа». Вдоль всей Южной Африки надпись «Ефиопиа». На краю «моря Кафаронского» — «край Благиа Надежды». Африку с юга омывает «океан Южный, то есть Ефиопский». Петербурга, понятно, и на этой карте еще нет.

Первая русская карта Африки была издана в 1713 году также в Москве и тем же Василием Киприяновым, что и карты 1707 года. «Всея Африки тщательнейшая таблица, нами исправно рассмотренная, многими местами умноженная, на части тако большие яко меньшие раздробленная». Загляните в самый конец нашей книги, на задний форзац. Художник воспроизвел там основные контуры этой карты, а в начале книги, на переднем форзаце,— лубочную круглую карту тех же лет. Африка здесь испещрена множеством коротеньких рек, впадающих в океаны, и хребтами бесконечных гор, изображенных коническими, одинаковой величины знаками. Еще не были известны способы точного определения высоты. Этих гор на следующих русских картах куда меньше.

Севернее Мадагаскара — «океан Восточный». «Екватор, или линея Равноноцная», режет Африку и океаны. Южнее эквато-

ра Атлантический океан назван «Ефиопски». По Ефиопскому и Восточному океанам плывут из Европы трехмачтовые, зримые до флагов и пушечных амбразур корабли. Плывут они к «Капо Бона Есперанца» и оттуда, огибая Мадагаскар,— к северо-востоку, в Индию, и к востоку, в Новую Голландию, в загадочную Батавию.

В углу карты — камень. На нем длинное название карты и два льва. Один яростный, готов ринуться, второй царственно спокоен. У камня богато одетый восточный негоциант, сидя на сундуке, говорит с европейцем и женщиной с Востока или из Африки. Темнокожий вождь, держа мальчика за руку, прислушивается к беседе, опираясь о камень рядом со спокойным львом. Рыкающий лев смотрит на иноземцев. Подводят слона, готового принять вождя на свою спину. Тюки товаров — их готовит черный раб. Пальмы, кустарник, диковинные, невиданные плоды.

В основу этой первой русской карты Африки положена карта, изданная в Амстердаме четырьмя десятилетиями раньше, около 1671 года. Составил ее Фредерик де Вит (1618—1698), основатель известной семьи голландских картографов. Как бы много ни было на ней ошибок с современной точки зрения (например, к востоку от острова Св. Елены помещен еще один — «новый остров Св. Елены»), все же это была одна из лучших карт Африки того времени.

Конфигурация Африки на карте 1713 года приобрела почти современный вид. Названий (поселения, бухты, заливы, мелкие острова) так много, что их нелегко читать. Но в дальнейшем многие из них пришлось снимать, как недостоверные. Западное побережье южной оконечности названо «Коста Каффарес», а на русской карте 1817 года это побережье именуется «Берег пустой». В глубине Африки, где так много селений и гор на карте 1713 года, в 1811 году — белое пятно и надпись: «Внутренность сих земель почти неизвестна и населена дикими и скитающимися народами, с которыми нельзя торговать»; выше до экватора тоже «неизвестная земля». На «Генеральной карте Африки» 1827 года надпись еще категоричнее: «Часть совершенно европейцам неизвестная». Лишь на «Генеральной карте Африки» 1854 года «неизвестная земля» у экватора немного заполняется надписями.

Все же эта первая в России карта Африки привлекала внимание россиян ко всему материку, а не только к его северо-востоку, уже как-то известному.

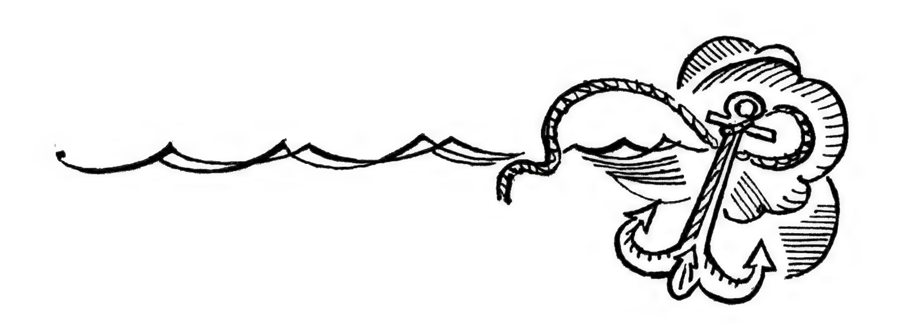
Начиналось паломничество на Запад. Моряки, армейские офицеры, чиновники, купцы и учащаяся молодежь отправлялись для обучения или доучения, по делам службы и по торговым делам. Ехали и по велению Петра, и по своему почину. Плыли и ехали в Европу и посадские люди, ремесленники, ма-

стеровые по корабельному строительству, конструкторы из «чертежных анбаров» Адмиралтейства, чтобы наблюдать в Европе «корабельные члены». Впервые учиться ехали и «дети вышних персон», и мастеровые «всех художеств» из «подлых сословий».

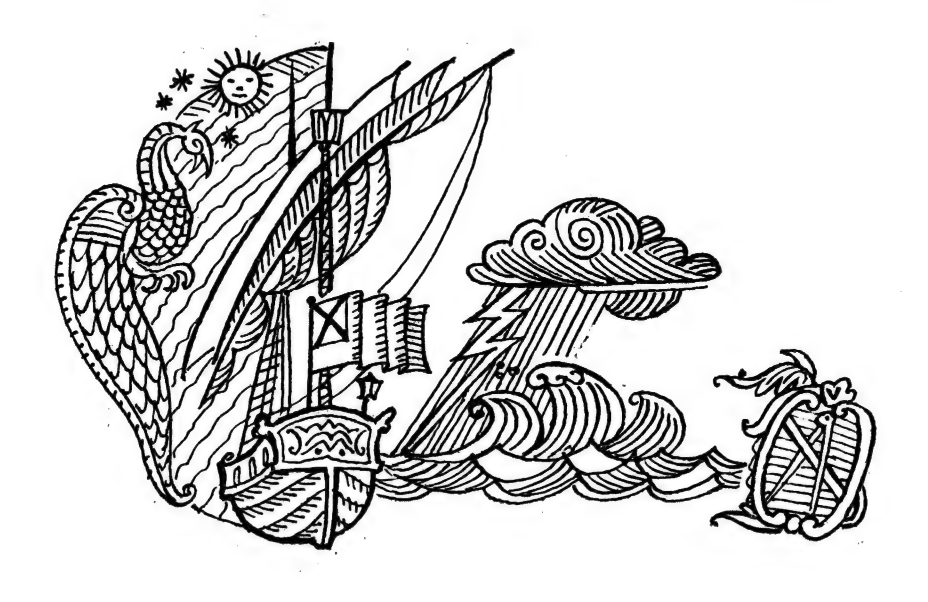
Они привозили с Запада новые книги, атласы, глобусы и предложения от ученых разных стран для перевода книг на русский язык. В Петербурге оставалось только выбирать и печатать.

Случилось так, что карта «Всея Африки» была издана почти одновременно со старой лубочной картой, хотя между ними лежат века трудных изысканий европейской картографии. В России эти карты уместились в одно десятилетие потому, что в пробитое Петром окно хлынули новшества и картографического искусства Европы. Сопоставляя эти две карты, видишь и начало отрыва просвещенного дворянства от народа. Лубочная география, лубочные картинки деревенской жизни и забавные побасенки, что почти в равной мере увлекали воображение мужика и помещика в деревне, теперь именуются «простонародными».

...Две карты: лубочная и специальная. Не символ ли это тогдашней России? Не точный ли слепок представлений, с которыми отправлялись в путь матросы и офицеры мадагаскарской экспедиции?



И вот фрегаты снялись с якорей



А теперь вернемся к организации мадагаскарско-индийской экспедиции.

По 32 пушки поставили на каждый из двух фрегатов. Продовольствия — на восемь месяцев. Офицеры уже могли понять: стало быть, месяца четыре без захода в порты. Днища фрегатов подготовлены для плавания у экватора, для защиты от южных моллюсков. Привезены доски и крючья для абордажного боя — не с пиратами ли южных морей? Загадывали увидеть растительность и зверей жарких земель. Готовились поохотиться, раздобыть презенты удивительные. Каждый надеялся на новый чин-должность. Отпуск полугодовой. Честь быть первыми в каких-то далеких краях. Перед британцами, голландцами уж больше не заискивать. Не слушать их рассказы, рот открывая, как школьники на уроке слушают дьячка. Самим будет о чем рассказать.

Нет сомнения в том, что на хорошо снаряженных фрегатах эти офицеры способны были одолеть дальнюю дорогу. Опыт

Вильстера помог бы. «Вообще нельзя не удивляться, что в разнохарактерной и разноплеменной массе тогдашних морских офицеров мог так скоро образоваться солидный военный склад и выработаться такие отличные, храбрые и преданные делу личности. Источник и жизненная сила подобного явления, прежде всего, заключались в непосредственном личном влиянии самого Петра» [1].

Но фрегаты были снаряжены все-таки плохо, во всяком случае явно не так, как надо. Опыта подготовки таких экспедиций еще не было. Да и засекреченность влияла пагубно. Люди, ведавшие бесчисленными сторонами этого сложного дела, не знали маршрута фрегатов, а значит — ни морей, по которым придется плыть, ни расстояний, ни срока всего плавания. И конечно, они не могли уложить груз соответственно срокам остановок в портах и особенностям плавания в каждом море. Фрегаты были нагружены «валом».

Ну, и главное — спешка. Самый лютый враг каждого дела.

К чему приводит спешка

«Необыкновенная поспешность приготовления, вероятно вызванная надеждой чрезвычайных выгод, не позволила Петру обратить должного внимания на подробности снаряжения судов; лица же, стоявшие ближе к делу, как Фан-Гофт и Вильстер, ввиду строгих приказаний как можно поспешить уходом, боялись представить государю о невозможности приготовления к такому плаванью... Притом с крайне тяжелым условием, чтобы на пути никуда не заходить. На фрегатах, изготовлявшихся в мадагаскарскую экспедицию, песчаный балласт занимал так много места, что в трюмы нельзя было поместить достаточного количества воды и провианта... Все, при требовании чрезвычайной скорости, было „отправлено в конфузии“. Например, при торопливой нагрузке нос одного фрегата оказался очень загруженным, но уже исправить это было некогда» [2].

Что же все-таки вынуждало предусмотрительного государя, опытного моряка, допускать подобные несообразности в подготовке к такому долгому плаванию? Ведь тут были явные нарушения основ военно-морского устава.

Сказывалась неслаженная работа всей государственной машины: «Новый военный порядок Петр создавал не столько официальными указами, сколько письмами, частичными распоряжениями по отдельным случаям без соображения с законом» [3].

[1] Ф. Ф. Веселаго. Очерк русской морской истории. Ч. I, с. 437—438.
[2] Там же, с. 398.
[3] В. О. Ключевский. Письма, дневники, афоризмы..., с. 391.

Сколько было бестолковой сутолоки в оснащении судов — да еще зимой и втайне. В морозном воздухе далеко раздавались команды, привлекая внимание необычайностью подготовки к плаванию, на зиму глядя.

Старый служака Апраксин, должно быть, видел на месте, как плохо подготовлены корабли. Понимал, что дело не пойдет. Но боялся государя, уже больного и все более склонного к вспыльчивости и гневу. К тому же вполне усвоил, конечно, немудреную истину, что ясновидцев, как и очевидцев, во все века сжигали на кострах; она во все века легко укладывалась в головы чиновников. Вот и умалчивал о многом, полагаясь на волю божию и на авось. А ежели и погрешно что, на Вильстере будут взыскивать!

Офицеры, задерганные спешкой и оглядками на секретность в порту, смотрели на зимнее море, как школьник, еле сдавший экзамен, смотрит на дверь. Только бы уйти скорее!

Фортуна не жалует

В субботу, 21 декабря[4], в 6 утра, фрегаты вышли в море, скорее всего неожиданно для жителей порта и обслуживающих его моряков. Благословение церковным причтом, торжественные минуты прощания с берегом, традиционные выстрелы — все это было, верно, тоже сделано на скорую руку и тем самым обнаруживало таинственность отправления судов.

Заскрипели борта фрегатов. Балласта непомерно много. Вместо сухарей и солонины песка накидали. Но фрегаты-трехлетки бодро идут.

Выписка из журнала прокурора Козлова о его поездке из Петербурга в Рогервик, 1723 год, декабрь:

«Суббота, 14-го числа. „Кронделивде“ прибыл пополудни, как ударило 4 часа с половиной, и стал на якорь в рогервикской гавани. Воскресенье, 15-го числа... пополудни в 3-м часу, прибыл и другой фрегат, «Амстердам-Галей»... И потом прокурор (Козлов писал о себе в третьем лице.— *Авт.*) поехал на шлюпке на фрегат „Кронделивде“... Понедельник, 16-го числа, по списку всех людей пересмотрел и от капитана Лоренса о нагруженных припасах ведомость взял, а потом с того фрегата переехал на другой фрегат, „Амстердам-Галей“... пересмотрел всех людей по списку... и приехал на землю в час пополудни (Козлов был на „Амстердам-Галее“ 15 часов, с 9 вечера, на „Декронделивде“ — 11 часов.— *Авт.*). В тот день ветр был зело жесток с дождем и

[4] Мы уточняем выход фрегатов в море на основе приведенных дальше «Доношения Вильстера» и «Выписки из журнала прокурора Козлова».

противный к пути оным фрегатам (записей от 17, 18 и 19 декабря в документах нет.— *Авт.*). Пятница, 20-го числа. Пополуночи в 4-м часу учинен был к походу с фрегата „Амстердам-Галей“ сигнал из 2-х пушек, а потом в 6-м часу, подняв якоря, учинили сигнал из 3-х пушек и пошли в вояж; в том же часу ветр был S» [5].

Флагманский фрегат «Амстердам-Галей» с Вильстером на борту бойко шел впереди, преодолевая «встрешный ветр не зело жестокий». Иван Кошелев, советник при начальнике экспедиции, и Данила Мясной, капитан «Амстердам-Галея», плававшие до того на британских и голландских судах в дальних рейсах, теперь рады были вести в океан русский корабль. Они не знали еще маршрута (секретный указ императора приказано читать, минуя Англию), но по оснащению фрегатов и по запасам продовольствия понимали: далеко за Европу. Беспокоило одно: в каком же это порту, скоро ли уложат груз по нормам? Борта скрипят — много балласта. Да скорее бы узнать, по каким морям, в каких поясах земного шара поведут они суда.

Когда прошли еще только две мили, «ветерок свободный» вдруг усилился и поворотился снова к востоку.

Финский залив остался за кормой. У острова Даго (на сегодняшней карте остров Хийумаа), когда достигли Дагерорта (Хийумааского мыса), вероятно, надеялись увидеть огни старого спасительного маяка, возведенного еще в 1500 году. Но тут поднялся шквальный ветер, почти шторм.

У Дагерорта, на границе Финского залива и Балтийского моря, кораблекрушения бывали особенно часто. Ветрá здесь отличаются сильной порывистостью. Флагман «Амстердам-Галей» дал такую течь, что воду едва успевали откачивать всеми помпами. Оказавшись далеко в море, фрегат мог затонуть.

Оборванные, промерзшие на ледяном ветру, служители под ругань и тычки боцманов бились на палубах и в трюме, пытаясь исправить «недосмотр» Фан-Гофта, который не «валял» фрегаты — не осматривал их днища. Ведь на это надо было несколько дней. Выкроить их из десяти, отведенных приказом на всю подготовку судов, Фан-Гофт не мог.

...Мокрый от снега, советник при флагмане Иван Кошелев второй раз отдавал в сушку свой темный камзол. Надевая рыбацкий плащ с капюшоном, он пытался шутить, представляя растерянного монаха. Но служители только поворачивали к нему головы и кривили рот в улыбку, едва успевая перевести дыхание. Им сушить одежду было негде.

Два дня бедовали моряки. Потом стали у острова Наргена. Там, на борту «Амстердам-Галея», Вильстер сразу же написал

[5] Материалы для истории русского флота. Ч. II, с. 694—695.

Петру «доношение». Тут он дал себе волю и рассказал, как фрегаты готовились к плаванию.

«Доношение Вильстера к государю с фрегата „Амстердам-Галей“ от Наргена, 1723 года декабря 22... В понедельник 16-го дня около 1-го часа, пришел я на „Декронделивде“ и был по прибытии сюда „Амстердам-Галея“. На 4-й склянице[6] полуденной вахты прибыл сюда фрегат; приказал сделать сигнал капитану Мясному, чтоб пришел ко мне; на 6-й склянице явился капитан у меня и объявил, что на его фрегате все отправлено в конфузии; у капитана Лоренса на „Декронделивде“ те же жалобы».

Горько жаловался адмирал: «Всемилостивейший император, когда б оные фрегаты в Ревеле изготовлены были до обретающихся на них офицеров, не мог бы поверить, что морской человек оные отправлял; из отправления провианта мог он присмотреть, что путь не на месяц или два, и трюм на обоих фрегатах пещаным балластом насыпал... Все легкие припасы положены назади, а тяжелые напереди, для того что фрегат „Амстердам-Галей“ передом 8 дюймов грузнее настоящего знака... Большая часть матросов обносилась... ныне хотя в мою бытность денежного жалованья на 8 месяцев выдано, но... на кораблях купить достать нечего, и опасаюсь дабы не приняли за скудостью одежды нужды, от чего яко мухи могут помереть, и сие токмо упоминаю дабы на мне не взыскалось и офицерам в виду не притчено было, ежели за таковым недостатком случай какой позовется и над фрегатами не учинится».

Признался адмирал и в том, что он, боясь гнева государева, отправился в плавание в непогоду.

«С 16-го по 19-й день ветр и погода зело переменяется, того ради я 19-го числа призывал к себе на корабль капитана, капитан-лейтенанта, лейтенанта и всех штурманов с „Декронделивде“ и держал с моими обер и унтер-офицерами консилиум, идти ли оною погодою в море... все приговорили единогласно, чтоб не выходить прежде что ветр и погода устроится; однакож я 20-го числа, в 8-й склянице пополуночи, в море пошел... ветерок свободный, а как отошел я в море на 2 мили, поворотился ветр паки к W и стал весьма умножаться. На 8-й склянице ранней вахты, когда стали воду насосами выливать, присмотрели множество воды в корабле... 21-го дня пополудни, едва тремя насосами вылили... и затем в ночи шли по плаву до 4-го часа пополуночи... и стали на якорь в 28 саженях воды... В воскресенье 22-го дня, на 8-й склянице дневной вахты... подняв якори пошли к Наргену и стали на якоре в 5-й склянице ранней вахты...

Утрешнего числа 23-го дня стану старатися, чтоб залучить

[6] Скляница — получасовой промежуток времени; счет отбивали колоколом-рындой от начала каждой вахты, обычно четырехчасовой.

мне мастера Девенпорта к себе и для его я к Наргену прибыл, чтоб течь заделать... И как скоро починено будет и ветр станет попутен, хотя малое число, немедленно в путь свой с „Кронделивде“ отправляюсь, и как Девенпорт ко мне прибудет и я велю отправлять капитану, а сам не являюсь» [7].

И здесь, в море, нужно было продолжать скрываться, маскироваться начальнику экспедиции. Петр требовал этого неукоснительно. Может быть, особенно засекречивали, что корабли ведет мимо Швеции шведский адмирал.

Донесение Вильстера Петру с Наргена 27 декабря:

«...Всепресветлейший всемилостивейший император, шаутбенахт Фан-Гофт зело ошибся, что он фрегаты не валял до выходу из гавани, а время к тому имел довольное... Однако ж я стараться буду как доброму человеку надлежит, ежели ветр и погода будет мне способна; а ныне ветр непрестанно от W без переменно. Во вторник 24-го дня в виду были от Ревеля некоторые суда и я немедленно с „Амстердам-Галея“ перешел на фрегат „Декронделивде“ в мнении, что конечно корабельный мастер Девенпорт в том числе прибыл; я был при нем и не дался знать и меня он ни которыми мерами познать не мог... Капитан Лоренс объявил, что корабельный мастер Девенпорт фрегат осматривал... и сказал, что он лучше сделать и пособить не может, чем письменно за рукой подал, что лучше штурмовой починки сделать невозможно».

...Кончался сорокадневный рождественский пост. Скоро сочельник. Моряки готовились праздновать рождество. Священник эскадры был рядом с флагманом. Не впервые батюшка участвовал в плавании, но теперь удрученно глядел на небо, темное при свете дня, на угрожающе нависшие тучи и взбаламученное бурей море. Не нашел слов радости предстоящему большому празднику в коротенькой проповеди после предрождественской службы. Смешно балансировал руками с крестом у самодельного амвона и надрывал голос, стараясь перекричать море...

При усилившемся боковом ветре фрегат относило с курса. Управление рулем не помогало. Фрегат кренился то в одну, то в другую сторону. Матросы на верхних реях висели над бездной, обнимая полускатанные обснеженные паруса. Нарастал недобрый, жуткий плеск воды под ногами. В трюме — вода! Боцманская дудка зовет матросов к помпам.

Топот морских сапог, даже не слышны последние слова священника. Матросы на бегу порывались приложиться к кресту. Их подгоняли тычками в спину. Вильстер оборвал церковную службу. Ни в грустные минуты прощания с землей, ни теперь, в походе, не было времени получить благословение, сызмальства привычное после церковной службы.

[7] Материалы для истории русского флота. Ч. II, с. 696—697.

Там, в Матросской слободке Петербурга, на Большой и Малой морских улицах, скоро святочные игрища. «Петр I любил святочные игрища, в которых сам принимал участие... В его время святочные игры бывали не только в городах и в сельских приютах, но и в царских теремах, где царевны святочничали с верховыми сенными девушками и боярынями» [8].

Сколько их, матерей, невест и жен матросских, будут гадать теперь о судьбах моряков! Из многих губерний собраны в порты, на корабли сыны крестьянские, и недоросли помещичьи, и посадские парни, и мастеровые, и поповичи из многодетных семей. Каждого моряка в эти дни вспоминают, где бы он ни был. А здесь, на фрегатах Вильстера, в непроглядной тьме предсвяточных вечеров прислушиваются, как вода шепчется под просмоленными досками палубы в темном трюме, где буря перемешала солонину с песком и сухари с бочками пива. Пушки прыгают у бортов, готовые сорваться с привязей, послушные зову царя морского. За бортом ревут морские дивы. В кромешной мгле чужое все. Матросы, хоть и не новички (отобраны опытные), а, догадываясь о дальнем плавании, страшатся — значит, это бог не пускает корабли, если в канун светлых дней рождества гневливо бурю посылает.

А заговора от морских бед еще нет у моряков. Знают они разные заговоры — на девушек, например, чтобы любили: «На море, на окияне, на острове Буяне лежит тоска; бьется тоска, убивается тоска, с доски на воду, из воды в полымя, из полымя выбегает сатанина, кричит...»

Но больше все-таки девушки гадают. Кто отважнее — идут к портовой часовенке. В одиночку жутко, с подругой верной идут. Под дверным замком часовни послушать, что́ поют. Но ветер на паперти или полная тишина остудливой ночи — все равно, кто хочет слышать, услышит. Сладкоголосое венчальное пение или «вечную память». Что бы они ни слышали там, все страшно, и рассказать никому нельзя. Нехристианский обряд-то бога подслушивать. От язычества, от идолов идет.

Новая беда

31 декабря фрегаты отплыли от Наргена к Ревелю. Еще восемь долгих суток, день и ночь, выкачивали соленую воду. А пить пресной вволю — и того нет! Вильстер потом писал царю: «На фрегате „Амстердам-Галей“... хотя б все пивные и водные бочки были налиты водою, тогда б на 204 человека более не стало воды как на 10 недель и 3 дня... счисляя по кружке

[8] Русский народ. Его обычаи, обряды... Ч. I, с. 13.

в сутки... однако ж по последней мере недель 14 или 15 или больше в пути пробудем, а ежели б вместо пещаного балласта чугунный нагружен был, тогда б могли воду уместить... на 18 недель запасти».

Восьмого января «пополудни в 4-м часу, прибыли паки к Ревельскому порту и стали на якоре между ост-батареи» [9].

Нужно было килевать, чинить подводную часть «Амстердам-Галея». Повреждения оказались настолько серьезными, что уже 10 января 1724 г. Вильстер просил царя дать ему другие суда.

Апраксин, получив от Фан-Гофта письмо об аварии, отвечал: «...сие все старайтесь исправить в таком поспешении, чтоб вам убежать от его императорского величества жестокого гнева... а ежели (от чего боже сохрани) вашею неповоротливостию от вояжу своего они остановятся, то можете понести не малое бедство, и дабы оное исправление как возможно содержано было в крепком секрете, чтоб никто не мог знать, и дайте голос, яко бы оные фрегаты уже никуда отправляться не будут... В 14 день генваря 1724 года послано с курьером... чрез нарочную почту» [10].

Но как ни торопились, а нашли необходимым «Амстердам-Галея» килевать, и это повело к новой беде. Когда выгрузили из него весь балласт, то, по неосмотрительности распоряжавшегося работой капитана Лоренса, для перегрузки фрегатского якоря на лихтер (грузовое судно) поставили 500 человек на одну сторону фрегата «Амстердам» и при этом отдали кабельтов [11], закрепленный за мачту стоявшего подле фрегата «Рафаил». «„Амстердам“ сильно наклонился, и как его порты не только не были задраены и законопачены, но еще и вырублен был „балласт порт“, то вода тотчас полилась в фрегат, он лег на бок и затонул, причем в палубах погибло 16 человек матросов, не успевших выбежать наверх» [12].

Шестнадцать человек утонули в трюме своего корабля по недосмотру офицера и по спешке, вызванной указом Петра. Причитания баб не слышны в Петербурге. Матросы оставили семьи, матерей, невест, жен далеко в глубине России. Там о смерти шестнадцати узнали много времени спустя. Долго еще гадали по святым книгам, открывая страницы наугад, о судьбе своего моряка. Или ложились навзничь в снег вечером невесты, жены и поутру смотрели, гладкий ли след «моего тулова». Беда, если собака или зверь какой перебежит, пересечет эту выемку.

Начальствующий персонал в порту был озабочен тем, как примет государь потерю 16 морских служителей. Как оправдаться? Известно, что, даже если большой командир и смотрит на тебя, только его лицо обращено к тебе, а очи смотрят мимо.

[9] Материалы для истории русского флота. Ч. II, с. 699—700.
[10] Ф. Туманский. Собрание разных записок..., с. 217—218.
[11] Кабельтов — канат; «отдали кабельтов» — отвязали или отрубили.
[12] Ф. Ф. Веселаго. Очерк русской морской истории. Ч. I, с. 388—389.

Не оправдаешься ссылкой на то, что сам Апраксин торопил: «Всякая остановка здесь [у государя] приемлется не без противности».

Конечно, о судьбе матросов не принято было особенно думать. Служителям «на корабле пребываше жестко, по обычаю матросскому»,— написано в «Гистории о российском матрозе Василии Кириацком». Жесткий обычай морской службы начала XVIII столетия подтверждается и «Уставом морским», и «Артикулом правы морской».

Тяжки наказания за провинности матросов: «проволочение под корабль», «биение кошками при маште» и «биение от всех корабельных людей» (как в армии потом — «сквозь строй»), дабы, как написано в «Гистории о матрозе Василии Кириацком», «в своих науках острых припознася морския глубины, и быстрины, и пучины, и мелкости, и ветра, и воздухи, и дороги к другим землям и градам разумел, за которую науку на кораблях старшим пребывал». Каторжным, иногда в прямом смысле этого слова, был труд портовых рабочих. Об этом можно судить даже по лубочной, народной книжке 1785 года: «Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каином, известного мошенника и того ремесла сыщика. За раскаяние в злодействе получившего от казни свободу; но за обращение в прежний промысел сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь. Писанная им самим при Балтийском порте, в 1764 году». В Рогервик ссылали на каторгу.

Но тут все-таки случай особый. Шестнадцать человек погибли по недосмотру. Сейчас бы сказали: ЧП. Была причина страшиться гнева государева.

Но Петр никого не наказал. «Изволил принять нещастие в немалом соболезновении» и повелел готовить другие корабли. Апраксин писал: «25 генваря 1724 года... Хотя жаль, что такой случай постигает, однако ж оно строится ни от кого иного, но от воли божеской... Вместо определенных вам фрегатов... принять „Принц Евгениус“, или выбрав из других кораблей фрегатов, обретающихся при Ревельском порте» [13].

Вновь выбранные суда не были «подшиты шерстью». Тогда считали необходимым для предохранения днищ судов от моллюсков южных морей обшивать подводную часть досками, обитыми коровьими шкурами.

«Шерсти» на складах не оказалось. Она не нужна была в плаваниях по Балтийскому морю. Запрашивать шкуры через Адмиралтейств-коллегию значило выдать замысел плавания в южные моря. Заготовлять стали в ближайших к порту местах.

[13] Ф. Туманский. Собрание разных записок..., с. 226.

«Неизвестно, выходил ли Вильстер вторично в море... Во всяком случае, если и выходил (что очень мало вероятно), то ясно, что и этот выход был совершенно неудачен»,— писал академик Тарле [14].

В феврале 1724 года Вильстер получил указ императора: отменить отправление кораблей до «другого благоприятного времени». Петр, вероятно, имел в виду благоприятное время для отправки судов в Индию. О Мадагаскаре Петр уже вряд ли думал. Пока ремонтировался «Амстердам-Галей», он мог получить новые сведения о положении на Санта-Марии и понять, что пираты не смогут помочь экспедиции.

От своих агентов в Англии и Франции Петр мог узнать, что прежних пиратов на Мадагаскаре уже нет. Незадолго до этого французский корабль побывал на Санта-Марии, чтобы завязать с местным племенем торговые сношения. Его экипаж увидел, что пираты стали мирными жителями, торговали, были военными советниками у вождей, женились на малагасийках, обзаводились хозяйством. «Пожалуй, в 1724 году,— пишет Дешан,— едва ли было на Мадагаскаре больше 200 активных пиратов. Но воображение европейцев доводило количество их до фантастических цифр, и несколько государей — турецкий султан, королева Швеции и царь Петр Великий — собирались установить связи с пиратами в момент, когда они исчезали».

Петр не сразу осознал, что пора «классического» европейского пиратства миновала навсегда, что могущественных флибустьерских ассоциаций уже нет. И только ли он ошибался, когда для плавания в Индию рассчитывал на пиратские порты Мадагаскара? Обманчивые обещания главарей пиратов, которые не могли предвидеть столь скорого краха своей деятельности, привели к неудаче шведской экспедиции командора Ульриха.

О состоянии пиратства на Мадагаскаре Петру стало известно, скорее всего, в начале 1724 года. Осведомленность эта, хотя и запоздалая, заставила его отказаться от повторения плавания к Мадагаскару.

«Причина, по которой отказались от нее (от экспедиции.— *Авт.*), документами не выясняется, и можно только догадываться, что она заключалась в полученных вице-адмиралом Вильстером более точных сведениях об условиях, какие русская экспедиция нашла бы на Мадагаскаре». К такому выводу пришли уже в советское время [15].

Академик Тарле полагал, что Петр получил эти сведения от Ульриха, флагмана шведской экспедиции. Швед «эстляндской породы», а посему «его величеству не противник», он рассказал Петру о том, чтó узнал относительно положения на Санта-Ма-

[14] Е. В. Тарле. Русский флот..., с. 118.
[15] А. И. Заозерский. Экспедиция на Мадагаскар..., с. 102.

рии и Мадагаскаре, когда его корабли в 1722 году стояли в Кадиксе. О желании Ульриха сообщить Петру какую-то тайну свидетельствует письмо родственника Ульриха, ревельского вицегубернатора Фридриха фон Левена, адресованное Апраксину [16].

«Сиятельнейший высокородный господин граф, великий адмирал, тайный действительный советник, президент генерал-губернатор и кавалер ордена святого Андрея.

Милостивый государь.

Вашему высокографскому сиятельству доношу, что за несколько дней приехал в Ревель чрез Санктпитербурх из Швеции генерал-адъютант и командор Улрих; который был определен командором над 5 шведскими кораблями, посланными года с два тому назад в Мадагаскар в Азию с некоторым ирлянской земли человеком, именуемым Моргион, которой назвался губернатором, да с капитаном Ситлером. От которой его имевшей экспедиции хотел я от него хотя мало уведомитца (понеже он зятю моему родной брат), токмо он приватной персоне о том известить не хочет, но сказывает, ежели б он мог быву в Санктпитербурхе его императорскому величеству нижайшей свой поклон отдать, то б он его величеству о том донесть хотел и объявил бы писменно, в каком намерении оная экспедиция была отправлена и какой причины ради оная в действие не произведена, что он из шпанского моря от Кадикса возвратиться принужден был; а сие пишу я в такой надежде, что благоволит ль ваше высокографское сиятельство о сем его императорскому величеству доложить и ежели повелено будет ему приехать в Санктпитербурх, то он с охотою приедет, а в швецком флоте служил он уже тридцать лет и признавают ево за искусного морского афицера, понеже он бывал в разных великих оказиях и дослужился ныне генерал-адъютанта и командора от флота, а в Санктпитербурхе хотя он и был, однако ж случая такова не имел, чтоб вашему высокографскому сиятельству свой нижайший поклон отдать и буде его императорское величество повелит принять его в свою службу морскую, то он его величеству не противник, понеже он эстлянской породы из шляхетства. Я пребываю со всяким решпектом

Вашего высокографского сиятельства покорнейший слуга
(подпись латинскими буквами Фридриха фон Левена)
Ревель замок
февраля 3-го дня 1724 году».

Так закончился первый приступ русских кораблей к дальнему плаванию.

[16] ЦГАВМФ. Ф. 233, оп. 1, д. 230, л. 280.

Их судьбы

Как сложилась судьба тех моряков? О 404 матросах или, вернее, о 388 (после гибели шестнадцати) вряд ли можно выяснить многое.

Об офицерах кое-что известно. Хоть и запрещено было поминать секретную экспедицию, все же замолчать заслуги офицеров в выполнении государева указа правительство не могло. Среди них были и лучшие петровские моряки. Как сказали бы теперь, энтузиасты своего дела. Такие в ту пору уже появились. «До какой степени все морское дело было близко русскому обществу петровского времени, любопытным доказательством может служить навигация на английском языке, принадлежавшая одному из князей Голицыных; на заглавном листе ее, вероятно, рукой владельца сделана надпись: обчей (общий.— *Авт.*) молитвенник. Экземпляр этой книги находится в библиотеке Морского министерства».[17].

Продвижения участников экспедиции по службе нужно было как-то объяснять в их послужных списках, и для этого пришлось отметить их участие в подготовке экспедиции. А эти сведения попали в первую часть многотомного «Общего морского списка», изданного много десятилетий спустя. Там оказались краткие данные если не обо всех, то о многих: и о тех, кто участвовал в экспедиции, и о тех, кто имел касательство к ее организации.

Есть там и капитан 3-го ранга Яков Саввич Барш. В ноябре 1723 года он был командирован из Петербурга в Архангельск «для исправления некоторых е. в. нужнейших дел». Можно только полагать, что ему поручалось подготовить встречу флибустьеров в Коле.

Есть и Ян Фан-Гофт, на которого так горько сетовал Вильстер. Он был еще в 1703 году принят на службу капитаном, с жалованием по 25 рублей в месяц. «1723 г. ...В ноябре, по должности командующего флагмана в Ревеле, принял деятельное участие в приготовлении 2-х фрегатов для мадагаскарской экспедиции... 1726 г. марта 6. Скончался».

Что сказано об офицерах каждого из фрегатов? Правда, о Науме Синявине, например, говорится только — «находился в плаванье в эскадре вице-адмирала Вильстера» — без указания, на каком из судов.

На «Амстердам-Галее»

Мясной (Мяснов) Данила Иванович. 1708 г. Послан для науки в Голландию. 1723 г. августа 27. Назначен советником адмиралтейской конторы. «Командовал фрегатом „Амстердам-Галей“,

[17] Ф. Ф. Веселаго. Очерк русской морской истории. Ч. I, с. 435.

назначенным в секретную (мадагаскарскую) экспедицию. В декабре перешел с фрегатом из Ревеля в Рогервик. 1724 г., январь. Возвратился в Ревель на том же фрегате, по причине открытия в нем течи». 1732 г. августа 8. Уволен от службы «за болезнию», с чином капитана 1-го ранга.

Шмидт (Смит) Варенс. Курляндец, капитан 2-го ранга, в 1723 г. «назначен командиром фрегата „Амстердам-Галей“, изготовляемого для мадагаскарской экспедиции». Скончался в Риге в 1735 году. Вероятно, он был запасным командиром или же был очень быстро заменен капитаном Мясным.

Брюкман Альберт. Датчанин. «1720 г., ноябрь. Принят в службу... с чином капитан-лейтенанта, из поручиков датской службы... 1723 г. Служил на фрегате „Амстердам-Галей“, назначенном в секретную (мадагаскарскую) экспедицию... 1725 г. марта 7 закололся шпагой».

Башилов Дмитрий. «1702 г. Поступил в московскую навигационную школу. 1707 г. Послан для обучения в Англию... 1723 г. Находился на фрегате „Амстердам-Галей“, назначенном в секретную (мадагаскарскую) экспедицию. 1742 г. скончался».

Кайсаров Александр. «1719 г. Поступил на службу гардемарином. 1721 г. Произведен в мичманы. 1723 г. Состоял на фрегате „Амстердам-Галей“, изготовлявшемся в секретную (мадагаскарскую) экспедицию. 1753 г. ...Уволен от службы с награждением чином».

Бараков Макар. 1715 г. Определен в Морскую академию. 1724 г. января 10. Произведен в лейтенанты. Находился в Ревеле на фрегате «Амстердам-Галей». 1750 г.— «за болезнию в службе быть не может».

На «Декронделивде»

Лоренц (Лоуренс) Джемс. 1713 г. Принят на службу в поручики. В 1723 г. ...«в ноябре командовал фрегатом „Амстердам-Галей“, назначенным в мадагаскарскую экспедицию. По выходе отряда из Ревеля на судах оказались повреждения, принудившие возвратиться назад. По возвращении наблюдал за исправлениями фрегата „Амстердам-Галей“, который, по его неосмотрительности, во время килевания лег на бок и наполнился водой, причем потонуло 16 человек... 1733 г. ...Капитан полковничьего ранга. Скончался в этом году».

Черевин Иван Григорьевич. 1703 г. Из солдат Преображенского полка написан в матросы. 1713 г. Произведен в боцманы. 1717 г. Произведен в подпоручики. «1723 г. Состоял на фрегате „Декронделивде“, предназначенном в секретную (мадагаскарскую) экспедицию. 1720 г. Произведен в контр-адмиралы. 1757 г. Скончался».

Коптев Лев. 1718 г. Поступил на службу гардемарином.

1721 г. Произведен в мичманы. «1723 г. Назначен в секретную (мадагаскарскую) экспедицию на фрегат „Декронделивде"... 1735 г. Разжалован в матросы» (за то, что по пути на место следования из Кронштадта заплыл на боте в Петербург по личному делу).

Понять бы, от каких таких причин офицер мог в 1725 году заколоться шпагой. И как Иван Черевин из матросов дослужился до адмирала. И почему капитану Лоренцу помянута только работа на «Амстердам-Галее», хотя командовал он фрегатом «Декронделивде».

Но куда важнее было узнать, что оба эти фрегата меньше чем через полтора года после неудачи мадагаскарской экспедиции все-таки совершили плавание, пусть и не в Индийский океан, но все же дальнее — в глубь Атлантики, в Кадикс. Вышли они из Ревеля 11 мая 1725 года, уже после смерти Петра, но еще по его указу. Санкцию на поход давал тот же Апраксин. Вместе с «Амстердам-Галеем» и «Декронделивде» шел корабль «Девоншир». Флагманом этой эскадры был Иван Родионович Кошелев, который участвовал в мадагаскарской экспедиции как советник при Вильстере. А капитаном «Амстердам-Галея» стал другой ближайший помощник Вильстера — Михаил Киселев.

В Кадиксе они стали на якорь 18 августа 1725 года. Русский консул в Кадиксе князь Щербатов сообщал: «...российский корабль „Девоншир", да два фрегата „Амстердам-Галей" и „Кронделивде", на Кадикский рейд прибыли благополучно... Сентября 3-го числа начали нагружать корабль и фрегаты солью». Кошелев представлен был через чин в капитаны 1-го ранга, «понеже он в Испании с российскими кораблями был первым». В 1726 году — снова плавание в Испанию.

В «Общем морском списке»:

Кошелев Иван. 1702 г. Поступил в математическую школу. 1707 г. Послан «для науки мореходства» в Голландию и Англию. 1721 г. Произведен в капитан-поручики. «1723 г. ...В августе назначен начальником отряда (из 2-х фрегатов и гукора), снаряженного для посылки в Испанию. За несостоявшеюся в этом году посылкою, отряд дошел только до Ревеля. Осенью на одном из фрегатов, назначенных в секретную (мадагаскарскую) экспедицию, отправился из Ревеля в качестве советника при начальнике экспедиции. За поврежденностью судов эскадры возвратился в Ревель. 1725 г., май. Командуя кораблем „Девоншир" и двумя фрегатами, отправился в Испанию... В августе прибыл в Кадикс... 1729 г. Произведен в капитан-командоры... 1732 г. апреля 22. Скончался».

Киселев Михаил. 1702 г. Поступил в математическую школу. 1706 г. Послан для науки в Голландию. «1723 г. ...ноября 28

произведен в капитан-лейтенанты. Послан из С.-Петербурга в Ревель на фрегат „Декронделивде", назначенный в секретную (мадагаскарскую) экспедицию... 1725 г. Командуя фрегатом „Амстердам-Галей", ходил в Испанию с грузом русских товаров... 1735 г. июля 28 за болезнию уволен от службы с выдачей полуторагодового оклада».

Участь флагмана

А на долю Вильстера почестей так и не досталось. И умер-то он, находясь под военным судом.

В «Общем морском списке» о нем говорится:

Вильстер Даниил (Wilster), швед. 1721 г. июля 5. Принят в службу, с чином вице-адмирала красного флага и назначен членом Адмиралтейств-коллегии. «1723 г. ...В ноябре назначен начальником секретной (мадагаскарской) экспедиции, для которой в Рогервике готовились фрегаты: „Амстердам-Галей" и „Кронделивде". По выходе в море на фрегатах оказались повреждения, по причине которых они возвратились в Ревель, и затем экспедиция была отменена. 1727 г. Назначен вице-адмиралом от белого флага. В июне поручено иметь высшую дирекцию над академиями... 1732 г. марта 21. Отдан под военный суд. Июля 21. Скончался в С.-Петербурге».

Правда, Вильстер был и главным командиром Кронштадтского порта, и начальником Морской академии, и ничто, казалось, не предвещало беды. Но, судя по пристрастному отношению к его оплошностям на посту главного командира Кронштадтского порта, адмиралы-сослуживцы не забыли предпочтения, внимания Петра к Вильстеру в 1723 году. Невзлюбили его еще тогда. «В первое заседание (Адмиралтейств-коллегии.— *Авт.*), в которое явился вновь принятый на службу вице-адмирал Вильстер, когда председательствующий в коллегии Крюйс хотел его посадить выше других, то прочие члены на это не согласились и горячо заспорили... а Гордон (вице-адмирал.— *Авт.*) согнал Вильстера с места и хотел из-под него вырвать стул».

Потом эти же люди и судили Вильстера. «Следствие чинить по военному ль процессу или по форме суда» — вот из каких наград могла выбирать Анна Иоанновна лучшую, достойную этого сподвижника Петра.

Адмирал Томас Гордон, предшественник Вильстера на посту командира Кронштадтского порта, адмирал и вице-президент Адмиралтейской коллегии Сиверс усердно представляли государыне, не знающей морского дела, ошибки Вильстера и заносчивость его при получении выговоров как преступные нарушения основ управления военным портом. Это они довели «Прохожде-

ние дела между Адмиралтейской коллегией с вице-адмиралом Вильстером» со штрафа в тысячу рублей до военного суда.

А дело, с которого началось следствие, напоминает нам обстоятельства, предопределившие неудачу мадагаскарской экспедиции. То же стечение обстоятельств. Считанные дни до отплытия, рано замерзающее море, суровая зима, секретность. Здесь, в Финском заливе, часты были «погодные злоключения». Одно такое злоключение стало роковым для мадагаскарской экспедиции, другое — для ее начальника.

Будучи главным командиром Кронштадтского порта, Вильстер задержал выход в море английского корабля за то, что его чинили краденными бревнами. С того и началось. Против Вильстера возбудили дело (мы нашли его в архиве [18]), и три года тянулось следствие.

Моряк все ждал, надеялся на прикрытие флагом. На оправданных судом моряков возлагали флаг и произносили слова из «Устава морского»: «И тако чрез сие паки за честного причтен, и всем запрещается оного тем попрекать» [19].

Сначала Вильстер писал: «Конечное происходит разорение... по прибытии моем в Кронштадт начали мне всякие досады чинить, злобствуя на меня». Потом: «Мне крайнейшее изгонение и утеснение и бесчестие учинены». В 1732 году Вильстер умер.

Вильстера погубил бюрократизм, особенно страшный в военном деле. Вот выдержка из «доношения» на него:

«...из Адмиралтейской коллегии.

Доношение № 238

Марта 3 дня сего 730 году ее императорскому величеству в Верховный тайный совет...

...Вице-адмирал Вилстер в ноябре м-це 729 году английского шхипера Джона Руселя с кораблем его... со отправленными на нем в Англию товары при Кронштате удержал и благополучное время упустил и от того немалые убытки нанес... приобщаем при сем экстракт и приносим свое мнение: за удержание помянутого шхипера Руселя и корабля его... и за упущение удобного времени якобы за покупку мимо адмиралтейства мачты, учиненные ему, Руселю убытки надлежит взыскать с помянутого вице-адмирала Вилстера...

Апреля в 16 день 1730 году
[адмирал] Томас Гордон [и другие подписи]».

Джон Русель (правильнее, конечно, Рассел), которому «для скорого отплытия» нужны были бревна для мачты, видел, что

[18] ЦГАДА. Ф. 248, кн. 231.
[19] Ф. Ф. Веселаго. Очерк русской морской истории. Ч. I, с. 435, 578.

законным путем через портовые склады он их не успеет купить. «Старый знакомец» помог ему достать «краденой из казны фоковомачт и стангу и рейку и бушприт».

Вильстер, «поступая по регламенту», задержал корабль Руселя, а «по протесту оного Руселя в коллегию следовалось» удержать с Вильстера тысячу рублей. «...За издержки ноября 20-го числа апреля по 20 число за харч матрозов, за жалованье ему [Руселю] и за кватеры и протчее по 120 рублев в м-ц и того ж 600 рублев. Убытков учинилось ему за содержание корабля 400 рублев... всего проторей 1000 рублев». Вильстер получал жалованье вице-адмирала 186 рублей с алтынами в месяц. А за штрафом последовали новые нарекания и все более тяжкие обвинения в нарушении «регламента».

Адмиралы Анны Иоанновны преследовали Вильстера. «Противности» Вильстеру начались после смещения его с поста начальника Морской академии и назначения командиром Кронштадтского порта. Вильстер долго не сдавал положенную ему как строевому вице-адмиралу дорогую «каютную посуду» из олова. «Из злости или упрямства нарочно и с умыслом не учинит, нагло противится»,— докладывали императрице. «Не поступал по генеральному регламенту... о пароле и лозунгах, об отдании чести... Нанес адмиралу непочтение и бесчестие». Нашли у Вильстера «неисправности в портовой службе», хотя он только что принял управление.

Потом в «военной комиссии» не стало и последнего моряка — товарища петровских лет. Умер Иван Родионович Кошелев.

Прокурор сената Соймонов, сам моряк, в нарушение должностных обязанностей пытался вывести Вильстера из беды, когда дело дошло до смешанной «военной комиссии», где «презусу быть из сухопутных войск» [20]. Председателем комиссии был Андрей Ушаков, генерал-адъютант Анны Иоанновны. Но обер-прокурор Соймонов сам скоро попал под суд. «...Не дремала мошкара, что, осмелевши без Петра, российский облепила трон. „Соймонова,— сказал Бирон,— казнить пора!“ ...Был приговор — нещадно сечь того Соймонова кнутом и ноздри вырвати потом!..» — писал в наши дни Леонид Мартынов.

Вильстер умер, находясь под судом, в 1732 году. Апраксин — четырьмя годами раньше. Еще раньше, в 1726-м,— Фан-Гофт. Капитаны Киселев и Мясной вышли в отставку по болезни. А другие офицеры мадагаскарской экспедиции, как и матросы, мало что знали о замысле Петра. Рано умерли сыновья Вильстера. Вдове вице-адмирала «по сему челобитию» выдать «500 рублей из Адмиралтейской коллегии... для возвращения на родину» [21].

[20] ЦГАДА. Ф. 248, кн. 231, лл. 2, 4, 5, 17, 73, 81, 149, 153, 369.
[21] Описание дел архива Морского министерства..., с. 495.

Не стало людей, хоть как-то причастных к экспедиции, хотя бы слыхавших о ней. Стерлась из памяти моряков, исчезла из морской истории эта строго засекреченная экспедиция, первая попытка освоить южные моря. Окончись она удачей — и еще в петровские времена стали бы для России зримыми, реальными Мадагаскар, мыс Благия Надежды, Ост-Индия.

Кто же в том повинен

Только несколько десятилетий спустя смогли российские люди увидеть своими глазами все многообразие природы на Земле и жизнь людей за морями, океанами.

Первооснователь Русской Калифорнии и участник первого русского кругосветного плавания Николай Петрович Резанов писал в 1806 году (с «Надежды», корабля Крузенштерна) другому Николаю Петровичу, министру коммерции графу Румянцеву:

«Ежели б ранее мыслило правительство о сей части света, ежели б беспрерывно следовало прозорливым видам Петра Великого, при малых тогдашних способах Берингову экспедицию для чего-то начертавшего, то утвердительно можно сказать, что Новая Калифорния никогда б не была гишпанской принадлежностью, ибо с 1760 года только обратили они внимание свое и предприимчивостью одних миссионеров сей лучший кряж земли навсегда себе упрочили» [22].

Петр до самой своей смерти не оставлял мысли о плаваниях в дальние моря. В Собрании именных указов, постановлений и определений Адмиралтейской коллегии много приказов Петра для подготовки военных судов к дальним плаваниям.

В 1724 году: «Марта 24... послать е. в. указы, в которых объявить... ревельской эскадры кораблям и фрегатам, а именно „Принц Евгений", „Перл", „Рандольф", „Крейсер", „Амстердам-Галей", „Кронделивде", быть в готовности апреля к 15-му числу... а провианту взять... на 4 месяца... со обретающимся морским провиантом, который на них ныне имеется».

Апреля 15: «Послать к обер-цейхмейстеру Отто указ, в котором написать, что корабли ревельской эскадры „Амстердам-Галей" и „Кронделивде" вооружены по именному е. и. в. указу, посланному из походной е. с. генерал-адмирала графа Апраксина канцелярии».

[22] Ф. Коньков. Путешествие из Петербурга в Калифорнию.— «Наука и жизнь». 1968, № 5, стр. 145.

Декабря 9: «К шаутбенахту лорду Дуфусу послать указ, велеть ревельской эскадры корабли „Девоншир", „Эсперанс", „Армонд", „Кронделивде" и „Амстердам-Галей" обще с капитаном над портом и с морскими офицеры... экзаменовать, оные для посылки в дальние вояжи быть годны ль, и ежели оные требуют какой починки, то починить и со всем как надлежит, исправить без всякого замедления, дабы апреля к 1-му числу 725 года для вояжа были бы во всякой готовности» [23].

Петр собирал сведения о китоловном промысле. «Ведал он, какую получают прибыль иностранцы от китовой ловли, и желая дать и подданным его оною воспользоваться, учредил сего промысла компанию»,— писал Голиков.

Берингу Петр успел отдать приказание отыскать северный путь к Индии. А вот о плавании вокруг Африки государь указа не оставил.

Не прошло и года после неудавшегося плавания к Мадагаскару, как здоровье Петра резко ухудшилось. Вскоре, в январе 1725 года, он умер. И о мадагаскарско-индийском замысле забыли надолго. Борьба за власть, придворные интриги отвлекли преемников Петра от крупных замыслов. А «учреждения, которое, обороняя интересы народа и на него опираясь, могло бы встать на защиту своего созидателя и его дела после него», Петр не создал, писал В. О. Ключевский.

Кто ж виноват в том, что фрегаты, вполне пригодные для далеких плаваний, не вышли за пределы залива?

Нет виноватых подданных в том мире, где царит единодержавие и «пресветлый лик» государя вводит прежде людей в страх, а уж потом снисходит до милостивого к ним благоволения. «Петр был жертвой собственного деспотизма. Он хотел насилием водворить в стране свободу и науку. Но эти родные дочери человеческого разума жестоко отомстили ему» [24].

Жертва собственного деспотизма... Точнее не скажешь.

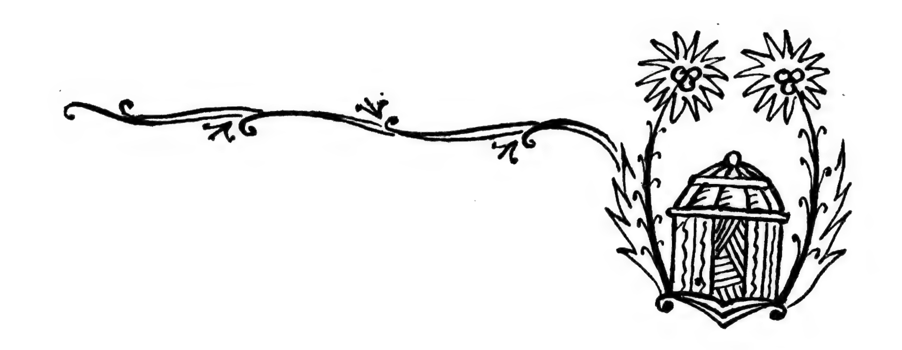
Постижимо ли это было для Петра и наследников его деспотизма — для тех, кто рождался в императорской мантии? И не об этом ли думала Елизавета Петровна, когда в немного смешных и наивных стихах рифмовала свои сетования на монаршее злосчастие?

Ныне уж не знаю,
Как на свете жить,
И не доумеваю,
Что больше творить.
. . . .
Ах, трудновато жить!

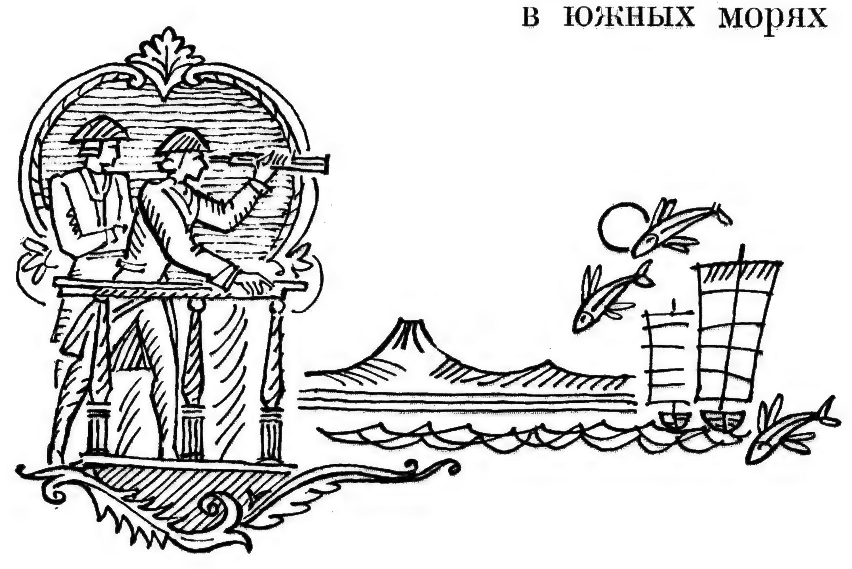
[23] Материалы для истории русского флота. Ч. IV, с. 637, 639, 691.
[24] В. О. Ключевский. Письма..., с. 385.

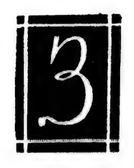
Вряд ли... На деле получалось, что и Петр, и его дщерь сетовали больше не на обстоятельства и уж вовсе не на себя, а на тех, кем повелевали.

«Суспекция» — подозрительность, недоверие самодержавного властителя к своим подданным, даже к самым преданным, вынудила Петра в ряд с другими государственными заботами самому организовывать и эту экспедицию. В ее «приуготовлении» Петр упустил «угодные погоды». В единоличном руководстве из Петербурга не мог предусмотреть, учесть всю необыкновенную сложность снаряжения судов в первое дальнее плавание.



Первый русский корабль в южных морях





амысел Петра — проплыть южными морями, кругом Африки — был, можно сказать, все-таки выполнен — правда, полвека спустя. Большая группа российских людей прошла этим путем. Даже более долгим, не только вокруг Европы и Африки, а кругом почти всего Старого Света.

Но случилось все это не совсем так, как хотел Петр, или, вернее, совсем не так. И дело не в том, что плавание шло в обратном направлении, не с запада на восток, а с востока на запад.

Главное отличие — в другом. По маршруту, намеченному когда-то официальной властью, первыми прошли не ее посланцы, а те, кто выступал против нее: взбунтовавшиеся ссыльные, «злодеи», как их окрестили петербургские чиновники. Пройдя тремя океанами, эти люди все-таки вернулись на родину и отдали себя в руки своих гонителей. Но в них увидели только беглых злоумышленников.

И вот те, кто первыми на Руси могли бы рассказать о дальних жарких странах, оказались пожизненно отгорожены от своих соотечественников стеной вынужденного молчания. А сколько бы можно было узнать от них! Это ведь люди разных сословий, разного возраста и пола, выходцы из обеих столиц и многих губерний бескрайней России. У каждого из них был свой взгляд, свой опыт, своя мера увиденному. В чужих краях каждый из них примечал что-то свое, особое, и благодаря этому панорама в целом получилась бы объемная, многокрасочная.

Конечно, их впечатления не могли быть такими, как у вольных путешественников. Наблюдения новых земель не были для них целью. Беглецы, они терзались думами о своей злосчастной судьбе — как решить ее, что делать дальше. В пути их не так уж занимало увиденное — природа, люди.

Но все равно, возвратясь на родину, они могли осмыслить то, что прошло у них перед глазами. В воспоминаниях, рассказах пережили бы все заново. И опыт их, впечатления не пропали бы втуне, обогатили бы их собственную страну.

А получилось по-другому. Государственные преступники, они не могли ничего рассказать. Запрещено было их расспрашивать, писать об их злоключениях. Некоторые из них, предчувствуя все это, так и не решились вернуться на родину.

И теперь, через два столетия, можно собрать об этих людях и их пути лишь очень-очень немногое, да и то по крупицам. Трудно даже установить, сколько же их было, этих людей. Бениовский в своих «Путешествиях и воспоминаниях» называет то 110, то 99; Рюмин и Судейкин — 70 человек. Правительственных сообщений долго не публиковали. Дело о бунте было под строгим секретом. Потом, через два года, в правительственных указах назывались только те, кто вернулся в Россию. Сенат повелел «обобрать всю черновую и беловую переписку о Беньёвском, а жителям Камчатки объявить, чтобы об этом деле никто не смел писать в своих частных письмах. Вообще же приказано всем начальствующим лицам дело о бунте держать в величайшем секрете»,— писал А. С. Сгибнев по материалам Иркутского архива [1].

Дело о происшедшем в Камчатке от сосланных злодеев бунте

Пожалуй, самое важное из того, что сохранилось,— это «Дело о происшедшем в Камчатке в Большерецком остроге от сосланных злодеев бунте». Хранится оно в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

[1] А. С. Сгибнев. Бунт Беньёвского в Камчатке..., с. 533.

В «Деле» много документов о препровождении на «житиё» в Камчатку и об условиях жизни там ссыльных и местных жителей. Отчеты чиновников, командиров портов и иркутского губернатора о бунте в Большерецке. Указы из Петербурга. Есть и «Объявление» — манифест бунтарей, перечень вин правительства, несправедливостей, жестокостей к простому народу. Но вся документация в «Деле» сведена к бунту.

А путевые записки?

В долгом пути по трем океанам бунтари едва успевали оглядывать новые для них места. Офицеры жарко обсуждали, кто из царей был бы лучшим: Иоанн Антонович, Петр III, Павел Петрович, Екатерина II? Во время плавания на захваченном корабле «Святой Петр» — заговоры, даже бунт, теперь уже против ссыльного польского офицера Бениовского, который взял на себя командование. Троих Бениовский ссадил на необитаемом острове, еще нескольких отправил в тюрьму в Макао. Один офицер оставлен на берегу. Из семи офицеров, ступивших на гальот на Камчатке, вокруг Африки плыли только четверо, и ни один из них так и не вернулся на родину.

Записки вели Бениовский, канцелярист комендатуры Большерецка Рюмин и ссыльный ротмистр Степанов. Бениовский вносил в свои записки маршрут пути — как и Рюмин с помощью штурмана Бочарова.

Больше всех написал Бениовский. Но о своих спутниках он рассказал немного. Они ведь бунтовали и против него. Им не по душе был этот человек, крутой и скорый на расправу. Описания Бениовского мало помогают нам понять душевное состояние его российских спутников.

Записки Рюмина весьма лаконичны, Степанова — тоже. Рюмина тяготила ответственность за участие в бунте, она мешала ему поглубже вникать, любопытствовать окружающим его миром. Убийство коменданта острога, разграбление военного имущества, похищение казенного судна. Как выразить в записках свое раскаяние, написать что-то угодное властям, отметить не то, что хочется, а что от тебя ждут.

Какими же представляются события сейчас, через двести лет?

Ведь все-таки делались попытки сохранить память, собрать то немногое, что даже державной воле не удалось предать забвению.

Сто лет назад, на полдороге от «злодейского» бунта к нашим дням, появились статьи в «Русской старине» и «Морском сборнике», еще раньше — в «Сыне отечества», в «Русском вестнике».

Вспомнили все-таки об их злоключениях, задумались, как же все было, с чего началось...

Бунтовщики Большерецкого острога

«В царствование Петра II, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны Якутская область была наводнена ссыльными привилегированных сословий, обвиненными происками временщиков в государственной измене. Якутские воеводы не раз доносили Сибирскому приказчику, что все остроги заняты колодниками» [2].

При Екатерине присланы сюда и пленные поляки, а число ссыльных офицеров из столичных гарнизонов резко возросло.

На Камчатке были три острога. Главным из них был Большерецкий, при впадении реки Быстрой в Большую. В Большерецке — большая канцелярия и общий для всех камчатских округов командир, капитан Нилов; он был в подчинении командира Охотского порта. Казенный командирский дом, церковь Успенья Богородицы, 4 кладовых амбара, 23 купеческие лавки и 41 обывательский дом на 90 «постояльцев» — и 70 человек гарнизона, из которых 40 — 50 всегда в разъездах [3].

В царствование Александра I Большерецк пришел уже в совершенный упадок и состоял из полуразвалившейся церкви и десяти дворов. Да и тогда, при Екатерине, он был захолустьем из захолустий. Но Бениовский в своих «Мемуарах и путешествиях» показал его совсем иначе, и такой образ закрепился потом в романах, основанных на этих мемуарах. Например, в романе Жана д'Эсма «Покоритель Красного острова», изданном в Париже уже после второй мировой войны, Большерецкий острог назван столицей провинции, а капитан Нилов — губернатором. Дом коменданта с его канцелярией — особняком «несколько примитивным, но роскошно, причудливо убранным: элегантные шпалеры, великолепные ковры, диваны вдоль стен, на одной из стен панопли с великолепным огнестрельным и холодным оружием, редким, дорогим, украшенным драгоценными камнями... Из полураскрытой двери в приемную губернатора доносятся нежные звуки клавесина». Там — дочь губернатора. Ссыльный Бениовский вскоре покоряет ее и увозит в океан. А на самом деле и дочери у Нилова на Камчатке не было. Не было ни элегантных обоев в комендантской избе, ни мягких диванов, ни клавесина, ни атмосферы галантных ухаживаний на манер кавалера Де Гриё из «Манон Леско».

В Большерецке в ночь на 27 апреля 1771 г. началось «замешательство» — бунт ссыльных. У коменданта Нилова произошло «столкновение» со ссыльными офицерами, и он был убит одним из них, поручиком Пановым.

[2] Там же, с. 526.
[3] Опыт трудов Вольного российского собрания... Ч. I, с. 195—202.

Самым активным зачинщиком бунта был тридцатилетний Мориц Август Бениовский. Сам он подписывался — барон Мориц Анадор де Бенев. На титульном листе его мемуаров — граф Бениовский. В русской литературе XIX и XX столетий (до того о Бениовском было запрещено писать), как и в архивных документах XVIII века, разнописание имени и фамилии Бениовского очень широко. Он Бейпоск и Бейновск, Беньовский, Беньевский и Бенёвский. В нашей книге — Бениовский, как в Русском биографическом словаре. Бениовский родился в Венгрии, точнее, в словацкой земле, входившей тогда в венгерские пределы. Служил в австрийской армии. Вынужден был бежать из родных мест после ссоры с кузенами, которые захватили его родовое поместье. Отправился в Польшу, стал полковником Барской конфедерации. Сражался против русских войск, взят в плен, отпущен «на пароль» (под честное слово) и снова взят в бою, отправлен в Казань. После побега опять схвачен и тут же отправлен на Камчатку.

Впоследствии, когда Бениовский приобрел громкую известность в Европе, мадам Жанлис, французская писательница, популярная и в России, обрисовала его как человека маленького роста с красивым лицом и хорошими манерами, весьма находчивого. Ловкий, энергичный и смелый, он был одним из тех талантливых искателей приключений, каких немало было в Европе XVIII столетия.

С Бениовским был близок гвардии поручик Петр Хрущов, «с которым они составили план своего спасения» [4]. Хрущов, инициатор побега, давно собирался бежать и вовсе не хотел бунтовать. Просто выжидал случая уйти куда-то на острова, хоть на рыбачьей шхуне. Хрущов приютил в своей квартире Бениовского, прибывшего в 1770 году. Сам Хрущов провел в ссылке девять лет. Его вины указаны в «Своде законов» 1762 года:

«Октябрь 24. Манифест. Лейб-гвардии Измайловского полку поручик Петр Хрущов обличен и винился в изблевании оскорбления величества... Хотя мы собственно наше оскорбление в таком злодеянии великодушно презираем, но не могли пренебречь правосудием к обиженному народу, видев в нем возмутителя общего покоя... Надлежит Петра Хрущова и Семена Гурьева, яко главных в том деле зачинщиков, четвертовать, и потом отсечь головы; но в рассуждении нашего правила о наблюдении монаршего милосердия... обоих Петра и Семена бывших Хрущова и Гурьева ошельмовать публично, а потом послать их в Камчатку в Большерецкий острог на вечное житьё...» [5].

[4] Побег графа Беньевского..., с. 10—11.
[5] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. XVI. 1830, с. 92—93.

Что «изблевал» Хрущов, не вполне ясно и из «Доношения следственной комиссии». «...Лейб-гвардии... поручик Петр Хрущов, доказан и винился в изблевании того оскорбления, и что он старался других привлечь к намеряемому им возмущению против вашего императорского величества и общего покоя, затевая, якобы уж и многих имел в своем согласии».

Еще один участник бунта, гвардии поручик Василий Панов, «был действительно очень хорошей фамилии, с большими талантами и особенной пылкостью ума, но, увлеченный порывами необузданных страстей (как в то время можно было иначе сказать о его возмущении действиями фаворитов Екатерины? — *Авт.*), послан он был за первое не очень важное преступление в Камчатку» [6].

Заодно с Хрущовым, Пановым и Бениовским оказался и Ипполит Семенович Степанов, отставной ротмистр, помещик Московской губернии, неудачливый депутат в Комиссии о сочинении проекта Уложения от дворянства Верейского уезда. Его сослали в Большерецк за сопротивление Наказу в 1767 году и за резкое столкновение с графом Григорием Орловым. Комиссию о новом Уложении законов империи Екатерина создала, видя настроения передовой части дворянства; да и Европа ждала обещанных царицей «просветительств». Но Екатерина быстро убедилась, что от Комиссии ждут не слов, не обмена мнениями, а дела, с чего и начал Степанов. Она поняла, что в монархическом государстве недопустимо даже самое желание публично утверждать монархию, ибо утверждение чего-либо допускает и его отрицание. Поэтому Ипполит Степанов за первые же свои требования оказался на Камчатке, так и не поняв своей вины.

Участие в бунте принимали армейский офицер Иосафат Батурин; адмиралтейский лекарь Магнус Мейдер; камер-лакей Александр Турчанинов, сосланный еще за заговор против Елизаветы в пользу Иоанна Антоновича; лейб-гвардии поручик Семен Гурьев и майор Винблан — швед, который вместе с Бениовским сражался с русскими на стороне польской армии конфедератов.

Семен Гурьев вскоре спохватился, отошел от бунтовщиков и был ими бит. За это «неприятие участия в бунте» его освободили 19 ноября 1772 года и возвратили из ссылки вместе с его сосланными братьями.

Взбунтовались все ссыльные Большерецка. Они жили сравнительно свободно — на частных квартирах, ловили рыбу, уходили на дальнюю охоту, обучали грамоте детей. Камчатскому начальству в тот год было не до них. «В зиму 1768—1769 г. свирепствовала в Камчатке оспа, похитившая 5767 инородцев и 315 человек русских заезжих людей. Вслед за этим бедствием обнаружился повсеместный неулов рыбы, которая заменяет

[6] Побег графа Беньевского..., с. 68.

здешним жителям хлеб»[7]. «Между тем наступала зима 1769 и 1770 г., а с нею и голод. Трудно описать все бедствия, перенесенные камчадалами... В пищу употреблялись кожаные сумы, езжалые собаки, падаль и, наконец, трупы умерших от голоду своих родственников».

Большинство солдат гарнизона находились в постоянных дальних разъездах по громадной территории, чем и воспользовались заговорщики.

Беспечный комендант Большерецка не обращал внимания на донесения солдат, заметивших подготовку к мятежу. Тем более что руководители бунта Бениовский и Хрущов ежедневно бывали в его доме. Воспитанные, образованные люди, они пользовались большим уважением Нилова, обучали его сына иностранным языкам. И с самим комендантом, бывало, коротали за непременной бутылкой долгие камчатские вечера.

Как много было указов, приказаний, инструкций для постоянного надзора и строгого обращения с арестантами, со ссыльными, особенно с государственными преступниками!

Вот инструкция «сенатских рот курьеру князь Матвею Мамаеву с солдатами от генерала-прокурора и кавалера князь Вяземского. Ноябрь 16-го дня 1769 года С. Петербург... Для отвозу к сибирскому господину-губернатору и кавалеру... Чичерину секретного пакета, и притом и некоторых двух арестантов». Наказы — уж куда суровее. «Разговоров вам с ними арестантами никаких не иметь, тем паче о состоянии и именах их у них не выспрашивать»[8].

Но наказов этих никто не выполнял. Ни сибирские начальники, ни конвойные офицеры и солдаты, ни тюремщики. Население же всей империи сочувственно относилось к арестантам, колодникам, ссыльным.

Эти два не названных в инструкции арестанта были будущие зачинщики бунта в Большерецком остроге — Бениовский и Винблан. Их «проследование» по всей Сибири до Охотского моря было помпезным (в укор правительству) шествием в ссылку двух военнопленных: шведа и венгерца на польской службе. Окруженные почетом, заботами участливых, сострадательных людей, они не лишены были и радостей общения с прекрасным полом.

Генерал-прокурор Вяземский в рассуждении простодушия офицеров дальних гарнизонов давал в инструкциях дополнительные указания. Но как мог выполнять Мамаев эти указания, когда даже начальники губерний на пути к ссылке неизменно при-

[7] А. С. Сгибнев. Бунт Беньёвского в Камчатке..., с. 527.
[8] ЦГАДА. Ф. 6, ед. хр. 409, лл. 8—9. Дальше номера листов указаны прямо в тексте.

нимали у себя Бениовского, обаятельного европейца и вполне светского человека. Они наказывали Мамаеву быть учтивее, деликатнее в обращении с таким изысканно воспитанным господином. А на месте вечной ссылки комендант Нилов встретил «ссылочного», как редкого гостя. Устроил ужин и пригласил «генерала польской армии», как рекомендовался Бениовский, в учителя к своему сыну.

В многолетних сетованиях правительства на пагубные последствия бунта на Камчатке (было даже прекращено отправление ссыльных на Камчатку) не названа одна из причин успеха бунтовщиков: беспробудное пьянство камчатской администрации и гарнизона.

На дальней окраине империи в администраторы попадали или безнадежные пьяницы, непригодные к строевой службе в самой России, или корыстолюбцы, ради наживы доводившие и местных жителей, и русских поселенцев до нищеты. Простонародье в Большерецке, как и во многих местах Сибири и Дальнего Востока, любой ценой радо было избавиться от измывательств и поборов. Потому-то «несколько разного чина людей убили до смерти тамошнего командира капитана Нилова и пограбя разбойнически денежную казну и протчие материалы и припасы, и взяв... судно галиот „С. Петра" с принадлежащим такелажем, бежали в море» (л. 28).

Самой Екатерине брошен вызов

Перед отплытием в море Ипполит Степанов и Бениовский «составили в сенат объявление, в котором, упомянув вкратце о том, что законный государь Павел Петрович неправильно лишен престола, выставили в черном виде все главнейшие распоряжения императрицы» [9]. Бениовский написал и свой Manifestum, Anno 1771, April, на латыни. Обе эти прокламации, вероятно, были приняты Екатериной как подстрекательства польского бунтаря. Может быть, потому года через два Ипполит Степанов и был прощен Екатериной в ее личном письме к нему в Лондон.

В «Объявлении» — о бедствиях российского народа и несправедливости распределения общественных благ, о гнете самодержавия и бюрократического строя, мешающего даже развитию ремесел и торговли. Написано оно от лица всех участников бунта — значит, и от «подлого люда». Ведь к бунту примкнули казаки, солдаты, рабочие порта. Они подписали «Объявление». Знали его хотя бы на слух. За них расписывались грамотные.

[9] А. С. Сгибнев. Бунт Беньёвского в Камчатке..., с. 539.

«Объявление» во многом сходно с манифестом Пугачева, провозглашенным через три года. Звучало оно более грозно, чем манифесты, составленные декабристами спустя полстолетия.

Не случайно лейб-гвардии поручик Хрущов отказался поставить свою подпись под вызовом императрице — а ведь он и до того «изблевывал» оскорбления ее величества.

Правда, мятеж на далекой Камчатке вряд ли мог получить отклик в центральных губерниях. И все же генерал-прокурор, получив это «Объявление» через много месяцев (оно адресовано «во Канцелярию большерецкую, Камчатскую»), по повелению Екатерины II собственноручно написал: «Сей пакет хранить в Тайной экспедиции и без докладу ее величеству никому не распечатывать. Князь А. Вяземской» (л. 19).

«Объявление» изложено на десяти больших листах (листы 14—18 с оборотами). Писарским почерком написано тщательно, хоть и торопливо. Сочиняли «Объявление» уверенные в своей правоте люди. Начинается оно так:

«Не только российскому народу, но и всему свету известно, что вся Россия по справедливости обязана непосредственно благодарностию своею истинному своему монарху Петру Великому отцу отечества, которого высокие потомки царствовать над нами... должны... Вследствие чего избрана и возведена была на наследственный Всероссийский императорский высочайший престол любезнейшая его дщерь... государыня императрица Елисавет Петровна, которая следуя по линии наследства и быв при кончине своей потому узаконила... наследника дщери Петра ж Великого царевны Анны Петровны сына... Петра Феодоровича... при восшествии его на наследный Всероссийский императорский престол в 762 году весь российский народ присягали». Но «бунтовщики» свергли его с престола, «потом лишили и жизни».

Иосафат Батурин, подпоручик армейского Ширванского полка, очевидно, настаивал на таком подробном изложении перипетий короткого царствования Петра III. Батурин, приверженец этого государя, в ссылке именовал себя «полковником артиллерии и кабинетским обер-курьером императора Петра Феодоровича». Бениовский же, называвший себя курьером Павла Петровича, торопил переходить к существу дела.

«Оставшийся сего государя любезнейший сын, а наш всемилостивейший государь Павел Петрович лишен престола... Мы обращаясь всегда между сынов отечества ревнующих к законному своему государю... а Россия без истинного своего государя одним пристрастным управлением доводится до самого разорения... У польского народа отнимается вольность, которая России не только вредна, а полезна». О вольности польского народа, конечно, добавил Бениовский.

«А в России начальники единое только имеют право, делать людям несчастие, а помочь бедному человеку никакого уже права не имеют... Не порядочные законы, а самовластие... Народ российский терпит единое тиранство, в Европе ездят промышлять серебро и золото, а у нас сей промысел отнят, а кто оным может пользоваться, одни... фавориты... богачи. А нижнего рода людям позволено бить зверей, и то без всякого положения... А российский народ трудолюбив, наклонен к промыслам». Это изложение местных трудностей бесправного работного люда.

«Вот причины рабства, кто богатый имеет случай угнетать бедных людей, ежели он и мало знает законов, то судья ему за деньги помогает... а скажем то теперь, когда дворянство мало просвещено не имея сил... пещись о своем отечестве. А каждый старается только... подлым образом от начальника милость и получить чин. А получа оной быть врагом народным... грабя народ и из общественной казны богатства».

И опять о горестях местных камчатских людей: «Что осталось бедному непросвещенному народу. Каково есть российское купечество... Заманивают из России народ, дают им деньги для деланья судов, зато берут половину промысла... задают на одежду, и на обувь... против обыкновенного двойную цену в рассуждение обширной земли: людей весьма мало, а предохранить их попечителей нет.

Теперь правительство приступить может в рассуждении обвинить ли наш поступок, какой мы в Камчатке произвели. Мы все присланы в Камчатку не по правосудию, а поносились, показывая род тиранств, и ни малейшего человеколюбия».

Ипполит Степанов, возмущенный «ни малейшим человеколюбием», смело, прямо о себе пишет в этом «Объявлении». «Я будучи депутатом подал прожект, идучи против наказа... на рассмотрение Комиссии». Что стало с «прожектом», Степанов в «Объявлении» не пишет.

Дальше он и его товарищи говорят о себе в третьем лице. «Потом Панов, Степанов с товарищами говорили: что мы законному своему государю усердно исполнить его повеления всегда были готовы. А притом вредных отечеству и государю людей искоренить за должность почитали... Зато не только вины наши прописав, и имена утая сослали... Батурин... привезен в Камчатку, назван сумасшедшим, и не велено верить, что будет говорить, и говорит правду, что было при убитом государе, видел все дела. И с чего ненависть между супружества произошла». Это уже о Екатерине и Петре III.

Не очень-то связен этот рассказ. Ведь на мгновение получили возможность скороговоркой выпалить правду — все, что так наболело. И бежать. Неизвестно куда, неизвестно зачем и неиз-

вестно на какой срок. Пугачевцы после разгрома бежали на Дон, чтоб затеряться среди таких же русских людей. Некоторые декабристы (например, Кюхельбекер) пытались бежать в знакомую им Европу, где они учились когда-то или воевали с Наполеоном.

Камчатские бунтовщики могли бежать только за горизонт неизвестного им океана. И отчаяние, и ликование, и страх перед будущим — все перемешалось в их душе. Перемешалось это и в их «Объявлении».

«И присланы все мы на свое содержание, где всегда зима, и хлеба нет, а покупают дорогой ценой и питаемся все рыбой. И привыкшие люди в работе сносить того не могут, рассмотрите: есть тут человеколюбие: ни малейшего нет кроме обмана и неохота умирать.

А только все мы усердны нашему отечеству и законному нашему государю Павлу Петровичу и покажем ему единому свою подданническую должность... Виват и слава Павлу Первому, России обладателю... Спасая ево, бог спасет и подданных невидимым промыслом. А мы желаем соотечественникам нашим всякого добра, а сказать можем прямо, что подлинно от беспорядка народ удручен и через то... имевши случай, узнавши прямую вольность искать своего спасения, и не пропустить».

После «Объявления» — присяга Павлу Петровичу за четверть века до того, как он действительно стал императором Павлом I.

Вызов, брошенный императрице из безвестного острога богом забытой Камчатки, как это ни поразительно, был услышан. Даже сто лет спустя известный историк Иван Гаврилович Прыжов, сам побывавший и на каторге, и на поселении в Сибири, ссылался на «Объявление» в лучшей из своих книг — «Истории кабаков в России в связи с историей русского народа».

Беглецы завладели кораблем

Среди тех, кто все же не подписал «Объявления» и присяги, был лейб-гвардии поручик Петр Хрущов. Но именно Хрущов — подлинный инициатор побега. Он еще задолго до появления Бениовского в Большерецке обдумал побег, готовился к нему, говорил о нем близким товарищам, изучал ближайшие острова в Тихом океане по географическим книгам, которых у него было по тем временам много. Через полвека в журнале «Сын отечества» сказано: «Хрущов, с которым они составили план своего спасения, был человек отличного ума и с большими познаниями. В библиотеке его находилось путешествие Лорда

Ансона. Очаровательное описание Марианского острова Тиниана, которое приводит каждого читателя в восхищение, подало им мысль мечтать о переселении в сию прелестную страну» [10]. Но Хрущов собирался бежать и вовсе не хотел бунтовать.

Вообще, когда думаешь о ссыльных офицерах Большерецкого острога, больше всего поражает их разобщенность. У них было три знамени, три избранника — Иоанн Антонович, Петр Федорович и Павел Петрович. Молитвословия каждого своему государю, живому или мертвому, разъединяли их. Потому-то у руля оказался Бениовский.

Поднявшие бунт офицеры навсегда закрыли себе возможность вернуться на родину. Но искали спасения за рубежом не только офицеры.

Предпочел Камчатке бегство в никуда и Турчанинов, старый камер-лакей Анны Иоанновны, которому за участие в заговоре в пользу Анны Леопольдовны в 1742 году был урезан язык и вырваны ноздри.

Работные люди купца Холодилова, вместе с приказчиком Чулошниковым, бежали от всегда спешных и поэтому вдвое тяжких работ на грузовых судах в краю необжитом, неустроенном. Бежали от жестокости купцов-полуразбойников и лихоимства пристанского начальства, которые требовали по-воровски быстрого перевоза «купленного» у коренного населения «товара» и ясашных сборов.

...От острога бежали, как во время стихийного бедствия, на плотах. Но захватили все же ясашные деньги, дорогие меха, оружие, военное снаряжение и большой запас провианта. По реке Большой плыли до ближайшей гавани на море. Бедствия, лишения объединили их — людей, собранных со всей Руси на этот край земли волей властей, жертв случая, собственной удали, несчастья, убеждений или излишней правдивости. Коряк, швед, русский, немец, камчадал; столбовой старинного рода дворянин, крестьянин и матрос, чиновник Адмиралтейства и писарь острога, жена штурмана и камчадалка Лукерья Ивановна Паранчина — все стали товарищами по несчастью.

Двенадцатого мая 1771 г. поднялись на палубу вмерзшего в лед «Святого Петра».

Многих, кто оказался на борту этого небольшого судна, стоит назвать поименно, хотя в сохранившихся материалах имена и фамилии упоминаются с такими разночтениями, что порой невозможно даже понять, идет ли речь об одном и том же человеке или о совершенно разных.

Среди бунтарей оказались и военнослужащие: капрал Михаил Перевалов, солдат Дементий Коростелев; казаки: Герасим Березнин, Григорий Волынкин, Петр Сафронов, Василий Пото-

[10] Побег графа Беньевского..., с. 10—11.

лов и помянутый уже разжалованный шельмованный казак канцелярист Иван Рюмин. Из присыльных арестантов (матросов): Андреянов, Ляпин, Василий Семяченков.

«Промышленники»: Иван Лапин, Логинов, Шабаев, великоустюжинский купец Федор Костромин. Однодворец Иван Попов, посадский из Соликамска Иван Кудрин. Секретарь убитого коменданта Большерецка Спиридон Судейкин. Штурман Максим Чурин. Штурманские ученики Герасим Измайлов, Дмитрий Бочаров, Филипп Зябликов.

Коряк Брехов, алеут Захар Попов, камчадалы Сидор Красильников, Ефрем Иванов и Паранчин.

Семь женщин: две работницы штурмана Максима Чурина и его жена; жена Дмитрия Бочарова, жена Алексея Андреянова, жена Рюмина и жена Паранчина.

Были и старики — «секретный арестант» Александр Турчанинов и Иосафат Батурин, и подросток — тринадцатилетний сын священника Ичинского прихода Ваня Уфтюжанинов.

Освободив кувалдами и ломами вмерзшее в лед судно, люди набились вповалку на «посудину», куда и сорок человек едва вмещалось. И бесстрашно отправились искать счастья в далеких краях. На судне, назначенном больше для каботажного, прибрежного плавания, вышли в океан — на авось, презирая все превратности судьбы. На случай неожиданных встреч были заготовлены разные флаги.

Самые молодые, беспечные, должно быть, только что не приплясывали, не ведая, что получится дальше, не зная, куда и зачем плывут на этой большой лодке по волнам Великого океана.

«Святой Петр» был казенным гальотом. Галиот, или гальот — небольшое судно, тип голландских кораблей XVII столетия, короткий парусник со сферической кормой, небыстроходный, водоизмещением в 200—300 тонн. Длиной по килю — 17, шириной — почти 6 метров. В 1791 году в русском флоте было 70 гальотов. «Святой Петр» был военным, в мирное время грузовым судном. Строился в Охотске. Спущен на воду в 1768 году. Принадлежал Сибирской военной флотилии. На «Святом Петре» 12 сентября 1770 года были доставлены из Охотска на Камчатку ссыльные Мориц Бениовский и Август Винблан.

В дни мятежа в Чекавинской гавани стояли два гальота: «Святой Петр», командиром которого был штурман Максим Чурин, и «Святая Екатерина» под командованием штурманского ученика Дмитрия Бочарова. Повстанцы выбрали лучший из двух гальотов. К тому же «Святая Екатерина» больше вмерзла и дальше стояла от чистой воды. Но беглецы взяли с собой и ее командира Бочарова.

Повел гальот штурман Чурин, Бочаров стал его помощником. Опытных матросов среди беглецов было достаточно.

Такой картина предстает по документам. В мемуарах Бе-

ниовского и в романах, написанных на основе его мемуаров, все выглядит более красочным и романтичным. В романе «Покоритель Красного острова» несуществовавшая на Камчатке дочь Нилова Афанасия, «облокотившись рядом с Морисом-Августом на рулон канатов на корме, смотрела, как, уменьшаясь, тонет в океанской дали родной берег». Убит отец Афанасии, две ее сестры-сиротки остались там, в опустевшем остроге. Им дали выпить «микстуру успокоительную, снотворную». А на борту «корвета» 94 компаньона Бениовского. Позади бои за освобождение, взятие приступом крепости — на ее валах много солдат погибло. Сопротивление «канцлера и гетмана» подавлено. Гетман — вероятно, командир взвода казаков. Канцлер (chancelier) — по-видимому, секретарь Нилова Судейкин. В действительности у него по «Табели о рангах» был чин тринадцатого класса, второго снизу.

«Святой Петр» плывет к неведомым краям

Плыли люди из разных сословий, из разных областей России, волей или неволей попавшие на Камчатку. И думали все по-разному. Пестрота состава сказалась быстро. Уже через несколько дней разбились на группы.

Из простых большинство даже и не участвовали в бунте, они стихийно были вовлечены в это далекое путешествие. Нужны они были на корабле и как знатоки морского дела, и просто как здоровая рабочая сила. Мало ли чем пригодятся в столь дальнем странствовании по морям сильные матросы с грузовых судов купца Холодилова и охотники-камчадалы. Отправлялись-то в плавание на авось, по нехоженым морским путям, на счастливый случай. О чем думали они, эти люди? Волны Великого океана омывали сотни цветущих островов с благодатным климатом, с плодоносной землей. Но вряд ли пассажиров «Святого Петра» влекли морские дали. Бегство в неизвестность удручало. А может быть, лучше будет где-то там... К тому же им внушили, что они исполнят дело государственной важности, поручение законного государя России Павла Петровича. Бениовский все показывает зеленый бархатный «куверт», будто бы за печатью великого князя Павла Петровича, который пишет императору римскому о своем желании вступить в брак с его дочерью. Только какое дело работным людям Камчатки до римского императора!

Отправляясь к неведомым, чуждым землям, понимали они всю тягостность разлуки с родиной, судьбину вечных изгнанников? Не оглядывался на север разве что Ваня Уфтюжанинов,

поповский сын, воодушевленный рассказами Хрущова и Бениовского о чудесных странах там, за тусклым горизонтом прикамчатских вод.

...Ваня Уфтюжанинов (его фамилия пишется в документах по-разному) был готов к самому дальнему плаванию. Не пугали его лишения на море — о них Ваня уже слыхал. А неизвестность, она-то и влекла. Он, широко открывая глаза и рот — еще по детской привычке,— ждал невероятного, необычайного. Того, чего нет в его жизни, в его родном краю, чего он еще не видел, не знает,— это Ваня и найдет там. А чтó это будет, Ваня не может себе представить. Это и чудесно.

Из глубин истории идет тяга к другому, чужому миру, к иной природе, иной жизни, к неведомому. Какая-то таинственная, вложенная природой сила заставляет ребенка озираться, искать, раскрывать вселенную его хижины, его комнаты, дома.

Вот и Ваня, приложив ухо к палубе, прислушивается, что это за шум внизу, кто это так жутко шепчет. Только Бениовский не смеется над Ваней. Он понимает. Он и в свои тридцать лет охвачен еще безотчетным стремлением к неведомому, уже не столь наивным, но еще довольно простосердечным.

Подростки не так втянуты в обыденность, в хозяйственные заботы и служебные дела. Еще обнажены древние врожденные побуждения мальчишек к бродяжничеству, сохранившиеся, может быть, от времен, когда не было оседлой жизни.

Сколько детей отправлялось в плавание, спрятавшись в трюмах судов! И кто из нас в детстве не завидовал им! Герои чеховского рассказа «Мальчики» бесповоротно решили бежать ночью в Америку, в Калифорнию, за шкурами бизонов.

Бегут и сильные, мужественные мальчишки, и впечатлительные — маменькины, комнатные дети. Бегут, надоумленные книгами, где так просто все устраивается, где приключения всегда разрешаются блестящим выходом из самого невероятно тяжкого положения. Бегут и в поисках самостоятельности, и в подражание взрослым. Из приморских городов — в тайгу. Из таежных — к морю. Бегут в леса, как два подростка в повести Е. Н. Водовозовой «Робинзоны в русском лесу». Бегут просто так. Даль зовет, манит неведомое.

А у многих этот азарт сохраняется до старости. И они, хоть в отпускной месяц, но все-таки бегут куда-то от обыденной жизни, подчиняясь древнему зову к разведке окружающего мира. Без этого зова человек не открыл бы и не освоил материки и острова земного шара. У детей инстинкт странствий непреоборим. Они не могут ждать каникул. Тут и азарт первенства в проникновении в неизвестное, и трепетное, нестерпимое ожидание взрослости в ином мире, где мальчишка сразу же станет в одном ряду с большими людьми — с теми же орудиями труда в

руках или с тем же оружием, что и у них. Кто тогда заметит, что он еще подросток!

В 1924 году убежал от матери, от школы мальчик девяти лет — Вадим, в будущем известный поэт Шефнер. «Я шагал к вокзалу, еще не веря, что уеду из городка. Во мне словно сидели два человека. Один говорил: „И куда ты прешься, дурак!..“ Речь его была мудра и убедительна... Увы, второй человек, сидящий во мне, был сильнее первого: он ничего не говорил, ничего не доказывал, он молча, тупо, упрямо уводил меня все дальше... А куда?.. Об этом он тоже помалкивал.

Но так ли уж глуп этот второй, сидящий в нас? Быть может, он экспериментатор? Да, у него нет доказательных доводов; да, он не может гарантировать нам явного выигрыша, он может в процессе проводимого опыта ввергнуть нас в непоправимую беду,— и поэтому он не уговаривает нас, а просто берет за шкирку, выволакивает из теплого угла и вышвыривает на дорогу. Почему же мы ему все-таки подчиняемся? Да потому, что нам интересно узнать, а что же с нами будет, когда мы очутимся в неведомых местах и в необычных обстоятельствах. Быть может, стремление к опытам над самим собой, порывы к новизне, не сулящей реальных, непосредственных выгод и радостей,— самое главное, что отличает человека от всех иных живых существ. Мы знаем, что высшие животные и некоторые птицы в отдельных случаях способны к самопожертвованию и взаимовыручке; нам известно, что у некоторых из них есть подобие чувства юмора; но только люди могут стремиться к неведомому и по своей воле перепрыгнуть за черту привычного быта».

...Бежал и Ваня Уфтюжанинов. Ему помог случай. Прежде он лишь тоскливо провожал корабельных, работных людей в плавания... Отец строг, товарищи забиты, голодны. Только о еде и думают. И вечерами, зарываясь в траву головой, плакал, сам не зная отчего, когда солнце уходило за море и всемогущий ветер откуда-то из-за океана, казалось, доносил запахи других земель. Из дальнего далека плыли последние видимые облака.

Теперь Ваня ликовал, не понимая причины отчаяния взрослых.

А те тревожились, волновались. К чему приведет плавание под командой человека, который называет себя «пресветлейшей республики Польской резидент и ее императорского величества Римского камергер, военный советник и регементарь»! (Так расписался Бениовский, не желая подводить под суд служащих в остроге, на множестве квитанций о взятии денег, боеприпасов, провианта и оружия со складов казенного имущества.)

Бениовский повел гальот вдоль Курильских островов. Настоящей штурманской карты у бунтовщиков не было. Отличные

штурманы Чурин и Бочаров кое-как вели судно по зарисовкам Хрущова с книги о плавании англичанина Ансона: «Путешествие около Света, которое в 1740, 1741, 1742, 1743 и 1744 годах совершил Лорд Ансон, Санкт-Петербург, 1751, 33 карты, планы, виды».

О плавании Ансона переводчик Академии наук В. Лебедев писал в своем предисловии: «На такие предприятия смотрели тогда люди с изумлением, и отважившихся на толь далекий и толь многими опасностями соединенный путь называли либо безумными, либо дерзостными и отчаянными людьми, которые свой живот ни во что не ставили...»

Эту книгу Хрущов и Бениовский читали еще в Большерецке и не раз вспоминали ее потом. Это она дала им первую мысль бежать, искать счастья на чудесных островах Великого океана, о которых с таким увлечением писал Ансон, свободный путешественник. А им, мятежникам, они предчувствовали, придется дорого расплачиваться за вольное плавание. И они не ошиблись. За голову каждого из них правительство назначило награду — двести рублей тому, «кто ково из них приведет живым или мертвым...».

Начинались разногласия. Многие из свободных, не ссыльных, задумались: куда плывем? Штурманские ученики Герасим Измайлов, Филипп Зябликов и матрос Сафронов решили при первом же случае — лишь только выйдут бунтовщики-пассажиры на берег — обрубить якорь и вернуться на Камчатку. К ним примкнули камчадал Паранчин и еще десятеро.

Предчувствие самых неожиданных новых замыслов Бениовского, который вдали от России оказался совсем другим человеком, пугало их. Бейпоск, как они звали его, стал капитаном. Со штурманами и ссыльными офицерами Бениовский еще считался. С простым людом повел себя как диктатор. Кое-кому из беглецов уже милее стали те теперь далекие края России.

Матрос Алексей Андреянов выдал заговорщиков. Бениовский строго наказал кошками всех, а главарей — Измайлова, Зябликова и Паранчина с женой — положил ссадить на необитаемом острове Курильской гряды с небольшим запасом ржаной муки.

На пятый день плавания «завидели большой остров и дошли до него 18-го числа». Остров оказался необитаемым. Посланцы с гальота «привели с собой одну Курильских родов собачку небольшую, почему сей остров и узнали, что он Курильский семнадцатый, называемый по курильски Икоза». Здесь «производили печение хлебов... и шили флаги и вымпел аглинские» [11].

Здесь Бениовский и ссадил с гальота первых «заговорщи-

[11] Записки канцеляриста Рюмина..., с. 11—12.

ков». Не скоро обнаружило горемык русское промысловое судно. Наголодались, пока вернулись на Камчатку.

Пройдет семь лет, и о начальном этапе плавания камчатских бунтарей Герасим Измайлов расскажет Джеймсу Куку. Измайлову повезло. Взяв в расчет непокорство Измайлова Бейпоску, Екатерина отпустила штурману его невольную вину. В 1778 году Герасим Измайлов на острове Уналашка встретился с Куком, корабли которого обошли берег Аляски и Чукотки.

В Петербурге еще ничего не знали о бунте и захвате казенного судна. Только к концу года дошли сторонними путями вести туда.

«Рескрипт к иркутскому губернатору, Брилю. Уведомились мы посторонне, что бутто находящиеся в Камчатке ссылошные люди в конце прошедшего апреля учинили возмущение и, составя между собою самопроизвольную присягу, убили тамошнего воеводу и весь город разграбили; а потом спустя несколько дней, сев на звероловные тамошние лодки, отправились в море числом до семидесяти человек...

Мы хотя не имеем еще никакова о том известия ни от вас прямо ни через другие наши правительства однако ж... на всякой случай занужно мы рассудили... вам предписать нижеследующее, 1-е, Есть ли в тамошнем столь отдаленном крае по сие время замешательство не пресеклось и спокойствие и повиновение не восстановлено, то вам надлежит употребить все удобь возможные средства и способы... восстановления порядка и повиновения... 2-е, Есть ли же ссылочных заводчиков бунта и убийства инако невозможно будет вам достать в свои руки... что каждый кто ково из них приведет живым или мертвым в награждение получит двести рублей, и оное действительно исполнить... из наличных сумм нашей казны. 3-е, но есть ли они, как выше сказано, в море отправясь... не возвратились... надлежит их оставить собственному развращенному их жребию, а старайтесь... разграбленный ими город привести в порядок... дан в С. Петербурге 1-го числа генваря 1772 года».

На полях бумаги «собственною ее императорского величества рукою подписано тако „Очень хорошо“» (л. 26).

Бунт в Большерецке был в апреле. «Об оном из Большерецкой канцелярии в Охотск репортовано июня 13-го. В Охотске репорт получен июля 9-го, а из Охотска в Иркуцк репортовано августа 26-го, в Иркуцке получено 13-го декабря, из Иркуцка в Сенат репорт послан от 16-го декабря, а здесь получен февраля 7-го числа» (л. 34).

Долго тянулась тогда дорога, еще дольше — чиновная волокита. Больше чем за месяц до «репорта» Большерецкой канцелярии в Петербурге «уведомились посторонне» о бунте. Также

«посторонне» узнали там и все обстоятельства бунта. И уже готовили указы. Полковник Пленисиер, «получа означенный репорт из Большерецка, до 21-го числа августа никуда... не репортует, а по законам де надлежало того ж дня послать репорт в главную команду, а оттуда б де представили в Сенат и до государыни, оттуда б де какие ни есть меры взять бы велено было о показанных злодеях» (л. 34).

«Поп Уфтюжанинов за то, что он бывши в Большерецке свел с показанными злодеями Бейспоском и другими подобными ему преступниками не только знакомство и дружбу, но и оставил у ссыльного в полной власти, в научении сына своего... что он в злом того Бейспоска намерении не был ли соучастник; сие сумнение утверждалось и тем что сын его с оным Бейпоском бежал... По законам достоин наказания».

Но настолько даже тогда еще было велико обаяние личности Бениовского — даже заочно, по слухам и рассказам о его отваге, о его уме и просвещенности, что петербургские власти нашли смягчающее обстоятельство вине священника Уфтюжанинова. Ведь под влиянием образованности, учтивости, светскости «реченного злодея» он и отдал-то своего сына «в научение Бейспоску по любви родительской». Тем более что «по отдаленности того повета иного способа к научению не имеется». Поэтому «из единого ее императорского величества милосердия от положенного законами наказания избавить и из под караула освободя отпустить». Ведь и «самая его с злодеями непозволительная дружба и обхождение разлучила его с сыном может быть вечно» (л. 408).

Переполох в Японии летом 1771 года

Из тринадцати гальотов Сибирской флотилии (строились с 1739 до 1805 г.) лишь «Святой Петр» проплыл тысячеверстное расстояние. Девять разбились в бурю у своих же берегов, один выброшен на берег, и только два разломаны за старостью. А «Святой Петр» вышел на большой океанский путь — первое русское судно в южных морях.

Насколько смелы и опытны были штурманы Дальнего Востока, можно судить по этому плаванию утлого суденышка в просторах Великого океана. Суденышка, набитого до отказа беспомощными в море людьми — стариками, женщинами, армейцами, уверенно знающими только пеший и конный строй, но не подготовленными к такому плаванию, когда даже ради выпечки сухарей надо высаживаться на неведомых островах и вступать в бой за право разводить костры.

Мало воды на корабле. Хлеба и сухарей нет. Муку ели. В ночь на 3 июня гальот попал в сильный шторм. Уложенный второпях груз сдвинулся, и судно чуть не опрокинулось.

Плыли на юг, к Японии. А десятью годами позже шестнадцать японских рыбаков, унесенных бурей, в тех же местах плыли на север и после многих мытарств и кораблекрушения у Алеутских островов оказались нечаянными гостями в России, в Петербурге. Кормчий судна Дайкокуя Кодаю вел заметки, и на их основе писатель Ясуси Иноуэ в наши дни написал документальную книгу «Сны о России».

Ясуси Иноуэ сравнил эти два плавания. «Святой Петр», пишет он, «плыл не по воле судьбы. Напротив, в этом случае судьба подчинялась воле человека, решительно сжимавшего румпель. Следовательно, это было плавание в истинном смысле этого слова, но по результатам оно не столь уж отличалось от блужданий по морю, которые довелось испытывать Кодаю... Должно быть, море так разгневалось на Бенёвского, что спустя десять лет решило выместить свой гнев на Кодаю и его спутниках, занеся их на край земли в сторону, противоположную той, куда плыл „Святой Петр"».

«Святой Петр» плыл все дальше на юг вдоль восточных берегов Японских островов и в начале июля пристал к острову Осима (архипелаг Рюкю), чтобы пополнить запасы пресной воды и топлива.

Остров. Японский. С берега машут руками: не подходите! Кое-как объяснили: голландцы, плывем в «Нангазаки». Знали — только голландцев принимают в Японии. Те не поверили и к берегу не пускают. А потом «чиновные японцы» поднялись на гальот и провели его в бухту, привезли на лодках воду и пшено в бочонках. Но и от берега не пускают. Явно ждут откуда-то распоряжения. Только холостые пушечные выстрелы открыли выход из бухты. Хлебов так и не напекли, сухарей не наготовили. «Японцы хотели нас полонить или убить до смерти, как то они есть идолопоклонники и крестоненавистники».

Только 20 июля начали выпекать хлебы и сушить сухари на другом японском острове — под охраной своих пушек, которые здесь оказались ненужными. Жители «так до нас были ласковы, как бы уже с нами многое время жили» [12]. Тут беглецы пробыли до 31 июля. Рюмин называет жителей усмайцами. Пишет об их жизни и о природе острова — впервые в европейской литературе. Остров называется Башинским. Очевидно, это Такара-Сима, остров Южной Японии.

Встречи в Японии далеко не всегда были такими дружелюб-

[12] Там же, с. 21, 27—28.

ными. Пышные празднества в честь Бениовского, подробно описанные в его мемуарах, могли казаться сколько-нибудь правдоподобными только европейским читателям XVIII столетия, которые не очень-то представляли себе отношение японцев к иностранцам.

Вряд ли кто-нибудь на «Святом Петре», включая Бениовского, знал о переполохе, который возник в Японии. Бениовский действительно был виновником этого переполоха, но совсем не так, как он описал это в своих мемуарах.

Иноуэ пишет: «Воспользовавшись стоянкой, Бенёвский вручил одному из местных жителей письмо, адресованное проживавшим в Нагасаки голландцам, в котором предупреждал об угрозе проникновения России на юг. Так странным образом Бенёвскому удалось оставить свое имя на какой-то из страниц истории Японии» [13].

Другой наш современник, американский исследователь Дональд Кин, изучил японские документы, а в голландских архивах нашел шесть писем Бениовского.

«Рассказ Бениовского о празднествах, устроенных в его честь, о его философских диспутах с просвещенным японским монархом и об утонченных манерах и обычаях жителей этой страны мог бы сам по себе внушить подозрение, принимая во внимание наши сведения о том, как обычно обращались японцы с иностранцами. Но, кроме того, сохранились точные доказательства лживости всего рассказа...

Гавань, где бросил якорь Бениовский, находилась в юго-восточной части Японии, в Ава. Местный князь, стремясь поскорее избавиться от незваных гостей, снабдил их достаточным количеством риса, воды и соли. Он принял также и с оказией переслал сёгуну два письма на немецком языке, адресованных директору голландской фактории в Нагасаки. Бениовский... на этот раз перевоплотился в офицера военно-морского флота ее величества римской (т. е. австрийской) императрицы и обратился к голландцам... Очевидно, он надеялся на посредничество голландцев перед японским императором, с тем чтобы остаться в Японии на срок, достаточный для заключения какой-нибудь выгодной торговой сделки... После краткой остановки у берегов соседней провинции Тоса он бросил якорь в Осима, к югу от острова Кюсю.

Из Осима Бениовский послал директору голландской фактории еще четыре письма. В трех письмах он благодарил за провиант, полученный от японцев в Ава и Осима. Четвертое, последнее и неизмеримо более важное послание получило впоследствии широкую известность в Японии как пресловутое „предостережение Бениовского“».

[13] Ясуси Иноуэ. Сны о России, с. 25—26.

Вот несколько строк из этого послания, адресованного «господам офицерам славной республики Нидерландов»: «...высокое уважение, которое я питаю к вашему славному государству, побуждает меня поставить вас в известность, что в этом году два русских галиота и один фрегат, выполняя тайный приказ, совершили плавание вокруг берегов Японии и занесли свои наблюдения на карту, готовясь к наступлению на Мацума (Хоккайдо) и прилегающие к нему острова, расположенные на 41° 38′ северной широты, наступлению, намеченному на будущий год. С этой целью на одном из Курильских островов, находящемся ближе других к Камчатке, построена крепость и подготовлены снаряды, артиллерия и провиантские склады... 20 июля 1771 года».

Дональд Кин пишет, что «в дальнейшем, на протяжении долгих лет, письмо Бениовского служило пищей для размышления многих серьезных людей в Японии. В самом деле, благодаря его „предостережению» в Японии впервые совершенно по-новому были поставлены военные проблемы... Внезапно обнаруженная угроза безопасности Японии требовала коренного изменения стратегии и служила серьезным аргументом в пользу усиления военных приготовлений».

«Предостережение» Бениовского встревожило японцев, которые до тех пор не помышляли о такой серьезной угрозе. В 1791 году японский ученый Хаяси Сихей в книге «Военные беседы для морской страны», ссылаясь на Бениовского, утверждал, что главная угроза исходит от России. По словам Кина, это «самая значительная из книг, обязанных своим появлением тому волнению, которое вызвал визит Бениовского».

Теперь нам понятнее, объяснимее становится то недоверие, которое проявляла Япония к России в конце XVIII и начале XIX столетия. Тем более что «разоблачения» Бениовского стали известны и при европейских дворах и оттуда, уже второй волной, докатывались до Японии, снова усиливая тревогу.

Дональд Кин недоумевает, зачем нужно было Бениовскому сообщать столь «фальшивые сведения». «В недостоверности их не может быть ни малейшего сомнения. Далекие от каких-либо агрессивных замыслов в отношении Японии, русские напрягали все усилия, чтобы сохранить свои тихоокеанские владения» [14].

В. Канторович в книге «По Советской Камчатке» (Москва, 1931) писал: «Авантюристы никогда не имеют заранее составленной программы действия. Они действуют по наитию. Так поступал всю свою бурную жизнь Беньевский. В Японии он, видимо, на один момент решил пойти по проторенной дороге всех бунтарей-казаков: умилостивить московского царя новыми завоеваниями для его короны. Он попытался с японцами держать

[14] Д. Кин. Японцы открывают Европу..., с. 35—39, 41, 44, 49—50.

себя царьком, обложить береговых японцев налогом. Наткнувшись на сопротивление, ослабленный бунтом на собственном судне, Беньевский тут же меняет ориентацию. Он посылает японскому правительству письменное сообщение. Он обещает раскрыть захватнические планы московского царя в отношении Японии».

...А на «Святом Петре» и не подозревали о переполохе. Он плыл дальше, на юго-запад, через Восточно-Китайское море.

Злосчастия камчатцев под южным солнцем

Седьмого августа показалась Формоза (Тайвань).

Встреча с ней принесла только несчастья. Больше недели искали удобного причала. 16-го к гальоту подплыли две лодки — лоцманы, провели в бухту. 17-го поручик Панов с командой отправились за водой. И вдруг у самого берега нападение. Убиты Панов и Иван Попов, смертельно ранен Логинов. Лапин, Казаков и Кудрин ранены стрелами. В отместку убили нескольких «нехристей» в лодке, сожгли их хижины. И 21-го снялись с якоря.

Поручик Панов. Удивительный человек! Это он, желая спасти Бениовского, ранил большерецкого коменданта. Это он, видимо, написал в конце заявления сенату: «...народ коснеет в невежестве и страждет, и никто за истинные заслуги не награждается... камчатская земля от самовластия начальников разорена». Это о нем потом на следствии доносили: «Степанов и Панов рассуждали на палубе о том, каким бы образом освободить жителей Камчатки от грабительств и жестокостей местного начальства».

Похоронили Панова, Попова и Логинова на берегу чужой земли.

В жестоком шторме двое суток держались в Тайваньском проливе. К счастью, 1 сентября наткнулись на китайскую лодку. По словам Рюмина, китайцы заботливо провели гальот в удобную гавань около города Тасон — так европейцы называли китайскую гавань Чжан-Чжоу. Оттуда по большой морской дороге мимо Кантона с помощью лоцманов-китайцев 12 сентября прибыли в Макао, где застали 20 европейских судов.

Русское правительство потеряло из виду своих взбунтовавшихся подданных. Через год, однако же, дошли сведения о пребывании беглецов в Макао. Иркутский губернатор кавалер Бриль в «Реляции ее императорскому величеству августа 31 дня 1772 года» так доложил «о ушедших из Камчатки в море злодеях»:

Возвратившийся «из китайского государства... пограничный

комиссар Игумнов... в столичном китайском городе Пекине... слышал от миссионария Августина, что еще прошедшего лета к полуострову Манако пристал корабль; на нем капитан говорит по-латыни, всех с ним людей около ста человек, и сказывают о себе, что они... прибежали на том судне от реки Амура для торгования... и в самом деле имея пушин привезли немало и товару российского, но какой именно товар, сколько пушин и как зовут капитана, о том он Августин и сам неизвестен: но будучи в Макао из них тот капитан и с ним шестнадцать человек померли, а оставшие принимают намерение тут поселиться... о сем рабски донеся, почитаю вышеписанных людей за тех самых злодеев, которые учинили побег из Камчатки» (л. 1).

В Макао стоянка была долгой, вокруг все чужое: субтропическая природа, кипение людного мирового порта.

Вначале россияне удивлялись, нахвалиться не могли радушию португальцев. Все они с борта гальота были свезены на берег и помещены в приготовленный для них дом. Губернатор доставил съестные припасы в изобилии, невиданные фрукты, табак.

Но вдруг выяснилась причина: Бениовский продал губернатору гальот со всем такелажем и вооружением.

Камчатские странники и раньше не очень доверяли Бениовскому, но не могли ничего переменить. Не знали, что делать. Василий Панов погиб, Батурин стар, измучен плаванием. Хрущов не вмешивался. Ипполит Степанов бессилен был в одиночку справиться с Бениовским, единственным человеком здесь, знавшим, чего он хочет.

Теперь Бениовский раскрылся для спутников полностью. Еще бы! Он чувствовал свою силу в городе на перекрестке морских дорог, где раздолье для искателей приключений. К тому же только он мог толком объясниться с губернатором Макао — на латыни. Ему ли, воспитаннику Венской военной академии, не знать латынь! Было у Бениовского и еще одно оружие, по тем временам очень действенное и открывавшее перед ним многие двери. По мнению польских историков, он был масоном.

Против Бениовского восстали почти все. Степанов подал через голландских агентов жалобу в Кантон китайскому правительству, с которым у России были дипломатические связи. Но Бениовский сумел доказать губернатору Макао свои полномочия на продажу и пушнины и гальота, недовольство спутников объявил бунтом экипажа против капитана.

Команда гальота была посажена в тюрьму. Беда одна не приходит. В Макао, в непривычном климате, умерли пятнадцать человек — может быть, не столько от лихорадки, сколько от удручения. Умерли штурманский ученик Зябликов и штурман Максим Чурин, оставшись без корабля на неведомой земле. Умер Турчанинов, старый камер-лакей Анны Иоанновны.

Через 35 лет русские моряки в этих же жарких широтах плыли без смертей, даже без массовых заболеваний. В Петербурге полагали, что россияне еще не приспособлены для плавания в южных морях, хотели пригласить английскую команду на корабли Крузенштерна. Но он настоял и без потерь, без болезней, без аварий и без порчи разнообразного груза обошел кругом света.

Давно замечено: в полках, успешно наступающих, у победителей и раны быстро заживают, и больных мало. Но камчатцы и до того вряд ли чувствовали себя победителями, а теперь, утратив корабль, последний клочок родной земли, совсем растерялись. Без языка, не понимая чужой жизни, не видели для себя и места в ней.

Впереди был Индийский океан, его острова — Иль-де-Франс и Бурбон, как их тогда называли. Камчатским бунтарям предстояло, чуть ли не первыми среди российских людей, ступить на их землю.

Правда, именно тогда, в 1771 году, рождалась легенда, что там, на этих островах, задолго до бунтарей не только побывала, но и прожила немалую часть своей жизни женщина, которая была матерью российского императора. Эта женщина — мать Петра II, царствовавшего с 1727-го по 1730-й год, и жена царевича Алексея, казненного Петром I. Софья Шарлотта, дочь герцога Людвига Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Она родилась в 1694 году, вышла замуж в 1711-м, а умерла в 1715-м.

Легенда о ее странствиях обошла в конце XVIII-го и в XIX веке множество книг. По этой легенде, Шарлотта не умерла в России в 1715 году, а бежала от своего мужа в Северную Америку, в Луизиану. Там вышла замуж за французского офицера д'Обана, переехала с ним в Париж, а затем поселилась на острове Иль-де-Франс — или, как говорится в других книгах, на острове Бурбон. Там жила много лет, овдовела, потеряла дочь. Затем, уже в конце сороковых или в начале пятидесятых годов XVIII столетия, вернулась в Париж, обосновалась на Монмартре. По другим сведениям, в Брюсселе. Жила до глубокой старости, всегда инкогнито. И все-таки ее то и дело узнавали. И в 1760-м году, и в 1768-м. Рассказывали о ее новых мужьях. Видели и ее слуг, и среди них — слугу-негра. Недостатка в очевидцах не ощущалось.

Тем временем эта мать русского царя, несчастная женщина, брошенная своим первым и единственным мужем и умершая в Санкт-Петербурге, когда ей было всего двадцать один год от

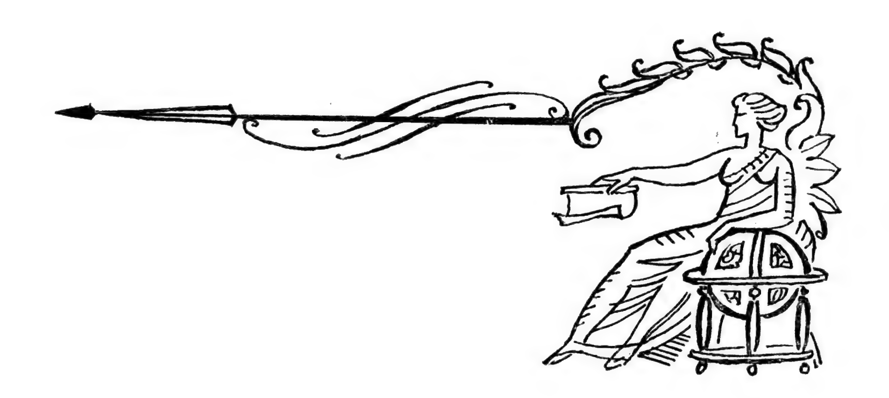
роду, с конца 1715 года мирно покоилась в склепе Петропавловского собора.

А легенда о ней по какому-то совпадению зародилась одновременно с появлением камчатских бунтарей в южных морях. В книге, где впервые появилась эта легенда, стоит авторская дата — 1771 год (хотя книга вышла шестью годами позднее) [15]. Другой рассказ опубликован еще позже, но составлен тоже в 1771 году [16].

Так невестка Петра I, доказывая верность заветам своего свекра, легко и незатейливо перелетала с материка на материк, навстречу камчатским бунтарям.

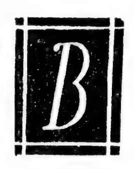
Но им путешествие давалось совсем не столь просто.

[15] [Bossu]. Nouveaux voyages dans l'Amérique septentrionale...
[16] [C. Grant]. The History of Mauritius, or the Isle of France..., p. 308.



Россияне впервые пересекли экватор





В начале 1772 года путешествие возобновилось. Бениовский зафрахтовал в Кантоне два французских корабля — «Ле Дофин» и «Ле Ляверди» — для плавания до Порт-Луи, на юге Бретани. В начале января 1772 года беглецы сели в китайские джонки и доплыли до Кантона. Там погрузились на корабли и отправились во Францию.

Вот как пишет об этом сам Бениовский в «Путешествиях и воспоминаниях»: «10-го (декабря 1771 г. по новому стилю.— *Авт.*) я собрал всех моих компаньонов и предложил им грузиться на французские суда, чтобы вернуться в Европу. Они согласились и подчинились полностью моим распоряжениям.

22 (января 1772 г.— *Авт.*) мы заняли наконец-то два судна, первое было „Ле Дофин“, шестидесятичетырехпушечный корабль под командой дворянина и кавалера Сэнт-Илера, на борт которого я поднялся с половиной моих людей; второй корабль назывался „Ле Ляверди“, пятидесяти пушек, туда погрузилась другая половина. И мы подняли паруса к Иль-де-Франсу».

Из Китая к Иль-де-Франсу, как тогда назывался остров Маврикий, а затем к берегам Африки отправилось уже куда меньше камчатцев, чем их было на борту «Святого Петра».

Не хватало и Ипполита Степанова. В Макао произошла стычка между тремя ссыльными, которые были когда-то вместе привезены в Большерецкий острог. Степанов и швед Август Винблан выступили против Бениовского и были посажены им в карцер. Но Винблан пошел на мировую — уж очень сроднились они с Бениовским еще со времени побега из казанской ссылки в Петербург. Да и на родину швед поскорее хотел попасть. А со Степановым оказалось посерьезнее, пошла уже открытая вражда. Многое в действиях Бениовского претило бывшему депутату российского дворянства.

Бениовский описывал это так: «В этот день (10 декабря 1771 года.— *Авт.*), уступая извинениям и просьбам месье Винблана, я склонен был освободить его. Но так как я больше не мог доверять месье Степанову, который нарушил свое обещание и опять задумал возвращение, я заплатил ему 4 тысячи пиастров и предоставил ему идти, куда заблагорассудится. Он отправился в голландскую компанию, директор которой м. Лёрё, надеясь получить от него сведения о нашем плавании, принял его и отправил в Батавию».

Степанов остался в Макао. Вероятно, он действительно побывал в Батавии, а оттуда через восемь-десять месяцев прибыл в Лондон. Туда и пришел указ Екатерины:

«Указ нашему подданному Ипполиту Степанову. Усмотря из твоего нам чрез министра нашего при королевском великобританском дворе, статского советника Мусина-Пушкина представленного всеподданнейшего прошения, что ты во всех твоих прежде учиненных преступлениях имеешь чистосердечное раскаяние и с оным прибегаешь к монаршему нашему милосердию, восхотели мы призрить твое бедственное странствование, и вследствие того сим нашим указом всемилостивейше прощая тебя во всех прежних винах, повелеваем тебе явиться упомянутого нашего в Лондоне министра Мусина-Пушкина для обратного оттуда в отечество возвращения. Екатерина. В С. Петербурге 22-го ноября 1772-го года» (л. 430).

Но как было Степанову вернуться? Ведь это он сочинил «Объявление» — обвинение Екатерине. Он говорил о бедствиях народных при ее царствовании. А может быть, Степанов снова отправился в бесконечные странствования, не дождавшись «всемилостивейшего прощения». Известно одно — Степанов был в Лондоне в конце 1772 года. Указ Екатерины «возвращен из Лондона от полномочного министра Мусина-Пушкина» без отметки о смерти Степанова.

В плавании от Кантона к экватору умер Батурин.

О Батурине не раз вспоминала Екатерина II [1]. Уже после его смерти писала о нем: «Что касается до Батурина, то замыслы его дела вовсе не шуточны. Я не читала после и не видала его дела; но мне сказывали наверное, что он хотел лишить жизни императрицу, поджечь дворец и, воспользовавшись общим смущением и сумятицею, возвести на престол великого князя. После пытки он был осужден на вечное заключение в Шлиссельбурге, откуда, в мое царствование, пытался бежать, и был сослан на Камчатку, а из Камчатки убежал вместе с Беньовским, по дороге ограбил Формозу и был убит в Тихом океане» [2].

Екатерина назвала Батурина капитаном Бутырского полка. Сам он, по словам генерал-прокурора Вяземского, «именовал себя полковником артиллерии и кабинетским обер-курьером, чем никогда он не бывал. Что ж касается до ...заговорской тетрадишки, которая наполнена самыми пустыми, сумасбродными словами... жжечь» [3].

В действительности Батурин был подпоручиком Ширванского полка. После разжалования и ссылки в Сибирь долго тянул солдатскую лямку, снова дослужился до подпоручика, теперь уже Шуваловского полка, размещенного под Москвой. И снова арест: «сумасшедший дворянин» пытался привлечь к участию в дворцовом перевороте мастеровых людей, за 25 лет до Пугачева поднимал народный бунт. Во время пребывания Елизаветы в Москве, летом 1749 года, Батурин, офицер полка, вызванного для усмирения рабочих людей суконной фабрики Болотина, задумал с помощью солдат и мастеровых заточить Елизавету, убить Разумовского и возвести на престол Петра Федоровича — впоследствии Петра III. «Его высочество мог бы всякому бедному против сильных защищение иметь»,— говорил Батурин. Через 76 лет правнуки этих мастеровых бросали в приверженцев царя поленья и камни на Сенатской площади.

«Московский агитатор» — так назвали Батурина в одном из русских журналов в конце XIX века. «Агитатор» после «крепкого содержания» в тюрьме еще 16 лет, с 1753 до 1769 года, просидел «безымянным колодником» в Шлиссельбурге. Ночами в тюремном окне искал Батурин звезду своего императора, чтобы говорить с ней. Он потерял надежду земными силами побороть социальную несправедливость. В 1768 году Батурин, искатель правды в дворцовых переворотах, написал письмо Екатерине и за это по старинному пути колодников прибыл в Большерецк в 1770 году. Нашел ли он в тот свой последний вечер звезду императора на чужом, южном небе?..

[1] См.: Сочинения императрицы Екатерины II...
[2] Записки Екатерины II, императрицы России, с. 58.
[3] Русский архив. Вып. 2. М., 1864, с. 182—183.

После смерти Батурина из русских офицеров с беглецами оставался только бывший лейб-гвардии Измайловского полка поручик Хрущов, да и тот, надо думать, не мог оказать большого влияния на ход событий. Ведь он не подписал «изменническое» заявление в сенат. Но перейти на службу Франции он, видимо, уже был готов, как и адмиралтейский лекарь Магнус Мейдер.

«Четвертого февраля мы перешли линию экватора». Это писал Бениовский — значит, по новому стилю. Непривычная, тяжкая для россиян жара. Куда завели удаль и несчастье! На палубе смола закипала в пазах. Лекарь Мейдер еле успевал пускать кровь своим спутникам. В иные дни его просили об этом десять-двадцать человек.

Огибая Африку, смотрели всё на север

Впервые так много российских людей вместе пересекли экватор. Что видели они в своем долгом пути? Что думали, встречая множество торговых и военных кораблей на этой столбовой морской дороге?

Вряд ли их радовало море. Они не вглядывались нетерпеливо вдаль, не бросались к бортам, чтобы увидеть чудеса океанов. Не искали глазами и очертаний выплывающей из океана земли.

На скольких языках раздавался в океанах ликующий возглас: «Земля!» Но во время этого первого путешествия русских по южным морям клич «Впереди земля!» не вызывал, верно, отклика в сердцах. Всё смотрели на север. Думали о России.

Бениовский вел растерявшихся людей на запад. Безудержная энергия и богатое воображение воодушевляли его. Он задумал овладеть Формозой с помощью французского флота. Увез все архивные документы Камчатки и был уверен, что во Франции высоко оценят их и поднятый в русских приморских владениях бунт. Между Россией и Францией тогда была «сильная размолвка» в связи с разделом католической Польши и успехами России на турецких границах.

Плыли быстро. Попутный ветер держался почти весь путь до следующей стоянки — до острова, который в это время принадлежал французам и назывался Иль-де-Франс, а до 1710 и после 1810 года, при голландцах и англичанах, был известен как Маврикий. Он и сейчас так называется.

«16 марта живы и здоровы прибыли на Иль-де-Франс»,— пишет Бениовский. Рюмин дает дату по старому стилю и говорит о Мориции (Маврикии): «...Находились в пути марта по

6-е число, а того числа прибыли к городу Морицин благополучно, где и стояли на якоре по 24-е число марта ж».

Восемнадцать дней, тягостно долгих, стояли в ожидании отправления. Но ведь даже с борта корабля, тоскуя, болея, можно увидеть много неожиданного, местного. А в записях Ивана Рюмина нет ничего. Иван Рюмин, шельмованный казак, бывалый, разбитной, грамотный, что же ты не всмотрелся на этом острове, не написал о том, что ты увидел? Безразличие к окружающему, подавленность от тягостных дум, сосредоточенность на одном. Зачем бежали, куда плывем! Так арестантские партии на дороге в Сибирь не осматривались в попутных городах, не вглядывались в Уральские горы, выбирая натруженными ногами место поровнее.

Не до Маврикия было Рюмину. Виделось ему серое небо Камчатки и вставшие на дыбы вершины гор с открытыми жерлами, когда в борта корабля пахнуло ароматом Маврикия, теплым, душистым воздухом незнакомой жизни. Красота и богатство природы, изобилие плодов, груды фруктов на траве, орехи в половину тыквы и веселый говор на пристани — это, должно быть, так обидно, оскорбительно не похоже было на ту полуголодную жизнь, вечные холода, злые лица начальников, унылое равнодушие молчавших товарищей.

Может, там, дома, и мечтал увидеть яркие краски юга, вдохнуть теплый, душистый воздух. А попал сюда — и ничего не увидел. Эта приятность жизни не нам назначена. Хорош квас, да не про нас.

Крепко держали горести и заботы дня, не давали оглядеться. Рюмин видел этот чуждый и вовсе не нужный ему мир только применительно к своей дальнейшей судьбе и к судьбам товарищей. Смотрел и не видел, сосредоточенный на одной думе — как выйти из беды. Соразмерял свои вины с возможной карой. Примеривал слова раскаяния. Подыскивал объяснения, чтоб свалить всю вину на офицеров и Бениовского. Казнят или только снова сошлют? А вдруг и дохнуть дадут хоть сколько в России!

Хоть бы пять строк в «Записках» об отношении Рюмина и его товарищей к увиденному! Ведь в мелких замечаниях, в am проронённых невзначай, необдуманных словах так хорошо угадывается душевное состояние. Как помогли бы нам эти строки протянуть мост через два века! Мост не только к тем людям, что плыли с Бениовским, но и к русскому человеку того срединного слоя — зажиточных мещан и мелких чиновников провинции.

«Записок» Рюмина не читали, да и теперь кто читает! Ими не воспользовался Крузенштерн. Не мог читать их и Головнин перед своим плаванием, пленом в Японии. А ведь в «Записках» отмечена каждая чем-то примечательная стоянка корабля на

всем пути. Есть там и морская карта плавания «Святого Петра» от Камчатки до Макао — никому тогда не известный маршрут. Карту составил Бочаров, а он был опытный штурман, об этом даже Кук писал. В «Записках» сказано об опасностях причаливания к неизвестным побережьям, о мелях, подводных скалах. О японцах и о столкновениях с ними. Обстоятельно рассказано о состоянии здоровья русских плавателей на разных широтах, что так нужно было Крузенштерну, когда он доказывал Адмиралтейству о пригодности русаков к плаваниям в южных морях и отбирал первых матросов в рейс на Дальний Восток.

А история «Записок» Рюмина такова. Написаны они секретарем капитана Нилова Спиридоном Судейкиным по путевым записям Ивана Рюмина. В 1773 году «Записки» поданы вместе с картой Бочарова русскому резиденту в Париже Н. К. Хотинскому. Он переслал их в Петербург. Оттуда «Записки», вероятно, передали иркутскому губернатору, ведавшему и Камчаткой. Там «Записки» могли быть полезны местным морякам. Так мы полагаем. Достоверных сведений не нашли.

В. Н. Берх (1781—1834), моряк, историк флота и морских географических открытий, приобрел в Сибири «подлинник сих Записок» и напечатал их под неполным названием (полное в полстраницы) в «Северном архиве» в 1822 году. «Записки сии сообщены нам почтенным В. Н. Берхом... который во время путешествия своего по Сибири приобрел подлинник сих Записок... Описание путешествия Рюмина хотя без излишних украшений должно предпочитаться роману, изданному самим Бениовским, или Бейпоском... В. Н. Берх в описании побега Бениовского (см. „Сын отечества“, № 27 и 28 1821 года) достаточно опроверг все нелепые его выдумки, которые доселе почитаются у иностранцев историческими истинами».

Мы в нашем рассказе пользуемся этими записками Рюмина и Судейкина, написанными на чужбине, привезенными и сохранившимися в Архиве древних актов в Москве. Записки Рюмина и Судейкина достоверно, хотя и предельно кратко, передают обстоятельства тяжкого плавания, голод, смерть товарищей, тоску по родине. Пребывание в Порт-Луи, в Париже и возвращение в Петербург.

Достоверность фактов в этих записках подтвердили все проверки Тайной канцелярии в Петербурге, да и исторические исследования. Хотя, разумеется, весь тон записок рассчитан на то, чтобы выразить властям свое раскаяние. Это вполне чувствуется даже в названии записок, которое полностью звучит так:

«О развитии российского города, состоящего в Камчатской земле, называемого Большерецк, и о убитии тамошнего Главного командира, и о взятии находящейся тамо канцелярии и в ней

Государственной денежной и ясашной казны, мягкой рухляди, также артиллерии с ее припасы, пороху, пушек и прочих воинских снарядов и других материалов. И о забрании в то время в полон несколько разных чинов людей, находившихся тогда в Большерецке с присланными в ссылку на житье польскими мятежниками и бродягами: венгерцем Бейспоском и шведом Винбландом, также и российскими бывшими капитанами Ипполитом Степановым и Васильем Пановым, да бывшим же полковником Асафом Бутурлиным, и бывшим же Петром Хрущовым, крестьянином Григорьем Кузнецовым и протчими их согласниками: Охотского порта штурманом Максимом Чуриным, да бывшего купца Федора Холодилова, нанятыми к следованию в морской вояж на его судне на Алеутские морские острова для ловли зверей работными людьми и их прикащиком, тотемским посадским Алексеем Чулошниковым. И по учинении того о отбытии сих всех злодеев из Большерецка на поромах, по Большой реке, к состоящей близ моря так называемой Ченявинской гавани, и о взятии состоящего тамо, а прибывшего из Охотского порта, казенного морского судна, галиота, именуемого С. Петр. И о отправлении ж на том со всеми людьми в море, и о выходе в море, о бытии на разных островах и в разных городах и Европе, и что тамо происходило, также и какие на островах люди жительство имеют, в чем изобилствуют, и где сколько времени судном стояли и что видели, и о протчем происхождении, даже до прибытия до острова португальского Маккао, а оттоль о следовании же на французских фрегатах Дофин и Дела-Верди до французских городов Морицин и Иллуриана, и о протчем; сочинено с собственных записок Ивана Рюмина, в городе французского владения, в порт Луи, что в малой Британии. В 773 году февраля 14 дня».

Из «города Морицин», писал Рюмин, «отправились марта 24-го числа и следовали морем благополучно мая по 4-е число, а того числа пристали к пустому острову для ловли черепах морских... отправились того ж мая 11-го числа до города французского Иллуриана (Св. Лаврентия), куда и прибыли 7-го числа июля, и пристав, переехали чрез залив в Порт-Луи...».

Вот и Франция. Лаконичнее некуда.

Бениовский в своих мемуарах сообщает подробнее. Говорит о стоянке на Мадагаскаре: «12 (апреля.— *Авт.*) мы бросили якорь на острове Мадагаскар, я сошел у форта Дофин. Губернатор Иль-де-Франса своими рассказами о некоторых особенностях этого огромного и прекрасного острова вызвал у меня желание ознакомиться и покорить его. Но, к сожалению, мое пребывание не было там долгим. 14-го я вернулся на борт».

Мыс Доброй Надежды обогнули, пишет Бениовский, 27 ап-

реля. И 18 июля были во Франции. «18 июля счастливо прибыли к острову Санткруа. Тотчас как стали на якорь, я послал офицера к наместнику короля в Порт-Луи испросить его позволения мне и моим компаньонам остаться здесь; что было разрешено».

Записки Бениовского и Рюмина можно как-то проверить и дополнить записями людей, встречавшихся с ними в пути. В гаванях, на стоянках, камчатцы, конечно, привлекали внимание: необычные пассажиры, непривычный вид, чудаковатое поведение, колоритный облик самого Бениовского.

Обратил на них внимание французский офицер Клод Гюго (1741—1820), встретившись с ними 15 апреля 1772 года у мыса Доброй Надежды, в бухте Фолс-Бей. Его рукопись тех лет сохранилась до наших дней. Она озаглавлена «Путешествие в Азию» и хранится в архиве библиотеки французского города Эврё.

«На корабле „Ле Ситуайен“,— записал Клод Гюго,— мы узнали о прибытии М. Бениовского, одного из польских конфедератов, и его спутников, которые в Китае были взяты на корабли „Ле Дофин“ и „Ле Ляверди“. Их трудный побег из Сибири через Камчатское море делает их записи об этом плавании крайне интересными; более того, они уникальны, поскольку русские еще не проникали до Японии».

Хочешь домой —
отправляйся в Сибирь

Путешествие, казалось, уже подходило к концу. В Порт-Луи, писал Рюмин, «определена нам была квартира, и пища, и вина красного по бутылке в день, и денег по некоторому числу из казны королевской, и жили мы в том городе Порт-Луи марта по 27-е число 1773-го года, и того восемь месяцев и девятнадцать дней».

Из тех, кто сумели живыми добраться до Франции, добрая половина решила вернуться в Россию.

Из «Записок» Рюмина: «А того 27-го числа марта (1773 года.— *Авт.*), испрося у вышеписанного венгерца Бейспоска о пропуске пашпорты, пошли из Порт-Луи в столичный французский город Париж (пешком 550 километров.— *Авт.*); всего и с одной женщиной шестнадцать человек, а прочие, не хотя выехать в Россию, остались при венгерце... и пришли в Париж в апреле месяце... явились к российскому резиденту г. советнику Николаю Константиновичу Хотинскому... 16 числа апреля подали к нему г. Резиденту Судейкин, Рюмин и Бочаров,

сочиненный нами о путешествии нашем сей журнал, который приняв, отправил... в Россию по почте...».

Как они изложили дело Хотинскому, мы знаем из его письма генерал-прокурору князю Вяземскому 26 августа (6 сентября) 1773 года: «Сколько я с ними ни говаривал, всегда они мне одинаково твердили, что злодей Бениовский обманул их кувертом, который увидя запечатенный российским гербом, и около оного выгрыдировано ж следующую надпись, собственная печать его императорского высочества, послужило им то убеждением всему тому, что им насказано было; очень они усумнились только в дороге по последовавшему в Макао несогласию между Бениовским и называемым Ипполитом Степановым, которой им тогда рассказал, что все обман, как то и в приложенной тетради из письма того Степанова явствует».

Вовсе не бесхитростны были такие люди, как шельмованный казак Рюмин и камчатской канцелярии секретарь Судейкин. Если они и приехали такими на Камчатку, то там жизнь их многому научила. И прежде всего изворотливости, находчивости. Конечно, Бениовский провел их баснями о высоком назначении этого «куверта». Но бунт на Камчатке назревал еще до приезда Бениовского, который только ускорил его. Теперь беглецы валили все вины на Бениовского; так некоторые соратники Емельяна Пугачева, предав его, связали и представили начальству, объясняя свою роль в мятеже обманной «грамотой» Пугачева.

Хотинский докладывал Вяземскому: «Наши люди, сведав о том (обмане.— *Авт.*), стали роптать и негодовать. Бениовский же, узнав о таком их неудовольствии, писал им письма под литерами А. В., стараясь их оными успокоить. Но как положили они не отдавать ему своего журнала, то он отнял у них оный сильной рукою, и грозя поморить всех в тюрьме, тем устрашал их; почему склонились они с ним ехать в Европу в надежде, что легче представится им тамо случай возвратиться в отечество» (л. 95).

Хлопотать и ждать ответа из Петербурга пришлось несколько месяцев. Хотинский, свидетель мучительного ожидания, докладывал Вяземскому об этой тягостной для камчатцев парижской жизни: «...податели сего те самые нещастные люди, которые увезены были из Камчатки, и по человеколюбию вашего сиятельства ущастливились теперь возвратиться в отечество, всего их числом семнадцать человек, а имена их следующие.

1. Спиридон Судейкин канцелярист, 2. Дмитрий Бочаров штурманский ученик. Компании Тотемского купца Федоса Холодилова работные, и промышленники: 3. Кондратей Пятченин, 4. Яков Серебреников, 5. Иван Шибаев, 6. Егор Лоскутов, 7. Алексей Мухин, 8. Иван Казаков, 9. Коряка Егор Брехов,

10. Камчадал Прокопей Попов, 11. Козма Облупин, 12. Иван Масколев. Матрозы Охотского порта: 13. Василей Ляпин, 14. Петр Сафронов, 15. Герасим Береснев. 16. Казак Иван Рюмин служил за копеиста, 17. жена последнего Любовь Савина (Саввишна.— *Авт.*).

Над всеми ими во время бытности их в Париже, имев власть и присмотр как за поведением их, так и в закупке нужного для пропитания их называемый Кондратей Пятченин, который первый ко мне явился с другими двумя своими товарищами... На покупку хлеба выдавал я Пятченину деньги, который был для них общий, для того, что хотя и определил я каждому по полутора фунта на день, были в артели их такие, которым определенная порция недоставала, а другим излишествовала...»

Наконец Екатерина, благосклонная к «русакам, любящим Русь», простила им бунт и бегство на казенном корабле — лишь бы меньше было огласки у себя и за границей. Писать, говорить как о бунте, так и о плавании было строго запрещено, в уверение чего вернувшиеся должны были целовать крест и Евангелие.

Прощение получено, но как теперь вернуться на родину? Больно путь неблизкий. Пешком, как до Парижа, не дойдешь. Но Хотинский добыл денег. Помог ему в этом Фонвизин, автор «Недоросля», служивший тогда по ведомству иностранных дел. «Вследствие дружеского письма вашего,— писал он Хотинскому,— не оставил я стараться о доставлении к вам требуемой суммы на отправление сюда известных людей и теперь на нарочной стафете отправляю к вам... кредит на восемь тысяч ливров» [4].

Хотинский дал на руки Кондратию Пятченину сопроводительную бумагу: «Я нижеподписавшийся даю знать всем, кому о том ведать надлежит, что объявители сего все российские подданные возвращаются по высочайшей ее императорского величества воле отсюда в Санктпетербург».

Все семнадцать человек были названы в этой бумаге. «Того для прошу всех до кого сие касаться может, оных россиян не токмо нигде не задерживать и везде безостановочно пропускать, но и в потребных случаях подавать им всякое возможное вспоможение, за которое при оказиях я должное признание оказывать не оставлю. Во уверение чего своеручно подписуюсь. Париж от 6 сентября/26 августа 1773 года. Н. Хотинской» (л. 139).

Как встретят в России беглецов, этих невольных, по их словам, мятежников противу ее императорского величества, вовле-

[4] Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений..., с. 277.

ченных «злодеем» Бениовским, но одобрявших бунтарское «Объявление» Степанова и подписавших присягу другому императору России? Блудных сынов, заблуждавшихся подданных, казалось, нельзя было не принять благосклонно. Вся Европа уже прослышала о Бениовском, вывезшем даже служебный архив с окраины России.

Шестнадцать мужчин и жена Рюмина отправились из Гавра на торговом судне «Маргерит» и 30 сентября 1773 года прибыли в Кронштадт. Оттуда — в Петербург. Казалось, путешествие из Камчатки домой на этом кончилось. Но получилось не так. Предстояло совершить обратный путь на Восток, уже посуху. Пересечь всю Россию на телегах и в санях. От палящего зноя вернуться к самой лютой стуже.

Екатерина решила вернуть «нещастных людей» на Камчатку и в Сибирь. Якобы по их собственному желанию. 2 октября Вяземский получил от Екатерины указ: «...И отобрав у них желанье отправить каждого в то место куда сам изберет, есть ли б же все желали ехать паки на Камчатку, тем бы и лутче, ибо их судьба была такова, что прочих удержать от подобных предприятий» (л. 93).

В Петербурге решили не оставлять этих беглецов в столице. Прямо держать их под арестом не было причин — ведь помилованы. А их естественные после долгого отрешения от России разговоры с петербуржцами вовсе не желательны.

И князь Вяземский уже 3 октября писал из Тайной экспедиции в Иркутск губернатору Брилю: «Ее императорское величество в данном мне высочайшем за подписанием собственныя руки указе повелеть соизволила известных вашему превосходительству беглецов из Большерецка штурманскому ученику Дмитрею Бочарову, матрозам Василью Ляпину, Герасиму Бересневу (перечисляются беглецы.— *Авт.*). Вины им отпустить и от всякого наказания из высочайшего свово милосердия в рассуждении их раскаяния и что они в сие преступление введены некоторым бездельником по сущей их простоте и невежеству... с тем однако ж чтоб их всех внутрь России, как-то в Москву и Петербург, никогда ни для чего не отпускать... и для учинения с ними объявленного по желаниям их определения к вашему превосходительству за присмотром отправлены, коим прогонные деньги из Тайной экспедиции до Иркутска выданы, тех же кои поедут в Охотск, покорно прошу приказать на дорожные издержки снабдить их из губернских доходов» (л. 144).

Так и сослали «по собственному желанию». Могли они разве противиться? Даже передохнуть в Петербурге не дали. Всех спровадили к «месту жительства» уже 5 октября. В спешке отправления беглецов отстал Петр Сафронов. Его отправили одного.

Путь вокруг Азии, Африки и Европы впервые проделала и русская женщина, Любовь Саввишна Рюмина. Океанами с Камчатки во Францию, пешком по французской земле до города Парижа, морями из Гавра в Петербург и на лошадях в Сибирь.

В журнале «Русская старина» через сто лет писали: «Судейкин и Рюмин с женой пожелали жить в Тобольске, Бочаров в Иркутске, с увольнением от службы; матросам Ляпину и Березину назначено служить в Охотске; матросу Сафронову дана отставка, с тем чтобы он жил в Охотске или на Камчатке; прочим восьми рабочим Холодилова остаться в Иркутске, с приписью в купечество».

Так кончилась для этих семнадцати эпопея, длившаяся больше двух с половиной лет. Пятеро других умерли в Лорианском госпитале, неподалеку от Порт-Луи. Остальные остались с Бениовским.

В «Деле о происшедшем в Камчатке от сосланных злодеев бунте» есть общий список беглецов «Святого Петра». Он называется «Ведомость количество число отправилось из Камчатки на судне галиоте „С. Петре“ с венгерцом Беневским в морской вояж людей и кто именно из того числа кто где из них случаем остались и померли». Там сказано, что «Иван Уфтюжанин» и еще десять человек «остались в команде Беневского» (л. 96).

Эти сведения для ведомства давали, вероятно, те семнадцать человек, что вернулись в Россию. Розысков правительство России не предпринимало. Начинался «мятеж на Яике» — восстание Пугачева. Случайные сведения позднейшего времени и не регистрировались. Кому какое дело до оставшихся с Бениовским одиннадцати подданных, бунтарей, не пожелавших вернуться. О других, о поступивших на службу враждебной тогда Франции,— Хрущове, Кузнецове, Мейдере — и не говорили.

Ваня Уфтюжанинов много лет странствовал с Бениовским по всему свету. Может быть, был со своим учителем и до самой его смерти в 1786 году на Мадагаскаре.

На мадагаскарском берегу

Безудержная энергия, пылкое воображение и удачливость звали Бениовского к новым приключениям. Он уверен, что во Франции оценят и привезенный им архив Камчатки, и саму весть о бунте в русских приморских землях. А свой проект колонизации Формозы он послал министру иностранных дел Франции герцогу д'Эгийону, к тому же заинтриговав его обещанием раскрыть тайны секретного трактата между англичанами и русскими о Дальнем Востоке (трактата этого в действительности и не существовало). Сообщения Бениовского

были переданы морскому министру графу де Бойна, а тот доложил о них Людовику XV.

«Второго августа,— пишет Бениовский,— я получил приглашение герцога Эгийона, доставленное мне государственным гонцом. 8 августа я прибыл в Шампань, где тогда находился министр, который принял меня с уважением, радушно, предложил мне вступить на службу его короля и пообещал дать в мое распоряжение пехотный полк».

Но вместо Формозы Бениовского решили послать на Мадагаскар во главе «полка волонтеров».

В конце 1773 года они отплыли, сперва на Иль-де-Франс, а оттуда на Мадагаскар. В 1774 году высадились в северо-восточной части острова в заливе Антонжиль и построили в устье реки Антанамбалана, близ нынешнего города Маруанцетры, поселок и крепость Луисбург. В России писали о мадагаскарской эпопее Бениовского: «...в том же году [1773]... отправился на Мадагаскар, завел там селение, но после беспрерывных ссор с природными тамошними жителями и с начальниками Иль-де-Франса возвратился в Париж. Министерство, удостоверившись в его шарлатанстве, отринуло дальнейшие его предложения...» [5].

Дальше, говорится в этой записке, произошло вот что: «Возвратясь в Порт-Луи 19 марта 1773 г., он [Бениовский] убедил 11 человек следовать за ним в назначенную по воле короля морскую экспедицию. В том числе были священнический сын Уфтюжанинов, бывший приказчик Холодилова Чулошников, два матроса: Андреянов [с женой] и Потолов и шесть бывших работников Холодилова».

По другим источникам, их было не 11, а 12 человек: «...с Беньевским отправилось на Мадагаскар 12 человек россиан, но кто они таковы были и какой постиг их жребий, о том не мог я получить ни малейших сведений. Вероятно, сделались они там жертвой климата или свирепых жителей». Так писал первый исследователь судьбы бунтовщиков В. Н. Берх еще в первой четверти XIX века. «Проведя здесь более полутора года в беспрестанной борьбе как с жителями, так и с начальниками... Иль-де-Франса, решился наконец Беньевский бежать также и отсюда».

Действительность была куда сложнее. Негоцианты и чиновники Иль-де-Франса видели в Бениовском конкурента и противодействовали ему. Они считали восточные и северо-восточные берега Мадагаскара ареной своей коммерческой и колонизаторской деятельности. Но все же Бениовскому удалось распространить свое влияние на довольно обширную прибрежную область.

[5] Записка о бунте, произведенном Бениовским..., с. 433.

Скудные сведения о жизни Бениовского и его спутников на Мадагаскаре пополнились совсем недавно новыми документами, в том числе письмами этого удивительного человека. Опубликованы они были не где-нибудь, а на самом Мадагаскаре, Малагасийской Академией. Это материалы французского капитана де Берюбе-Дюдемена, относящиеся к 1774 году[6],— о торговле Мадагаскара с Европой, Индией, Южной Америкой.

На Мадагаскар плыли корабли за рисом, быками, драгоценным деревом — и «увы, также за черными невольниками», как сказано в предисловии к этим документам. А туда доставляли кроме «синих и красных платков из тонкой ткани, зеркал разной величины и ножей различного применения» также бочки с порохом, ружья для местных вождей.

Основанный Бениовским Луисбург стал одним из торговых портов Мадагаскара. «Там барон Бениовский по указу короля Франции учредил торговый пункт»,— говорится в предисловии. А «в те времена начальник торгового порта был жалован королем Франции чрезвычайными полномочиями, большими правами». Луисбург вскоре стали посещать торговые суда — и укрываясь от бури, и для несложных, легких починок судов. Влияние Бениовского усиливалось. Вот одно из его писем: «Сего 16 июля 1774 в Долине Волонтеров... Жду с часу на час новой подмоги, новых войск для новых действий. Министр уже экспедировал мне солдат... Живу ныне в Долине Волонтеров. Воздух здоров, чувствую себя прекрасно... со всеми моими детьми-волонтерами. Вдохновленный их мужеством, уверяю их в моей признательности...»

Тут же приведены и два письма Бениовского на мыс Доброй Надежды Першерону — капштадтскому уполномоченному по делам короля Франции:

«Сего 20 июля 1774 в Луисбурге, Остров Дофин... Рекомендую господина Берюбе. Окажите содействие в его делах, нуждах и в случае, если он прибудет на борту судна, которым он командует, то прежде всего помогите ему в загрузке судна вином, мукой и тому подобным, что я приказал отнести в королевский счет».

«Луисбург, остров Мадагаскарский, 22 ...бря 1774. Господин Дюдемен, капитан частного судна, названного „Бугенвиль“, по королевскому указанию выполняющий миссию на этом острове, получил наше дозволение плыть на Кап и сыскать продовольствие для нас... соления, сухари, вино мадеру и водку. Капитан получил от меня чек для этого в четыре тысячи и несколько пиастров. Чек пригоден только для закупок в магазинах... Барон де Бениовский».

В этот раз провиант для отряда Бениовского задержался на-

[6] Journal de Bérubé-Dudeméne..., с.89—111.

долго. «Бугенвиль», потрепанный бурей, отремонтированный кое-как в плохо еще оборудованном для починок Луисбурге, попал во вторую бурю. Прибыл на Кап лишь в феврале 1775 года. Капитан «Бугенвиля» писал Першерону: «На мысе Доброй Надежды, сего 18 февраля 1775. Месье! Вчера я имел честь передать вам бумаги, которые господин барон де Бениовский вручил мне при моем отплытии из залива Антонжиль, остров Мадагаскарский. В пути корабль дал течь. Я прибыл без припасов, без денег, без средств. Таково, месье, мое положение... Господин барон де Бениовский... рекомендовал обратиться к вам за помощью в критических обстоятельствах, в какие я попал».

И «Бугенвиль» был полностью восстановлен «со всеми доступными воображению вниманием и заботами, прежде чем стать на рейде для отправления в море» — так написали капитан капштадтского порта и глава плотников-корабельщиков 28 февраля 1775 года.

«Король Мадагаскара»

Впечатляющий образ Бениовского настолько захватил польского журналиста Аркадия Фидлера, что тот уже в наше время пытался найти на Мадагаскаре следы его деятельности.

«Выдающейся датой в жизни Бенёвского был день 10 октября 1776 года, когда мальгаши с восточной и северной части острова признали его своим великим королем — ампансакабе. Поступили они так потому, что Франция в результате интриг губернаторов острова Иль-де-Франс решила отозвать Бенёвского, а дело его предать забвению.

Припоминаю факт, который значительно способствовал укреплению влияния Бенёвского среди мальгашей. Его мальгашские друзья распустили слух, будто Бенёвский — потомок влиятельного на Мадагаскаре королевского рода рамини. Будто он был внуком последнего короля, дочь которого некогда была похищена и привезена на Иль-де-Франс и родила там сына. Вот этим сыном и был якобы Бенёвский. Дружественные племена быстро подхватили эту весть (разумеется, сам герой не очень опровергал эти слухи), и, таким образом, культ предков был использован для укрепления дружбы мальгашей с Бенёвским» [7].

Восхищался Бениовским не только Фидлер. «Взгляды Бенёвского опередили его эпоху, а обращение с мальгашами было

[7] А. Фидлер. Горячее селение Амбинанитело, с. 39, 41.

справедливее и лучше, чем обращение других европейцев, прибывающих на этот остров»,— писал знаток истории Мадагаскара У. Эллис в 1859 году.

В результате противоречий с колониальными властями Иль-де-Франса Бениовскому пришлось покинуть Мадагаскар, и Франция отказала ему в дальнейшей поддержке.

Бениовский провел почти целое десятилетие в Европе и Америке. Куда только не заносила его судьба в эти годы! Польша, Англия, Франция... Отправился в Северную Америку помогать колонистам в их войне за независимость... Близко познакомился с Бенджамином Франклином, да и другими интереснейшими людьми тогдашней Европы и Америки.

Но жизнь Бениовского оказалась уже навсегда связанной с Мадагаскаром. Он снова вернулся туда. «В 1783 г. старался он составить в Англии компанию для заселения Мадагаскара и нашел пособие как там, так и в Балтиморе, куда ездил с женой, и в 1785 г. вышел с американского судна на берег в Мадагаскаре» [8].

На американском торговом судне «Интрепид» Бениовский отплыл из Балтимора в октябре 1784 года (по пути был в Южной Америке). Создается впечатление, что жители тех мест острова, где он был десять лет назад, любили Бениовского, уважали за отвагу. Его появление на берегу приветствовали выстрелами из двух пушек со стен выстроенной им крепости Луисбург. Выстрелы напугали капитана американского торгового корабля. Он решил, что с Бениовским все кончено. «Интрепид» снялся с якоря и ушел в море. Бениовский остался с небольшим запасом военного снаряжения и «незначительным конвоем», от которого через два месяца осталось только два человека. Все погибли от какой-то эпидемической болезни.

И все-таки Бениовский предложил жителям вытеснить французов и избрать его правителем этого прибрежного района.

Бои с французами шли успешно, пока не иссякли боевые припасы, а главное, должно быть, поддержка малагасийцев. Отступая, засели в крепости, построенной Бениовским.

Аркадий Фидлер рассказывает обо всем этом так: «В июне 1785 года Бенёвский с двумя десятками друзей снова прибыл на Мадагаскар. Восстанавливая после почти десятилетнего отсутствия дружеские отношения с мальгашами, Бенёвский принялся кропотливо создавать основы своего государства. Прежде всего он построил над морем вблизи Ангонцы и залива Антонжиль укрепленное селение. Правителям Иль-де-Франса он послал официальное сообщение о своем прибытии с уверением, что готов сотрудничать с французской колонией и предостав-

[8] Записка о бунте..., с. 438.

ляет ей преимущественное право поставки продуктов на остров. Французы не пожелали такой расстановки сил. Они выслали против Бенёвского отряд под командой капитана Ларшера. Поход его был удачен. Если на Мадагаскаре так и не образовалось государство под управлением Бенёвского, то в этом целиком повинен непредвиденный случай. Французская пуля сразила его в самом начале стычки. Это был удивительный каприз судьбы. Никто не погиб, кроме него, невластвовавшего короля Мадагаскара» [9].

Странствующий по всему миру офицер, 30 лет державший в руках шпагу, был сражен пулей. Скорее всего французской. Может быть, шальной.

Но чьей бы ни была пуля, направленная в Бениовского, она сразила его наповал. Произошло это 23 мая 1786 года, в момент, когда Бениовский в крепости Луисбург поджигал фитиль пушки, нацеленной на солдат Людовика XVI.

Шведский король Карл XII, пораженный пулею в висок, умирая, схватился за шпагу. Успел ли Бениовский, уронив запал, выхватить клинок?

Убит паладин Барской конфедерации. Странствующий рыцарь трех континентов. Боец австрийской и польской армий. Да и баварской — в ее борьбе против гегемонии Пруссии. Призывавший к созданию европейского легиона для помощи молодым Соединенным Штатам в их борьбе за независимость. Исполнилось ему 45 лет.

Были рядом с ним в тот час два европейца и тридцать малагасийцев.

У Бениовского остались дочери и Сюзанна, тихая и скромная польская панночка, с которой он когда-то обвенчался, не долго думая. Было это еще до русского плена, до Камчатки. Во времена Барской конфедерации, проезжая через селение Спиш, заболел, лечился в гостеприимном доме небогатого шляхтича Геньского и женился на одной из его дочерей. Подходила ли блестящему графу эта сельская панночка? Вряд ли он нуждался в ней, когда искал бурных развлечений парижской жизни. Но она безотказно терпела его буйный нрав, сопровождала во всех странствиях — в тех, куда он ее брал с собой. Рожала ему детей. Сыновья умирали: один — в Польше, когда Бениовский был в русском плену, другой — на Иль-де-Франсе. Девочки выживали.

Ну а главное, как можно судить по его мемуарам, она была ему опорой в тяжкие дни крушения надежд. Всегда могла если и не понять, то все-таки простить. И до последнего часа была человеком, которому он мог сказать, как Байрон:

[9] А. Фидлер. Горячее селение Амбинанитело, с. 40.

Когда время мое миновало
И звезда закатилась моя,
Недочетов лишь ты не искала
И ошибкам моим не судья.

Сюзанна отправилась с мужем и в последнее, роковое для него плавание, на Мадагаскар. Но, выйдя из Балтимора, «Интрепид» сразу попал в бурю. А Сюзанна снова ждала ребенка. Пришлось вернуться в Балтимор. Потом, когда до Европы и Америки донеслись слухи о смерти Бениовского, обратилась к Франклину — была с ним хорошо знакома, ее дочери называли Франклина дядей. И когда страшное для нее известие подтвердилось, вернулась с дочерьми на родину. Прожила она еще сорок лет, до декабристского, 1825 года.

О следах Бениовского на Мадагаскаре известный географ Элизе Реклю писал: «Вице-королевство, основанное в 1774 году на берегах бухты Антонжиль пышным польским и мадьярским магнатом Маврикием Беньовским, пришлось покинуть два года спустя, и от бывшей его столицы, Луисбурга, не осталось никакого следа; едва лишь можно распознать ту дорогу, которую этот искатель приключений, превратившийся в... „императора" мальгашей, провел на северо-запад от Антонжильской бухты по направлению к городу Нгусти» [10].

Фидлер обошел и внимательно осмотрел на Мадагаскаре все места, связанные с именем Бениовского. Залив Антонжиль, гору, на которой стоял построенный Бениовским форт Августа и где жил Бениовский. «Ныне, понятно, там непроходимый лес, а на склонах — мальгашские плантации гвоздики,— это все. Ничто не напоминает Бенёвского. Как-то я пригласил учителя Рамасо на чай... Историю Бенёвского он изучил в школе по французским учебникам. Других историй — местных — он не знает. Гора Бенёвского хранит молчание. Во всем этом,— продолжает Фидлер,— есть какая-то нелепая, тревожная загадка. Нынешние мальгаши совершенно не помнят истории Бенёвского, не знают ни легенд, ни былин о нем. Я пытался разузнать о нем в Мароанцетре — ничего; расспрашивал здесь, в Амбинанитело,— никаких следов».

Местный учитель Рамасо объяснил это Фидлеру традициями племени. «...Бецимизараки знают точно, что делал даже самый отдаленный предок, зато они совсем равнодушны к делам чужих. Бенёвский не создал мальгашской семьи, здесь у него нет наследников по крови, поэтому можно предполагать, что память о нем предана забвению. Нет потомков, которые обязаны были бы напоминать о его деятельности» [11].

[10] Элизе Реклю. Земля и люди. Т. XIV, с. 68.
[11] А. Фидлер. Горячее селение Амбинанитело, с. 40—42.

И все-таки о Бениовском на Мадагаскаре помнят. В столице да и в других городах есть улицы Бениовского. Статья о нем обязательно присутствует даже в краткой энциклопедии [12].

На Мадагаскаре, как и в других африканских странах, недавно ставших независимыми, изучение своей истории, в сущности, лишь начинается. Может быть, больше прояснится судьба и деятельность Бениовского и его спутников? Сейчас начинает по крупицам выплывать, казалось, уже забытое прошлое.

Совсем недавно, на юбилейной сессии Малагасийской Академии (в 1977 году ей исполнилось 75 лет), обсуждался доклад, где речь идет о Бениовском. Его автор, малагасийский историк Г. Рацивалака, рассказывает о Николасе Мейере. Мейер жил на Мадагаскаре 26 лет, был хорошо знаком с Бениовским и помогал ему устанавливать связи с местными племенами. А потом был гидом того отряда французов, в стычке с которым погиб Бениовский.

Рацивалака считает, что Бениовский в своих мемуарах «просто-напросто приписал себе результаты походов Мейера. Когда стали известны описания мейеровских экспедиций, обнаружилось, что барон Бениовский искусно, очень находчиво использовал два первых путешествия Мейера... Одаренный писатель, барон употребил немногие сведения, собранные Мейером, для прославления самого себя» [13].

Так и появляются новые сведения. Одни говорят в пользу Бениовского, другие — против него.

Или вот выяснилось, что один из первых европейски образованных малагасийцев появился еще во времена Бениовского. В 1792 году он вернулся из Европы на Мадагаскар и стал первым малагасийским католическим священником [14] (широкое распространение на острове католицизм получил лишь через 70 лет). Это, вероятно, был тот семинарист, религиозные стихи которого слышал Гёте в Риме в 1787 году на католической конгрегации. Там в присутствии трех кардиналов и многочисленной избранной публики новообращенные в католическую веру семинаристы после ученого диспута читали стихи на своих родных языках. В большинстве это была молодежь из восточных стран, в том числе один «мальгаш», писал Гёте в «Путешествии по Италии». Этот образованный малагасиец — а вдруг он имел отношение к просветительской деятельности католика Бениовского?

Но память о Бениовском надо искать, конечно, не только и даже не столько на Мадагаскаре. Былью и небылицами, фак-

[12] Dictionnaire historique et géographique de Madagascar. Fianarantsoa, 1966, c. 93—94.

[13] G. Ratsivalaka. Eléments de biographie de Nicolas Mayeur..., c. 9.

[14] W. Woulkoff. Un séminariste malgache à Rome en 1787.—«Bulletin de Madagascar». Avril 1972, № 311, c. 409—410.

тами и легендами о нем полна литература многих европейских стран. Их можно найти и в американских, и в японских книгах. Разумеется, и в русских.

Такой азартной пришлец!

Бениовский ненавидел официальную Россию, и она отвечала ему тем же. Чиновники видели в нем злодея, и только злодея. А он в запальчивости возводил на Россию даже явную напраслину. Это, естественно, обижало и вполне достойных людей.

Мореплаватель В. М. Головнин, прожив в начале XIX столетия немало времени на Камчатке и сравнив увиденное и услышанное там с мемуарами Бениовского, писал:

«Большерецк известен также стал просвещенному свету из повествования графа Бениовского, одного из польских конфедератов, который был сослан в Камчатку, склонил там к бунту несколько преступников... Но тщеславие заставило Бениовского представить место сие в ложном виде, чтобы более высказать отважность своего подвига. Бывшего в Большерецке во время сего бунта начальника, капитана Нилова, он называет губернатором; казацкого офицера — гетманом; гнилой палисад — крепостью; канавку, через которую ребенок может перепрыгнуть,— рвом; несколько человек престарелых казаков — сильным гарнизоном и пр.

Я видел в Камчатке стариков из природных русских, которые очень хорошо помнят Бениовского и тогдашнее состояние Большерецка. Они подробно мне рассказывали о всем этом происшествии. Сравнивая от них слышанное с повествованием Бениовского, видно, что в нем и одной трети нет правды. Надеясь, что в Европе ничего не знают о Камчатке, он лгал без всякого стыда: ему хотелось только показать, что он сделал великое дело».

И все-таки Головнин восхищался Бениовским: «Но если бы он и правду написал, то и тогда довольно было бы чести его уму и отважности! Первым умел он несколько десятков всякого состояния ссылочных и людей распутных удержать от раскрытия заговора, продолжавшегося несколько месяцев; и, не быв мореходцем, мог он постигнуть сам возможность достигнуть из Камчатки в Китай; а последняя помогла ему предпринять и совершить столь опасное морское путешествие без всяких пособий, кроме карты, приложенной к вояжу адмирала Ансона» [15].

[15] [В. М. Головнин]. Путешествие на шлюпе «Диана»..., с. 304—305.



Так выглядит Бениовский на старинной гравюре

А генерал-прокурор Тайной канцелярии князь Вяземский, который знал Бениовского и долгое время вынужден был заниматься его побегами и «злодействами», в 1773 году писал: «Такой азартной пришлец не оставался и там (на Камчатке.— *Авт.*), чтоб не поступить на новое, злейшее и отчаянное действие, которое ему и удалось... Но как притом памятного Беньовского во время заарестования в Петербурге сам я видел человеком, которому жить или умереть все едино...» [16].

Кого же все-таки видели в Бениовском его почитатели и противники во многих странах мира? Фантазер, всесветный бродяга, защитник угнетенных, искатель приключений, герой — да кем еще не объявляли его! А если выбрать одно сло-

[16] Р. Р. В. Любопытный факт из биографии Беньевского, с. 145—146.

во? Казалось бы, найти его так просто. В этом человеке прежде всего видели авантюриста. И в изданной только что, в 1973 году, советской «Истории открытия и исследования Африки» его именуют: «Известный польско-венгерский авантюрист».

Но тут, должно быть, надо помнить, что слово «авантюрист» в разных языках имеет очень различный смысл. В английском и французском оно лишено того уничижительного, презрительного оттенка, что в русском. У нас если и вносится в это слово доля романтики, то это порочная романтика человека находчивого, даже одаренного, но беспринципного, нарушающего принятые обществом нравственные нормы поведения. «Авантюра» в словаре Ожегова — это «сомнительное по честности дело, предпринятое в расчете на случайный успех».

Откуда вдруг так много в XVII и XVIII столетиях авантюристов? Сколько их только на одном Мадагаскаре и кроме Бениовского. А пираты? Среди них были и королевские офицеры, и богатые коммерсанты, и образованные люди, и прославленные мореходы. Вероятно, ломка общественных отношений, основанных еще на остатках феодализма в Европе, дала возможность в сумятице неустроенности нового так смело выступать всесветному авантюризму.

Нередко это были одаренные люди. В кастовом обществе, ограничивающем действия людей посословно, они не нашли простора для своих сил и способностей. И, не мирясь с медлительным развитием новых общественных форм, вмешивались в государственную жизнь. Честолюбивые, корыстные побуждения или какие-то фантастические прожекты толкали их на очень рискованные замыслы. Смелые, талантливые, они становились вождями, проповедниками, устроителями.

Авантюристы могли быстро менять курс, предавать своих сторонников ради придворной карьеры, ради положения и влияния в тех самых кругах, чью власть прежде стремились ослабить, подорвать. Гибко, находчиво улавливая слабости отдельных государственных деятелей, авантюристы добивались их покровительства.

Бениовский превосходил одаренностью, просвещенностью и чуткостью к социальной несправедливости многих из авантюристов. В нем — возможное только в те века причудливое смешение отчаянного авантюризма с возвышенными намерениями помощи порабощенным. Подлинный героизм, безудержная отвага — и бессмысленные выдумки, позерство. В его замыслах и действиях сочетание доброго и злого не могло даже и тогда не вызывать или восхищения и преданности (у его соратников), или возмущения, негодования и проклятий (у многих «порядочных людей» той эпохи).

Здесь мы говорим о Бениовском не только как о зачинщике бунта в Большерецке и руководителе плавания россиян вокруг

Африки. Ведь он раскрылся и в своем литературном наследстве — в мемуарах и письмах. Там бесценные сведения о жизни в четырех частях света. Но жаркое воображение и, вероятно, желание попасть в тон тогдашней литературной сентиментальности, мечтательности свели многие нужные, иногда верные описания плавания к чисто личным переживаниям и к таким преувеличениям, что и в баснях Крылова не сыщешь.

Бениовский стремился не к чудесным необитаемым островам, куда Петр Хрущов готовил побег девять лет, не к дивной природе. К людям рвался. Стук копыт, боевые кличи, новые битвы... И создание своего государства хоть на краю света.

Эти неуемные, неуживчивые вечные искатели нового! За неуспех, провал в их новом замысле, за промахи в задуманных начинаниях их называют авантюристами. Удача, счастливое завершение, иногда и не зависящее от их талантливой находчивости, благой случай — и они герои. Героизм и авантюризм граничили, смыкались в рискованных проектах в ту эпоху назревших перемен общественной жизни и отсутствия точных знаний. Разведать мир и подтолкнуть его вперед хотели на свой страх и риск эти люди XVIII столетия, которое французы назвали веком Просвещения.

Бениовский все тридцать лет своей взрослой жизни провел в вольных и невольных путешествиях. Он преодолел не меньшие пространства на суше и на море, чем каждый из великих путешественников еще более отдаленного прошлого. И поплатился жизнью. Да ведь и они, великие мореплаватели, тоже расплачивались за свои начинания, открытия. Колумб в цепях вернулся в Севилью. Нуньеш де Бальбоа, открывший Европе Тихий океан, был обезглавлен. И все они — Колумб, Магеллан, Америго Веспуччи — под чужими флагами и на чужих кораблях открывали новые пути в океаны, новые земли.

Нет этих людей. Остались их имена. Остались открытия, по-разному принятые в разные эпохи, по-разному истолкованные людьми. А восторженные оценки выносились первооткрывателям уж после смерти. Но и сейчас по соленым водам планеты в штиль и в бурю, под ледяными ветрами и тропическими ливнями идут корабли путями, открытыми в давние времена. Сам запах морской воды, бурливый след за кормой и новые побережья на горизонте напоминают нам те трудные плавания.

«Святой Петр» идет в путь снова и снова

Несколько лет назад знаменитый корабль камчатских ссыльных обрел новую жизнь. Остов собрали в Словакии, затем достроили уже перед спуском на воду на Балтике, в ГДР.

Правда, окрестили его не «Св. Петр», как он именовался в списках российского флота, а «Св. Петр и Павел», как он назван в мемуарах Бениовского. Возле одного из немецких приморских курортов на него снова взошли молодой Бениовский и его спутники. Подняли паруса и отправились в путь...

Так снимался совместный чехословацко-венгерский телевизионный фильм «Виват, Бениовский!». Это был первый в истории обеих стран такой большой фильм — 13 серий. Снимался он в 1973—1974 годах. В 1975-м словаки, чехи и венгры, сидя по вечерам у телевизоров, снова переживали события двухсотлетней давности.

Один из авторов этой книги в октябре 1976 года встретился в Братиславе со словацким артистом Иосифом Адамовичем, исполнителем роли Бениовского. На вопрос: «Довольны вы своим фильмом?» — Адамович ответил: «Маленькой стране трудно сделать такую картину». Должно быть, такую картину малой стране сделать действительно нелегко. Бениовский и его спутники исколесили весь свет. Зритель должен видеть и заснеженную Камчатку, и изнывающие от жары острова южных морей, Словакию, Венгрию, Польшу, Россию, Францию, Англию, Северную Америку, Японию, Китай, Мадагаскар...

Но все-таки и крупные державы могут позавидовать возможностям, которые были у создателей этой картины. Съемки велись в шести странах — в Словакии, Венгрии, ГДР, Польше, Югославии и на Мадагаскаре. Из стран, с которыми судьба Бениовского была связана особенно тесно, пожалуй, только Россию снимали в павильонах.

На Мадагаскаре съемочная группа была два месяца. Съемки велись на берегах залива Антонжиль, в памятных местах. Артисты ездили по всему Мадагаскару.

Местные жители сами говорили артистам, что как раз исполняется 200 лет со дня появления Бениовского и его спутников на «Великом острове» и что поэтому создание фильма особенно уместно. Артисты даже сняли на Мадагаскаре еще один 15-минутный документально-видовой фильм «Памяти Бениовского».

Фильм «Виват, Бениовский!» вызвал разные толки. Одним зрителям он понравился, другие считали, что там слишком много скачут на конях и сражаются на шпагах и саблях, третьи упрекали его в недостаточной документальности. Кто-то считал, что жен и возлюбленных у Бениовского тоже слишком много: и дома, в замке, и в Польше, и на Камчатке.

Но все же в Чехословакии и Венгрии этот фильм страстно обсуждали буквально все. В Чехословакии даже в пионерской газете из номера в номер печатали комикс о приключениях Бениовского и его спутников.

В 1976 году снимался и другой, французский фильм о Бениовском.

Да разве только фильмы?

Бениовскому посвящена громадная литература. Библиография в четыреста с лишним названий приложена к новому изданию книги о Бениовском, которая была написана венгерским классиком Мором Йокаи[17]. Но и она охватывает, конечно, лишь часть вышедшей литературы.

Пишут о Бениовском больше двухсот лет. Лондонский «Джентльменс мэгезин» еще в июне 1772 года в корреспонденции из Макао сообщил читателям о прибытии Бениовского. Но настоящий взрыв интереса к Бениовскому произошел после выхода его собственных воспоминаний. Они вышли в Лондоне в 1790 году (через четыре года после гибели Бениовского), в Париже — в 1791-м, а затем и в других столицах Европы. Зачитывались ими, как мемуарами Казановы или Калиостро.

Интерес к Бениовскому не исчез и потом, когда его воспоминания уже перестали быть сенсацией. Статьи, книги, пьесы о нем до сих пор появляются в самых разных уголках мира. В Токио и Осаке, в Лондоне, в Нью-Йорке, Чикаго и Балтиморе. В Филадельфии в 1955 году вышла работа Ефросиньи Двойченко-Марковой «Бенджамин Франклин и граф А. М. Бениовский». Даже к 1937 году о Бениовском было уже написано так много, что немец Вальтер Фонтин счел нужным заняться систематизацией и еще тогда опубликовал работу «Бениовский в европейской литературе».

Больше всего писали и пишут о нем в Польше, Венгрии и Словакии — странах, где Бениовского считают своим земляком. Еще в 1792 году, буквально сразу же после выхода воспоминаний Бениовского, венгерский писатель и поэт Йожеф Гвадани вывел его и его спутников в своей поэме о простом венгерском солдате Пале Ронто. Бениовский показан в Киеве, Казани, Петербурге, в Сибири, на Камчатке. А некоторые из русских ссыльных на Камчатке названы республиканцами.

Сто с лишним лет назад появилась поэма «Бениовский» классика польской литературы Юлиана Словацкого. О самой этой поэме, об истории ее создания теперь уже существует обширная литература. В 1939 году в краковском театре имени Юлиана Словацкого была поставлена драма Владислава Смольского «Песнь о Бениовском». Многократно издавалась повесть Вацлава Серошевского «Бениовский». В 1967 году в Варшаве издан интересный сборник документов о Бениовском.

Во Франции была написана опера «Ссыльные с Камчатки». Музыка Ф. Буальдьё, либретто А. Дюваля. Мятеж на краю све-

[17] Mór Jókai. Gróf Benyovszky Móric életrajza, sajat emlékiratai és utleirasai. Budapest, 1967.

та. В парижской «Опера-комик» премьера состоялась 8 июня 1800 года, в Льеже — в 1802-м, в Брауншвейге и Брюсселе — в 1803-м, а в 1824 году «Опера-комик» возобновила постановку. Эта опера привлекла к себе такое внимание, что в парижских «Театре водевиля» и «Театре трубадуров» сразу же, в 1800 году были поставлены пародии на нее. Потом, уже в нашем столетии, в Париже вышли книги Жана д'Эсма и Проспера Культру.

В Германии в XVIII—XX столетиях появилось несколько романов и драматических пьес, начиная с драмы Коцебу «Граф Бениовский, или Заговор на Камчатке».

«Путешествия и воспоминания» Бениовского так и не вышли на русском языке. Французские, английские и другие западные издания, конечно, попадали в Петербург, Москву да и в провинцию, но весьма возможно, что они не производили столь уж благоприятного впечатления. Многие описания России, долгого пути на Камчатку, жизни в ссылке, которыми зачитывались на Западе, выглядели для русских очевидным вымыслом — начиная с «губернатора» Нилова и его дочери, которая, по словам Бениовского, была влюблена в него до безумия и даже помогла в заговоре против своего отца. Каждый русский читатель понимал, что коменданта острога даже с большой натяжкой не назовешь губернатором. А дочери у Нилова, как знали, на Камчатке не было. Такие и куда более заметные украшательства своей персоны и оскорбительные замечания о легкомыслии женщин и тупости офицеров настораживали читателей и сказывались в целом на их отношении к «Путешествиям и воспоминаниям» и к самой личности Бениовского. Кроме того, высказывания, порочащие русских дворян (а они и были читателями мемуаров Бениовского), умеряли восхищение его умом, одаренностью и отвагой. И все же в России не раз печатались различные материалы о Бениовском, правда, гораздо позже, чем в Западной Европе.

В Варшаве, которая входила в состав Российской империи, «Путешествия и воспоминания» издавались на польском языке. На русском же с этими воспоминаниями читатели могли познакомиться в кратких литературных пересказах и обработках. Самая подробная была издана в Москве в 1894 году, через сто с лишним лет после смерти Бениовского.

Ее автор Н. П. Боголюбов видел в Бениовском «хвастливого авантюриста, властвовавшего, тем не менее, некоторое время в Большерецке, благодаря недальновидности и добродушию русских чиновников, которым Беньовский, за послабление по отношению к себе, отплатил такою черною неблагодарностью». Признавая за Бениовским незаурядный ум и образованность, Боголюбов считал, что он «крайне легкомыслен» и руководствовался принципом, что «цель оправдывает средства».

В воспоминаниях Бениовского Боголюбов увидел «не столь-

ко истины, сколько вымысла» и поэтому счел для себя возможным сделать из них выборку, опубликовать «более правдоподобные события из записок авантюриста» [18].

Нельзя сказать, чтобы Бениовский и его спутники не интересовали историков нашей страны. Например, известный историк мореходства и мореплавания адмирал И. С. Исаков даже собрал обширную библиографию работ о Бениовском. Незадолго до своей смерти Исаков передал ее писателю и историку флота Юрию Давыдову, а он, в свою очередь, дал возможность познакомиться с нею и нам.

Но все-таки сколько-нибудь крупных исследований о Бениовском и его спутниках на русском языке до сих пор не опубликовано — ни отечественных, ни переводных.

С художественными произведениями положение, пожалуй, лучше. Еще в прошлом столетии Даниил Мордовцев, популярный автор исторических романов, написал роман о Бениовском. Поэт Всеволод Рождественский рассказывал одному из нас, как он сам и его сверстники-гимназисты увлекались этим романом. Он говорил, что долго еще его мысли возвращались к Бениовскому, что он даже советовал Борису Лавреневу написать о Бениовском повесть или роман. По словам Рождественского, Лавренев долго не расставался с этой идеей, но так и не смог найти для нее достаточно времени и сил.

Новые романы о плавании камчатских ссыльных и об их жизни в разных краях земли все-таки появились. Детский писатель Николай Смирнов в 1928 году опубликовал исторический роман «Государство Солнца». К Бениовскому он отнесся уже не так, как Боголюбов.

Заключая свой роман, Смирнов писал: «Каждый, кто прочтет записки Беспойска, должен признать, что он был удивительный человек по части умения командовать людьми, убеждать их, воодушевлять на подвиги. Он ошибался большую часть жизни, и, несмотря на это, люди все-таки шли за ним. В своих записках, написанных для продажи, Беспойск не захотел точно указать своих истинных целей, планов и надежд».

В 1972-м книга Смирнова была переиздана, а в 1976-м вышел роман Владимира Балязина «Дорогой богов». В обеих книгах прототип главного героя — Ваня Уфтюжанинов.

Советские читатели познакомились и с поэмой Юлиана Словацкого (в начале 70-х годов она вышла в Москве в отличном, подарочном издании), и с повестью Вацлава Серошевского.

В самые последние годы интерес к судьбе Бениовского и его спутников не только не ослабел, но, пожалуй, даже возрос.

Венгерский историк Ласло Крижан собирает сведения о нем, хранящиеся в архивах разных стран мира. На Украине, в

[18] Н. П. Боголюбов. Граф Мориц Беньовский.., с. I—III.

Ужгороде, тоже готовится работа о Бениовском. В Варшаве Анджей Серошевский в 1969 году опубликовал статью об образе Бениовского в польской и венгерской литературе, а в 1971-м вышла его книга «М. Бениовский в литературной легенде».

Бениовским интересуются его прямые потомки. В Будапеште живет праправнук — Мориц Бениовский. Его жена составляет родословное древо этой семьи. А праправнучка Бениовского, Антуанетта Шэлкоп, живет сравнительно недалеко от тех мест, откуда начал свое плавание «Св. Петр»,— в Анкоридже, на западе Аляски. Она прекрасно знает русский язык, изучает традиции русской культуры на Аляске, записывает там старинные русские песни, составила каталог русских икон, находящихся в местных православных церквах, пишет о судьбах российских людей на Аляске и в письмах к нам называет себя Антониной Федоровной.

Так даже с севера Тихого океана донесся до нас еще один отголосок камчатских событий. Он долетел из того же угла земли, откуда два столетия назад «ссылочные злодеи» начали свою тяжкую одиссею.

Много за морем милостей, да вдвое лихостей

Погиб Бениовский. Ну а те участники большерецкого бунта, что были с ним на Мадагаскаре? Что сталось с ними? Ведь подумать только — люди с Камчатки, не только русские, но и камчадалы, на Мадагаскаре. Не только добрались туда, на другой конец света, но и обжиться сумели. Провели не дни и не недели, на долгое время обрели там новый дом. Жили, построили поселок и крепость, сражались бок о бок с малагасийцами. В ту пору, когда в Европе мало кто и слыхом-то слыхал об этих краях света, Камчатке и Мадагаскаре.

И жили они не где-нибудь — Мадагаскар велик, а именно в той его части, которая уже оказалась связана с российской историей. Бухта Антонжиль лишь чуть севернее острова Санта-Мария, на который когда-то должны были плыть фрегаты Петра Первого. И вот они здесь, российские моряки. Уже нет прежних пиратских общин, нет «короля Мадагаскарского», которому Петр слал свои приятельские приветствия. А русские люди здесь. Игрой судьбы первыми россиянами оказались там не официальные посланцы Петербурга, за которыми как-никак стояла мощь громадной империи, а горстка ссыльных, преследуемых этой империей. Людей, загнанных ею в такие места, из которых, казалось, и выбраться не было никакой возможности, а не то чтобы еще на другой край света попасть.

Сколько их было, этих русских и камчадалов, для которых берега Южной Африки и Мадагаскара стали не в диковину, а привычными,— и это во времена Пугачева, Суворова, Державина и Потемкина-Таврического?

Уехали ли русские с Мадагаскара вместе с Бениовским в 1776 году, пробыв там полтора года? Если да, то вернулись ли они — или кто-то из них — в начале 1785 года, тоже вместе с Бениовским? Или они все это время оставались на Мадагаскаре, ожидая своего вожака? Можно сказать лишь (по письмам жены Бениовского и по другим упоминаниям), что Уфтюжанинов, в ту пору уже юноша, сопровождал Бениовского если не во всех, то во многих его странствиях в промежутке между двумя мадагаскарскими экспедициями.

Приказчик купца Холодилова Алексей Чулошников, бывалый человек на Охотском море, прошел и самые трудные первые испытания, и плавание в южных морях на пути к Франции. Он не только сам принимал участие в бунте, но вовлек и своих подчиненных, работных людей купца Холодилова. Поэтому, возможно, и не решился вернуться в Россию.

Удастся ли узнать когда-нибудь, сколько стран и континентов повидали эти люди? Кто из них был вместе с Бениовским в Англии, Америке? Кто жил на Мадагаскаре почти полтора десятилетия, а может быть, так и остался там доживать свой век? А кого судьба забросила в Капштадт, который тогда еще никто не называл Кейптауном? Ведь это был не только ближайший крупный порт, но и ближайший — на тысячи миль — кусочек Европы. И пожалуй, он был этим людям наименее непонятен в окружавшем их непонятном мире.

А что они там бывали, в этом можно не сомневаться. Редкий корабль, огибая Африку и проходя самое штормовое столкновение вод Атлантики и Индийского океана, не останавливался передохнуть в «морской таверне». Камчатцы же огибали Африку несколько раз. И больше того, Капштадт был постоянно связан прямо с заливом Антонжиль, где Бениовский и его люди построили свой поселок и крепость. Из Капштадта в бухту Антонжиль регулярно ходили корабли — привозили европейские товары для меновой торговли. Во «Всемирном путешественнике», вышедшем в Петербурге в 1782 году, говорилось: «Голландцы ежегодно берут там (в бухте Антонжиль.— *Авт.*) груз на два корабля, кои присылают с мыса Доброй Надежды. Пшено тамошнее есть лучшее не только на острове, но, может быть, и во всем свете» [19].

Каких событий свидетелями были или могли быть эти люди? О каких-то из этих событий могли знать одни, о других — другие.

[19] Всемирный путешествователь... Т. 12. СПб., 1782, с. 153.

Работники купца Холодилова, Иван Уфтюжанинов, матросы Андреянов да Потолов и жена Андреянова могли повидать мыс Доброй Надежды в интересное время, переломное для истории Южной Африки. Власть Голландской Ост-Индской компании резко ослабела. В 1780 году Англия объявила Голландии войну и послала флот с 3 тысячами матросов и солдат для захвата Капштадта, но французы опередили англичан и высадились на два месяца раньше. Французский гарнизон стоял на Капе с 1781 по 1783 год.

Капштадт по тому времени уже был большим и многоликим портом. Хотя постоянное население его состояло лишь из нескольких тысяч человек, туда заходили корабли чуть ли не всех флагов. На этом кусочке африканской земли, обжитом бурами-голландцами за 130 лет господства, встречались люди из самых разных уголков земли. Во французском гарнизоне там служил Баррас, будущий глава Директории и покровитель молодого Наполеона. На Капе он был простым солдатом. Уфтюжанинов и его товарищи могли видеть там и будущую герцогиню, жену Талейрана. С ней, тогда семнадцатилетней Катрин Гранд, только что прибывшей из Индии, Баррас сошелся в Капштадте. Вернувшись с нею во Францию, он уступил ее Талейрану, как креолку Жозефину Богарне — будущему императору французов.

Не исключено, что тут, на Капе, Уфтюжанинов и его товарищи могли уже и русский дух учуять. Какие-то одиночки могли попасть сюда из России и до группы камчатцев. Обрусевшие голландцы — как Ян Свелленгребель, отец Хендрика Свелленгребеля, капского губернатора в 1737—1749 годах. Или беглые матросы, да и вообще бог весть как попавшие сюда люди. Ведь встретил же Головнин через каких-нибудь 20 лет давно уже к тому времени осевшего на Капе «Ивана Степанова сына Сезиомова» по кличке Ганц-Рус, выходца из Нижнего Новгорода.

Камчатцы могли бы, может быть, кое-что исправить в тогдашних петербургских географиях и даже в последней из них, которая была переводом с французского путеводителя и издавалась в Москве два раза, в 1765 и 1788 годах. Называлась она «Дорожная география, содержащая описания о всех в свете государствах, о их качестве, о климате, нравах или обычаях, их жителях, столичных городах».

Надо думать, камчатцы знали, что Мономотапы не существует уже 80—90 лет. Между тем в географии говорилось о Мономотапе как о чем-то реально существующем.

Смешно было бы камчатцам читать: «Об острове Мадагаскаре... Жители Мадагаскарские белы и черны. Первые родом из берегов африканских, и происходят от арапов, они сильны, бесчеловечны и непостоянны... язык много сходен с арапским; они

подвластны особливым государям, которые называются Дианами, или великими».

«О Кафрерии. Пароды тамошние... нестатны, угрюмы и не имеющие законов. Они упражняются в ловле слонов, носорогов, тигров, львов и буйволов. Готтентоты... весьма велики... Язык их весьма беспорядочен».

Камчатцы-то знали, что не верны слова этой французской географии о «бесчеловечности» малагасийцев и о том, что они «белы и черны». Численность арабов на Мадагаскаре была ничтожна по сравнению с численностью коренных жителей.

А повидав готтентотов своими глазами, камчатцы наверняка опровергли бы утверждение, будто те «весьма велики».

Рассказы камчатцев могли бы сделать Мадагаскар и Южную Африку понятнее, ближе для тех, кого на Руси влекли дальние земли. Наполнились бы живым смыслом надписи на тогдашних петербургских и московских картах: «Мыс Доброй Надежды или Капо де Бона Сперанца», «Мель мыса Егвильского и Игольного». Труднопонятную «Губу де ла Табл» стали бы уже тогда называть просто Столовой бухтой. В ту часть Мадагаскара, где написано «Губа Антона Гила», а на французских картах «Антонжиль», вглядывались бы с изумлением: ведь занесло же земляков в этакую даль!

Путешествия и вся жизнь спутников Бениовского, оставшихся с ним после весны 1773 года и снова поплывших кругом Африки, поразили бы читающую публику России, ознакомили бы ее с неведомой частью мира.

Но в воспоминаниях Бениовского нет почти ничего о тогдашней жизни этих людей. А тем из них, кто вернулся на родину, печать молчания была наложена на уста. Не только об их рассказах — о них самих-то ничего не знали. Да и впоследствии удалось узнать совсем немного.

Постоянный спутник Бениовского до конца его путешествий Иван Уфтюжанинов вернулся в 1789 году в Россию и долго еще состоял на гражданской службе в Сибири, даже оставил какие-то записки, но они до сих пор не обнаружены.

«Питомец Беньёвского, сопровождавший его во всех путешествиях в течение 18-ти лет, лишившись своего воспитателя, в 1789 г. вернулся в Сибирь, где и поступил потом в гражданскую службу» [20].

«М. М. Булдаков (один из директоров Российско-Американской компании.— *Авт.*) сказал мне, что сын протопопа Алексея воротился по убиении Беньевского с Мадагаскара в Сибирь около 1789 года и служил впоследствии при Нерчинских горных заводах»,— вспоминал В. Берх. «Сын священника Уфтюжанинов остался с Беневским и ходил с ним в морскую экспедицию,

[20] А. С. Сгибнев. Бунт Беньёвского в Камчатке..., с. 762.

по поручению французского правительства»,— писал знаток Сибири С. Максимов [21].

Кроме Ивана Уфтюжанинова вернулся также «промышленник» Иван Лапин. Он жил в 1821 году в Соликамске. В. Берх, написавший в 1821 году большую статью в «Сыне отечества» о бунтовщиках, видел Лапина, говорил с ним: «Но более всего руководствовался я записками канцеляриста Рюмина и изустными сказаниями соликамского гражданина Ивана Саввича Лапина, коему, яко очевидцу, читал я несколько раз манускрипт мой и обязан за многие поправки».

Подштурман Дмитрий Бочаров оставил свое «повествование», писал В. Берх. Это «повествование» не было, вероятно, отпечатано. Сохранилось ли оно? Дмитрий Бочаров был впоследствии известным штурманом на Дальнем Востоке, как и штурман Измайлов, которого Бениовский высадил на одном из Курильских островов еще в начале плавания «Святого Петра».

Измайлов позже встретился с Куком на Алеутских островах.

В «Дневнике плавания» Джеймс Кук писал: «15 октября 1778 г. Вечером 14-го, когда я... был в индейском селении неподалеку от Самгундхи [на острове Уналашка], здесь высадился русский, которого я счел главным среди своих соотечественников на этом и соседних островах. Его имя было Ерасим Грегорев Син Измайлов [Герасим Григорьевич Измайлов]; он прибыл на каноэ, в котором было три человека, в сопровождении 20 или 30 одиночных каноэ. Я заметил, что, высадившись, эти люди прежде всего разбили для Измайлова небольшой шатер из материалов, которые они с собой привезли... Измайлов пригласил меня в свой шатер и угостил нас сушеной лососиной и ягодами, чем я, к его удовольствию, был удовлетворен. Он был здравомыслящий и умный человек, и меня немало угнетало то обстоятельство, что я мог объясняться с ним лишь знаками; правда, большую помощь оказывали чертежи и прочие рисунки... Я убедился, что он отлично знает географию этих мест и что ему известны все открытия, совершенные русскими, причем он сразу же указал на ошибки на новых картах».

При этой встрече Измайлов сообщил Куку и его спутникам о плавании камчатцев кругом Старого Света. И, судя по подробностям в дневнике Кука, сделал это весьма обстоятельно — так, что Кук решил, будто это сам Измайлов побывал в Париже, и, по-видимому, пытался даже заговорить с русским штурманом на французском языке. Свой рассказ Измайлов вел путем жестикуляции, использовал общеморские термины и показывал маршруты камчатцев на картах. «Из Японии он [Измайлов] направился в Кантон,— писал Кук,— а оттуда на французском корабле — во Францию».

[21] С. В. Максимов. Сибирь и каторга. Ч. 3, с. 28.

Измайлов, к удивлению Кука, «не мог сказать по-французски ни слова, а поэтому вся эта история казалась несколько подозрительной. Он не знал даже, как называются такие общеупотребительные в повседневном корабельном обиходе вещи, как хлеб, вино, вода, нож, ложка и т. д., хотя должен был иметь с ними дело на [французском] корабле и во Франции. Вместе с тем он, видимо, верно указывал время прибытия корабля в различные пункты и ухода из них; названия он писал на бумаге и, как я уже раньше заметил, разбирался во многих вещах».

В короткие встречи с русским штурманом Куку, вероятно, хотелось побольше узнать о северной части Тихого океана, хорошо знакомой русским. Измайлов действительно дал ему немало сведений об этой части Тихого океана. «Этот м-р Измайлов по своим дарованиям достоин более высокого положения, чем то, которое он занимает. Он в достаточной мере сведущ в астрономии и в других насущно необходимых областях математики». Но у Кука так и осталось недоумение. Зачем в дорогие часы встречи нужно было (и так трудно — без слов) говорить о плавании камчатцев. «Мы не смогли разузнать, какова судьба корабля, на котором они отправились в путь, и каковы мотивы этого путешествия. Возможно, цель его состояла в том, чтобы открыть торговлю морем с Японией или Китаем» [22].

Измайлов, должно быть, многого недоговаривал. Не хотел жаловаться иностранцу на порядки в своей стране, на трудную камчатскую жизнь.

Даже Измайлов знал перипетии плавания камчатцев со слов штурмана Бочарова и других бунтовщиков, вернувшихся на Дальний Восток. А сколько могли бы рассказать те из его товарищей, кто действительно побывал в той многолетней одиссее!

Но правительство хотело начисто истребить все следы бунта, дабы не напоминать об опасном примере. И бунт и бегство — все это как бы случайное явление, и виной тому озлобление поляков и интриги французского двора. Все свалили на Бениовского, чему очень помогли его мемуары, где он приписал себе весь замысел и организацию мятежа, да и политические идеи бунтовщиков.

Вот и были преданы забвению наши первые путешественники по Южному полушарию. Можно лишь строить домыслы.

...На берегу в тихом заливе океана, мешая русские и французские слова с малагасийской местной речью, эти люди рассказывали, должно быть, о тайге, о таежной охоте, об избах, санях, снежных сугробах. Удивленные малагасийцы верили — видели, как страдают русские от жары. Потом камчатские ски-

[22] [Дж. Кук]. Третье плавание капитана Джемса Кука, с. 390, 392, 395.

тальцы долго слушали шорох прибоя. Непрестанное движение волн успокаивало. Жизнь всюду одинакова. Волны стирали с песчаной отмели сделанные камешком рисунки — нарты, избы, сани, колокольню и девичий сарафан с узорами.

Так далека от них Россия, что и Большой Медведицы не видно. Чужой Южный Крест сияет на чужом небе. Кто они теперь? За что сражаются и с людьми, и с лихорадкой, и с такой буйной растительностью, что из кольев забора лес вырастает. Завела их судьба с неприветливых, необжитых побережий Камчатки в столь же суровый для них край, тоже на самом конце света.

Они, первые мятежники на далекой окраине России, бежав из ссылочных мест, оказались уже до конца дней своих разлученными с родиной — испытали судьбу многих российских бунтарей.

У памятных мест

Так в XVIII столетии на далеком Мадагаскаре появились для россиян два памятных места. И по иронии судьбы они оказались рядом друг с другом. Точка на карте — Санта-Мария, куда Петр отправил свои фрегаты. И чуть к северу от него — залив Антонжиль, где погребены останки Бениовского и его спутников.

Осталось, пожалуй, лишь сказать, когда же русские корабли действительно пришвартовались в тех местах.

Русские якоря были отданы у берега Санта-Марии через 176 лет.

1890 год. Деятельность адмирала Макарова в военном флоте. Масштабы океанических плаваний расширились.

Это была рекогносцировка, осмотр тех островов Индийского океана, которые заняли державы Европы и к которым стремился Петр почти два века назад. Мадагаскар только к 1895 году Франция смогла колонизовать. Изменилось лицо земного шара. Россия уже другая, другие моряки, и остров Санта-Мария стал иным. Гвоздикой и какао, ароматами парфюмерии и бакалеи пахнуло на моряков с побережья, где был когда-то штаб пиратов.

Клипер «Джигит» 11 апреля 1890 года подошел к Санта-Марии. Командир клипера капитан Никонов рапортовал министру: «...все постройки заброшены и имеют ветхий вид... Заход сюда военных и коммерческих судов случайный и редкий, в течение прошлого года было одно военное австрийское судно с кадетами... Вечером и ночью по большей части были штили и гроза с дождем... За 17 дней стоянки клипера дождь принимался с перерывами 17 раз...»

Рапортуют мичман Обручев, судовой ревизор и врач: «На Св. Марии 5 т. жителей, мирные мальгаши, католики, знают французский язык, и 30 французов, и 2 индуса. Сообщение с Мадагаскаром на пирогах, шлюпках туземной конструкции... Благосостояние острова связывают с какао, который недавно завезен на остров... Болотная лихорадка, кишечные заболевания, дизентерия. Болеют — 90% европейцев, 10% туземцев на 100 человек».

К рапортам приложены яркие акварели мичмана Милорадовича. Заводи у «пиратского» побережья. Буйная растительность жаркого климата. Бухта, где были разбойничьи доки. Холмы — уже без дозорных вышек. И вдали — огромная скала Мадагаскара. Она похожа на голову льва и его грудь, опущенную в море.

Акварельные зарисовки вместе с донесениями офицеров «Джигита» хранятся сейчас в Архиве Военно-морского флота в Ленинграде, в «Деле о портах Индийского океана, с чертежами и рисунками акварелью».

Вероятно, и к акварелям тоже относится гриф «секретно», поставленный тогда на всем деле. В слове «секретно» буквы выведены в уже давно отжившей манере. Теперь оно вызывает улыбку, но в то же время помогает разглядеть за этим архивным делом интерес русского правительства к водам Индийского океана, возникший еще при Петре.

Офицеры «Джигита» должны были знать и о петровском замысле, и о плавании камчатцев. «Джигит» был военным судном. Как и многие другие русские военные корабли в те годы, в эпоху борьбы за раздел мира, он проводил рекогносцировку, осматривал позиции, которые удалось занять державам Запада в дальних морях. Офицеры, конечно, получили соответствующую подготовку и были знакомы с историей проникновения европейцев в эти места.

Так маленький островок Индийского океана уже во второй раз оставил мимолетный след в истории флота нашей страны.

Очередные дела, текущие задания начальства, как всегда, конечно, не давали особенно задумываться о прошлом, сравнивать, сопоставлять. И в сухих, деловых рапортах нет сантиментов, не поминаются ни петровский замысел, ни моряки фрегата «Амстердам-Галей», погибшие в самом начале плавания к этому острову, ни российские спутники Бениовского, бесследно исчезнувшие неподалеку от этих мест. Только вот мичман Милорадович любовно зарисовал в акварелях эти места, никак не связанные с практическими планами тогдашнего правительства.

А вскоре, уже в нашем столетии, по маршруту, о котором мечтал Петр и который преодолели камчатские бунтари, пошел гигантский караван судов. Самой большой эскадрой, когда-либо

огибавшей Африку, стала русская эскадра. Но это был и самый трагический поход в истории русского флота. Тысячи моряков во главе с адмиралом Рожественским шли на Дальний Восток, к Цусиме.

Мимо Капштадта 6/19 декабря 1904 года прошли броненосцы «Суворов», «Александр III», «Бородино», «Ослябя», «Орел», крейсеры «Аврора», «Дмитрий Донской», «Адмирал Нахимов», транспорты «Анадырь», «Метеор», «Корея» и «Малайя», плавучая мастерская «Камчатка» и второе судно под названием «Орел» — плавучий морской госпиталь.

Это был Николин день. Дали орудийный салют в честь тезоименитства Николая II. Полюбовались Столовой горой, у подножия которой лежал Капштадт, но отношения с Англией были очень натянутыми, и в порт решилось зайти только госпитальное судно «Орел».

На следующий день, обогнув мыс Игольный и очутившись в водах Индийского океана, попали в бурю, такую частую в этих местах. Броненосцы черпали сразу по нескольку десятков тонн воды, транспорты и крейсеры кренились на тридцать-сорок градусов.

После этой бури эскадра обогнула Мадагаскар и встала на якоря в середине пролива между ним и Санта-Марией, неподалеку от мест, куда злосчастье когда-то занесло камчатских бунтарей. Ширина пролива больше десяти миль, и формально эскадра остановилась в нейтральных водах.

Участник этого похода А. С. Новиков, впоследствии известный писатель Новиков-Прибой, рассказал в своей «Цусиме» о впечатлениях от Санта-Марии. «Вокруг все было тихо и безмятежно, словно под жгучими лучами солнца все погрузилось в нескончаемые грезы». О том, что происходило в мире, «трудно было что-либо узнать, находясь в той первобытной и дикой глуши, в какую мы попали. На острове Сан-Мари, на этом французском Сахалине, где содержались осужденные на каторгу политические и уголовные преступники, не было телеграфа».

Но все-таки именно здесь, в те дни, когда эскадра стояла у Санта-Марии, пришла злая весть, вызвавшая, по словам того же Новикова-Прибоя, «крутой перелом» в настроении всего личного состава. Эскадру догнал госпитальный пароход «Орел», заходивший в Капштадт. Он принес сообщение о гибели порт-артурской эскадры, на помощь которой и шел Рожественский.

Той части своей эскадры, которая шла не вокруг Африки, а через Суэцкий канал, Рожественский назначил встречу в порту Диего-Суарес, в тех местах, где когда-то была Либерталия. Но под давлением Японии и Англии Франция отказалась принять эскадру в этом лучшем порту Мадагаскара и предложила стоянку в более глухом месте, у маленького острова Нуси-Бе, возле северо-восточной части Мадагаскара.

Накануне рождества эскадра двинулась с Санта-Марии к Нуси-Бе. Возле Диего-Суареса отметили рождество орудийным салютом, тридцатью одним выстрелом. На Нуси-Бе встретили Новый год. Но в эти дни пришла еще одна страшная весть: пал Порт-Артур. Вскоре — Кровавое воскресенье. Затем — Мукден.

На Нуси-Бе 12 тысяч русских моряков задержались больше двух месяцев — с конца декабря 1904 года до начала марта 1905-го. Для скольких из них это последние месяцы жизни.

Если не все, то очень многие предчувствовали это, понимали, что идут к общей катастрофе. И хотели последний раз глотнуть жизни, радости, пусть самой эфемерной. Проматывали последние деньги. На Нуси-Бе, в городке Хеллвиль, возникали явные и тайные притоны с азартными играми, с продажными женщинами. Со всего колониального Мадагаскара туда хлынули француженки, немки, англичанки, голландки. Пооткрывали палатки и магазины с вывесками на русском языке: «Прошу русских покупателей заходить», «Поставщик флота», «Торгую с большой уступкой». Даже малагасийские торговцы выучили русские слова.

Третьего марта 1905 года эскадра подняла якоря и пошла к Цусиме. Место ее стоянки на Нуси-Бе до сих пор называют «Бухта русских».

А в капштадтской газете «Кейп Аргус» тогда опубликовали письмо, найденное в запечатанной бутылке на берегу мыса Доброй Надежды. Это письмо было написано по-русски. «Пусть рыбаки, которые, может быть, найдут и прочитают это письмо, помолятся за тех, кого посылают на гибель, и за то, чтобы эта ужасная война поскорее кончилась» [23].

Бутылка была брошена с одного из русских кораблей, когда они огибали мыс Доброй Надежды. Может быть, с крейсера «Аврора»? Ведь и он изведал южноафриканские бури.

Об эскадре Рожественского и даже об этой бутылке вспоминают на Юге Африки и теперь. А покойный южноафриканский писатель Лоуренс Грин даже посвятил «русской армаде» главу в своей «Неписаной истории о кораблях и людях в южноафриканских водах и о некоторых забытых происшествиях и тайнах тех бескрайних океанов, что омывают берега Африки».

Камчатцы были первыми. Первая большая группа россиян, преодолевших бури, лишения и тропические болезни на трех океанах планеты. Правда, ни они сами, ни те, кто расспрашивал их обо всех злоключениях,— никто не подметил этого их первопроходчества.

Этих людей видели и говорили с ними только в Сибири и на той же Камчатке, куда они снова были «по их желанию» сосланы. Ведь правительство стремилось скорее убрать раскаяв-

[23] См.: L. G. Green. Eight Bells at Salamander...

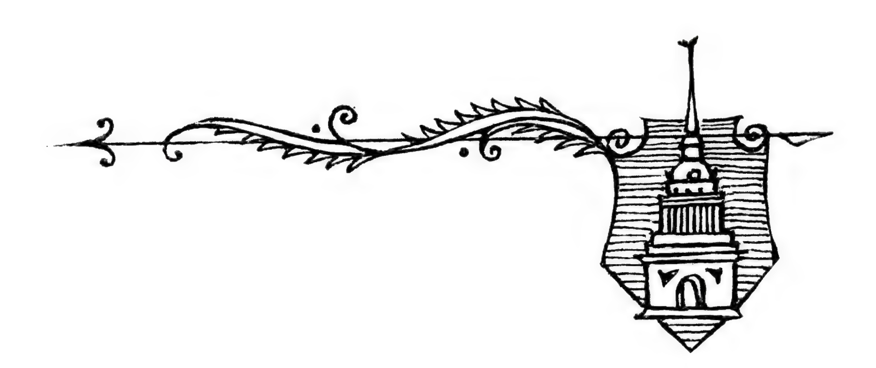
шихся беглецов подальше, с глаз своего народа. Ни ученые Петербурга, ни моряки, скорее всего, не видели и даже не знали о кругосветном плавании своих соотечественников.

Крузенштерн через тридцать лет за начатое в Кронштадте плавание был награжден; ему поставлен монумент против старого Морского корпуса на Васильевском острове. О тех людях, первых представителях российских народов на всех трех океанах кругосветности, забыли.

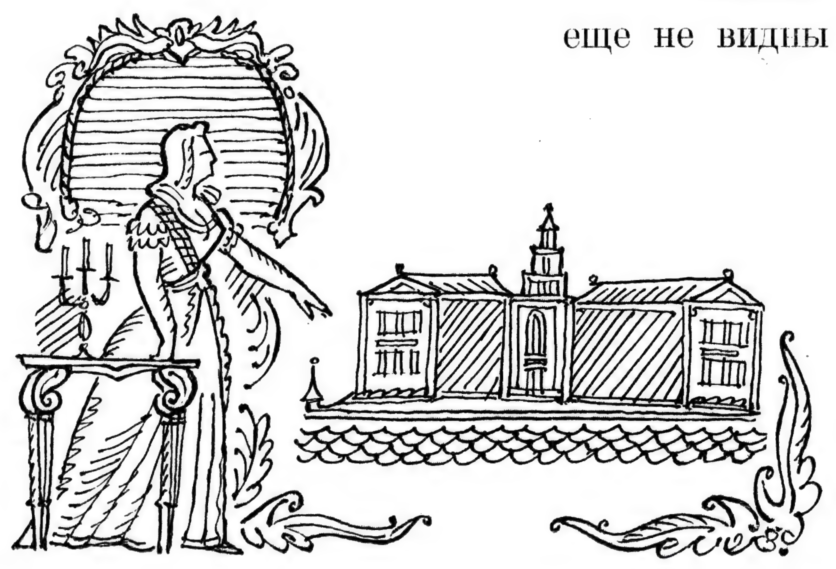
Не все они моряки, это верно. Не весь путь совершили на отечественном судне, тоже верно. Не взяли старта в столичном порту, зримо для всех подданных, не фиксировали в пути течения, ветра, земли и были встречены на родине начальником Тайной экспедиции, а не рукоплесканиями народа.

Камчатцами не соблюдены формы традиционного пушечно-фейерверкного начала большого плавания. Они бежали. Но это никак не стирает подлинности их плавания по южным океанам. Помнятся в сибирских рассказах Вл. Короленко бегуны. Держась за седло всадников, они одолевали наравне с конем десятки верст. Это были лучшие бегуны России, но никто этого не замечал — они не спортсмены. Были силачи-грузчики на волжских пристанях, но самыми сильными считались цирковые богатыри с медалями на груди.

Вот так и получилось, что несоблюдение правил игры, как сказали бы сегодня, несоблюдение привычных сакраментальных традиций, обрядовых норм всякого рекорда, отсутствие флотской униформы и справок Адмиралтейства — все это обрекло камчатцев на забвение. Но все же именно они — первые российские плаватели вокруг Старого Света, хоть это и не закреплено памятником на Неве.

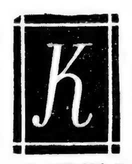


Из окон Зимнего океаны еще не видны



Достигши мыса Доброй Надежды, возложить ему на себя орден Святого Владимира...

Екатерина II



Камчатские бунтари прошли как раз тем маршрутом, к которому все больше обращались взгляды сановников Российской империи. Именно этот путь неизбежно должен был занять важное место — не только как дорога в Индию, о которой мечтал Петр, но и как постоянная водная связь европейской части России с Дальним Востоком.

Но после Петра и три поколения моряков не свершили того в своем морском деле, что создало одно петровское поколение.

Вспоминается картина Репина «Бурлаки». Но петровские бурлаки — на Неве. Они тянули бечеву и под летним солнцем, и под частыми, долгими дождями, только бы вывести тяжелую речную баржу с бесконечных рек Руси на соленый простор океанов. Вечером — костер в тумане болотных испарений, каша с

салом в общем котле. Ранним утром снова за бечеву. Петр был словно коренник в упряжке этой ватаги. Ведь он не щадил ни себя, ни своих немногих преданных сподвижников. Не жалел и не берёг ни себя, ни мужиков, согнанных в Петербург. И Русь было сдвинулась, подалась. А потом?

«Закаленный в боях личный состав (морского флота.— *Авт.*) Петра I при его преемниках утратил очень много необходимых военному моряку качеств, к чему привело вызванное экономией воздержание от практики»,— писал исследователь истории русского флота П. И. Белавенец [1].

Заботиться о флоте стало некому. Не доходили руки у государственных деятелей до рачительного попечения о моряках. Почти полвека продолжались придворные интриги, дворцовые перевороты (к которым, как известно, привлекали гвардейцев, не моряков). Частая смена цариц, схватки фаворитов за место близ государыни и за ее женское внимание. Борьба за власть. И ссылки, казни прежних политических деятелей, выдвижение на высокие посты их противников. Все это далеко отодвинуло государственные заботы о состоянии военного флота.

Светлейший князь Александр Меншиков, захвативший управление государством, скоро был лишен всех чинов и званий, арестован и сослан в Сибирь. Генерал-адмирал Апраксин отстранен от флотских дел, переехал в Москву и умер в 1728 году. Умер и норвежец адмирал Крюис. Во главе флота стал датчанин адмирал Сиверс. Внимания флоту уделялось мало. Шведский посланник в Петербурге писал в ноябре 1728 года: «Несмотря на ежегодную постройку галер, русский галерный флот ...сильно уменьшается; корабли же приходят в прямое разорение».

Кораблей-то было не так уж мало. С зарождения постоянного военного флота и до середины XIX столетия, когда кончилось время парусников, было у России больше полутора тысяч военных парусных и гребных судов — больше тридцати родов и видов. В XVIII веке эти суда в больших портах или на морских маневрах представляли собой, судя по гравюрам того времени, необычайно яркое, пестрое зрелище. Будто город с крутыми парусными крышами на домах, особняках и громадных казенных зданиях стройно, целыми улицами, бесшумно двигался в разных направлениях. Здания всех цветов и форм, разных эпох и стран Европы вобрал в себя этот плавучий многорядный парусный город.

Русское правительство заказывало и покупало у голландцев, англичан, французов, датчан самые различные корабли. Были суда, взятые в боях у шведов (только Петр I взял 65 судов), затем и у турок. Свои корабли строились и на северных верфях, и в Петербурге на двенадцати больших кораблестроительных

[1] П. И. Белавенец. Материалы по истории русского флота..., с. 74.

пунктах разными мастерами, по русским традициям и по европейским.

В европейских гаванях разнообразия и пестроты судов было, вероятно, меньше. Старые корабли модернизировали, купленные и взятые в бою тоже как-то подгоняли под свой флот. В России из-за частых и продолжительных войн со шведами, с турками делать этого не успевали. Да и постоянная настороженность в предвидении «всяческих казусов» со стороны старых морских держав — Англии, Франции, Швеции, «противных» усилению русского флота,— создавала вечное полувоенное положение.

Быстрые, поворотливые фрегаты, тяжелые бомбардирские суда, легкие бригантины и гукоры, пинки, буера, шнявы, прамы, гальоты, гаубичные гальоты, флейты, шмаки, брандеры, галеры, фрегаты гребного флота и госпитальные суда. Мощные линейные корабли, с резьбой по дереву на бортах, с многоэтажной кормой. Скульптурные изображения на носу символизировали силу, быстроту, маневренность судна, устрашали грозным чудовищем или вселяли веру в непобедимость корабля под покровительством святого.

А какая пестрота в наименованиях этих судов! Первый военный корабль русского морского флота, построенный в 1668 году, назван «Орлом», как один из последних российских военных кораблей — броненосный «Орел» 1912 года. Первый «Орел» каспийской флотилии царя Алексея Михайловича назначен был для охраны судов, следующих в Персию. Он был захвачен и сожжен Степаном Разиным вместе с другими русскими судами на Каспии и в дельте Волги.

«В петровское время были суда с тремя именами, с четырьмя, даже с шестью именами: Благое начало, Благословенное начало, Благое начинание — Гут анфанген — Гут бегин — Де сегель бегин» [2]. Этими многими повторениями на русском языке и на языках своих первых морских наставников Петр, словно в старинном словесном заговоре, внушал продолжать его устремление к океанам, не останавливаясь ни перед какими трудностями, ни перед какими бедствиями.

Парусным и гребным военно-морским судам давали имена императоров, императриц, наследников престола; святых, апостолов, архангелов, мифологических героев; названия всех четырех известных в XVIII веке стран света; названия городов, рек, озер; животных, птиц, рыб, пресмыкающихся. И еще — «Молния», «Стрела», «Гром», «Поспешный», «Унылая», «Скучная», «Счастливая». И просто — «Стул», «Три рюмки», «Тринадцатый» (этого числа не пугались). И «Вера», «Надежда», «Любовь».

«Не тронь меня» — так названы были три корабля, и все

[2] Список русских судов с 1668 по 1860 год, с. VII—VIII.

три уцелели после плаваний и боев. «Не тронь меня», спущенный на воду в 1725 году, был разломан в Кронштадте в 1736-м. «Не тронь меня» 1762 года в 1775-м отправлен был в Ливорно для продажи. Третий, 1780 года, в 1803-м «обращен в брокшиф».

Были наименования и совсем неожиданные для военных императорских судов. «Баба-Яга», «Клоп», «Заяц», «Страус», «Струс», «Пескарь». Шесть «Крокодилов», шесть «Верблюдов». Полугальот «Кит» являлся дважды: в 1714 и в 1789 годах. Была и «Ящерица». «Рак» — восемь раз. «Черепаха» — одиннадцать.

Конечно, эти простые наименования тонут в громадном числе возвышенных, героических названий судов. Но удивительна и эта малая часть. Ведь то была эпоха создания первого государственного океанского флота. Чего-то не поняли мы в ней, если странно звучат для нас смешные и милые имена.

Наверно, по названиям кораблей можно немало узнать об истории российского флота. Они как-то подсказывают дух времени, по ним легче представить и людей, да и многое другое.

Между первым и последним «Орлом» царского флота были еще тридцать «Орлов». В первые же два десятилетия после Петра три «Орла», в числе многих других судов, в неподвижности «весьма сгнили... так что не могут держать подпоры и валятся сами». Адмиралтейств-коллегия предложила «ломать... понеже уже и места не имеется, где таковые суда ставить, а от времени до времени их более прибавляется к ломке и великий страх имеется в содержании их, а паче в военной гавани...».

В военных портах затонувшие от дряхлости суда затрудняют, баррикадируют движение кораблей. Кроме того, жалуется коллегия, «и напрасно люди содержатся для смотрения и выливания из них воды: того ради в. и. в. всеподданнейше оная коллегия доносит, и о разломе негодных кораблей просит указа, понеже без оного те корабли коллегия ломать не смеет» [3].

Это «доношение» Адмиралтейств-коллегии 11 сентября 1735 года.

Не морелюбиво стало послепетровское правительство. Сколько их, кораблей с горделивыми наименованиями, данными Петром, и со славными боевыми заслугами, старело на якорях, разламывалось, сжигалось, как дрова. Якорь — символ стойкости на отдыхе, спасения, твердой уверенности, надежды — становился символом безысходности в десятилетия междуцарствия в России, пока шведы, а потом и турки не объявили войну. Тогда пришлось прибегнуть к помощи военного флота, обновлять, вооружать корабли.

Флагманские корабли эскадр Петра, застоявшись на причалах, ветшали. Задыхались в портах среди многих других судов, выстроенных на пожизненный покой.

[3] С. И. Елагин. Список судов Балтийского флота..., с. 72—74.

По вступлении на престол Анны Иоанновны в 1732 году была организована «Военная морская комиссия», и уже в первую войну с Польшей, в 1733—1735 годах, флот мог участвовать во взятии Данцига и других крепостей. Сражался и с французским флотом.

Но все-таки подготовкой моряков, воспитанием морских навыков занимались мало. Практика плаваний сокращалась. Матросы проходили морскую выучку на военных плацах наравне с солдатами. На кораблях вводилась армейская муштровка и бездумная исполнительность. Находчивость, инициатива — все, что так необходимо моряку в продолжительных плаваниях, при неожиданных изменениях погодных условий на море,— карались по-армейски, как самовольство.

Усиливалось дезертирство. Опытные нижние чины флота бежали с кораблей в иностранных портах Балтики и Северного (Немецкого) моря, нанимались на торговые суда. Молодые матросы, не выдерживая жестокой муштры, особенно тяжкой в корабельной службе, бежали и из русских портов. Из пойманных и других нарушителей дисциплины были составлены целые батальоны каторжников при порте Рогервик.

Все же мысль о плаваниях на Дальний Восток не забывалась. Еще в 1732 году адмирал Н. Ф. Головин подал на высочайшее рассмотрение императрице Анне Иоанновне «представление» о неотложной надобности морской связи с северной частью Тихого океана и о выгоде исследования Северной Америки. В том же году при подготовке Великой Северной экспедиции Адмиралтейская коллегия намечала послать пятый отряд этой экспедиции через мыс Доброй Надежды.

К мысли достичь Америки северным путем русское правительство возвращалось не раз. Ломоносов посвятил этой попытке стихотворение «Буря на Белом море».

Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь откроют на восток.
И наша досягнет в Америку держава.

В сороковые годы эскадры стали ежегодно ходить в плавания, но обучать, воспитывать по-морскому служителей на кораблях некому было. Армейское засилье во флоте еще долго сказывалось. Преимущества службы в армейской гвардии, ее близость ко двору отводили дворянскую молодежь от поступления в Морской корпус. Русских офицеров не хватало, а иностранные моряки шли на русскую службу не так охотно, как при Петре.

Недостатки морского флота особенно сказались в войне со шведами в 1742—1743 годах. Правда, шведы все же не имели успеха: снаряжены были плохо и действовали нерешительно, помня блистательные победы флота Петра.

Об армейском влиянии на русский флот Белавенец пишет так: «Сильно вредили развитию морского дела нерешительность флагманов и вечные консилиумы, поставленные в обязанность адмиралу; они связывали его по рукам и ногам и не давали ему свободы действия... Главнокомандующий армией не мог распоряжаться сам без вечных совещаний со своими товарищами; обо всем он должен иметь особое повеление из столицы, где, конечно, по дальности расстояния не могли знать положение вещей... Если на сухом пути подобного рода совещания были очень затруднительны, то на море они страшно задерживали поход... Одним словом, этот период можно назвать периодом застоя и упадка русского флота» [4].

В 1763 году генерал-поручик граф Иван Григорьевич Чернышев назначен членом Адмиралтейств-коллегии и пожалован в вице-адмиралы. Он вступил в управление морским флотом. В 1769 году, сорока трех лет, избран вице-президентом Адмиралтейств-коллегии и стал первой персоной всего российского флота. Президентом был цесаревич, великий князь Павел Петрович. Этот почетный пост царственный подросток занял еще несколькими годами раньше.

Цесаревич Павел был далек от увлеченности морем и потом, будучи императором. На проект кругосветного плавания, поданный Крузенштерном, Павел I ответил: «Что за чушь!» В молодые же годы, во время своего президентства в Адмиралтейств-коллегии, он и вовсе был занят другим. Вот как пишет один из его воспитателей, Семен Порошин, в своих «Записях» за 1765 год: «19 октября... После учения изволил осмотреть эстампы Vues de Paris и планы города Парижа. Изволил распоряжать, где бы ему жить, если б Париж был наш. Сам себя полагал полковником кирасирским, который... с полком своим стоит в Париже».

А вот сын Павла, будущий император Александр I, уже в юные годы выразил пожелание самому отправиться в кругосветное плавание. Он потом и утвердил проект Крузенштерна. Один из воспитателей юного Александра, адмирал и писатель Александр Семенович Шишков, писал о беседе, которую он вел со своим воспитанником, гуляя по парку в Павловске. «Мы разговаривали о морских вокруг света путешествиях и о том, какое искусство и опытность потребны правителю корабля. Он сказал мне: „Я бы мог решиться поехать морем вокруг света, да только не с иным кем, как с тобой“. Я поблагодарил его за лестное мнение обо мне и сказал, что царским детям далекие по морям странствия не нужны» [5].

[4] П. И. Белавенец. Значение флота в истории России, с. 121—122.
[5] [А. С. Шишков]. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова..., с. 40.

Екатерина II покровительствовала Чернышеву. «Что флотская служба знатна и хороша, то всем известно,— отмечала она в указе,— но насупротив того столь же трудна и опасна, посему более монаршую нашу милость и попечение заслуживает». Граф Чернышев больше двадцати лет возглавлял управление флотом, был генерал-фельдмаршалом флота.

В 1760 году была опять учреждена комиссия «для приведения в лучшее состояние флотов». Вице-адмирал Мордвинов представил свои замечания о недостатках во флоте. В 1762—1764 годах началось усиленное судостроение. «Швеция, наша противница на севере, вступила через несколько лет в союз с Турцией, нашей противницей на юге... По штату 1764 года было положено иметь во флоте кораблей по трем разным комплектам: по мирному 21 корабль, по малому военному 32 корабля и по большому военному 40 линейных кораблей» [6]. Это кроме фрегатов, гукоров и малых судов.

Но еще долгое время не хватало даже матросов. Приходилось армейских солдат после краткосрочного обучения зачислять матросами на корабли и отправлять в походы. На линейных кораблях солдат было 25 процентов. На гребных судах до сорока.

В дальние плавания суда с такими командами посылать было рискованно. Океан, полный неожиданностей, требовал от матросов не только хорошей морской подготовки, но и опыта, находчивости, умения в бурю, в ливень, при ураганном ветре менять паруса, взбираться высоко по реям. «Никого не иметь за доброго матроса, ежели не был на море пять лет»,— говорили тогда опытные капитаны.

При Екатерине флот все же, как известно, сыграл важную роль в войнах с Турцией, Швецией, Персией. Но на эти войны и уходили его силы. До плаваний ли было в Южное полушарие?

Да и настроения в правящих слоях екатерининской России, их интересы, политические и культурные, были направлены в иную сторону.

Век Просвещения

«Век Просвещения» Екатерины II охватил привилегированную, но весьма значительную часть населения. Средоточия очагов образования были словно оазисы в пустыне неграмотности, хотя в 1764 году Екатерина утвердила «Генеральное учреждение о воспитании юношества обоего пола», а в 1786 году были созданы главные училища в губернских и уездных городах.

6 А. Кротов. Русский флот в царствование имп. Екатерины II, с. 7.

В 1764 году открыт Смольный институт и при нем училище для девушек из мещан. Доступ к образованию давал девушкам возможность выйти из замкнутого прежде круга семейной жизни. Женщина-дворянка приобретала гражданские права. Она могла включаться в сферу общественной деятельности. Дочь графа Воронцова, княгиня Дашкова (1744—1810), получила превосходное по тому времени образование. А к тому же — поездки за границу, встречи с учеными, писателями, общественными деятелями Европы, участие в литературных диспутах. Близость ко двору Екатерины помогла Дашковой стать директором Академии наук и президентом Российской Академии, созданной в 1783 году при ее участии, как и журнал «Новые ежемесячные сочинения», «Словарь Академии Российской», переводное издание «Российский театр».

В 1789 году Американское философское общество впервые приняло в свои ряды женщину. Ею стала по предложению Бенджамина Франклина Екатерина Романовна Дашкова.

Герцен писал: «Дашковой русская женская личность, разбуженная петровским разгромом, выходит из своего затворничества, заявляет свою способность и требует участия в деле государственном, в науке, в преобразовании России...»

Образованные женщины — их так немного даже и в Петербурге. И так недавно их участие в общественной жизни, и так еще ограниченно. Но все же кто теперь посоветует девицам «кроткое ступание, кроткое седание, кроткий взор», как наставляли петровские воспитатели в «Юности честном зерцале». Одобряемое и на Московской Руси, и при Петре застенчивое опускание глаз девушкой («притупляет стыдливая девица очи свои») стало в светском обществе признаком провинциальности. Хотя, конечно, послушание, «смирение — девичье ожерелье» оставалось ловко найденной манерой показного целомудрия.

Поступь светских женщин становилась увереннее, взор — смелее. Девушки учились не только иностранным языкам, танцам и манерам, но и «мужским» наукам — правда, еще по сокращенной программе.

Да, образованнее стал двор. Сама Екатерина издавала журналы, даже и сатирические, сочиняла пьесы и детские книжки, переписывалась с Вольтером, с Дидро. Академия наук и Московский университет расширили круг своих исследований. Ученые-путешественники отправлялись с экспедициями в дальние и долгие походы. Среди них Петр-Симон Паллас, И. И. Лепехин, С. П. Крашенинников. Бениовский, судя по его мемуарам, вероятно, знал книгу Крашенинникова о Камчатке, переведенную на французский язык в 1768 году.

«Вольное экономическое общество», учрежденное в 1765 году, вело научную и практическую работу в хозяйстве страны.

В 1768 году по указу Екатерины при Академии наук учреждено «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг». Оно за пятнадцать лет издало 111 названий, 174 тома. За последние сорок лет XVIII века возникло 110 периодических изданий.

Тиражи изданий увеличивались.

Матвей Комаров, бывший крепостной, писатель «для простолюдинов», в предисловии к своей книге о Ваньке Каине писал в 1775 г.: «Многим, думаю, известно есть, что чтение книг, просвещающее разум человеческий, вошло у нас в хорошее употребление, и миновалось уж то помраченное тьмою невежества время, в которое предавали анафеме тех, кои читали Аристотелевы и другие некоторые книги, ибо ныне любезные наши граждане не боятся за сие пустого древнего анафемского грому, не токмо благородные, но средней и низшей степени люди, а особливо купечество весьма охотно во чтении всякого рода книг упражняются».

На них-то, на торговцев, мещан, учащихся, писцов в канцеляриях, на все демократические круги читателей рассчитывали издатели. Книгопечатание бурно развивалось. «За первые 20 лет царствования Екатерины II открыто 12 новых типографий... Вслед за указом 1783 г. о вольных типографиях... возникло сразу 20 частных типографий, в том числе 6 в Петербурге, 9 в Москве и 5 в провинции (в помещичьих усадьбах). Кроме того, в 1783 г. открыто 7 казенных типографий в губернских городах» [7].

До середины XVIII столетия в Петербурге были три-четыре книжные лавки. В 80-х годах их стало уже пятнадцать. В Москве были две книжные лавки, стало двадцать. Открывается торговля книгами в губернских городах. В. О. Ключевский писал: «Случилось неслыханное дело: книжная лавка Новикова у Воскресенских ворот по спросу товара стала соперничать с модными магазинами Кузнецкого моста. Вместо двух существовавших в Москве книжных лавок с оборотом в 10 000 рублей, при Новикове и под его влиянием явилось их здесь до 20 и книг продавали ежегодно тысяч на 200 рублей».

Веком Просвещения было XVIII столетие. Нередко это столетие называли «веком Вольтера». Активность таких государственных деятелей, как Дашкова, да и труды подлинных просветителей способствовали все большему приобщению россиян к европейской культуре. В 1791 году в «Московском журнале» появилось стихотворение Н. М. Карамзина «К текущему столетию». В нем уже широко известный тогда автор воодушевленно перечислял титанов века («В тебе родился Вольтер, Франклин и Кук, Румянцевы и Вашингтоны»), восславил «Свободный храм Наук».

[7] Н. В. Здобнов. История русской библиографии..., с. 60, 62.

О век чудесностей, ума изобретений!
Позволь пылинке пред тобой,
На месте жертвоприношений,
С благоговением почтить тебя хвалой!

Век Просвещения был в России недолгим. Через пять лет русские поэты уже не прославляли больше «Свободный храм Наук». С начала революции во Франции Екатерина решила «положить границы книгопродавцам книг иностранных», установила строгий досмотр литературы из-за границы, а к концу царствования Павла, в 1800 году, последовал запрет на ввоз иностранных книг в Российскую империю.

Но и в самый расцвет просветительства высшие сословия России увлеченно перенимали у Парижа и благое и порочное, свойственное культуре французского абсолютизма накануне его падения. Светская публика была поглощена освоением образа жизни высших кругов Парижа. Опарижанивание светского Петербурга и усадеб еще больше отдаляло дворян-помещиков, офицеров, чиновников от простого народа. Они стали говорить с мужиками непонятным в деревне языком.

На Невском проспекте в иностранных магазинах, ателье и парикмахерских говорили так, что проспект с его великолепием, с особняками европейской архитектуры казался провинциалу нерусской улицей. Там разрешалось появляться только в опрятной, «немецкой» одежде и в европейского вида экипажах. В Петербурге простолюдину трудно стало отличить иностранца от русского барина.

А как тянулись теперь дворяне в Европу! Не туда, куда посылал их учиться Петр, нет. Из Петербурга, из Москвы, из усадеб — в Париж. И ведь лишь немногие отправлялись туда, чтобы завершить образование после Московского университета или Петербургской Академии художеств, как советовал издатель и просветитель Новиков.

Большинство русских, отпущенных за границу, испытывали чувство радостного освобождения от служебных обязанностей (офицеры, столичные чиновники) или от неинтересной, пресной жизни в поместьях, где у них не было развлечений, кроме охоты на волков и зайцев. Теперь они вскачь гнали лошадей по Невскому. Скорее заграничный паспорт!

Этих отпускников в Европу узнавали по резкой походке, по «свадебному» лицу, по манере свободно высказывать свои мысли. Ведь они уже, можно считать, перешагнули шлагбаум. Они переводили деньги на банковские счета Европы, выслушивали наставления старших, получали рекомендательные письма. Их благословляли в дорогу с веселой улыбкой и шептали на ухо предостережения.

Помещики, офицеры столичных гарнизонов, столичные чиновники, учащиеся привилегированных заведений устремлялись

в Париж в одиночку, с женами, целыми семьями. Купцы, коммерсанты ехали в Париж для установления торговых связей с французскими поставщиками галантереи, парфюмерии, модных тканей, вин и ювелирных изделий, мебели, шпалер и других предметов убранства, декорирования интерьеров в особняках.

Как раз в те времена, в 1781—1788 годах, журналист Луи-Себастьян Мерсье написал свои двенадцать томов «Картин Парижа». Он подсчитал, что в Париже каждый год бывает до ста тысяч иностранцев. Сколько же россиян бывало там во второй половине XVIII столетия? Музыкантов, художников, архитекторов, ученых отправляло туда и правительство. Ремесленников художественного промысла командировали даже богатые помещики и владельцы особняков в столицах, в Петербурге и Москве.

Париж!.. «Удивительное скопление в одном месте восьмисот тысяч человек, из которых двести тысяч обжор и мотов... Едва вы ступите на парижскую мостовую, как вам становится ясно, что в законодательстве народ здесь не участвует: никаких удобств для пешеходов; тротуаров не существует... Под колесами экипажей ежегодно умирает по сто человек...

Салотопенные заводы, находящиеся в черте города, приносят жителям громадное зло... Заводы эти часто подвергают прилегающие кварталы пожарам и превращают в яд самое необходимое для человеческой жизни вещество (воздух.— *Авт.*)... Как можно жить в этом грязном логовище всевозможных пороков и болезней, нагроможденных друг на друга; в атмосфере, отравленной множеством гнилостных испарений... как могут люди жить в этой бездонной яме, где тяжелый и зловонный воздух так густ, что его видишь простым глазом...»

Так пишет о родном городе парижанин-демократ Мерсье. А ведь он многие годы наблюдал быт, нравы, жизнь обитателей «Вавилона XVIII века», всех сословий громадного города, кроме светского общества, куда сыну торговца ход закрыт. «Я так много бегал по Парижу, чтобы сделать картины Парижа, что мог бы сказать — я сделал их ногами».

«Привычка,— пишет Мерсье,— роднит парижан и с влажными туманами, и с тлетворными испарениями, и со смрадной грязью... А кроме того, опера, комедия, балы, зрелища и распутницы вознаграждают их за потерю здоровья».

Так вот почему, решает Мерсье, и французы стремятся в Париж, и русские за тысячи верст едут туда от тихой, здоровой жизни в усадьбах.

Прав ли Мерсье? Каким виделся Париж нашим соотечественникам?

«Здесь от излишнего оказания дружбы беспрестанно обнимаются; а некоторые друг друга терпеть не могут. Народ по большей части занимается операми и другими позорищами. Кра-

сота женского пола в Париже подобна часовой пружине, которая сходит каждые сутки, равным образом и прелесть их заводится всякое утро... Все сие делается притиранием, окроплением, убелением, промыванием...» [8].

Князь А. Б. Куракин — он воспитывался вместе с цесаревичем Павлом Петровичем (Павлом I) и был по тому времени широко образованным, начитанным человеком — писал Павлу 6 апреля 1772 года: «В смятении чувств от такого чудного зрелища... Изящные декорации, прекрасные машины, утонченность в танцах, благопристойность и порядок в зрительном зале. Все меня восхищало... Должен признаться, что Париж поистине столица искусств, изысканности, мод и развлечений. Здесь всякий может найти в изобилии все, что ему нужно... В Лейдене мы старались изощрить и украсить свой ум, здесь мы предаемся заботам о нашей внешности, стараемся отделаться от неуклюжего вида, обычного последствия сидячей жизни школьников. Мы поставили себе задачей познакомиться несколько с литературой» [9].

Фонвизин был «в Европах» в конце семидесятых годов. В то время он был постоянным личным секретарем начальника Иностранной коллегии Н. И. Панина, близкого к двору дипломата, одного из воспитателей Павла I. О Париже Фонвизин писал своему знатному шефу:

«По точном рассмотрении, вижу я только две вещи, кои привлекают сюда чужестранцев в таком множестве: спектакли и — с позволения сказать — девки. Если две сии приманки отнять сегодня, то завтра две трети чужестранцев разъедутся из Парижа». И предостерегал родителей: «Я думаю, что если отец не хочет погубить своего сына, то не должен посылать его сюда ранее двадцати пяти лет, и то под присмотром человека, знающего все опасности Парижа» [10].

Но были в Париже и другие приманки. Туда в 1778 году после двадцатисемилетнего отсутствия вернулся Вольтер, и ему устроили грандиозную встречу. Фонвизин был тому свидетелем: «Париж, 20/31 марта 1778 г. ...Прибытие Вольтера в Париж произвело точно такое в народе здешнем действие, как бы сошествие какого-нибудь божества на землю. Почтение, ему оказываемое, ничем не разнствует от обожания».

Княгиня Дашкова была у Вольтера еще в Женеве. Вот как она пишет в своих «Записках»: «В назначенный день я отправилась к Вольтеру. Меня сопровождали m-me Гамильтон, лёди Райдер, госпожа Каменская... В предыдущую ночь Вольтер по-

[8] Журнал путешествия Н. А. Демидова (1771—1773).— Путешествия русских людей за границу в XVIII веке, с. 81.

[9] Из воспоминаний кн. А. Б. Куракина.— Путешествия русских людей за границу в XVIII веке, с. 90.

[10] Д. И. Фонвизин. Письма к гр. Н. И. Панину, с. 477.

терял более фунта крови, но запретил об этом говорить, опасаясь, что я не приду. Больной и слабый, он лежал на кушетке... и воскликнул: „Как! У нее и голос ангельский!“» [11].

«В то время в Париже было много русских,— пишет Дашкова,— между прочим, граф Салтыков... его жена, Самойлов [племянник Потемкина] и граф Андрей Шувалов с супругой. Последние жили в Париже уже два года, не заслужив ни уважения, ни любви... Мне дали понять, что мне следует явиться в Версаль... m-me де-Сабран, с которой я вместе завтракала у аббата Рейналь, сказала мне, что королева желает, чтобы я приехала в Версаль...

Ее величество пошло ко мне навстречу и обошлось со мною очень ласково. Я сидела рядом с ней на диване, дети мои с другой стороны вокруг круглого столика, и мы непринужденно болтали». Говорили о танцах, и королева «прибавила, что к большому сожалению ей вскоре придется лишить себя этого удовольствия.— Почему же? спросила я королеву.— К сожалению, во Франции нельзя танцевать после 25 лет».

Историк Карамзин, человек следующего за Дашковой поколения, был в Париже в последнее десятилетие века.

«Париж, 27 марта 1790. Мы приближались к Парижу, и я беспрестанно спрашивал, скоро ли увидим его... Париж!.. Жадные взоры наши устремились на сию необозримую громаду зданий... Сердце мое билось. „Вот он,— думал я,— вот город, который в течение многих веков был образцом всей Европы, источником вкуса, мод, которого имя произносится с благоговением учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невеждами в Европе и в Азии, в Америке и в Африке» [12].

«Простой народ называет Париж раем женщин, чистилищем мужчин и адом лошадей»,— пишет Мерсье. А Карамзин: «Скоро въехали мы в предместье... Узкие нечистые, грязные улицы, худые домы... „И это Париж,— думал я,— город, который издали казался столь великолепным?“ Но декорация совершенно изменилась, когда мы выехали на берег Сены; тут представились нам красивые здания, домы в шесть этажей, богатые лавки. Какое многолюдство! Какая пестрота! Какой шум! Карета скачет за каретою...

Париж, 2 апреля 1790. Я в Париже! Эта мысль производит в душе моей какое-то особливое, быстрое, неизъяснимое, приятное движение. Пять дней прошли для меня, как пять часов: в шуме, во многолюдстве, в спектаклях, в волшебном замке Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлениями, но я не могу самому себе дать в них отчета и не в состоянии сказать вам ничего связного о Париже».

[11] Записки княгини Дашковой, с. 111.
[12] Н. М. Карамзин. Избранные сочинения. Т. I, с. 366.

Мерсье о Пале-Рояле: «Там собираются и дешевенькие кокотки, и куртизанки, и герцогини, и честные женщины, и все их прекрасно различают... В Пале-Рояле принято разглядывать друг друга с таким упорством, какое немыслимо нигде в мире, кроме Парижа, а в самом Париже нигде, кроме Пале-Рояля. Тут громко разговаривают, толкаются, зовут друг друга, называют во всеуслышание имена проходящих женщин, их мужей, их любовников, характеризуя каждого каким-нибудь метким словом».

Карамзин воодушевлен: «Пале-Рояль называется сердцем, душою, мозгом, извлечением Парижа... Одним словом, приходи в Пале-Рояль диким американцем и через полчаса будешь одет наилучшим образом, можешь иметь богато украшенный дом, экипаж, множество слуг, двадцать блюд на столе и, если угодно, цветущую Лаису, которая всякую минуту будет умирать от любви к тебе...»

В один из дней его последнего месяца в Париже Карамзин отыскал Вайяна, путешественника по Южной Африке, который в России был известен как Вальян.

«Париж, июня... Я был нынешний день у Вальяна, славного африканского путешественника; не застал хозяина дома, однако ж видел его кабинет и познакомился с хозяйкой, приятной женщиной и до крайности говорливой. Вальян хотел с мыса Доброй Надежды пробраться через пустыни африканские до самого Египта; глубокие реки, неизмеримые песчаные степи, где вся природа мертва и бездушна, заставили его возвратиться назад, но он во внутренности Африки был далее других путешественников. Весь Париж читает теперь описание его романтического странствия... Парижские дамы говорят: „Il est vaillant, ce monsieur de Vaillant“» [13].

Карамзин был в Париже три месяца. В последние дни он писал: «После Парижа нет для меня земли приятнее Франции, где иностранец часто забывается, что он не между своими».

Влияние Парижа на петербургскую знать видно даже в написанных Екатериной правилах для гостей на ее «камерных» эрмитажных вечерах. «Правила» висели потом на стене Екатерининского (ныне Павильонного) зала Зимнего дворца почти двести лет, убрали их совсем недавно. Эти «Правила» гласили:

«1) Оставить все чины вне дверей, равномерно как и шляпы, а наипаче шпаги; 2) местничество и спесь оставить тоже у дверей; 3) быть веселым, однако ж ничего не портить, не ломать, не грызть; 4) садиться, стоять, ходить, как заблагорассудится, не смотря ни на кого; 5) говорить умеренно и не очень громко, дабы у прочих головы не заболели; 6) спорить без сердца и горячности; 7) не вздыхать и не зевать; 8) во всяких затеях дру-

[13] «Он отважен, этот господин де Вальян!» (Игра слов: «vaillant» по-французски означает «храбрый, мужественный».)

гим не препятствовать; 9) кушать сладко и вкусно, а пить с умеренностью, дабы всякий мог найти свои ноги для выходу из дверей; 10) сору из избы не выносить, а что войдет в одно ухо, то бы вышло в другое прежде нежели выступит из дверей. Если кто против вышеписанного проступится, то, по доказательству двух свидетелей, должен выпить стакан холодной воды, не исключая дам, и прочесть страничку Телемахиды».

Буйные нравы петровских ассамблей с их кубками «Большого орла» уходили в прошлое. Но вместе с тем отходило и многое другое, подчас действительно важное.

...Да, Париж в те годы затмил, заслонил от петербургского общества Англию и Голландию с их судостроительной техникой и мореходным искусством. Столь распространенные при Петре голландские, английские и немецкие слова, обороты речи постепенно исчезали под натиском французского, а чаще смеси французского с нижегородским.

Как-то отдалились океанские просторы. Меньше в них вглядывались из окон Зимнего, что ли...

Но те, кого манили дальние плавания, океаны, ехали учиться не в Париж. Как и при Петре, к владычице морей, Британии.

«Волунтеры» британского флота

Во времена Екатерины Адмиралтейств-коллегия вербовала добровольцев для выучки главным образом в британском королевском флоте — не то что при Петре, который отправлял молодежь обучаться навигационным наукам в портовые города самых разных государств, от Амстердама и Лондона до Венеции, Флоренции, Тулона, Марселя, Кадикса. Но зато в последние десятилетия XVIII века за границу посылали уже не для овладения началами мореходства, а для совершенствования. Отправлялись не желторотые подростки, а морские офицеры. В России был уже Морской корпус.

«Нота, посланная графом Воронцовым к Де-Гранвилю, первому командиру Адмиралтейства британского в Лондоне, 1763 года февраля 29.

Офицеры, которых граф Воронцов имеет честь при сем сообщить список, суть все поручики в российской службе, и надеятельно, что они на британских кораблях в таком же образе содержаны будут».

Дальше перечислены все офицеры и указаны направления их вояжей. В Средиземное море, в Америку и Восточную Индию. Это не первая группа отправляемых в Англию. Договорен-

ность с Британским адмиралтейством уже была. Поэтому Воронцов прямо указал, кого из них куда посылать.

В Индию назначено шестеро: Никифор Полубояринов, Тимофей Козлянинов (он же Козляинов), Иван Салманов, Прохор Алисов, Николай Тулубьев и Федор Дубасов.

Вот как начиналось стажерство в британском флоте.

«Выписка из рапорта главного командира Ревельского порта Полянского Адмиралтейств-коллегии, 1762 года августа 17. Желают ехать из здешнего порта мичмана: Никифор Полубояринов, Василий Пылаев, Иван Корсаков, Иван Салманов...» [14].

«Рапорт лейтенанта Николая Тулубьева Адмиралтейств-коллегии, 1762 года ноября 28 из Гельсинора. Отправленные из Кронштадтского порта 14 человек обер-офицеров, также и из Ревельского порта мичманов 2... сего месяца 26 числа прибыли в Гельсинор благополучно и нимало мешкав с первым благополучным ветром отправились в Лондон».

«Инструкция, данная графом Воронцовым русским морским офицерам, отправляемым в Ост-Индию... По приезде их в разные города Ост-Индии, где корабль остановляться станет, тем более должны гг. офицеры быть побуждаемы стараться сознать состояние сих городов, что сии места весьма мало Россиею знаемы» [15].

В сущности, речь шла о разведке пути на Дальний Восток для русских кораблей.

Стажеры вели записи. Сохранился отчет мичмана Никифора Полубояринова. Он служил потом и в Ревельском и в Кронштадтском портах и был капитаном придворной яхты «Екатерина II».

Вот как говорилось в отчете: «Прошедшего 1762 года сентября 23 дня по соизволению е. и. в. всемилостивейшего благоволения велено государственной Адмиралтейской коллегии послать из морских офицеров в Англию для употребления тамо на английских кораблях волунтерами... Того ради государственная Адмиралтейская коллегия и определила послать всех 21, в том числе и я, нижайший мичман Никифор Полубояринов, предлагаю нижеследующий веденный мною журнал в краткости во всю мою бытность в Англии [и] в прочих местах...»

Вместе с Полубояриновым на этом же корабле плавал Тимофей Козлянинов, впоследствии вице-адмирал. Он был дважды в полукругосветном плавании на британских судах. Из «Общего морского списка»: «Козлянинов, Тимофей Гаврилович... 1762 г. мая 22. Послан в Англию для изучения морской практики. 1763—1764 г. Из Англии плавал в Восточную Индию и в Америку. 1765 г. ...Из Англии послан в Голландию для осмотра портов.

[14] Материалы для истории русского флота. Ч. XI, с. 8, 49.
[15] Там же, с. 12, 54—55.

Января 12. Произведен в лейтенанты. Мая 17. Возвратился из Англии в Россию».

Полубояринов и Козлянинов отплыли в Индию в начале 1763 года на корабле Британской Ост-Индской компании «Спикер». «Спикер» шел в Бразилию, потом кругом Африки и в Бомбей, куда прибыл 25 декабря 1763 года. Стоял там до 24 февраля 1764 года.

Сведениями, собранными Полубояриновым [16], пользовались русские моряки и в начале XIX века. Надо думать, он и его товарищи рассказывали больше, чем писали. По их впечатлениям узнали россияне о далеких землях на южных морях.

Никифору Полубояринову (отчество его нигде не указано) в 1780 году, когда он «уволен от службы с чином капитана 1 ранга и с пенсионом», не было и 50 лет. Он часто болел после дальнего плавания; то в годичном отпуску, то «за болезнию» находится «при петербургской корабельной команде».

Разве дальнее плавание — не самое важное событие в жизни моряка? Полубояринов, конечно, не раз был вызван в Адмиралтейств-коллегию для уточнения сведений об особенностях мореходства в южных морях. Расспрашивали его все о том же — о водах Индийского океана.

Таких моряков, плававших кругом Африки на английских судах, было не так уж мало, даже в первые годы царствования Екатерины.

«Алисов, Прохор Иванович... 1762 г. ... Сентября 23, командирован в Англию для изучения морской практики. 1763 г. Из Англии отправлен в Восточную Индию на английском корабле. 1765 г., май. Возвратился из Англии в Россию».

«Салманов, Иван Федорович... 1762 г. ... Октября 31. Отправлен в Англию... 1763 г. Послан из Англии на военных судах в Восточную Индию. 1765 г. ...Прибыл из Англии в Россию» [17].

Алисов и Салманов отправились в Индию вместе на корабле Британской Ост-Индской компании «Бритиш Кинг» в 1763 году. В июле «Бритиш Кинг» обогнул мыс Доброй Надежды и в октябре 1763 года прибыл в Мадрас, где русские моряки провели три недели. И затем полтора месяца они жили в Калькутте. Сведения этих двух моряков об условиях дальнего плавания и описания увиденного в Индии заключены в «Жюрнал мичманов Прохора Алисова и Ивана Салманова, веденной ими со времени отправления их из России и по возвращении в оную».

Мичманы, имея в виду возможное плавание российских судов в Индию, рассказывают о ветрах в Индийском океане, способствующих плаваниям. Отмечают обилие мелей и узость фарватера в устье Ганга. Пишут о влиянии «великих штормов» и

[16] См.: Журнал путешествия мичмана Полубояринова в Индию...
[17] Общий морской список. Ч. II, с. 184—186, 363—364.

проливных дождей на условия плавания. Описывают жизнь в увиденных ими городах.

«В оном городе [Мадрасе] живут одни англичене и несколько салдат для садержания города, а протчие салдаты живут по деревням; помянутых салдат находитца более 300. Город и салдат содержит Остынская аглицкая кампания... Форштат отстоит с четверть мили от города к N, в котором живут индейские черные купцы...» Ввозят в Мадрас «железо, медь, позумент, и протчие европейские мелочные товары, а больша часть сукны... Сукны, продаваемые в Англии по два рубли аршин, в Мадрасе продаютца по четыре рубли с половиною. Таким же образом продаютца и протчие товары, а которые и вышнею ценою» [18].

Пишут о внешнем виде, одежде, украшениях индийцев Мадраса. Сообщают о хозяйственной жизни в Бенгалии. Приводят цены на продукты питания, стоимость домашних животных, описывают жилища, рассказывают об обычаях индийцев.

«Дубасов, Федор... 1762 г. октября 31. Послан в Англию, для изучения английского языка и практической морской службы. 1763 г. Ходил из Англии на военных судах в Ост-Индию. 1766 г. ...Произведен в лейтенанты. Август. Возвратился в Россию» [19].

«Тулубьев, Николай... в 1763 г. отправился из Англии на военных судах в Восточную Индию. 1764 г. ...Декабря 12. Скончался» [20].

Морякам, побывавшим в дальних плаваниях, встречавшимся в портах с капитанами европейских морских держав, хотелось, наверно, соревноваться с ними в умении водить корабли в кругосветных походах. Но южнее Гибралтара российские суда не ходили. Размах их плаваний был скован пределами Белого, Балтийского и Средиземного морей.

Снова, как в начале царствования Петра I, правительство приглашает иностранных моряков на русскую службу. «Письмо графа Воронцова графу Чернышеву, из Лондона, 1787 года мая 25. Получа е. и. в. повеление за собственноручным ее подписанием о приглашении в службу нашу от 20 до 30 здешних искуснейших морских офицеров с обещанием мичманам лейтенантских у нас чинов, а лейтенантам капитан-поручеських... я ныне стараюсь отыскать таких способных офицеров, которых после и отправлю к в. с. согласно приказанию государыни...» [21].

Южные моря, путь к тихоокеанским гаваням России — он так доступен теперь! Есть свои судоводители, знающие и Индийский океан. Есть неплохие корабли. Войны со Швецией и Турцией помогли становлению военного флота. Но ведь эти войны и заслоняли от России далекие океаны. А союзников верных

[18] В. В. Перцмахер. Русские моряки в Индии..., с. 225—226.
[19] Общий морской список. Ч. II, с. 333.
[20] Там же, с. 439—440.
[21] Материалы для истории русского флота. Ч. XIII, с. 187—188.

среди сильных морских держав у России нет. Это хорошо видно из рескрипта Екатерины эскадре, шедшей в Средиземноморье на войну с Оттоманской Портой:

«Высочайший рескрипт адмиралу Спиридову, 1769 года июля 15... В рассуждении Англии обстоятельства гораздо деликатнее, с одной стороны находится она с нами в тесной дружбе... но с другой стороны... легко статися может... всякое наружное способствование оказывать не отрешится. Но вместо того иногда под рукой или другими казистыми предлогами препоны полагать устремятся... Положение наше с Францией, которое за сим писано будет, может равномерно присвоено быть и Гишпании и королевству обеих Сицилий... Со всеми сими бурбонскими дворами имеем мы только наружное согласие и можем конечно без ошибки полагать, что они нам и оружию нашему добро не желают» [22].

Только стажеры да еще случайные пассажиры на иностранных судах проплывали кругом Африки, видывали и ее берега.

О таких случайных путешественниках сведений почти не сохранилось. Сравнительно подробно можно проследить только путешествие Филиппа Сергеевича Ефремова, унтер-офицера Нижегородского пехотного полка. В начале 80-х годов он обогнул Африку на английском корабле, шедшем из Индии.

Его записки опубликованы в Петербурге в 1786 году. «Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии, Индии, и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим». Печать тотчас откликнулась. В «Зеркале света» писали: «Имея немного произведений собственно российских, каждая новость не может не быть нам приятной, особливо же известия о землях и народах, которые мало знаемы россиянами и всеми европейцами. Сочинитель быв всюду лично описывает» [23]. В 1794 году вышло второе издание. На титуле уточнено — не «десятилетнее странствование», а «девятилетнее».

Ефремов — сын стряпчего (секретаря) Вятской духовной консистории. Был грамотным солдатом, скоро стал капралом, сержантом. Во время пугачевского восстания послан с отрядом солдат и пушкой под Оренбург. В 1774 году, оказавшись в Бухаре, продан в рабство.

Воинская опытность помогла ему выбраться из рабов и стать сотником, «по российскому названию капитаном». Среди подчиненных Ефремову было двадцать русских. Несколько лет провел Ефремов в военных походах по Средней Азии, пока хитростью

[22] Материалы для истории русского флота. Ч. XI, с. 366—375.
[23] «Зеркало света». 1786, декабрь, № 51, с. 368.

не добыл проходное свидетельство в Коканд, якобы по делам служебным. Так удалось ему бежать.

Ефремов научился объясняться на нескольких среднеазиатских языках. Добрался до Калькутты. «Прибывши я в город Калкату данное от коменданта Медлитона [24] письмо вручил я мистру Чамберу, кой в моем деле совсем было отказал; при мне был купленный слуга арап, и как я его подарил мистру Чамберу, то просил он одного капитана, чтоб свез меня в Англию, а оный капитан дал мне билет для входа в корабль почтовый и по билету я в корабль вошел. Из Калкаты плыли до деревни Индижиры 5 дней, коя стоит на взморье; от оной плыли по Индийскому морю 2 месяца и 6 дней, до некоторых африканских островов, от коих плыли 19 дней до острова именуемого „Санталина", который совсем бесплоден и куда дрова и провизия привозятся из Англии; там запаслись мы пресной водой и отправились в дальнейший путь».

Тут у Филиппа Сергеевича от мытья морской водой, после тысячеверстных переходов по пескам, камням пустынь и гор, «подошвенная кожа вся отстала», и он едва «мог выходить на верх корабля для почерпания свежего воздуха». Хотя Ефремову шел тридцать второй год, девять лет странствований изнурили его: пленение, рабство, военные походы по безводным, жарким землям, потом бегство, новые долгие странствования «крадышком».

«От Санталины плыли 1 месяц и 19 дней до ирландского местечка Кислигивн; от сего до местечка Кегисиль 1 день. Отсюда ехал я сухим путем до местечка Корка 8 часов, из оного в наемной коляске до местечка Довлена [25] 5 дней; от сего переезжали в судне морской залив 2 дни и 1 ночь до аглицкого пограничного местечка Ливерпуль, а оттуда ехал в коляске по почте до Лондона 2 суток, где и явился российскому министру господину Симолину». В Россию Ефремов прибыл в августе 1782 года.

Скупо писал Ефремов, «самовидец и описатель», о себе, о своем переходе через Среднюю, Центральную и Южную Азию. Подробнее он написал о природе, истории, этнографии и сельском хозяйстве стран, где долго жил. О промыслах там, о путях сообщения, о ремеслах.

Если б так проникновенно писал о морях! Чужда была морская стихия, не захватывала внимания пехотинца жизнь в портах. Он присматривался к тому, что казалось ему нужным для блага России, но не мог знать, что Екатерина готовит корабли в Индийский океан.

[24] Встречный купец-армянин помог Ефремову получить рекомендательное письмо от коменданта.

[25] Кегисиль — вероятно, порт Южной Ирландии Кинсейл. Довлен — Дублин.

«Идти на Камчатку»

Что увидел бы внук петровского матроза Василея, вернись он, как и его дед, после многолетних плаваний на британских военных судах? Осень, хмуро в Петербурге. Но как легко дышится в родных, с гардемаринских лет знакомых местах. На Неве, на Английской набережной пустынно к вечеру.

Навстречу идет гвардейский подпоручик в роскошном мундире... И с тростью. Черт-те что! Подпоручик, поравнявшись с моряком, даже и чести не отдал старшему по чину. Он, опираясь на трость, томно смотрел на прелестную барышню. Она в богатом парном экипаже с гайдуком на запятках проехала и взглядом не ответила гвардейцу.

Ветер с моря принес дождь. Моряк встал под навес подъезда, смотрел и все не мог наглядеться. А что там и оглядывать? Стоят торговые суда и военные. На торговых шумно, хлопотливо налаживают оснащение для плавания. А вот и военное...

Моряк невольно сравнивал все с британским флотом. Тут дальше Средиземного моря еще не научились ходить. А побывать бы в Каликуте, в Ост-Индии, да на своем корабле, не на британском. А может, и еще дальше — на Камчатке...

Екатерина еще на заре своего царствования хотела послать два судна из Кронштадта на Камчатку, да в 1768 году — война с турками. Не до того было.

Но с течением времени освоение Дальнего Востока все настойчивее требовало от правительства не ограничиваться сухопутным транспортом — медленным и дорогостоящим. Учащались жалобы на «дороговизну и убытки и вообще худое доставление» на Дальний Восток через Сибирь товаров и вооружения. Подводы, груженные пушками, застревали в грязи, а морские канаты к становым якорям и сами якоря приходилось разнимать на части — разрезать, распиливать, отчего они теряли прочность, становились ненадежными. В морском деле это приводило к катастрофам.

Конечно, потребность в создании постоянной водной связи Петербурга с дальневосточной окраиной страны приобрела значение лишь постепенно. И должно было пройти немало времени, чтобы в умах людей, даже наиболее дальновидных, эта связь стала восприниматься не только как необходимая, но и как возможная, осуществимая. Но на преимущества сообщения с Камчаткой морем все настойчивее указывали морские офицеры и некоторые члены Адмиралтейской коллегии.

Плавание камчатских ссыльных могло тут сыграть определенную роль. Их бегство кругом света могло натолкнуть кого-то из государственных персон или из моряков и коммерсантов на мысль о возможности регулярных рейсов между двумя крайни-

ми пунктами империи: дальневосточными гаванями и балтийскими портами. О путешественниках, камчатских «злодеях», не писали, не говорили. Но знатные особы и тузы коммерции, безусловно, знали, что камчатцы прибыли в Петербург по воде.

А что до секретности, то она окружала не только плавание камчатских беглецов. Все попытки вывести русский флот на океанские просторы тоже замалчивались, как когда-то мадагаскарский замысел Петра I.

Историк русского военного флота Ф. Веселаго писал: «Самой заманчивой по цели была экспедиция Чичагова, совершенная на основании проекта 1763 года М. В. Ломоносова». Решено было отправлять экспедицию «в глубочайшей тайне даже от сената». Начальство над ней доверили капитан-командору Василию Яковлевичу Чичагову, и в 1764 году суда Чичагова отправились на Колу под видом «экспедиции для возобновления китоловных и других звериных и рыбных промыслов».

«Чичагов вышел в море, зашел на Шпицберген и, дойдя до широты 80° 26′, встретив непроходимые льды, должен был возвратиться...» Второе плавание Чичагова было повторением первого, «с той только разницей, что он встретил непроходимые льды в широте 80° 30′».

Проект Ломоносова пройти в Тихий океан через Ледовитый оказался тогда невыполнимым. А необходимость водных сообщений с Дальним Востоком становилась неотложной. Деятельность русских мореплавателей, проникших к берегам Тихого океана со времени Беринга, расширялась. Уже была обследована и частью заселена русскими вся гряда Алеутских островов. Русские моряки-промышленники «перешли на соседнее с полуостровом Аляской побережье Северной Америки и на прилегающие острова. Предприимчивые сибирские купцы, поодиночке или составляя компании, снаряжали суда и отправляли их в море в надежде богатой добычи» [26].

В 1786 году начальник экспедиции для обследования северной части Тихого океана и Северо-Восточной Азии капитан-лейтенант Биллингс представил Адмиралтейской коллегии «свое всех своих офицеров мнение, не приказано ли будет по окончании экспедиции обратный путь сделать, обойдя мыс Доброй Надежды, прямо в Кронштадтскую гавань, с тем намерением, что оное будет впредь служить для распространения знаний и искусства; сверх того, удобнее и сохраннее все вещи и редкости собранные доставляться могут в целости» [27].

Биллингсу было отказано. Но, вероятно, именно в связи с тем, что в 1786 году уже намечалась специальная кругосветная экспедиция.

[26] Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, с. 90—91, 156.
[27] Записки Гидрографического департамента... Ч. VII, с. 502.

«Секретный. Указ нашей Адмиралтейской коллегии... По случаю покушения со стороны английских торговых промышленников на производство торгу и промыслов звериных на восточном море о сохранении права нашего на земли российскими мореплавателями открытые, повелеваем нашей Адмиралтейской коллегии отправить из Балтийского моря два судна вооруженные по примеру употребленных капитаном английским Куком и другими мореплавателями для подобных открытий и две вооруженные же шлюбки морские или другие суда по лучшему ее усмотрению, назнача им объехать мыс Доброй Надежды, а оттуда, продолжая путь через Сондской пролив и оставя Японию в левой стороне, идти на Камчатку...

Екатерина в С. Пбурге. Декабря 22 1786 года».

Этот указ дан Екатериной после доклада ее секретаря генерал-майора Соймонова о нарушении неприкосновенности русских вод иностранцами. Рассмотреть и расследовать все обстоятельства Екатерина поручила графу Александру Воронцову и графу Александру Безбородко.

Об угрозе иностранного «завладения» на русском Дальнем Востоке в указе Екатерины прямо не говорится. Но, судя по письму генерал-прокурора Вяземского к камчатскому коменданту от 26 марта 1773 года, допускалась, например, возможность появления французской эскадры. И потом еще долго внушал страх «такой азартной пришлец» — Бениовский.

От Бениовского, как от опасного противника благосостояния России, ждали самых неожиданных поступков. Ведь он знал слабые места обороны Камчатки и грозил вернуться туда на иностранных кораблях и с помощью иностранцев. Вяземский писал: «...подозревать можно, что он, зная свободный проезд до Камчатки и имея о берегах и о жителях ее сведения, не покусился бы иногда сделать и на него какие-либо поиски... Получено ныне известие, что тот же французский Двор вооружает для него фрегат и малую флотилию, отправляет его с 1500 человек войск, якобы в Ост-Индию, в самом же деле, по примечаниям, прямо намерение его экспедиции укрывается» [28].

В 1779 году иркутский губернатор сообщал в Петербург о появлении в районе «Чукотского носа» нераспознанных иностранных судов. Петербургское правительство встревожилось. Как оказалось потом, то были суда третьей экспедиции Д. Кука. Однако сочли нужным, поскольку путь на Камчатку «сделался уже известен иностранцам, то привести ее в оборонительное положение».

Воронцов и Безбородко настоятельно убеждали Екатерину в необходимости послать флотилию для доставки тяжелых пушек

[28] Р. Р. В. Любопытный акт из биографии Беньевского..., с. 145—146.

и грузов в русские тихоокеанские порты, для охраны поселений и установления торговых связей с Китаем и Японией.

И решение было принято.

Правительство Екатерины II в конце 1786 г. решило построить порт на Охотском море и «объявить официально о наших открытиях у северо-западных берегов Америки и тем утвердить право на обладание открытых земель... Но как таковое объявление без существенного подкрепления едва ли достаточным будет, а может еще некоторым образом подвергнуть и достоинство двора, то завести на том море несколько военно-морских судов, которые б могли на самом деле выполнить запрещение... ибо нет сомнения, что если не военные, то купеческие суда не перестанут делать покушений, как и недавно делали» («Русские открытия в Тихом океане», с. 65—66).

Для всего этого и намечено было послать на Дальний Восток отряд кораблей.

Материалы о подготовке этого плавания хранятся в Центральном государственном архиве Военно-морского флота, а самые важные из них были опубликованы: в 1840 году Академией наук в 16-страничной брошюре «Предприятие императрицы Екатерины для путешествия вокруг света в 1786 году, на пяти судах», а в 1848 году Гидрографическим департаментом Морского министерства под заголовком «Приготовление кругосветной экспедиции 1787 года». Но все же в этой экспедиции, особенно в последовательности различных мер по ее подготовке, много неясного. Об этом говорят сами названия этих документальных публикаций. В одном экспедицию относят к 1786 году, в другом — к 1787-му.

В плавание снаряжалось пять кораблей. Адмиралтейская коллегия, получив указ Екатерины от 22 декабря 1786 года, «назначила надежные (почти тех же размерений, как употребленные капитаном Куком) два судна, „Соловки“ и „Колмогоры“, два меньшего размера, „Сокол“ и „Турухтан“, а пятое транспортное („Смелый“) для отвоза в Охотский порт необходимо нужных вещей...» [29].

Был в то время в Балтийском флоте и фрегат «Африка». Приходила, наверно, мысль отправить и его в плавание кругом Африки, да стар он оказался, два десятка лет уж плавал. Построен в Архангельске, спущен на воду 13 мая 1768 года, участвовал в сражении в Хиосском проливе 24 июня 1770 года, когда девять русских линейных кораблей и три фрегата под командованием А. Г. Орлова атаковали турецкий флот. В 1790-м пришлось его разобрать. А новый фрегат «Африка», тоже 32-пушечный, появился намного позже. Спущен на воду в Херсоне 3 июня 1811 года.

[29] См.: Предприятие императрицы Екатерины...

Экипаж

Начальником экспедиции был избран, именно избран после обсуждения и других кандидатур на этот пост, капитан Григорий Иванович Муловский. Ему было тогда всего 29 лет, но он уже капитан 1-го ранга.

Вот его послужной список. «...1770 г. Февраля 1. Поступил в морской корпус кадетом. 1771 г. Мая 15. Произведен в гардемарины. По желанию, на собственный счет, отправился в Англию... 1772 г. Января 1. Произведен в мичманы. 1773 г. ...В эскадре контр-адмирала Грейга, перешел из Кронштадта в Средиземное море. 1774 г. Произведен в лейтенанты. Плавал из Архипелага до Кефы и обратно. 1775 г. ...плавал ...в Ливорно, откуда, командуя фрегатом „Св. Николай", ходил к Порт-Магону, после чего отправился на транспортном судне, в качестве волонтера, в Англию. 1776 г. Июля 12. Назначен в генеральс-адъютанты к вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву. Командуя фрегатом „Св. Мария", плавал из Кронштадта в Любек... 1779 г. Командуя фрегатом „Св. Михаил", в эскадре контр-адмирала Хметевского, плавал из Кронштадта в Северный океан. 1782 г. Произведен в капитан-лейтенанты. Плавал в Средиземном море... 1784 г. произведен в капитаны 1-го ранга. 1787 г. Назначен начальником отряда из четырех судов, предназначенных к кругосветному плаванию...» [30].

В послужном списке не отмечено участие Муловского в действиях русского флота против турок. В 1772 году во время войны с Турцией юный Муловский «ходил подкомандным офицером по Черному морю». Поэтому и был произведен в мичманы на боевом корабле. «Капитан 1-го ранга Г. И. Муловский был лучший офицер своего времени, отлично образованный, хороший моряк, притом не изнуренный долговременной службой» [31].

Муловский действительно был одним из лучших мореходов России. Он постарался вобрать все ценное из опыта британского флота. По доброй воле и «на собственный счет отправился в Англию», еще будучи гардемарином, в 1771 году. Из его послужного списка: «Избранием начальником первого кругосветного плаванья Муловский обязан своей деятельной службе, доставившей ему репутацию лучшего морского офицера, и своему разностороннему образованию. Между прочим, он знал языки французский, немецкий, английский и итальянский» [32].

Опытными моряками, боевыми офицерами были и капитаны судов экспедиции Муловского. Алексей Михайлович Киреевский, капитан 2-го ранга, назначенный капитаном судна «Соловки»,

[30] Общий морской список. Ч. IV, с. 406.
[31] Ал. Соколов. Муловский, с. 351.
[32] Общий морской список. Ч. IV, с. 408.

был хорошо подготовленный и опытный моряк. С 1762 года он обучался в Морском корпусе. В 1768 году произведен в мичманы, в 1772 году — в лейтенанты. «1773 г. ...отправился из Кронштадта в Средиземное море, в эскадре контр-адмирала Грейга... 1779 г. Произведен в капитан-лейтенанты. 1784 г. ...в капитаны 2-го ранга... 1787 г. назначен командовать судном „Соловки" в составе экспедиции капитана Муловского» [33].

Командир «Сокола» — капитан-лейтенант «фон-Сиверс, Иоахим, Ефим Карлович, 1767 г. ...Поступил в Морской корпус кадетом». В 1771 году он мичман, в 1777-м — лейтенант, в 1778-м командирован в Англию. На судах английского флота плавал в Ост-Индию и произведен в капитан-лейтенанты. В 1787 году назначен командовать судном «Сокол» [34].

Командир «Турухтана» — капитан-лейтенант «Трубецкой, Дмитрий Сергеевич, князь. 1767 г... Поступил в Морской корпус гардемарином. 1773 г. ...в экспедиции контр-адмирала Грейга перешел из Кронштадта в Средиземное море. 1774 г. ...произведен в мичманы... 1776—1779 г. находился в Англии для изучения английского языка. 1779 г. Произведен в лейтенанты. Возвратился из Англии в Россию. 1780—1781 г. На корабле „Америка" в экспедиции контр-адмирала Борисова плавал от Кронштадта в Ливорно и обратно... 1785 г. ...Произведен в капитан-лейтенанты... 1787 г. ...Назначен командовать судном „Турухтан"» [35].

Офицерский состав экспедиции был подобран с учетом способностей к дальнему плаванию и умения вести описи океанских побережий и островов (в северной части Тихого океана еще многое не было исследовано топографически для планов, карт). Все офицеры отправлялись в это первое кругосветное плавание по собственному желанию. В 1787 году, 3 февраля, «Адмиралтейств-коллегии флота капитан Муловский представил именной список штаб и обер офицерам, которые объявили ему свое желание отправиться с ним в дальний вояж на повеленных изготовить в будущем лете 4-х судов, называемых „Колмогоры", „Соловки", „Сокол" и „Турухтан"» [36].

Кроме четырех штаб-офицеров в списках были двенадцать лейтенантов, десять мичманов и «морской артиллерии констапель» (прапорщик). Обер-офицеров в этих списках явно недоставало для четырех судов, отправляемых в далекое плавание на несколько лет. Вероятно, некоторым из офицеров, не включенным в список, еще нужно было до отправления экспедиции найти заместителей на их прежних кораблях. «Обер офицеров кого

[33] Там же, с. 74—76.
[34] Общий морской список. Ч. V, с. 67—69.
[35] Там же, с. 223—225.
[36] Материалы для истории русского флота. Ч. XIII, с. 217—218.



Так мог выглядеть офицер экспедиции Муловского. Эта фигурка моряка екатерининского времени хранится в Эрмитаже

на которое судно определить, предоставить капитану Муловскому».

Большинство боцманов, матросов, артиллеристов взяты с судов, уже побывавших в плаваниях в Средиземном море и в морских боях с турками.

Всех чинов на судах экспедиции было 545 человек (не считая экипажа транспортного судна «Смелый»). На флагманском судне «Колмогоры» — 169, на «Соловках» — 154, на «Соколе» и «Турухтане» — по 111 человек.

«Изложение инструкций по ученой части» поручено известному естествоиспытателю и путешественнику Петру Палласу. Он несколькими годами раньше возглавлял экспедицию для изучения юго-восточной окраины России и выпустил большую работу «Путешествие по разным провинциям Российской империи». Паллас должен был создать историю этого плавания. Адмирал С. И. Зеленой писал потом: «В 1787 г., при предполагаемом снаряжении первой русской кругосветной экспедиции под начальством капитана Муловского, впервые является у нас официальное звание гисторнографа флота» [37].

Для научных наблюдений были приглашены известный немецкий просветитель (впоследствии якобинец) профессор Георг Форстер, астроном Бейли (оба участники плавания Кука), а для зарисовок — четыре художника.

Приготовления

Наметили маршрут экспедиции и конечную цель — Дальний Восток. «Плавание предполагалось совершить следующим образом: из Англии отправиться в конце декабря (1787 г.— *Авт.*) или в начале января (1788 г.— *Авт.*) и следовать к мысу Доброй Надежды...» Там намечалось не только отдохнуть и запастись водой и провизией. Полагали «на мысе Доброй Надежды взять несколько пар молодой, способной к разведению, дворовой скотины; также разных семян — хлебных, конопляных, льняных, разных дерев и огородных овощей, особливо земляных яблоков для разведения на Курильских островах и других местах, назначенных для заселения» [38].

Главная цель экспедиции — укрепление позиций России на Дальнем Востоке. «Для утверждения российского права на все, до ныне учиненные российскими мореплавателями, или вновь учиненными быть могущие открытия» изготовлены гербы: «гербы сии укрепить на больших столбах; или по утесам, выдолбив

[37] Ф. Ф. Веселаго. Очерк русской морской истории..., с. 2.
[38] Приготовление кругосветной экспедиции 1787 года, с. 166, 168—169.



А таким, наверно, был матрос

гнездо». Гербов чугунных 200, половина без надписей и без обозначения годов. А также медали: золотые с ушками — 100 штук, без ушков — 10; кроме того, медали серебряные, медные и чугунные. Всего медалей — 1700. «Обойти и описать все малые и большие острова... причислить формально ко владению Российского государства, поставя или укрепя гербы, и зарыв медали в пристойном месте» [39].

Были приготовлены к отправке крепостные орудия большого калибра для камчатских гаваней, «для охранения права нашего на земли, российскими плавателями открытые». Одному из судов предписывалось идти с грузом, в том числе и с пушками, прямо в Петропавловскую гавань [40].

Приняты были меры для надежного плавания через три океана. Днища кораблей обшиты медью для защиты от «червей-древоточцов», как их называли моряки,— моллюсков южных морей. Заготовлены противоцынготные средства для экипажей.

Обстоятельные, подробные наставления по организации плавания содержит «Именной указ, данный вице-президенту Адмиралтейской коллегии графу Чернышеву.— Об отправлении морских судов из Балтийского моря в Восточный океан». Подписан Екатериной 17 апреля 1787 года [41].

В нем говорилось о различных денежных издержках, о награждении и денежном довольствии офицеров и экипажей судов, о приглашении профессора Форстера в экспедицию «в звании натуралиста».

О подарках и меновой торговле в далеких землях: «Сверх запасения судов некоторыми вещами для подарков диким, взять также на опыт для заведения торгу как с ними, равно и с японцами и китайцами, часть хотя небольшую товаров, таких наипаче, к коим обитатели тамошни, по описанию прежних мореплавателей, почитаются склонными...»

О медалях и других знаках в ознаменование ожидаемых географических открытий: «Потребные гербы или медали для ознаменования открытия островов нашими мореплавателями, отлить чугунные на Александровском олонецком заводе... По примеру Географической северо-восточной экспедиции, снабдить и отряжаемую ныне толиким же числом золотых, серебряных и медных медалей, прибавя сверх оных еще чугунных пятьсот».

Составители указа, да и сама Екатерина, должно быть, понимали, как сложна задача экспедиции. Об этом говорит специально предусмотренный в указе порядок награждения капитана Муловского: «...когда пройдет он Канарские острова, да объя-

[39] Там же, с. 166.
[40] А. С. Сгибнев. Бунт Беньёвского в Камчатке..., с. 769.
[41] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. XXII, с. 836—837.

вит себе чин бригадира; достигши мыса Доброй Надежды, возложить ему на себя орден Святого Владимира 3 класса; когда дойдет до Японии, то и получит уже чин генерал-майора».

Задача была, конечно, куда как сложна. И не только потому, что ни один русский корабль еще не хаживал этим путем. Дело все-таки в общем тогдашнем положении императорского военного флота. Об этом много говорилось в трудах специалистов-историков. «Морская деятельность нашего флота ограничивалась ежегодными практическими плаваниями на Балтийском море, куда до 1752 года отправлялись соединенные эскадры, Кронштадтская и Ревельская, а с этого времени одна Ревельская... Все двигалось неохотно, рутинно, как будто под влиянием толчка какой-то давно исчезнувшей силы... При таком состоянии флота вовсе прекратилось поступление в него иностранцев, а также и русских „знатных" фамилий» [42].

О том же говорили и очевидцы — даже такой человек, как П. В. Чичагов, впоследствии, при Александре I, морской министр. В «Записках адмирала Чичагова, заключающих то, что он видел и что, по его мнению, знал», сказано: «Беднейшие записывали своих детей в Морской корпус... Жертвы и лишения, которым подвергаются поступающие в морскую службу, не получают соразмерного вознаграждения. Поэтому-то люди поблагоразумнее кончают тем, что, замечая это, отвращаются от своего ремесла и бросают его при первой возможности пристроиться куда-нибудь получше. Из этого следует, что на службе остаются лишь люди бедные или недальновидные... Однажды, ради забавы, вздумали подвести общий итог окладов русских моряков, и оказалось, что он не совсем достигает итога содержания одной роты гвардии императрицы Екатерины» [43].

Но все это не исключало, конечно, отдельных и порой весьма важных успехов. Совсем не таким невероятным уже тогда было установление морской связи Петербурга с гаванями Охотского моря. Сколько нового, неизведанного должны были по первопутку увидеть эти люди, сколько неоткрытых земель могли нанести на карту!

Год 1787-й

К концу 1787 года приготовления к отплытию завершались. В этих приготовлениях, конечно, сыграли немалую роль и сведения, полученные от российских моряков, которые уже ходили этим путем, хотя и не на отечественных судах.

[42] Ф. Веселаго. Краткая история русского флота..., с. 77, 84.
[43] Архив адмирала П. В. Чичагова. Вып. 1, с. 51.

А как готовились сами моряки? Что думали? Теперь ведь все-таки не было той сугубой секретности, как в 1723-м, при Петре. И обсуждать сущее легче было, чем через каких-нибудь два года, когда Екатерина, испуганная Французской революцией, запретила даже трагедию «Владимир и Ярополк» в Петровском (ныне Большом) театре. Тогда, в 1787-м, даже Бомарше еще не считался крамольником. В газетах еще можно было прочесть: «В Москве в Петровском театре в пятницу 15 января 1787 представлена была комедия Бомарше под заглавием Фигарова Свадьба».

О чем моряки говорили, склоняясь над картами? В те годы морская история уже была хорошо известна — и по иностранным книгам, и в переводах. Был как раз трехсотлетний юбилей открытия мыса Доброй Надежды европейцами — португалец Бартоломеу Диаш открыл его в 1488 году.

Он Африку когда-то обогнул,
Впервые обогнул ее по морю.
Сто раз тонул, но гнул ее и гнул
И обогнул, навек войдя в историю.

В XVIII столетии юбилеи отмечали, может быть, и не так помпезно, как теперь, но ведь все же триста лет... И о первых плаваниях кругом Африки писали немало. Муловский и его офицеры хорошо знали своих предшественников. И мечтали, наверно, что их, победителей, встретят на родине, как когда-то Лиссабон встречал Диаша.

А в Лиссабоне где-то день за днем
В порту взлетали флаги на флагштоках,
Гремели сходни, но никто о нем
Не вспоминал, не знал о нем, и только
Шальная девка, все забыв с тоски,
Обласканная как-то ненароком,
Не забывала жарких две руки
И знала, кто такой Диас, до срока.
А он о ней забыл в тот самый час,
Когда вернулся, королем обласкан,
И Лиссабон «Да здравствует Диас» —
Гремел, судьбе завидуя прекрасной.

А матросы? Знали они о прежних плаваниях? Может, и песни пели о тех давних временах?

Но моряки понимали, конечно, какой ценой достаются победы над южными морями. Слыхали о страшных бурях у Юга Африки. Вести о чудовищных волнах-убийцах у южной оконечности Африки тогда уже были известны в гаванях всего света. Их называли «кейпроллеры». Какими же страшными были они для парусных кораблей, если даже в наши дни, в 1968 году, такая волна переломила пополам один из первых в мире супертанкеров, судно с громким названием «Уорлд глори» («Всемирная слава»). А в 1973 году волна высотою в четырнадцать мет-

ров переломила днище крупного английского сухогрузного судна.

Не случайно Диаш и назвал этот мыс мысом Бурь — уж потом переименовали его в мыс Доброй Надежды. Пошла ведь даже молва, что Диаш продал душу дьяволу, чтобы обойти вокруг мыса — только потому и вышел в Индийский океан. Взроптавшая команда уж потом заставила повернуть обратно. А во втором своем плавании к Индии, в 1500 году, Диаш пропал-таки вместе со своим кораблем на том страшном месте... Говорили, что он проклят и обречен скитаться у открытого им мыса.

С плаванием Диаша, а затем и Васко да Гамы пошли легенды об Адамасторе, грозном духе мыса Бурь, и о «Моряке-скитальце» — корабле-призраке.

Тогда, во времена Муловского, еще не было вагнеровской оперы «Летучий голландец», «Истории о корабле призраков» сказочника Гауфа, «Призрачного корабля» капитана Мариэта. Не было «Сказок придорожного кабачка» Лонгфелло, поэмы Вальтера Скотта «Рокеби», рассказов Генриха Гейне. Но уже известны были бесчисленные английские, голландские, португальские варианты истории о корабле-призраке, который обречен дьяволом вечно скитаться по океанам.

О плавании Васко да Гамы и о грозном Адамасторе говорилось в поэме «Лузиады» классика португальской литературы Луиса Камоэнса. В Москве долго готовился и в 1788 году появился перевод поэмы. Сделал его Александр Иванович Дмитриев (1759—1798), известный переводчик, друг Карамзина. Богатую пищу для воображения давала эта «Луизияда, ироическая поэма Лудовика Камоэнса. Перевод с французского де-ла-Гарпова переводу Александром Дмитриевым».

«...Вдруг является очам нашим исходящее из волн страшное чудовище; рост его был чрезвычайный, все члены его огромностию уподоблялись Колоссу Родосскому... Чело его было грозно, длинная всклоченная брада, впадшие и сверкающие очи, взор свирепый, густые и морскою тиною покрытые власы... Страшному гласу его мнили мы внимать, исходящему из глубочайшей бездны. Мы все вострепетали, власы на главах наших от страха воздымались, и чудовище поразило слух наш таковыми словами:

„...Я есмь дух сих морей, великий буреносный мыс... Чрез меня здесь оканчивается земля Африканская, и мыс мой... вашим дерзновением оскверненный, простирается до полюса полуденного... Имя мое Адамастор...“»

Сам автор, Луис Камоэнс, должен был очень импонировать тогдашним читателям, особенно морякам. Жизнь этого дворянина, умершего двумя веками раньше, в 1580 году, сама была как легенда. Сын капитана, погибшего при кораблекрушении, мыслитель-гуманист и задира-дуэлянт, он не только гордился

родством с Васко да Гамой, но и сам слыл бывалым мореплавателем. Повидал и север и юг Африки. Удаленный от двора, разжалованный в солдаты, провел несколько лет в Марокко, потом за дуэль с придворным осужден на смертную казнь, но помилован и отправлен в Индию. Был в Мозамбике. Любил темнокожую невольницу. Грозный Адамастор не раз, наверно, чудился ему самому, когда он проплывал у мыса Бурь.

Пугали ли Муловского и его спутников все эти легенды? В российской литературе они не нашли такого отклика, как на Западе. Да и в дневниках моряков даже позднее, в XIX столетии, почти нет упоминаний о Летучем голландце, о встречах с ним, мало рассказов о нем с чужих слов. Словно у русских был иммунитет против жутких чар теплого океана. Другие легенды, другие поверья — Белого моря, Ледовитого океана, чудеса леса, мороки степей, свои озерные, речные видения — с давних пор держали внимание россиян.

К тому же Россия выходила в океаны в те времена, когда эти океаны были уже освоены мореплавателями и потому не так таинственны. Суеверия, предрассудки морского средневековья, давние легенды, поверья о кошмарных видениях в океанах, идущие чуть ли не от плаваний Одиссея, еще жили, но уходили в прошлое.

Так что не столько легенды, сколько подлинные опасности тревожили Муловского и его спутников. Ведь на долю мыса Доброй Надежды и близлежащих вод приходилась немалая доля кораблекрушений, которых еще и в середине прошлого века случалось по три тысячи в год. Многие из них и до наших дней не нашли объяснения.

Ну, а те, кто особенно стремился к славе, может быть, боялись остаться непризнанными или забытыми. От этого ведь не застрахованы даже люди, воистину прославившие свое имя. Сергей Орлов, наш современник, так и закончил свое стихотворение:

А кто такой Бартоломей Диас?
Что слышали вы нынче о Диасе?
И почему Диас дошел до нас,
Чем он прославился, вопрос не ясен.

«Повелеваем отменить»

Когда уже было готово к плаванию если не все, то многое — указы, корабли, мечты и опасения,— экспедицию отменили. Две войны, одна за другой. В 1787-м году, по возвращении Екатерины из Крыма, началась война с Турцией, в следующем, 1788-м — со Швецией. И вот высочайший указ Адмиралтейств-коллегии 1787 года октября 28: «Приготовлен-

ную в дальнее путешествие под командою флота капитана Муловского экспедицию по настоящим обстоятельствам повелеваем отменить, и как офицеров, матросов и прочих людей для сей экспедиции назначенных, так суда и разные припасы для нее заготовленные обратить в число той части флота нашего, которая, по указу нашему от 20 сего месяца Адмиралтейской коллегии данному, в Средиземное море отправлена быть долженствует» [44].

Муловский с самого начала войны со Швецией командовал кораблем «Мстислав».

К началу русско-шведской войны в боевом составе Балтийского флота оставалось 43 линейных корабля, 25 фрегатов и малые суда. Война началась на море. Корабль Муловского был в первых рядах сражавшихся. «Высочайший указ адмиралу Грейну, 1788 года июля 25... Флота капитанам Муловскому и Денисону в воздаяние храбрости их вами свидетельствуемой пожалованные от меня знаки высокого ордена Святого Георгия»... «Высочайший указ Адмиралтейств-коллегии, 1789 год апреля 14... в капитаны бригадирского чина из капитанов 1-го ранга... Григория Муловского».

Хотя бои велись с переменным успехом, фортуна споспешествовала российскому флоту. До виктории будто уж недалеко.

Пятнадцатого июля 1789 года у острова Эланда двадцать два шведских судна пошли навстречу русским судам. Муловский «с тем же кораблем „Мстислав" находился в сражении флотов у Эланда, 18 июля, и был убит». Вот как описывает его последние минуты «определенный от адмирала Чичагова... для записывания движения обоих флотов некто Картвелин» со слов капитана Эссена.

«Как скоро сбили у него переднюю мачту, то вышел он осмотреть оную, и стоял посредине корабля, на противном боку, с коего стреляли. Тогда пролетели вдруг три ядра, и одно, пробив стоящие на верху шлюпки... ударило его в бок... Он упал... Потом приказал... сказать своей невесте, что он любил ее до самого конца и чтоб графиня Екатерина Павловна [Чернышева] не оставила домашних его в Кронштадте».

Муловскому было немногим больше тридцати лет. Совсем молодой еще морской бригадир, следующий чин был бы вице-адмиральский. Каков был Григорий Иванович? Как управлял он командой своего корабля?

У Муловского была невеста. В длинные месяцы корабельных походов, баталий, выжиданий противника и новых боев он видел ее мысленно с тою улыбкой и в том платье, что была на сговоре. В боевом затишье, в «час закатный, в час хрустальный» уходил подальше от команды и смотрел на огромное солнце, таким оно

[44] Материалы для истории русского флота. Ч. XIII, с. 197.

видно на море. Опускаясь в воду, солнце простирало блестящую дорожку прямо к кораблю, отражалось на мокрых парусах, чем-то необъяснимо радуя. По темнеющему к ночи морю шли волны, бежали торопливо.

Но волны, пенясь и качаясь,
Идут, бегут навстречу мне —
И кто-то синими глазами
Глядит в мелькающей волне...

...Любовь Муловского помянута даже в «Материалах для истории русского флота».

Виною гибели Муловского да и многих других моряков в той войне были непорядки в русском флоте. Адмирал В. Я. Чичагов, впоследствии названный победителем шведского флота в этой войне и пожалованный высшими военными орденами Св. Андрея и первой степени Св. Георгия, в этой продолжительной баталии проявил нерешительность. «Из полученных реляций адмирала Чичагова видно, что шведы атаковали его, а не он их, что он имел с ними перестрелки, что в оной потерял капитана бригадного ранга и несколько сот прочих воинов без всякой пользы империи»[45]. Этим капитаном бригадного ранга и был Муловский.

«Донесение адмирала Чичагова графу Чернышеву, 1789 года августа 2... Два из кораблей его (шведа.— *Авт.*) атаковали крыло авангардии нашей, быв весьма храбро отражены... кораблем нашим под командой капитана Муловского... с нашей стороны убитых не более 30 человек, да раненых 170, большею однако ж частию от разрывов пушек» [46]. Это были свои пушки, безнадежно устарелые.

Свидетельствует Александр Васильевич Храповицкий. Запись в его дневнике августа 1789 года: «Получен рапорт, что сражение было 15-го июля; неприятель, быв на ветру, стрелял издалека по снастям. Корабли Престона и Денисона принуждены выйти из линии за разрывом пушек: на одном трех, на другом двух... Убит в сражении капитан бригадного ранга Муловский. Замечено, что не хотел сам Чичагов драться, желая лучше охранять берега Лифляндские, хотя ему точно предписано искать и атаковать неприятеля. Мне кажется, что все сговорились с королем шведским. Дсд [досада] Пчт. слз. н. гл-зх [почти слезы на глазах]» [47].

Слезы на глазах даже у Храповицкого. А ведь он, статс-секретарь Екатерины II, писатель, из авторов журнала «И то, и сио», достаточно видел непорядков. Адмиралы в решительные часы бездействуют. Боевые офицеры гибнут. А их так мало. Матросов поражают осколки взрывающихся на бортах стволов пушек.

[45] Ал. Соколов. Муловский, с. 361—362.
[46] Материалы для истории русского флота. Ч. XIII, с. 552, 557.
[47] Дневник А. В. Храповицкого (1782—1795), с. 175—176.

И все же российский флот побеждает шведов и на этот раз.

Отчего ж рвались стволы пушек? Мало металла в стране. Пушки чугунные, литы еще в Воронеже, при Петре I. Вот и рвутся изношенные выстрелами стволы. Одной из помех розыскам новых рудных месторождений было «признание в 1782 году права собственности на недра за владельцами земли, а не государства, как это явствует из закона 1719 года. Главным образом дворяне получили еще один козырь в борьбе с промышленниками, ибо с этого времени они не разрешали производить разведку руд на своих землях» [48].

Екатерина поручила Державину воспеть в стихах победу над шведским флотом. Этого мало. Она и сама сочинила стихотворение, повторив в нем лихие слова своего адмирала!

С тройною силою шли шведы на него,
Узнав, он рек: Бог защитник мой!
Не проглотят они нас!
Отразив, пленил и победу получил.

Чичагов сказал: «Ну да что же!.. Не проглотят!», когда 26 шведских линейных кораблей неожиданно напали на русскую эскадру из 10 кораблей близ Ревельского порта.

Царица реже поминала другие речи Чичагова, но во всех случаях была снисходительна к победителю. Как-то Чичагов был зван во дворец на чашку чаю рассказать в интимной беседе о виктории над шведским королем. Обрадованный интересом Екатерины и «увлеченный ее жаркой отзывчивостью на успехи русского флота, адмирал, как говорится, забылся, где он. „Я их!.. Да как я их!..“ — горячо рассказывал Чичагов, привскакивая в кресле. Причем употреблял такие слова, которые можно слышать только в толпе черного народа.

Когда, спохватившись, адмирал хотел виниться в употреблении „словесности“, чем еще больше подчеркнул бы ее, Екатерина, милостиво улыбнувшись, сказала: „Я ваших морских терминов не разумею“» [49].

Василий Яковлевич Чичагов был хороший моряк-практик старой школы. Участник многих морских баталий в Средиземном море, в войнах с Турцией. Знаток портовой службы. Был начальником Кронштадтского порта. Отличный службист. Но в его книге «Морское искусство», вышедшей в 1793 году, повторялись устаревшие приемы ведения боев.

Постепенно появлялись более образованные офицеры, с широкой морской и общевоенной подготовкой и с хорошей много-

[48] Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII веке, с. 356—357.

[49] Собрание анекдотов из жизни русских государей, князей, полководцев, министров и ученых, писателей, артистов и других замечательных людей. Т. 2, с. 27.

летней выучкой в иностранных флотах. Таким новым морским командиром был Григорий Иванович Муловский, да и, очевидно, другие капитаны кораблей, намеченных в 1787 году для первого кругосветного плавания. Киреевский и фон Сиверс были участниками гогландского и эландского сражений. Трубецкой тоже воевал со шведами. Трубецкой и Киреевский закончили службу капитанами бригадирского ранга, фон Сиверс — капитаном 1-го ранга.

Именем Муловского назван мыс на восточном берегу Сахалина, в самой узкой части острова. Там, к северу от поста Мануэ, моряки салютовали памяти Муловского выстрелами и поднятием андреевского флага.

Тяжка была судьба командиров, назначенных руководить первыми плаваниями по южным морям. Вильстер, флагман первой русской эскадры, собиравшейся в полукругосветное плавание, умер под судом и следствием военного комитета. Муловский убит в войне со шведами. Будто громоздкую, тяжелую баржу тянули по мелководью к океану весь XVIII век...

Эстафета кругосветности, на третьем этапе переданная Крузенштерну и Лисянскому, достигла цели уже в начале следующего века. Там, на Тихом океане, Крузенштерн почувствовал ли эту преемственность поколений? Рассказал ли он потом, директор Морского кадетского корпуса, гардемаринам об участи своих предшественников? Или и тут засекреченность экспедиций помешала и молодые моряки знали только удачные итоги кругосветного плавания, так трудно, долго подготовляемого?

Крузенштерн родился через год после того, как «июня 4-го 1769 года записан в Кадетский морской корпус в кадеты находящийся в Англии недоросль Муловский» [50]. Девятнадцатилетний Крузенштерн «поступил за мичмана на корабль „Мстислав"» (им командовал Муловский) и «участвовал в гогландском сражении» (под командой Муловского). «В 1789 году... был в эландском сражении», в котором был убит Муловский [51]. Через полтора десятилетия Крузенштерн исполнил дело Муловского.

При этом влияние Муловского было самым прямым и непосредственным. «От Муловского впервые получил Крузенштерн мысль о кругосветном плавании, осуществить которую удалось ему только 20 лет спустя».

Нельзя сказать, чтобы и Ивану (Адаму) Федоровичу Крузенштерну осуществление этой идеи далось особенно легко. Нет, куда там. Высочайшее одобрение своего проекта Кру-

[50] Материалы для истории русского флота. Ч. XI, с. 610.
[51] Военная энциклопедия. Под ред. Леера. Т. IV, с. 423.

зенштерн получил, когда он «был уже женат и помышлял об отставке». А ведь сколько лет своей жизни продумывал он «план проложить торговый путь для русских судов в Ост-Индию и Китай. Чтобы лучше познакомиться с условиями дальнего плавания, он устроился так, что получил возможность пойти на английском военном корабле до Мыса Доброй Надежды, а потом — на фрегате „Oiseau" ходил в Ост-Индию.

В Калькутте Крузенштерн встретил лифляндца Торклера, который хорошо знал северо-западный берег Америки; Торклер указал молодому Крузенштерну, какие выгоды Россия приобрела бы, доставляя туда и в Китай свои товары. Оставив фрегат „Oiseau", Крузенштерн на небольшом судне добрался до Кантона. Собрав здесь различные, интересовавшие его сведения, Крузенштерн на корабле Ост-Индской компании вернулся в 1799 г. вокруг Африки в Россию; покинув Россию молодым, неопытным лейтенантом, он, после шести лет непрерывного плавания, вернулся опытным и знающим мореплавателем.

Крузенштерн представил морскому начальству проект кругосветного плавания, указывая, что русский флот посредством дальних плаваний возвысится до уровня лучших иностранных флотов и что получит широкое развитие колониальная торговля и сделается более выгодным снабжение наших американских колоний всем для них необходимым.

Флот наш к концу XVIII столетия, несмотря на многочисленные победы над турками и шведами, был в таком упадке и неуверенность в себе у русских флотских деятелей была столь велика, что многие, сочувствуя самой идее Крузенштерна, считали русских матросов совершенно неспособными к дальнему плаванию и советовали для кругосветного путешествия нанять англичан. При тогдашних смутных событиях в Европе проект Крузенштерна оставался несколько лет без окончательного рассмотрения и только уже по ходатайству министра коммерции (впоследствии канцлера) гр. Румянцева и адмирала Мордвинова был утвержден самим государем Александром I...» [52].

Л. И. Голенищев-Кутузов, боевой офицер и гидрограф, возмутился, когда на чествовании Крузенштерна не упомянули имени Муловского. «Все читатели „Северной пчелы"... удивятся,— писал он,— что вице-адмирал Рикорд в произнесенной им, и в „Северной пчеле" напечатанной речи, сказал, обращаясь к вице-адмиралу Крузенштерну. „Никогда не забудут русские, что вам обязана была Россия первой мыслию путешествия вокруг света". Слова сии сугубо удивили тех, кому известно, что не только имели мысль о путешествии вокруг света, но для сего приготов-

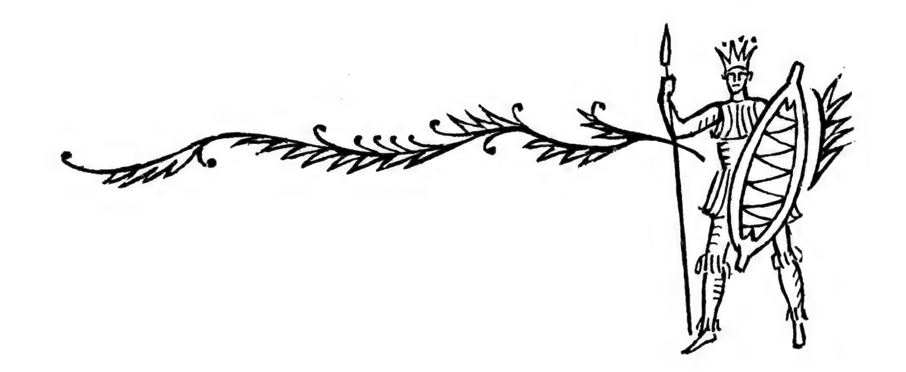
[52] Крузенштерн. Русский биографический словарь. Том «Кнаппе-Кюхельбекер». СПб., 1903, с. 455—456.

лен был отряд, когда Иван Федорович Крузенштерн был кадетом» [53].

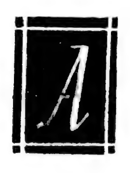
И правда, замыслы, подготовка и попытки выхода в кругосветное плавание — все это был уже пройденный и такой тяжкий этап задолго до назначения Крузенштерна начальником третьей экспедиции. С идеей самой уже свыклись. И это не могло не помочь Крузенштерну и Лисянскому.

Но в истории обычно больше помнятся успехи, а не поиски. Многие ли знают имена моряков, первых начальников плаваний, не состоявшихся, но подготовивших успехи XIX столетия,— Вильстера, Муловского?

[53] См.: Предприятие императрицы Екатерины... (Предисловие Л. Голенищева-Кутузова).



Украинец, ярославец и нижегородец на мысе Доброй Надежды



Андреевский флаг так и не показался в водах Южного полушария вплоть до начала XIX столетия, но российские люди появлялись там все чаще, жили иногда подолгу. Даже на самом дальнем от России краю Старого Света случались самые неожиданные встречи.

Так, в феврале 1798 года на мысе Доброй Надежды встретились лейтенант Юрий Лисянский и музыкант Герасим Лебедев. Лебедев приехал сюда из Индии. Лисянский, тогда волонтер британского королевского флота, прибыл из Европы и в Индию направлялся. Он был в числе шестнадцати лучших морских офицеров, отобранных в 1793 году Адмиралтейской коллегией по указу Екатерины II для прохождения морской практики в английском военном флоте. Среди них был и Иван Федорович Крузенштерн, вместе с которым Лисянский через пять лет совершил первое российское кругосветное плавание.

Лисянский жил в Капштадте уже несколько месяцев, когда к нему неожиданно явился соотечественник — Лебедев. Лисянский записывал в это время в дневнике события последних месяцев плавания, пользуясь тем, что по нездоровью был свободен от службы.

После встречи с Лебедевым Лисянский записал в своем дневнике: «Сего дня адресовался ко мне господин Лебедев, российский музыкант, который пробыл несколько лет в Индии и теперь возвращается в Европу. Я весьма от него был рад услышать, что господин Крузенштерн прибыл в Калькутту благополучно и проводит там время довольно весело. Что же касается до самого Лебедева, то мне не трудно было в несколько часов разговора узнать, что это один из тех характеров, которые не могли жить в своем отечестве от распутства, таскаются по свету, не делая ни малейшей чести нации, к которой принадлежат; коротко сказать, он от долгов уехал из Европы и точно в таком же положении оставил Индию» [1].

Нежданная встреча

В чем же причина столь скорого и решительного заключения Лисянского? Легкость ли в выводах молодого офицера, самоуверенность от успехов первого дальнего плавания у опасного мыса Бурь и раздражительность моряка, вынужденного неделями сидеть в комнате по болезни? «Бывши на острове Св. Елены я получил печеночную болезнь, а таскаясь здесь по песчаным местам для отыскания морских редкостей, я почти потерял глаза» [2].

Другим ли были заняты мысли Лисянского? Новые впечатления, они ведь далеко не всегда только интересны. Совсем недавно здесь, у Столовой горы, он впервые видел бунт матросов на военном корабле. Воспитанник Морского корпуса, Лисянский привык наблюдать постоянное беспрекословное послушание матросов. Ему пришлось с пистолетом в руке вместе с офицерами «Септра» защищаться от восставших на этом корабле матросов. То было столь редкое в британском флоте восстание целой эскадры. Можно представить себе, как лейтенант Лисянский озирался, не веря своим глазам. На других кораблях подняты синие матросские фуфайки вместо королевского флага. Чего они хотят?..

Война Англии с Францией продолжалась. Уже давно народ Англии, уставший от войны, требовал мирных переговоров с французской Директорией. Но разве это дело народа — решать

[1] ЦГАЛИ. Ф. 1337, оп. 1, ед. хран. 135, лл. 131—132.
[2] Там же, л. 124.



Таким увидели Капштадт читатели книги Вальяна. У Лебедева и Лисянского подобных зарисовок мы не нашли

политику государства, думал Лисянский. Матросские восстания в Плимуте, в Портсмуте... Вот докатились и сюда...

Лисянский не однажды участвовал в рукопашных схватках на судах в войне со шведами в 1788 и в 1790 годах. Сражался с французами, будучи на английских судах. Был контужен и ранен в голову при взятии французского фрегата «Элизабет» в 1796 году. Но теперь, когда англичане готовы биться с англичанами, что делать ему, русскому!

Адмирал Прингл с помощью капского гарнизона и береговых батарей подавил мятеж на кораблях. Суд был на военном шлюпе, поставленном под огонь береговых батарей. Из тридцати зачинщиков восстания («между ними находился и наш один»,— писал Лисянский в дневнике о матросе со своего корабля) шестеро были повешены.

Все это могло вспомниться ему, когда в комнату ввалился Лебедев. «Какие-то портовые бродяги проникли в королевский флот»,— говорили офицеры «Септра». А перед Лисянским стоит, размахивая руками, какой-то русский бродячий музыкант.

Лисянский и Лебедев. Люди разных поколений. Но ведь земляки! Оба петербуржцы. Даже в наши дни встреча с земляком вдали от родины — всегда радость. Но у соотечественника было странное, шокирующее морского офицера одеяние, цыганские густые брови на оливково-смуглом лице, растрепанные волосы, устаревшая речь и жестикуляция взволнованного, растерянного человека, по виду простолюдина.

Молва о каком-то русском, умолявшем на коленях выпустить его на берег с корабля и чуть ли не спрыгнувшем с борта, уже распространилась по Капштадту. Лисянский только качал головой, слушая Лебедева. Это, конечно, тот самый человек, спасшийся от кандалов. Может, и есть истинное в его жалобах. Но видно и то, что к обидам крайне чувствителен, до болезненности. Да и о себе мнения немалого. Если и не привирает, то, верно, преувеличивает.

Двадцатипятилетний офицер так легко мог скомпрометировать себя, приняв горячее участие в судьбе этого горемыки на Капе. Да и чем же он может помочь Лебедеву! Ведь он на службе, на выучке у англичан.

Лисянский ничего не сделал для «бродячего музыканта». Не помогла Лебедеву даже ссылка на Крузенштерна. Не поверил ему Лисянский. А ведь, судя по одному из писем уже с Капа, Лебедев знал Крузенштерна довольно хорошо и был уверен в его рекомендациях: «Я имел честь в Калькоте познакомиться с морским российским офицером г. Крузенштерн, который по возвращении засвидетельствует о потере моих денег по векселям и что судом должники не были принуждены мне заплатить».

...Конец века. В Капштадте двое русских. И те разъединены сословно. При встрече их даже на краю света требовался при-

нятый этикет, форма общения простолюдина с дворянином на коронной службе. Человек несет с собой от полюса до полюса бремя условностей своей эпохи.

##ババ

Лебедев попал на мыс Доброй Надежды после восьми лет в европейских странах и двенадцати — в Индии. Его зарубежные гастроли начались случайно. В 1777 году граф А. К. Разумовский, русский полномочный министр в Неаполе, взял в свою посольскую капеллу 28-летнего Герасима Степановича. По пути в Неаполь посольство на год задержалось в Вене из-за войны, начавшейся между Австрией и Пруссией ради дележа баварского наследства.

Деятельному артисту было мало «иметь уже щастие публику позабавить моими концертами, обретши похвалу и одобрение», хотелось видеть мир, путешествовать. И он, «в надежде доставить себе везде пропитание музыкальным искусством», отправился на гастроли по Европе с позволения и даже с рекомендацией Разумовского. Лебедев пел, пока не потерял голос в Париже из-за дурной медицинской помощи. Потом только играл на виолончели. Он изучал европейские языки, наблюдая нравы и все больше привыкая к вольной жизни свободного артиста. Музыкальный опыт в Европе и постоянный успех дали ему уверенность в своих силах.

«Буреборственный путешественник», как называл себя Герасим Степанович, получал все больше похвал, одобрение высоких и высочайших персон, главным образом российских путешествующих особ. Незаметные у себя дома, музыканты здесь, на чужбине, при сравнении с европейскими музыкантами производили сильное впечатление на русскую странствующую знать. Ведь наши, а пожалуй, не хуже иноземных!

А в Индию — зачем? Тут и пристрастие Лебедева к путешествиям, интерес к людям, к землям в разных местах планеты. И желание увидеть страну, которая считалась тогда колыбелью человечества. И поощрение замысла Лебедева русскими дипломатами в Европе, с которыми он встречался на своих концертах. И санкция Павла, наследника престола.

Князь Куракин, сопровождавший Павла в Европе, ввел Лебедева пред очи цесаревича, рекомендовал как превосходного музыканта. «Во время нашего пребывания здесь имел он частые случаи пред их императорским высочеством играть и высочайшее благоволение заслужить». И не только благоволение к игре, но и поощрение на поездку в Индию. Цесаревич одобрил решение Лебедева. Было это в мае 1782 года.

В 1785 году — отправление из Лондона в Индию с помощью богатого англичанина. «Уязвленный стремлением расширить свои знания вещей, а также людей», плывет на паруснике многие месяцы этот «случайно» научившийся музыке человек — так он сам о себе пишет. Ищет не случайного дела, какого — и сам, вероятно, еще не знает. И находит у народов Индии много такого, мимо чего обычно проходили европейцы, путешествовавшие и жившие в Индии.

В Мадрасе Лебедева встретили с почетом. «В прожитие мое там двух лет я был за музыкальное мое искусство особенно снабжаем».

Большой успех в Калькутте. Доходы от концертов — свыше тысячи фунтов в год. После отказа Ост-Индской компании дать театральное помещение для комедии «Притворство» Лебедев на свои собственные деньги превращает дом, арендованный им в центре Калькутты, в театр, рассчитанный больше чем на триста человек. Этот театр впоследствии стал основой развития любительской сцены в Калькутте.

Но Лебедев, скорее всего, не успел рассказать все это Лисянскому. Он только взволнованно жаловался на офицера Британской Ост-Индской компании. Унижения, оскорбления и даже побои... Его, пятидесятилетнего артиста... И расхищение, намеренная порча индийских дорогих тканей, которые он вез в Петербург, чтобы убедить тамошних купцов торговать с богатой Индией. После тягостного плавания на «компанейском» корабле встретил живую душу, русского человека из Петербурга, земляка. Сразу, должно быть, нахлынули воспоминания.

...Праздник на Неве. Гулянья на набережной. Она теперь вся в гранитных берегах, вероятно. Не был там больше двух десятилетий. Как Придворная капелла? Есть еще музыкальные классы в Академии художеств, которые основал скрипач Хандошкин, композитор, дирижер? Он был сверстник Лебедева. Жив ли Хандошкин? Что теперь в музыкальных клубах? Не знаком ли Лисянский с другом Лебедева — скульптором Шубиным? Что сочиняет ныне Бортнянский?..

Ведь вот бывает же так: редкостная встреча в таком далеком порту — и разлад с первых же минут. Оба жили еще месяцы в Капштадте и не виделись, вероятно. А Лебедеву была нужда в этом. Он собирался в Лондон, откуда прибыл Лисянский. Как тамошние русские теперь? У Лебедева есть друг в Лондоне, священник посольской церкви Смирнов. И посла С. Р. Воронцова Лебедев знает. Как он при новом императоре служит? Екатерина II ведь не благоволила Воронцову последние годы.

Лебедев как будто не был обижен сухостью приема Лисянского. Через несколько дней после своего неудачного визита он в письме в Петербург к известному географу вице-адмиралу

С. И. Плещееву писал: «Здесь, в Капе, имел удовольствие найти другого морского офицера, г. Лисянского, который несколько недель был болен, но начинает теперь выздоравливать». (Лебедев писал «другого», имея в виду встречу в Калькутте с Крузенштерном.)

Герасим Степанович покладист был, сговорчив и снисходителен к причудам русских дворян. В ту эпоху как иначе быть! Привычно с младенчества. И здесь, на южном океане, под другим небом, еще осталась в нем старая закваска.

О самом себе он писал в своей книге: «Произведение мое от рода духовного купно и благородного позволили мне иметь приличное воспитание». И тут же дополнял: «но по насильственному утеснению моего родителя, едва мог я по рождении моем в 1749 году через пятнадцать лет научиться национальной тогдашнего времени грамоте и случайно музыкальному искусству» [3].

О жизни Лебедева в молодые годы немногое известно. Ни даты, ни места его рождения мы не знаем. Принято было считать его ярославцем, потому что в одном письме он заметил: «подобно моему земляку ярославцу Федору Волкову». Но слова эти написаны в Калькутте, и «земляк ярославец» мог означать просто русского человека. Тем более что имени Лебедева нет и в книге Н. Г. Огурцова «Опыт местной библиографии. Ярославский край (1718—1924)», где перечисляются ярославцы, прославившие свой город в те времена.

Таков ход рассуждений исследователя русской музыки XVIII столетия Г. Ф. Фесечко. Он подготовил статью о Лебедеве и дал нам возможность познакомиться с нею в рукописи.

Смолоду у Лебедева был хороший голос. За то и взяли его в капеллу. А уж там вместе с пением занимался он и на виолончели. Кто был его учителем, неизвестно. Но чтобы давать концерты в Европе, нужна была большая подготовка, а главное, одаренность и ежедневные занятия.

В формулярном списке Герасима Лебедева по службе в Коллегии иностранных дел в 1811 году указано: «из священнических детей». Сын «бедного священника»,— пишут одни биографы Лебедева. «Происходил из дворян, отец его был священником»,— сообщает Русский биографический словарь Русского исторического общества (СПб., 1914).

Г. Ф. Фесечко пишет: «Большинство биографов указывают, что отец Лебедева, да и он сам, состояли в Петербургской Придворной капелле. Просмотренные нами архивные документы состава Придворной капеллы „больших и малых певчих“ со дня рождения Г. С. Лебедева (1749 г.) по день его отъезда за границу (1777 г.) нигде не содержат его фамилии. В списках он не

[3] Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии..., с. 11.

числится. Даже если бы он и числился под другой фамилией, мы бы попытались продолжать розыски по его имени. Но имя „Герасим“ не имел ни один певчий в эти годы. Приходится предполагать, что Г. С. Лебедев был певчим в капелле А. К. Разумовского...

Можно предположить, что отец Г. С. Лебедева был священником в доме Разумовских, которые вместе с Андреем Кирилловичем Разумовским находились в опале до 1777 года, до дня назначения Андрея Кирилловича полномочным министром и чрезвычайным послом в Неаполь. И в его свиту, в капеллу, был назначен Г. С. Лебедев. Не мог же А. К. Разумовский взять в свою свиту „посторонних“ певчих. Находясь в капелле Разумовского, Лебедев, видимо, уже старался освоить игру на виолончели. Несомненно, он продолжал совершенствоваться на этом инструменте и в Вене... Это был первый известный нам русский виолончелист, концертировавший по Западной Европе».

Герасим Лебедев стал примечательным деятелем в истории русской культуры. Помнят его до сих пор и в Индии. Современник Хандошкина, Максима Березовского, Бортнянского, Лебедев был признанным музыкальным деятелем только в зарубежных странах — как и Березовский. В Вене, в городах Франции и Голландии, в Лондоне, Мадрасе, Калькутте и на мысе Доброй Надежды знали музыканта Лебедева. Да и сам Лебедев, путешествуя с капеллой Разумовского, мог видеть и слушать Моцарта, Гайдна, Бетховена. Ведь посвятил же Бетховен три струнных квартета Разумовскому.

Виолончелист, создатель музыки к своим переводам английских пьес на бенгальский язык, дирижер оркестра, театральный постановщик и преподаватель в Индии, Лебедев успевал собирать и музыкально обрабатывать фольклор. Он же — первый из европейцев наряду с англичанином Вильямом Джонсом — изучал бенгальский язык. Изучал и религию, священные индийские обряды, народный быт и санскрит — древний язык Индии. Привез свои записки в Петербург. Часть из них напечатал в Лондоне.

Разностороннее артистическое дарование, страстное желание больше знать, учиться, видеть, путешествовать и вечная нехватка денег гнали Лебедева из страны в страну. Он пережил «невероятные трудности, от ненавистников и злодеев гонения и всякие неудобства и неоднократно был в отчаянии лишиться моей жизни» — так он писал.

...Вот уже несколько месяцев на Капе. Больше года тянется маята, начавшаяся еще в Калькутте. Дельцы из Ост-Индии хотят доконать Лебедева. «Утеснения без вины» чинят. Лебедеву невдомек его вина. И прямо сказать ему ни «компанейцы», ни сам губернатор Капа не могут.

Связи Лебедева, его дружба с индийцами казались подозрительными, как и сама защита бенгальского языка, когда англичане хотели привить свой язык. Лебедев еще отважился писать и современную географию Индии, «довольно обстоятельную, но, к сожалению, названия областей и городов употреблены по большей части индийские... это доказывает, что Лебедев писал ее по личным сведениям, а не по книгам, давно в Европе напечатанным» [4].

Он был арестован по ложному доносу. Сумел с помощью индийцев доказать свою непричастность к каким-то денежным махинациям. Но театр закрыли.

«Помянутые обидчики, кроме оскорбления, всячески старались меня обвинить дурного поведения человеком, только ложные их плутовские сообщения послужили больше к моему оправданию». Но невзгоды продолжались и после оправдания.

«Достопочтенному лорду Макартнею... Милорд... Приняв решение вернуться в Европу, я... вынужден был обратиться к Уильяму Томсону, капитану корабля „Лорд Терлоу", с вопросом, удобно ли ему будет отвезти меня на своем судне в Англию. Он ответил мне, что если генерал-губернатор даст ему приказ, он не будет возражать... 10 декабря мы продолжали наш курс, 11, 17 и 19-го 2-й, 3-й и 5-й офицеры пригласили меня провести вечер, наслаждаясь музыкой... 25 декабря вечером между 7 и 8 часами я спросил корабельного казначея... на какой широте мы находимся. Услышав это, первый помощник капитана спросил с презрением, что́ побуждает меня задавать такой глупый вопрос, и начал меня ругать... свалил меня ударом... потащил меня по юту и чуть не убил... ужасное чудовище угрожало заковать меня в кандалы и заткнуть мне рот куском дерева, как он заявил, за бунт. Хотя капитан Томсон помешал ему это сделать, ему не понравилось, когда я пожаловался, и только ответил, что меня стоит повесить, не сказав мне за что.

Отчаявшись получить разрешение сойти на берег и находясь под страхом лишиться жизни... решился я пойти на унижение... я стал на колени и просил капитана Томсона сказать мне: за что так жестоко и бесчеловечно обращаются они со мной».

Лебедев это сделал, когда у борта корабля находились адмирал Прингл и представители капского гарнизона. Томсон не мог тут без объяснений задерживать Лебедева. Но в корабельный бот его не пустил. С быстротой человека, увидевшего путь к спасению, Лебедев принял решение. Он окликнул одного из лодочников на пристани и на глазах портового начальства, когда Томсон не смел задержать его, спустился в лодку, как был на палубе, оборванный, без багажа.

В костюме, разорванном после побоев на ост-индском кораб-

[4] Воспоминания на 1832 год..., с. 76.

ле, ходил Лебедев в приемную губернатора Капской области искать защиты. «Главнокомандующий войсками мыса Доброй Надежды лорд Макартней» выслушивал Лебедева, вызывал свидетелей-матросов. Он в какой-то мере защищал Лебедева, помог ему потом в устройстве концертов в Капштадте, в сборе денег на плавание в Европу. Но и он не мог сделать особенно много для этого подозрительного чужестранца.

В письмах «вашему высокому превосходительству» С. И. Плещееву в Петербург и «вашему священству» Я. И. Смирнову в Лондон Лебедев рассказывал:

«И представился пред губернатора, и он мне сказал, г. Лебедев, в моей силе есть только послать жалобу твою и оправдание к штатскому секретарю в Лондон, сделать ничего с ними здесь я не могу, они компанейские, а я королевский офицер» — это из письма С. И. Плещееву в Петербург от 8 марта 1798 года.

«Я при сем хоша и вспомнил, что ворон ворону глаз не выклюет, только милорду о сем не сказал» — это Я. И. Смирнову, своему «приятелю», в Лондон.

А вот этих слов: «Он принял меня хорошо и больше для того, что я уверил его свидетельством, данным мне в Колкоте от разных персон о поведении моем» — Лебедев не написал и Плещееву. Но в своем дневнике отметил.

Честолюбие артиста, пользовавшегося большим успехом еще так недавно! Конечно, показать эти свидетельства Лисянскому было бы неловко. Кроме того, артист, вероятно, рассказал генерал-губернатору и о своих встречах с высокими особами в Европе, и об их благоволении к нему. На английском языке Лебедев в присутствии начальника всего Капа выбирал простые, доходчивые слова и выражения. Артистическую размашистость движений, шокировавшую морского офицера Лисянского, Лебедев здесь сдерживал. Да и немолодой лорд лучше разбирался в людях и как принципал всей Капской области не мог отказать Лебедеву в его требовании справедливого суда.

Побитый, в поношенном костюме, Лебедев все же умел, когда это необходимо, держаться с достоинством. Воспитанник капеллы, куда отбирались мальчики «лицом недурные», он прошел под руководством музыканта-педагога и хорошую школу «манер,— како себя держати, будя при дворе».

...Сколько пришлось вынести! Европа, успех, надежды. А потом — такое. И нет просвета. Жаловался своим знакомцам, капштадтским бурам, на тяжкую судьбину. А у тех на все — строчки из единственной почитаемой книги, Библии: «Не говори: „отчего это прежние дни были лучше нынешних?“, потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом». А как понять это? Что так и быть должно? Или что только, мол, кажутся беды, а все и не так на самом деле?

Герасим Степанович сидит у моря на камне. Вспоминает.

Предштормовые волны бьют в скалы. Чайки кричат перед бурей. Корабли на рейде снимают паруса. На душе становится спокойнее...

Год 1798-й

Дневник Лебедева о житье-бытье на Капе был обнаружен сравнительно недавно, в 1959 году. Он хранится в Пушкинском доме в Ленинграде. «Африканские дневники, записи и письма из Африки Герасима Степановича Лебедева». Дневник начат на Капе 12 февраля 1798 года, окончен 14 февраля 1800 г., по прибытии в Лондон.

Записи иногда не вполне ясны по языку, устарелому даже для конца XVIII века. Лебедев за двенадцать лет в Индии редко находил возможность говорить по-русски. Кроме того, он, вероятно, не успел и в России научиться писать вполне грамотно. «Я до времени моего путешествия,— писал Лебедев в „Беспристрастном созерцании",— своих национальных словесностей пособиями не довольно был снабден». Не только Лисянскому и нам старомодным казался разговорный язык Лебедева. В книге «Беспристрастное созерцание» справщик (корректор) исправлял стародавние и простонародные выражения.

Несколько записей сделаны на английском языке — Лебедев им, видимо, свободно владел. Мы приводим их в переводах, которые даны в сборнике документов «Русско-индийские отношения в XVIII веке», вышедшем в 1965 году.

Этот дневник — ценное свидетельство тех времен, особенно о том, как чувствовал себя россиянин в далеких южных землях. Правда, большинство записей Лебедева относятся к его жалобам, суду, хлопотам для оправдания. Все же, несмотря на все злоключения, Лебедев оставался полон энергии и инициативы. Прежде всего музыкантом, артистом. Немного фантазером, человеком впечатлительным, а потому, может, и немного мнительным.

Вот записи первой недели его жизни в Капштадте.

«11-го числа февраля 1798 в четыре часа пополудни, с корабля переехал в город Кап и ввечеру ходил в губернаторской дом видеть секретаря Максвеля и рассказал ему об обиде.

12-го числа я говорил с губернатором лордом Макартнеи.

13-го числа февраля 1798. За два дни, за квартеру и кушанья заплачено 2 шпанские талера... за провоз с корабля — 1 талер. Видел губернатора лорда Макартнеи и сделал ему жалобу...»

Почему приходилось останавливаться на квартирах, а не в гостинице или хотя бы на постоялом дворе? Объяснение есть у Вальяна, того французского путешественника, с которым Ка-

рамзин хотел повидаться в Париже. Его книга о Южной Африке была переведена в Москве в 1793 году. В Капштадте Вальян жил на полтора десятка лет раньше Лебедева. Он писал:

«Удивительно показалось мне то, что в такой колонии, где бывает толикое множество чужестранцев, нет ни кафейни, ни трактира; однако то правда, что можно квартировать почти у всех частных особ. За покой и за стол обыкновенно платят по одному пиастру».

Капштадт Вальяну представлялся таким: «Он составляет амфитеатр, продолжающийся до самых берегов моря. Улицы несмотря на то, что широки, не слишком способны или хороши, потому что худо вымощены. Домы, кои все почти построены на один образец, изрядны и просторны. Для предупреждения тех следствий, кои могут произойти от тяжелой кровли, когда дуют сильные ветры, кроют их тростником. Внутри сих домов не видно бесполезной и излишной роскоши, уборы в них простого и благородного вкуса. Никогда не увидишь там обоев; главное их украшение состоит в расписанных стенах и зеркалах» [5].

Конечно, за полтора десятилетия кое-что могло и измениться, но гостиницы, должно быть, все-таки не было. Лебедев записывал: «14-го. После обеда перешел в другую квартеру, в дом именуемого Диль (Mr. Dell), Кастел стрит, где в первый раз ужинал и ночевал».

Получив крышу над головой, Лебедев гадал, как ему выручить свой сундук с «Лорда Терлоу». Капитан же Томсон выискивал, на каком законном основании можно вскрыть сундук. Черт его знает, что он там везет в Россию! Место на корабле занимал, даже не заплатив, ехал за счет Ост-Индской компании, а туда же, все строит из себя благородного, на каких-то своих правах настаивает!

Отнять сундук да прогнать его в шею! Где бы такого не сделали? Но тут британский лорд, представитель страны законников. И Лебедев все-таки добился законного суда.

«15-го. Лорд Макартней дал повеление, сообщенное английской купеческой почтенной компании агенту (Mr. Pringell) г. Прингелю; приказать капитану Вилиам Томсон отдать мне сундуки и другие вещи.

16-го. Я ездил на корабли. Заплатил 75 рупий сикка за кушанье. Получил сундуки, но добро разных кусков было мне не отдано».

В сундуках — «духонетленный товар словесных наук, для пользы соотечественников и славы своего государя, индийские книги и рукописи». Двенадцать лет трудов заключены в сунду-

[5] [Вайян Ф.]. Путешествие г. Вальяна во внутренность Африки... Т. I, с. 18—19, 21.

ках. Там записи бенгальского языка и хинди, словари санскрита, календари...

А «добро разных кусков» — это «нежные муслины» и дорогие шелка. Были они в «связке».

«17-го числа февраля дано другое приказание о отдаче моего добра в связке.

Воскресенье, 18-го. Поверенный (Porser[6] Mr. Bally) Бъэли по второму приказанию отдал связку моего добра, которую 22-го числа развязал, осмотрел и нашел все пятьдесят кусков перепорчены морской водой».

А этими образцами «красного товару» Лебедев хотел склонить правительство и купцов к скорейшему установлению постоянных морских торговых связей России с Индией. Герасим Степанович не раз уже писал из Калькутты послу в Лондоне С. Р. Воронцову о возможности России торговать с Индией. Просил выслать деньги и «пашпорта» для приобретения в Индии судов и закупки товаров для России, чтобы, вероятно, с помощью других россиян, находящихся в Индии, начать постоянную торговую связь с этой богатой товарами страной. Дальновидный политик, граф Воронцов не откликнулся. Лебедева он знал только как даровитого музыканта.

Так вот ради какого багажа так упорно, настойчиво бился Лебедев! Кроме того, он нуждался в деньгах для возвращения в Россию и, очевидно, рассчитывал какую-то часть тканей продать в Капштадте.

Следствие продолжалось. «28-го числа февраля. В Капе Доброй Надежды Годсон и Кристя, два капитана, два тех же офицера —порсер Бель, Вильсон — и я пришли в десять часов в назначенное время, но свидетели, которых я назначил — они были то пьяны, то показывали без принятия присяги.

1-е число марта 1798 в Капе мысе Доброй Надежды.

В восемь часов поутру, опять в доме комиссара Прингеля, сошлось собрание, и когда сели мы все по местам позван был свидетель, именуемый Иван Крукер (John Croker), которому г. Прингеля секретарь или (clark) канцелярист, прочитал следующие слова: ты должен говорить правду и сделать свидетельство о том, что видел и слышал между г. Вильсоном и Лебедевым.

При сем просил я собрание позволить мне напомянуть им нижеследующее, и они с затруднением, однако позволили сообщить».

Это сообщение написано на английском языке вне русского текста: «Когда вы определены разыскать и если о моем нещастном деле, я надеялся, что вы согласоваться будете с обыкновением и законом и не примете уведомления от свидетелей, не

[6] Правильно «purser» — начальник хозяйственной службы на корабле.

сделав им сперва каждому свидетелю присяги. Человек хмельной не должен быть допущен делать свидетельство или без обязательства присягою».

И далее: «Я требовал опять позволить мне списать копию с расспросов, но они не позволили!»

Но наконец получен и последний багаж. В записях и письмах Лебедева из Капштадта все больше отражается интерес к жизни, к быту на Капе. Он выезжает на фермы. Знакомится с земледельцами. Отношения с голландскими поселенцами устанавливаются дружественные. Голландские поселенцы покровительствовали уже хотя бы из ненависти к «этим канальям» британцам. И Лебедеву понятнее и ближе была неторопливая жизнь буров, во многом схожая с российским бытом однодворцев-хуторян, мелких помещиков и купцов.

Связи с бурами во многом помогли ему. На обороте 43-го листа дневника: «Следующее письмо написано по-голландски моим приятелем господином (Mitchel Gie) Ги или Ки».

«Милостивому государю, уважаемому господину Гендриху Инстинусу, бургомистру г. Лейдена, и господам советникам ратуши этого города.

Милостивые государи. Нижеподписавшийся господин недавно приехал из Калькуты в этот город, и хотя благодаря великодушной помощи властей и видных горожан получил возможность заниматься своей профессией — музыкой, в то же время пребывание в этом городе...» Письмо на этом обрывается.

Зачем это письмо, нам непонятно. Но определенно чувствуется уважение и заботливость голландских поселенцев к Лебедеву.

Лебедев присматривается к природе. Собирает коллекцию раковин — некоторые, особенно понравившиеся, зарисовывает в своем дневнике. Даже почерк в записях становится отчетливее, яснее, и изложение не такое сбивчивое.

Начало зачеркнутого текста на 27-м листе: «Чтоб в Африке видеть разные места, я желал бы для сего на несколько времени в ней остаться, если б ко мне переслал кто хоша пять тысяч рублев; и кому б в России точно б с процентами заплатил чрез ввезенные гиндостанские и африканские уведомления, и, особливо, для... торговли. И если угодно только Вашему высоко[превосходительству] во оном мне помочь, вы можете скоро уведомить меня о сем».

Лебедев отмечает и «празднество» живущих в Южной Африке малайцев — время сбора винограда. Он писал Смирнову:

«17-го я переехал от мистера Делла в дом мистера Роха. 18-го я получил две бутылки вина Ентри. Празднество для Нового году малайским народом в городе Капе исполнилося сего м-ца и в апреле, в осеннее сие время, собирается обыкновенно виноград и делается вино, но с горы Конштанской собирается

позже. В начале апреля м-ца перестает дуть восточный ветер и начинает северный холодный ветер дуть, который нередко выдувает из морского Капского заливу на берег корабли и где иногда разбиваются, и чтоб сохраниться от губления сего, корабли отплывают в половине апреля в Симонс-Бей; иначе называется (Фальс-Бей), Фальшивая пристань, в которой остаются до сентября м-ца, иногда доле».

«8-го числа апреля 1798. По римскому исчислению. Воскресенье христово было праздновано в Капе, в сей день, с капским купцом г. Меэром. С его хозяйкою и с другими обедали на мызе у горы Бекера, лежащей от Капа расстоянием два часа (рысью верхом ехавши) не доезжая до Конштанской (Constantion) виноградной горы, которая лежит дале, около четверти часа, около шести часов, в сей день к вечеру начался дуть сильный ветер и продолжался будущего дня до 12-ти часов».

Лебедев видит обращение с работными людьми и с домашними слугами. Голландец хеер Вильдт — в его доме на Сики-стрит живет теперь Лебедев — позволяет себе над безвинным черным слугой «тиранические дурачества». Только ли «дурачества»?

«15-го числа сентября 1798. В субботу были повешены два черные человека родом мозамбицкие, за убийство злого своего хозяина: который купил их в акционе... Города Капа жителей за тиранство и их правителей за нехранение добрых установлениев ради народа: благочестивым и человеколюбивым надлежит уведомить свет, обличить их деланным ими несносным варварством».

Не по душе ему и посредничество англичан в продаже российских товаров. Он писал позже: «Англичане, которые хозяйствуют уже почти во всей Индии... Они привозят в Индию по большей части из России получаемые товары — по их мнению грубые, как рушен бер, то есть русские медведи. Таковые товары суть: мачтовые деревья, пильные доски, пенька, лен, парусное полотно, юфты, диоготь, сало, железо полосное и дельное, сталь, гвозди, икра, клюква и брусника» [7].

Но, энергичный, деятельный, он все же скоро осваивается и здесь, на мысе. Начинает готовиться к концертам.

Концерты русского виолончелиста

В дневнике Лебедева сохранен даже образец двухкрасочного билета на его концерт в Капштадте.

Были концерты «подписные» и не подписные. Но сколько все-таки концертов на Капе он дал, неясно. Вот его записи.

[7] Беспристрастное созерцание..., с. 171.

«В мысе Доброй Надежды (Cape of Good Hope) 30-го числа марта 1798-го году в доме вдовы Льонтен (но теперь мадам Блесер) мною дан был концерт с позволением губернатора лорда Макартней и с помощью капского купца г. Михаила Ки; его брата и французского офицера г. Сантаньон, иначе Сантион, великих любителей музыки. Лорд Макартней сделал мне честь посещением его, в собрании больше двухсот персон: каждая заплатила 3 рейхс талера (двенадцать английских шиллингов) за вход».

На листе 35, на английском языке, приглашение на этот концерт, написанное уверенной рукой музыканта, дававшего успешные концерты в столицах Европы, в городах Индии.

«Концерт. Мистер Лебедев приносит свою благодарность леди и джентльменам, подписавшимся на его концерт, и сообщает им, что концерт состоится в беседке мистера Луинтена, Нуланд стрит... 30-го числа... Деньги у дверей не принимаются, и никто не будет впущен без билета. Мистер Лебедев просит подписчиков любезно прислать за билетами в день, предшествующий концерту. Капштадт. 26 марта 1798».

Интересно было бы поглядеть, что собой представляла публика на концерте Лебедева да и как выглядело это «собрание больше двухсот персон». Там, наверно, был весь цвет Капской колонии. Вместе с лордом Макартни из Англии прибыло немало чиновников и офицеров с семьями. И сам Макартни, или Макартней, как именовал его Лебедев, тоже пришел на концерт. А он, надо думать, знал толк в музыке. Интересный был человек. Чего только он не повидал в своей жизни! Посмотреть хотя бы перечень его трудов: размышления о Российской империи, дневник посольства, направленного английским королем к китайскому императору, очерк политической истории Ирландии...

Да и пост, на котором Макартни находился в 1797—1798 годах, тоже был весьма важен. Воспользовавшись союзом Голландии с враждебной Францией, Англия в 1795 году захватила у Голландии Капскую колонию. Наполеон так объяснял начатую им в 1798 году египетскую кампанию: «Мы должны взять Египет, если уж не можем выгнать Англию с мыса Доброй Надежды». Первым английским губернатором здесь и стал Макартни.

Секретарем Макартни был Джон Бэрроу, путешественник и натуралист. О своем пребывании в Капской колонии он в 1801 году выпустил книгу, которая считается классическим трудом о тогдашней Южной Африке. На нее в дальнейшем ссылались и капитан Головнин, и Гончаров в своем «Фрегате „Паллада“».

Тогда же приехала в Капштадт леди Анна Барнард. Ее письма с Юга Африки вышли спустя сто лет и стали интереснейшим документом о жизни на Капе в 1797—1801 годах.

Эти люди наверняка были на концерте Лебедева. Если не на этом, так на следующем, через месяц.

«28-го числа апреля, в субботу, в доме Данила де Вал, в улице Странд дан был мною второй концерт с позволением лорда Макартней. Из Мадраса лорд Гоберт и другие многие пассажиры; также из Калькоты; были в концерте».

«В городе Капе четвертый, публичный концерт был мною дан 15-го числа октября 1798, в понедельник и следующие дни было уведомление». «Концерт. Мистер Лебедев почтительно извещает подписчиков на его концерты, что первый концерт состоится в доме мистера Уолла, Готтентот сквер, сегодня вечером, 15-го числа этого месяца, и начнется точно в 7 часов... Капштадт. 15 октября 1798».

«...Последний подписной концерт в Капе был дан 19-го числа октября, в пятницу».

Конечно, немалую часть публики на концертах Лебедева составляли и местные белые жители. Потомки тех первых выходцев из Голландии, которые основали Капштадт полутора веками раньше. Обосновались тут люди бедные, те, кому, подобно фландрским гёзам времен Тиля Уленшпигеля, нечего было терять у себя на родине. Но богатая природа Юга Африки и возможность использовать труд рабов сделали многих из них людьми состоятельными. Прекрасные каменные дома в старинном голландском стиле украсили улицы Капштадта.

Еще зажиточнее были потомки выходцев из Франции — гугенотов, которым пришлось уехать из Ла-Рошели и других мест после того, как Людовик XIV в 1685 году отменил эдикт своего деда Генриха Наваррского о веротерпимости. Гугенотские винодельческие хозяйства переместились на Юг Африки, и капское вино во времена Лебедева и Лисянского приобрело уже такую известность, что о нем в своих стихах писал поэт Василий Васильевич Капнист.

Эти-то люди потом, особенно в конце XIX столетия, стали известны в Европе как буры (по-голландски это слово означает «фермеры, крестьяне»). Большинство выходцев из Европы действительно были фермерами. Называли они себя африканцами. По-голландски — африкандерами. Потом, с постепенным развитием их собственного языка, довольно заметно уходившего от голландского, они назвали свой язык африкаанс, а себя самих африканерами, то есть опять же африканцами.

Лебедев и Лисянский были первыми русскими, кто хоть что-то написал о них.

Белые южноафриканцы даже в самом Капштадте не были во времена Лебедева изощренными ценителями музыки. Голландская Ост-Индская компания, хозяйка Капской колонии вплоть до английской оккупации, совсем не стремилась к насаждению культуры даже в среде колонистов. Да и вообще оторванность

от Европы наложила отпечаток на всю жизнь колонии и сказывалась еще очень долго. Она чувствуется даже в наши дни.

Все это не значит, конечно, что из местных слушать Лебедева было некому. Кто-то хотел выйти в свет — не так ли и сейчас бывает в филармониях? А в Капштадте тогда не часто концерты бывали. Иным не терпелось использовать случай и ближе сойтись с англичанами, новыми хозяевами Капа. Но были, верно, и такие, кто любил музыку, понимал ее. Вот и успех Лебедеву.

Из письма священнику Смирнову в Лондон: «Чрез сие письмо желал только уведомить, что я в городе Капе нахожусь еще, жив и что по желанию имел уже щастие публику позабавить двумя моими концертами, обретши похвалу и одобрение... от которых после всех заплат получил более 400 (рублев) талеров».

На 45-м листе Лебедев рисовал раковины, витые спиралью, морскую звезду и мяч, шитый из кусков, по виду как футбольный.

...Герасим Степанович поморщился: не умею гладко писать. Сколько языков изучил, а по-русски пишу, как и двадцать лет назад, не больно грамотно. Да и говорю старомодно. Лисянский оттого, может быть, и не все понял из моих речей торопливых.

Лебедев рисует в дневнике раковины. И все белые, блестящие... Слепящая белизна зимы. Как хрустит снег под ногами в мороз? Уже забыл. Снега! Не видывал их столько годов. Уют низеньких комнат, тепло русской большой печки, ласковый треск и мелькание искорок и гудение в трубе. Оно какое-то свое, особенное и так в лад идет к запушенным окнам, к мурлыканью кота... Все это далеко, на другом конце света. Ощущение неприкаянности зашевелилось в груди. Один. Здесь! А там, в Петербурге... И плохое издали чудится славным.

День за окном начинает сереть. Лебедев убрал свой дневник на самый низ ящика в столе, повернул ключ в замке. Так-то вернее. Взял виолончель.

С музыкой — не один. Гайдн и молодой Моцарт здесь, в комнате. Вместе с Бахом и Генделем сопровождали они Лебедева по городам и странам. Их музыка всюду с ним, всюду рядом, всегда готова звучать. Она как гул морского солнечного ветра в парусах, как всплески волн. Отодвинулись привычные тяжкие думы. Распрямилась спина. Будто ветерок подул в комнату, освежил, подзадорил.

Герасим Степанович вышел на улицу. Сумерки густеют. Кое-где люди уж с фонарями, освещают путь в переулках. Навстречу легко идет женщина в раковинно-светлом блестящем платье, издалека видится. Ветер играет снежным шарфом. А рядом, как злой дух из сказки,— бритт. Холеное лицо, дорогой костюм,

трость из слоновой кости — все подсказывает благоденствие. Надменности-то сколько! Искоса взглянул на лохматую голову Лебедева и отвернулся. А женщина глядела долго, улыбалась его стремительности, его радости неизвестно чему. Когда-нибудь и со мной под руку пойдет такая? Забыл свои года. Забыл свое бобыльство четвертьвековое. Забыл о заплатах на костюме.

Ветер пахучей свежестью океана выдул сомнения, вернул давно забытое ожидание чего-то необычайно хорошего, что будет с ним — и скоро.

Моря — лишь заливы великого единого океана. К ним волны несут ту же соленость, тех же рыб, океанских зверей и гадов, водоросли и раковины. Большие и малые, сверкающие и потускневшие раковины находят люди на полях, в горах, в лесах, в колодцах, на кладбищах. Океан, он всюду, на всех землях побывал. Играючи заливал материки, и скатывался, и снова гнал живые, сомкнутые стеной волны на самые крутые побережья.

Лебедев смотрит в черное, звездное небо. Не наше оно, другое. Сколько уж лет оно над ним. Видел его в Индии, когда выходил из своего театра. И здесь, на Капе. Выплывают в детстве слышанные строчки:

Ты, звезда моя, ты звездочка,
Ты звезда ль моя восхожая,
Ты ль звезда моя золóтая!
Высоко ты, звезда, восхóдила:
Выше солнца, выше месяца,
Выше облака ходячего,
Выше лесу стоячего,
Выше лесу темного...

Ночная птица с острым, хищным криком пролетела, невидимая...

Как оно зарождается, стремление к странствованиям? Может, от птицы оно у человека? Или от ветра? Морские ветры. Крики птиц перелетных. Солоноватый ветер словно застыл в неподвижном судне у причала. На палубе, в реях, в опущенных парусах.

И в Индии и здесь, на Капе, всегда любовался Лебедев кораблями. Парусник на море далеко еще, но видно, как он, качаясь, правит к берегу. И вот подходит. Бесшумно. Сбросив паруса, он, раскачиваясь, кланяется новым побережьям и замирает у пристани.

На морском берегу раздумывается человек. Давным-давно, в Петербурге, на острове Голодае и в Петергофе, оставаясь один на берегу, думал Лебедев о дальних странствиях, о заморских краях. Теперь он знает эти края.

Индийские рукописи, коллекции, записи — все привезет он в Петербург. А в памяти сколько! Каждый день помнится, чуть не

каждый час. И кажется — так и останется все, ничто не уйдет. А его-то вспомянут здесь?

На память снова приходят стихи, теперь современные, только что слышанные — вот об этих местах, о мысе Доброй Надежды. Написал их немец с таким длинным именем — Кристиан-Фридрих-Даниель Шубарт.

Пускай встает за валом вал,
Клокочет и кипит.
Пускай нас ветер валит с ног,
Но здесь есть бог, и там есть бог,
Который нас хранит.

На мысе радостных надежд
Мы будем пить за вас,
За вас, далекие друзья...
И слез сдержать никак нельзя,
Струящихся из глаз.

...Да нет, как будто все хорошо. А кажется, что-то осталось несделанным, недодуманным. Это море будоражит, тревожит ожиданием чего-то неизведанного.

К вечеру особенно громко чайки кричат. Десятки их скользят над самыми волнами прибоя. Белые крылья, белая пена — словно снежная поземка бьет в скалу. Скорее бы уехать к своей зиме.

И деньги уж собраны на дорогу в Лондон и домой, в Петербург. Но Лебедев все еще остается, чтобы «в Африке видеть разные места». А ведь трудно их было собрать, эти деньги. Вдруг улыбнулся. Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет. Нужда привела меня и в Европу и сюда. Старые люди говорили: «Буря смелого метит, штилем терпенье испытывает, штормом от скуки полечит». Вот так-то! Что бога гневить. Мне-то еще повезло. Сколько вояжей, сколько по суше и по морям странствовал, бог дал сил, здоровья.

Сколько бы мог Лебедев важного записать о тогдашнем Капе! Момент в истории Юга Африки был переломный. Кончалось голландское господство, начиналось английское. Жизнь круто менялась. И Лебедев видел ее. Бывал, судя по его записям и письмам, не только в Капштадте. Упоминает заливы Фолс-Бей и Симонс-Бей, крупнейшую винодельческую ферму Констанция, пишет не только о белых, но и об африканцах, о малайцах, которых привозили в Капштадт в качестве рабов. Но все это вскользь. Лебедев весь был в устремлении домой. Да в своих обидах.

Все равно, конечно, его записи очень интересны. В Кейптауне в наше время, в шестидесятые годы, перевели на английский

и издали записки капитана Головнина, побывавшего там через десять лет после Лебедева, и южноафриканские главы гончаровского «Фрегата „Паллада“». Знают ли там о записках Лебедева и Лисянского?

Герасим Степанович «2-го ноября 1798 из города Капа перешел на корабль „Принц Вильям Генри“». Ввиду военного времени корабль шел в составе эскадры. «4-го числа в воскресенье, пополудни после первого часа, во флоте 11-ти кораблей» оставил мыс Благие Надежды и взял курс на остров Св. Елены. Лисянский еще раньше отбыл в Индию на английском военном корабле.

«17-го числа ноября прибыли пред Сант Гелену... 3-го числа декабря 1798 я в театре играл концерт на виолончели... 6-го числа (четверг) пополудни в один час, отправились от Сант Гелены в Англию».

Выехал Лебедев из Петербурга певчим посольского хора. Приехал основателем русской индологии. Поседевший, измученный «утеснениями» англичан в Калькутте и на Капе и обиженный непонятным ему «неудовольствием» посланника Воронцова в Лондоне.

Возвращение в Россию было для Лебедева затруднено, вероятно, из-за его связей с русскими эмигрантами в Лондоне, с «русскими якобинцами» (Павел I просил английское правительство выдать их ему). Возможно, дошли слухи о неприятностях Лебедева на «Лорде Терлоу», где его сочли бунтарем.

Лебедев вернулся в Петербург уже после смерти Павла I. Довез-таки сюда свои видавшие виды сундуки и связку шелков и муслинов. Коллекции индийских рукописей поразили директора Императорской публичной библиотеки А. Н. Оленина. О своей другой коллекции — перламутровых раковин, редких минералов и сушеных морских коньков, собранных в Индии и на Капе,— Лебедев рассказывал поэту Жуковскому и молодому Вяземскому, когда они заходили в Азиатский департамент Коллегии иностранных дел. Он служил там переводчиком индийских языков, сначала был коллежским асессором, а потом надворным советником.

Умер Лебедев в Богадельном переулке, вероятно в том же доме, где была его типография. Молодая жена поставила ему памятник на Георгиевском кладбище Большой Охты. Сейчас это надгробие можно увидеть в Музее Александро-Невской лавры в Ленинграде.

Сей муж с названием согласно
три части света пролетел,
полет он делал не напрасно,
в отдаленнейший предел

Он первый из сынов Российских
Восточну Индию проник, и

Списки нравов сняв индийских
В Россию их принес язык.

Без всех ума образований, толь
важный совершил полет, состав
от индийских мудрований
не без успешно выдал в свет...

Экзекутор Константинов 16 июля 1817 года отметил в рапорте в Коллегию иностранных дел: «Ведомства оной коллегии надворный советник и кавалер Герасим Степанович Лебедев сего 15-го числа волею божиею помре, о чем государственной Коллегии иностранных дел и рапортую».

Капштадтский дневник кронштадтского моряка

Юрий Федорович Лисянский тоже оставил нам свой дневник о пребывании на Капе — «Журнал лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, веденный им во время службы его волонтером на судах английского флота с 1798 по 1800 год» [8]. Там и его письма в Россию к старшему брату Ананию, тоже морскому офицеру. Есть запись и о встрече с Лебедевым.

В письме, отправленном еще из Англии 18 марта 1797 года,— о желании изучить лоцию Капа, научиться водить суда на самом опасном участке пути к странам Востока. В те годы оно появлялось, очевидно, не у одного Лисянского, а у многих других моряков.

«Приехавши вчерась в Портсмут, я с Крузенштерном и Баскаковым явились к капитану Боельсу, на корабле которого „Резонабле" должны идти к мысу Доброй Надежды... Мое намерение есть остаться у мыса Доброй Надежды на четыре или пять месяцев, дабы познакомиться несколько с Африкой, а особливо с оконечностью оной, которая весьма нужна для плавания к востоку оной».

Это намерение возникло у Лисянского не внезапно. Сразу же по возвращении в Англию из плавания в североамериканских водах он доложил о нем русскому послу в Лондоне графу Воронцову (к которому постоянно обращался и Лебедев).

«5-го [января 1797 г.] прибыл в Лондон и явился к графу Семену Романовичу Воронцову. Желание, которое я имел идти в Восточную Индию, понравилось его сиятельству, так что он не токмо обещал мне исходатайствовать к тому случай, но даже писать о моей охоте к государю императору».

[8] ЦГАЛИ. Ф. 1337, оп. 1, ед. хран. 135. Все даты Лисянский давал по новому стилю.



Таким был Лисянский
в пору своей славы

И соизволение вышло от Павла, который еще в бытность великим князем одобрил и отправление Лебедева в Индию.

В плавание к Южной Африке Лисянский отправился не один, а еще с двумя русскими офицерами — Крузенштерном и Баскаковым. «14-го [марта 1797 года] я с господином Крузенштерном и Баскаковым получил повеление ехать в Портсмут и явиться на корабль, дабы при первом благополучном ветре идти к мысу Доброй Надежды».

Третьего июня 1797 года «увидели... берег Столовой бухты, тогда сделавши сигнал... поставили все паруса и к вечеру за маловетрием стали на якорь в Фальшивой бухте». Прибыли на мыс Доброй Надежды на восемь с лишним месяцев раньше, чем Герасим Лебедев прибыл туда же с другой стороны, из Индии.

Так в середине 1797 года на Юге Африки оказались одновременно три русских офицера. К сожалению, об их пребывании мы можем судить только по дневнику и письмам Лисянского. Может быть, Крузенштерн и Баскаков вели какие-то записи во время стоянки на Капе, но нам их пока не удалось обнаружить.

Лисянский пробыл в Капской колонии дольше, чем те четыре или пять месяцев, на которые он рассчитывал. Ходил по южноафриканской земле немногим меньше года. Из дневника и писем трудно понять, что было главной причиной такой задержки. Какое-то время его задерживала неожиданная болезнь, но она, конечно, была не единственной и не главной причиной. Даже по выздоровлении он отправился в Индию далеко не сразу.

Крузенштерн оставался на мысе Доброй Надежды не меньше трех-четырех недель. Об этом можно судить по такой записи

Лисянского: «23-го [июня 1797 года] фрегат „Луазо", на котором я служил в Америке, получил приказание идти в Индию для починки, господин Крузенштерн идет на оном, а я счел лучше остаться до будущего случая».

Что до Баскакова, то обстоятельства его пребывания в Южной Африке совсем неясны. Лисянский уже потом, покинув Кап, вспоминал в своем дневнике: «Эскадра... капитана Лозака возвратилась в Симонс-бухту от Бурбонских островов. Оная заходила на остров Мадагаскар, откудова господин Баскаков привез мне небольшое собрание редкостей». Значит, Баскаков плавал с Капа на Мадагаскар, а потом возвращался обратно. Но больше нам пока не удалось узнать ничего.

Да и Лисянский не балует нас подробными записями. Капштадт в его описании выглядит так: «Город Мыс лежит на подошве гор Столовой, Львиной головы и Львиного зада... Строение его все каменное и расположено по довольно широким прямым улицам, из коих четыре длинные и одиннадцать поперечных пересекаются под прямыми углами. Оный весьма хорошо укреплен, а особливо с морской стороны и имеет теперь до 5000 человек английского войска для своей защиты».

«Особливая» защита с морской стороны поколебалась на глазах Лисянского. «На кораблях... был генеральный бунт, но уже недели с три как прекращен. Наша команда также была к тому расположена от самой Св. Елены, где они получили известие о бунте своих товарищей в Англии».

Лисянскому удалось повидать не только Симанштадт и Капштадт. Он вволю поездил по Капской колонии, ночевал на фермах, разговаривал с фермерами голландского и французского происхождения. Их жестокость к африканцам он горячо осуждал.

«Один... между разговорами показал мне рану на руке, которую он получил, сказать словами его, на охоте против бушманов или диких готтентотов, он без всякого стыда продолжал свою мерзкую историю, прибавивши к тому, что здешние обыватели нередко собираются и узнавши жилище бедных дикарей, оные окружают ночью; когда от испуга ружейных выстрелов сии несчастные бросаются из шалашей своих, то тогда, убивая взрослых, берут в плен молодых, которые остаются навек их невольниками».

Да и вообще Лисянский вынес нелестное мнение о белых поселенцах Капской колонии.

«Бывши здесь более полугода, я не встретился ни с одним мысовским жителем, которого можно бы назвать человеком просвещенным... Это точная правда, что ежели мысовский житель не приобретает денег, так он, верно, спит. Господин Валиант [9]

[9] Речь идет все о том же Вальяне, авторе книг о Южной Африке.

мало ошибся, когда в путешествии своем сказал: „Я никогда не встретился со столь великим числом глупцов, живущих в одном месте в весьма хороших обстоятельствах, как в мысе Доброй Надежды“».

Так писал Лисянский, хотя у него не было оснований для пристрастного отношения. Он был принят в местном обществе.

Привлекала Лисянского южноафриканская природа. Может быть, она отчасти и задержала его здесь, заставила не очень спешить в чудесную Индию. Для него в новинку были южная природа, южное солнце, южный океанский берег.

Двадцать первого октября 1798 года Лисянский писал Крузенштерну из Капштадта: «Наконец-то мое желание совершилось, и несет меня к востоку со всею тою радостию, какую только может ощутить человек, оставивший Европу, чтобы видеть Индию, и который провел 15 смертных месяцев в ожидании к тому случаю».

Седьмого января 1799 года Лисянский на британском корабле «Септр» прибыл в Мадрас. Через десять дней «Септр» покинул Мадрас и 17 февраля бросил якорь в Бомбее. Там Лисянский жил три месяца.

Индия оставила у него яркие впечатления. В своем «Журнале» он много строк посвятил навигационной характеристике Индийского океана. Его дневник содержит указания, как нужно плавать у индийских берегов. Скалистых гряд у юго-восточного побережья Цейлона «должно опасаться, идучи в Бомбей от берегов Коромандельских, а кольми паче, ежели течение примечено будет, что здесь не редко случается, к берегу, то мореплавателю непременно надобно придерживаться к острову. Бурун на сих отмелях бывает иногда весьма велик, однако зависит от ветра».

Лисянский увлеченно рассказывает о жизни и нравах индийцев. А вот действия англичан ему не по вкусу.

Четвертого мая англичане захватили столицу Майсура. Лисянский узнал о падении Майсура 25 мая и писал о нем на пути в Россию: «...теперь и весь Майзор пал в руки англичан, чрез что они не токмо откроют сообщение с Малабарским берегом, но соделаются покойными владетелями всей Индии, то есть от мыса Де-Гала до Лагора, а может быть, и до Кабула... Целая Индия склавствует ноне под оными». Чужое слово «склав» почему-то вспомнилось Лисянскому прежде простого, своего — «раб».

«Мая 17-го [1799 года] получил письмо от нашего в Лондоне посла... Воронцова, в котором он, поздравивши меня с производством в капитан-лейтенанты, советовал как возможно скорее возвратиться в Россию... я же тогда только что зачал снаряжаться идти в Новую Голландию на небольшом фрегате, который отправить велено было для описания тех мест... дабы не

навести на себя гнева начальства, нашел за нужное оставить все свои будущие виды, а повиноваться послу».

Лисянского отозвали из-за разрыва отношений России с Англией. Он «нанял» место на торговом судне «Лоялист» и 20 мая 1799 года отправился в Англию. Как и Лебедев, Лисянский собрал на Капе и в Индии коллекции раковин и других редкостей. При отправлении в Лондон и в Россию он пишет, что везет с собой много «редкостей, которые... приобрел с немалыми трудами в прошедшие семь лет».

Лисянский вернулся в Петербург после семилетних плаваний. Привез все коллекции и записки о мысе Доброй Надежды и об Индии.

Юрий Федорович Лисянский вышел в отставку, получив чин капитана 1-го ранга. Умер он в 1837 году. Похоронен в Александро-Невской лавре, на Тихвинском кладбище. На памятнике, сооруженном по его собственному проекту,— бронзовый барельеф и надпись: «Юрий Федорович Лисянский. Флота капитан 1 ранга, командовавший кораблем „Нева" во время первого путешествия русских вокруг света с 1803 по 1806; родился 2 апреля 1773 году. Умер 22 февраля 1837 году». На другой стороне была надпись, сочиненная тоже самим Лисянским: «Прохожий, не тужи о том, кто бросил якорь здесь, он взял с собою паруса, под коими взлетит в предел небес».

Эта надпись еще в 1940 году была в целости. На обоих торцах невысокого надгробия были увеличенные реверс и аверс медалей — ими награждены были все участники плавания 1803—1806 годов. Оба эти воспроизведения медалей ныне выставлены в часовне-музее некрополя.

Два российских путешественника, музыкант и моряк, разъехались с Капа в разных направлениях, не поняв друг друга. Года три спустя оба они оказались в Петербурге и жили там, хоть и с перерывами, до конца своих дней. Оба ходили по Дворцовой площади — там и Адмиралтейство, и Коллегия иностранных дел. Оба писали о своих путешествиях. Не встречались, потому что были людьми разных сословий. Хотя оба получили в награду за свои трудные плавания равные по «Табели о рангах» чины 7-го класса гражданской и военной службы.

Капитан Лисянский «был выше среднего роста... имел серьозное лицо, седые его волосы вились природными серебристыми кудрями, говорил несколько протяжно». Он «держал себя со всеми товарищами и знакомыми, так сказать, кровным джентльменом, и это, если не ошибаемся, было причиной многих понесенных им в жизни неприятностей» [10].

[10] А. Л. Юрий Федорович Лисянский, с. 21.

Герасим Степанович, коллежский асессор, худой, быстрый, тропически смуглый. Пальто английского покроя, цилиндр. Лисянский и не узнал бы в этом по виду иностранце помятого музыканта, что-то невнятно бормотавшего в горячке обиды.

Из ходивших по Дворцовой площади гражданских и придворных чинов, вероятно, мало кто до самой смерти Лисянского и Лебедева интересовался книгами этих российских первоплавателей в южных морях, в Индии. А ведь от этих чиновников и придворных зависело издание новых книг.

Лебедев предлагал Александру I создать высшую школу для изучения в России индийских языков. Торговать, установить постоянные связи со сказочно богатой Индией, которую грабят англичане. И привозят в Индию «по большей части из России получаемые товары».

Лисянский пытался издать свою книгу о первом русском плавании кругом света, передать свой опыт, рассказать о первых удачах кругосветного плавания на русских кораблях. Но министр морских сил П. В. Чичагов, сын екатерининского адмирала, холодно встретил Лисянского в 1806 году. И не нашел лучшего основания для отговорки, как ненужность двух книг об одном и том же, хотя бы и о первом плавании кругом света (рукопись Крузенштерна уже была принята в печать). Лисянский подал в отставку и в 1812 году издал книгу на свои средства. «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах по повелению е. и. в. Александра Первого на корабле „Нева“ под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана 1 ранга и кавалера Юрия Лисянского».

Неизвестно, давал ли Лебедев публичные концерты в Петербурге, или все его время и силы занимало издание книг об Индии, «в которой для изъятия предлагаемых здесь предметов в пользу отечества, чрез целые двенадцать лет, жертвовал я там моим иждивением и жизнью».

На музыкальных вечерах в салоне Оленина Лебедев знакомил петербуржцев и с жизнью Индии. Храмы, дворцы раджей, священные обычаи и повседневная жизнь. Санскрит и живые языки. Вкус плодов манго, кокосов и мадрасских бананов...

Гаврила Романович Державин с особенным пристрастием прислушивался к рассказам о поэзии индийцев, к их мелодиям. Старика-поэта тянуло к незаурядным, духовно богатым людям. Лебедев, хотя и простого звания человек, вызывал у него интерес. Рассказы об Африке, Индии, о долгих плаваниях были словно прикосновением самого поэта к тем краям.

Говаривалось тогда, конечно, и о «Лорде Терлоу», и о гневных словах капитана Томсона в кронштадтском порту. О бегстве с английского корабля, о незнакомых улицах, где разыскивал Лисянского. Слушателям, куда более образованным и лучше знавшим тайны мировой политики, было понятно, что помощь

«подозрительному» беглецу испортила бы репутацию молодого офицера, добровольно ступившего на британский корабль в годы войны с французами. Потерять доверие англичан значило закрыть дорогу русским волонтерам в британский военный флот.

Кроме того, слушатели жалоб Герасима Степановича недоговаривали, боясь обидеть Лебедева. Лисянскому, вероятно, просто-напросто не полюбился Лебедев своей эксцентричностью, напористостью, и от его резкой жестикуляции в больных глазах Лисянского пестрило.

Скоро оба эти русских плавателя в далекие заморские земли — и моряк и музыкант — были забыты. Имя Лисянского упоминалось, только когда писали или говорили о Крузенштерне. Книгу Лисянского о кругосветном плавании знали больше всего в Англии и Германии, где она издавалась большими тиражами.

О Лебедеве через 15 лет после его смерти так писали в «Воспоминаниях на 1832 год, издаваемых С. Руссовым»: «В 1805 году напечатал книгу своих открытий и розысканий под названием: „Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии", посвятив оную... государю. Для чего же было путешествие в Индию господина Лебедева? О последующей его жизни и кончине, за многими стараниями, не могли мы доселе найти ни малейших известий».

Теперь имя Герасима Степановича Лебедева широко известно. Печатают статьи о его лингвистических исследованиях. Его письма и дневники издаются в сборниках документов и в книгах по востоковедению. В. А. Смирнова-Ракитина написала исторический роман «Герасим Лебедев», изданный в 1969 году.

Нижегородец Ганц-Рус

Эту главу мы назвали «Украинец, ярославец и нижегородец на Капе». Украинец — Лисянский. Во всяком случае, он родом из Нежина, а графы «национальность» в тогдашних бумагах еще не было. Лебедева принято было считать ярославцем. Возможно, он и был ярославцем, только не в самом городе родился, а поблизости.

А нижегородец?

В 1808 году в Капштадте бросил якорь первый русский корабль. Это был шлюп «Диана» под командованием капитана Головнина. Из-за начавшейся войны между Россией и Англией он был интернирован английскими военными властями и пробыл на мысе Доброй Надежды тринадцать месяцев, пока, в один из бурных вечеров, по дерзкому решению своего командира, не ушел оттуда, отрубив якоря и рискуя быть расстрелянным из пушек береговых батарей и соседних английских судов.

За эти тринадцать месяцев много перевидали моряки «Дианы». Капитан Головнин составил первое отечественное описание мыса Доброй Надежды — настолько полезное, что мореплаватели еще долго пользовались им как пособием. Читают его до сих пор и как умное и отлично написанное литературное повествование об одном из первых дальних русских плаваний. Недавно, в 1964 году, его перевели на английский язык и издали в Кейптауне как важный исторический документ о том, что собой представляли те места в эпоху наполеоновских войн.

В своих записках [11] Головнин собрал сведения о самых разных сторонах жизни Капской колонии. Но может быть российским читателям удивительнее всего было узнать, что моряки «Дианы» повстречали русского, который обосновался на Юге Африки уже давно. Судя по его рассказу, во времена встречи Лисянского с Лебедевым он жил даже не в самом Капштадте, а во внутренней части колонии, в долине Готтентотская Голландия. Соседи звали его Ганц-Рус.

Ганц-Рус сказал, что он из Нижнего Новгорода, потом был в Астрахани, в Азове, откуда попал в Константинополь. Из Турции пустился морем во Францию, оказался в Голландии, там его «обманули», и в результате он отслужил семь лет на корабле Голландской Ост-Индской компании, побывал даже в Японии. А со взятием англичанами мыса Доброй Надежды оставил море, пошел работать к кузнецу, выучился ковать железо и делать фуры. Потом женился, завел троих детей и стал промышлять продажей кур, изюма, картошки и разной огородной зелени.

Трудно сказать, все ли в этом его рассказе правда, потому что поначалу он выдавал себя за француза, долго жившего в России, и только напоследок со слезами признался, что он — Иван Степанов сын Сезиомов и что отец его был винный компанейщик в Нижнем Новгороде. Ложь о французском происхождении на «Диане», конечно, разгадали и до его признания: по-французски он пяти слов не знал, а по-русски говорил хорошо. По словам Головнина, это был «настоящий русский крестьянин... все выражения его самые грубые, простонародные, которые ясно показывали, что он низкого происхождения». Головнин решил, что Ганц-Рус — беглый казенный матрос.

Скорей всего, так и было. И тогда понятна выдумка о французском происхождении — вдруг свои-то заберут силком, а там, глядишь, начнется суд да расправа. Но свои обошлись по-хорошему. Головнин подарил ему серебряный рубль с изображением Екатерины и календарь, наказав не забывать, «что он россиянин и подданный нашего государя».

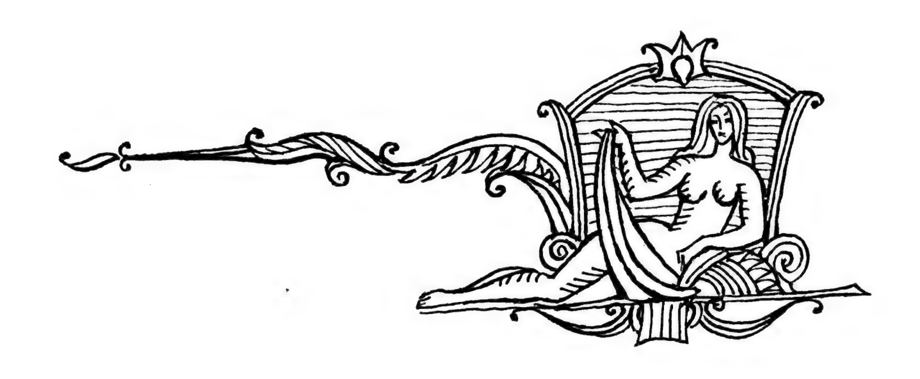
[11] [В. М. Головнин]. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку...

В английских войсках на Капе, пишет Головнин, тогда служил сержантом и еще один россиянин — уроженец города Риги.

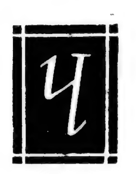
После плавания «Дианы» российские суда стали все чаще появляться у самого юга Старого Света. В первые же два десятилетия после похода «Дианы» в тех дальних водах побывали корабли «Елена» и «Суворов», фрегат «Крейсер», шлюпы «Аполлон», «Камчатка», «Ладога», «Моллер», «Предприятие», «Сенявин», бриги «Елисавета», «Рюрик» и транспорт «Кроткий», причем последние два судна прошли этим путем дважды. Океанский путь между столицей Российской империи и ее восточными окраинами превращался в столбовую дорогу. Движение по ней становилось регулярным.

Но все это было уже позднее, не в том веке мечтаний и замыслов, которому посвящена эта книга. И о «Диане» мы поминаем лишь потому, что ее экипаж повидал россиян, осевших на Капе, очевидно, еще в том, XVIII столетии, когда андреевский флаг не показывался южнее Гибралтара. Не будь записок Головнина, память и об этих людях исчезла бы бесследно.

Да и сколько еще российских людей забрасывала судьба на самый край Старого Света? Вряд ли мы когда-нибудь о них узнаем.



Что читали во времена Екатерины



Что только не зовет человека в путь! Море, ветер, птицы, неосознанное стремление к открытиям. И еще одно манит к неведомому — книги.

Неоконченным будет наше повествование, если мы не вспомним, какие же книги влекли россиян в дальние страны.

Петербургский свет читал, конечно, по-французски. Ну, а остальная читающая Россия?

...Знаменитый Вальян. О нем писали его современники Карамзин и Лисянский. «Путешествие г. Вальяна во внутренность Африки, чрез мыс Доброй Надежды в 1780, 1781, 1782, 1783, 1784 и 1785 годах». Русский перевод вышел в 1793 году в Москве в типографии Зеленникова. Это первая в России книга не только по Южной, но и по всей Черной Африке. И эта первая книга — два увесистых тома, 905 страниц.

Переведена и издана была всего через три года после ее выхода в Париже и Лондоне — очень быстро, если учесть ее объем

да и трудности перевода: незнакомые понятия, бесчисленные географические и этнические наименования, обычаи и культура малоизвестных и вовсе неизвестных в России народностей.

Французский натуралист Франсуа Ле Вальян в течение четырех лет, с 1781 по 1784 год, путешествовал по Южной Африке и повидал множество мест, где до него не ступала нога европейского ученого. Капская колония тогда занимала не такую уж обширную территорию, и Вальян уходил далеко за ее пределы, на сотни километров в глубь материка.

Был он и в пустыне Калахари, и в Намакваленде, где теперь пролегает северо-западная граница Южно-Африканской Республики, уходил далеко на восток. Переносить трудности климата ему было легче, чем многим европейцам. Он родился в Парамарибо, в Голландской Гвиане. Впечатления детства в Южной Америке помогали ему лучше понять колониальную действительность на Капе. Одно время поговаривали, что в нем кроме французской течет и «туземная» кровь.

У Вальяна интересны не только описания народов, живших за пределами Капской колонии, но и рассказ о самой колонии, где тогда происходили бурные события. Как раз с прибытием Вальяна совпала англо-французская борьба за этот край света. Вальян даже пострадал из-за нее. На стоянке в бухте Салданья, к северу от мыса Доброй Надежды, он отправился на берег для пополнения своих коллекций птиц, насекомых и бабочек. А в это время английские корабли, ворвавшись в бухту, взорвали судно, на котором был весь багаж Вальяна. Натуралист остался на берегу с десятью дукатами и охотничьим ружьем. Но стараниями местных доброхотов из колонистов и служащих Голландской Ост-Индской компании ему удалось выйти из бедственного положения. С этого и начались его путешествия.

Добравшись до Капштадта, Вальян сумел организовать свою первую экспедицию в глубь страны, далеко на восток. Вернувшись в Капштадт почти через полтора года, он увидел, что город находится в руках его соотечественников, французов, а вдоль всей дороги, шедшей по мысу Доброй Надежды между Столовой бухтой и бухтой Фолс-Бей, стоят редуты на случай высадки английских войск.

Обследовав животный мир в самой колонии, Вальян организовал новую экспедицию, на этот раз на север и северо-запад, и отправился в путь 15 июня 1783 года. У него был честолюбивый, но нереальный в те времена план: пересечь всю Африку с юга на север. По его словам, он сумел достичь 23 градуса южной широты. Примерно на этой широте находится сейчас город Виндхук, столица Намибии.

Путешественники позднейших времен сомневались в том, что Вальяну действительно удалось добраться так далеко. Они не находили в тех местах племен, упомянутых Вальяном. Но это

доказательство не так уж бесспорно. Племена могли распадаться, объединяться, какая-то часть их могла быть уничтожена в ходе междоусобиц.

Это второе путешествие Вальяна продолжалось больше года. Преодолев множество лишений и опасностей в незнакомых европейцам землях, он вернулся в Капскую колонию. В январе 1785 года он уже был в Париже, так что в заголовке своей книги он не вполне справедливо включил 1785 год в путешествия по Африке. В книге есть и другие неточности, преувеличения и натяжки, но все-таки она и до наших дней — одно из самых интересных и достоверных свидетельств о Юге Африки конца XVIII столетия.

В 1793 году, как раз когда его книга издавалась в России, Вальян был арестован якобинцами. Трудно сейчас сказать почему — он, кажется, не очень интересовался политикой, да и не был богатым человеком. Потом, последние тридцать лет жизни, он провел в своей маленькой усадьбе близ Парижа, систематизировал свои коллекции, встречался и переписывался с натуралистами Франции и других стран и, главное, написал шеститомную «Естественную историю птиц Африки». В течение многих десятилетий этот труд считался лучшим из всего, что написано об африканских птицах во всем мире.

Книги Вальяна не забыты и в наши дни. В 1962 году в Трансваале, в Народной библиотеке города Йоханнесбурга, была даже подготовлена библиография всех многочисленных изданий его книг: «Путешествий» и «Птиц Африки». А южноафриканские рисунки Вальяна оказались теперь в разных странах мира. В 1964 году 170 из них были куплены в Лондоне за 7 тысяч фунтов стерлингов и теперь хранятся в Кейптауне, в Библиотеке южноафриканского парламента [1].

Свои путешествия по Южной Африке Вальян описал не только в тех двух томах, что вышли в Париже и в Лондоне в 1790-м, а в Москве в 1793 году. Хотя в заголовке этого двухтомника названы все годы, проведенные Вальяном в Южной Африке, речь там идет, в сущности, лишь о первом из двух его больших путешествий — о путешествии на восток.

Второе путешествие — на север и северо-запад в 1783—1784 годах — он описал в другой книге. В России перевели и ее: «Второе путешествие Вальяна во внутренность Африки через мыс Доброй Надежды». Она вышла в Петербурге тремя томами (864 страницы) с иллюстрациями и даже с картой. Вышли эти тома с запозданием — в 1824 (год смерти Вальяна) и 1825 годах, через 27—29 лет после парижского и лондонского изданий и через 7—8 лет после миланского. Но многие в России читали их раньше, в иностранных изданиях.

[1] Southern African Dictionary of National Biography, с. 216.

Жил в недрах мирных их пустыней

Почти пять лет провел Вальян в Южной Африке. Бо́льшая часть времени прошла в экспедициях в глубь края. Он жил среди готтентотов, или, как мы называем их сейчас, народов кой-кой. К сожалению, не всегда легко определить, в каком соответствии с установившимися потом этническими наименованиями находятся названия, употребляемые Вальяном, — например, «дикие гонаки», в стане которых он провел много времени. Скорее всего, речь идет о племени гонаква, которого в наши дни уже не существует как самостоятельной этнической общности.

В своем предисловии к первому тому он писал: «Переплывал я моря; хотел посмотреть на других человеков, на другие произведения, на другие климаты; погребался в некоторых неизвестных пустынях Африки...» Для «путешествия к восточной стороне Африки с мыса Доброй Надежды чрез землю Наталь и Кафрию... я заказал себе сделать две большие телеги о четырех колесах, покрытых двойной парусиной... Экипаж мой состоял из тридцати волов; то есть двадцать из них определены были для повозок, с десятью для перемен, из трех охотничьих лошадей, десяти собак... Число готтентотов возрастало иногда у меня до сорока человек... И 18 декабря 1781 года, в девять часов утра отправился в свой путь».

Те из русских читателей, что знали иностранные языки и при этом любили читать, могли уже как-то представлять себе Южную Африку. Такие книги в Россию попадали. В библиотеке Вольтера, которую купила Екатерина II, есть, например, книга француза-кальвиниста Франсуа Лега. Он вынужден был покинуть родину и искать пристанища в разных краях света. Забросило его и на Юг Африки.

Но для более широкого круга читателей русский перевод книг Вальяна был открытием нового края земли. Живые люди на своих полях и дорогах, в своих селениях предстали перед читателями. Природа, животный мир, люди. Их труд, ремесла, одежда, домашняя утварь, быт, искусства, обычаи — все это, может быть, впервые так внимательно, подробно, любовно обрисовано в книгах Вальяна.

«Уходил на охоту и возвращался не прежде солнечного захождения. Пришедши в палатку зажигал свечу и проводил несколько часов, записывая в журнал свои наблюдения и приобретения, кратко все, что случилось днем. В это время готтентоты мои собирали волов около моих телег и палатки... Окончивши работу и разведши большой огонь по обыкновению садились мы в круговеньку. Я пил чай, а люди мои курили все с превеликой

охотой табак и рассказывали сказки, кои по причине самых простых и забавных приключений заставляли меня хохотать... Они тем смелее со мной поступали, чем вольнее и ласковее обращался я с ними, и чем внимательнее слушал их рассказы».

Вальян пишет, что он изучал языки готтентотских племен, понимал их речь. Он подробно объясняет особенности щелкающих звуков в этих языках. «Сии различные щелканья имеют еще различный голос и могут быть труднее и легче, смотря по букве или слогу, последующему за ними... Однако можно к ним привыкнуть, и я могу уверить, что сей язык имеет также свою гармонию, особливо в устах готтентоток, так как и немецкий язык имеет свои приятности в устах милой саксонки...

Иногда беседа наша оканчивалась очень поздно. Признаюсь, что из сих грубых голов, не обделанных хорошим воспитанием, вылетали иногда такие искры, которые меня восхищали».

Вальян охотился, он видел и изучал бегемотов, слонов, буйволов, обезьян, серн гну, «умножал собрание» своих насекомых и редких птиц и любовался «дикой природой».

«Помпоэнь-Кральской холм, на котором расположился я станом, очень мне нравился... При помощи топоров и не жалея трудов успели мы сделать два прекрасные покойца, совершенно четвероугольные. В один из них поместил я стол и стул, тут был мой кабинет; другой наполнил поваренной посудою... По мере удаления моего от колоний и приближения к новым землям, все представлялось глазам моим в новом виде; поля казались величественнее, земля, по-видимому, была плодороднее и изобильнее; вся природа пышнее и великолепнее».

«Я жил довольно долгое время с ними, жил у них, жил в недрах мирных их пустыней, с сими неустрашимыми человеками предпринимал я путешествия в отдаленные страны... С удивлением взирали мы на прекраснейшую страну во всей вселенной».

Вальян рассказал и о белых, которые жили среди готтентотских племен, по их обычаям.

Африканцы, в представлении Вальяна,— это простые, непосредственные и душевные люди. Они живут под этим чистым, всегда словно свежеэмалированным небом. Прозрачный воздух Южной Африки создает чудеса перспективы. Он укорачивает расстояния, приближает все видимое. Вальяна возмущала пренебрежительность, с которой писали о Южной Африке и ее народах многие европейцы, и прежде всего немец Петер Кольбен, самый известный до Вальяна из всех путешественников по Югу Африки.

«Везде, где только дикие совершенно отделены от белых и живут врозь, нравы их кротки; но переменяются и портятся по мере их приближения к оным».

Он много пишет о готтентотах, живших в пределах Капской колонии, но больше восхищают его те, «которые весьма удалены



Так изобразил Вальян одну из своих стоянок

будучи от самовластного господствования голландского правительства, сохраняют еще, в пустыне ими обитаемой, всю чистоту первобытных своих правов».

Вальян, пожалуй, впервые подробно рассказал о трагической судьбе готтентотов. Их, древних обитателей Южной Африки, уже давно теснили переселявшиеся с востока и с севера многочисленные племена банту. А с юга вот уже полтораста лет на них наступала Капская колония, лишая их земли и скота, порабощая их самих и уничтожая непокорных.

«...Обманутые, угнетенные, сжатые со всех сторон, готтентоты разделились и приняли две совсем противоположные стороны. Одни, коим попечение о их стадах еще было приятно, удалились во внутренность гор, к северу и северо-востоку. Другие, которым несколько стаканов водки да несколько картузов табаку вскружили голову, видя себя бедными, ограбленными до нитки, не думали ни мало оставить свою родину и не стыдились продавать свои услуги белым, которые, из подвластных пришельцев, вдруг сделались высокомерными властителями... Сложивши с себя совершенно тяжкие и многообразные труды, употребляемые на обрабатывание их полей, обременили ими сих нещастных готтентотов, которые, час от часу более унижаясь, наконец совсем удалились от прежних своих свойств».

Пожив среди одного готтентотского племени, Вальян с грустью отметил: «Много раз я радовался, что народ сей был одним из беднейших африканских народов и что, не имея ничего, ничего не мог и предложить в обмен торговли. Без сего, те из колонистов, которые разъезжают по пустыням, может быть дошли бы до них. Может быть, продали бы им ружья и порох. По крайней мере, заставили бы желать иметь их. Эх! Кто знает, что произвело бы сие желание!»

Вальян путешествовал по землям самых разных племен. Убить его не составляло, конечно, никакого труда. Да что там убить — достаточно было просто отказать ему в поддержке, и он неизбежно бы погиб среди неведомой природы и неожиданных опасностей. Его лечили от болезней травами и снабжали пищей; ему помогали прокладывать путь.

Надо отдать должное и Вальяну. Он сумел оценить все это. Его не озлобили те случаи, когда не все складывалось гладко, а без подобных случаев, конечно, не могло обойтись такое долгое путешествие. Его отзывы об африканцах исполнены благодарности.

«Некоторые не одобряли моего предприятия, несправедливо судя о характере диких африканцев, которых представляли себе лютыми чудовищами и людоедами, у которых я скоро и непременно должен был найти себе смерть. Что до меня касается, то думаю, что знаю дикого человека гораздо лучше, нежели сии превосходные говоруны, коих поверхностные сведения почерп-

нуты в наполненных лжами книгах, а посему ни мало не страшился опасности, которую мне предвещали. Я имел случай вникать в природу человеческую; везде она показалась мне доброю; и везде также я видел ее гостеприимною и дружественною, когда не оскорбляли ее; и утверждаю здесь, прежде сам будучи истинно уверен, что в сих мнимо-варварских странах, где белые не сделали себя ненавистными, потому что никогда там не были, мне стоило только подать руку в знак мира, дабы тотчас видеть африканцев, искренне ее сжимающих в своих руках и принимающих меня, как своего брата».

А белые колонисты на Юге Африки? «Там производятся все ужасы, изобретенные адом... Сии злодеи, желая тем позабавиться, ставили своих пленников на известное расстояние и спорили между собой, кто искуснее выстрелит в цель. Не было бы конца моим рассказам, естьлиб вздумал я представить здесь подробно те неслыханные жестокости, которыми без зазора совести мучат сих бедных диких».

Вальян даже обращался к африканцам: «Миролюбивые готтентоты! Презирайте сих смертных, которые вас поражают и отличают от скотов только тем, что с вами поступают они несравненно жесточее, нежели со всеми лютыми зверями!»

Вальяну требовалось мужество, чтобы сказать все это. «...Такое восхищение готтентотами должно было звучать странно для колониальных ушей» [2],— писал о книге Вальяна уже в нашем, XX столетии Сидней Мендельсон, крупнейший собиратель и исследователь литературы о Южной Африке.

Довольно распространенные тогда идеи Руссо о «благородном дикаре», вероятно, повлияли и на Вальяна. Но большинство его оценок все же носят не умозрительный характер, а подкреплены богатым личным опытом и вызывают у читателя доверие.

Дикая моя красавица

Привыкнув к готтентотам, которых тогда, да и в позднейшей литературе, нередко описывали как предел человеческого уродства, Вальян нашел привлекательной и их внешность.

«Что касается до размерности в теле, то готтентот сотворен так, как совершенно должно. Походка его приятна и поворотлива; все его движения свободны... Женщины при нежнейших чертах, имеют такой же вид лица; они равно очень статны... руки имеют малые, и ноги уютные, даром что не носят сандалий; голос их приятен так как и речь».

[2] Mendelssohn's South African Bibliography. Vol. II, c. 890.

Многие читатели, наверно, были изумлены, а то и шокированы, узнав о глубокой привязанности Вальяна к одной из «диких гоначек».

«Пробудившись, в какое пришел я удивление, видя себя окруженного в средине своего стана толпою диких гонаков... Начальник подступил ко мне с приветствием, за ним шли женщины... Между сими взаимными подарками и нежными чувствованиями, которые они (гоначки.— *Авт.*) в нас возбуждали, приметил я девушку лет шестнадцати... я нашел вид ее прелестным; зубы у нее были самые чистые и самые прекрасные; легкой и стройной ее стан и пленительные черты ее тела могли бы послужить образцом для кисти Албановой. Это была младшая из граций под видом готтентотки...

Дикая моя красавица скоро ко мне привыкла; я подарил ей пояс, браслеты, ожерелье из мелкого бисеру... Я снял у себя с шеи красный платок, которым она повязала себе голову. В сем наряде она была то, что на любовничьем языке можно бы назвать *душенькою*... Имя ее показалось мне трудным к произношению, неприятным для слуха и ничего не значащим для разума. Я переименовал ее и назвал Нариною, что значит на готтентотском языке *цвет*... Она обещалась носить его во всю жизнь, как воспоминание моего путешествия в ее родину и как знак ее любви... в пустынях Африки не надобно и стараться быть щастливым».

Эту любовную историю, как и многое другое из вальяновских «Путешествий», уже в нашем столетии вспомнили, например, в довольно известной книге об истории мыса Доброй Надежды. Ее автору Рене Юта и иллюстратору Яну Юта Карл Маркс доводился близким родственником — его сестра Луиза вместе со своим мужем Яном Карелом Ютой еще в 1853 году эмигрировала в Капскую колонию.

«Нарина — это готтентотское слово, означающее цветок». Очень красивый цветок, похожий на лилию [3], писала Рене Юта. А о Вальяне она отозвалась с большим уважением, хотя и поминала со слов современников Вальяна, что тот преувеличивал свои охотничьи подвиги, а любовь к Нарине не мешала ему плакать над письмами жены из далекой Франции. Что ж, Вальян был сыном своего века, а жениться на женщине другой расы не каждый решится и в наше время, когда, как принято считать, предрассудков стало меньше.

Непредубежденность Вальяна, очевидно, располагала людей, они тянулись к нему и искренне рассказывали о себе. Такие рассказы помогают как-то представить себе тех, кто жил за пределами общины капских белых. Это относится не только к африканцам, но и к мулатам, которых на Юге Африки во вре-

[3] R. Juta. The Cape Peninsula..., с. 105.



Такой виделась Вальяну его возлюбленная

мена Вальяна были тысячи (сейчас их число приближается к трем миллионам). На первых порах в Капской колонии было очень мало белых женщин, и связи колонистов с готтентотками, нередко даже целые гаремы, были обыденным явлением, как бы ни доказывали нынешние сторонники политики апартхейда, что их предки всегда отстаивали здесь «расовую чистоту».

О настроениях в среде мулатов можно отчасти судить по одной беседе Вальяна с девушкой, которую он называет «прекрасной мулаткой». Вальяна удивило, что она жила среди готтентотов. «Мне казалось странным, что, родясь от белого, могши жить между белыми и иметь селение подобно своему отцу, она отказалась от такой выгоды».

Ответ мулатки, видимо, обрадовал Вальяна своей искренностью. «Правда, что я дочь белого, сказала она мне, но мать моя готтентотка... Вы знаете, сколь великое презрение ваши белые имеют к черным и даже к получерным, подобным мне. Остаться жить между ими, значило подвергать себя ежедневным оскорблениям и ругательствам или быть принужденною жить отдельно, одинокою и нещастною, между тем как у моих готтентотов я нахожу ласковость, дружество и уважение. Я вас спрашиваю, друг мой, что бы вы сделали на моем месте? Я не колебалась в выборе между известными друзьями и верными врагами; предпочла щастие гордости. У ваших колонистов я была бы в величайшем презрении; у людей, имеющих цвет моей матери, я щастлива».

Гордясь своим происхождением белых

Белых колонистов Вальян пытается классифицировать — весьма интересно, хотя, в свете наших сегодняшних представлений, во многом, может быть, и наивно. Называет он колонистов то голландцами, а то и, как совершенно верно переведено в русском издании, «африканцами». Значит, уже тогда многие поселенцы называли себя не голландцами и не выходцами из Франции, а африкандерами.

«Можно разделить колонистов мыса на три класса: одни живут близко от мыса, на расстоянии пяти или шести миль; другие далее, во внутренности земель; наконец, последние еще далее, на границах колонии между готтентотами.

Первые имеют богатые земли или красивые загородные дома и могут быть уподоблены нашим старинным, мелкопоместным дворянам; они очень отличаются от других колонистов своим довольством и роскошью, а наипаче своими надменными нравами: здесь зло происходит от их богатства. Вторые просты, го-

степриимны, очень добры, и все земледельцы, которые живут плодами трудов своих... Последние очень бедны и очень ленивы, не хотят снискивать себе пропитания от земледелия, живут только тем, что держат несколько скота, который питается, как может... Кочевая жизнь препятствует им строить постоянные жилища. Когда их стада заставляют их жить несколько времени на одном месте, то они на скорую руку строят другой шалаш, который покрывают рогожами — так, как готтентоты, коих обычаи они приняли и от коих ныне разнятся только чертами лица и цветом».

Самый нелестный отзыв дает Вальян первой, самой богатой части поселенческой общины. «Нет ничего ниже и подлее колонистов первого класса... Гордясь своим богатством, испорчены близостью к городу, от которого заимствовали одну только роскошь, их развратившую, и пороки, их унизившие, они особенно пред иностранцами выставляют свою спесь и бессильную свою надменность. Будучи соседями колонистов, живущих во внутренности страны, не думайте, чтоб считали их за своих братьев. Исполнены к ним презрения, они назвали их Раув-Бер; название обидное, которое значит мужик, деревенщина».

Это приведенное Вальяном выражение «деревенщина» распространилось потом по всему миру: всех голландско-французских поселенцев стали называть бурами. Но в самой среде колонистов значение этого слова, очевидно, изменилось в XIX столетии, когда колония была захвачена Англией и прежние, голландско-французские колонисты организовали «Великий трек» — исход из Капской колонии в глубь материка, окончившийся созданием республик Трансвааль и Оранжевая. Ведь и те участники исхода из Капской колонии, которые жили в городах, надолго перестали быть горожанами.

Негодует Вальян и по поводу необразованности белых жителей Капа. «Когда молодой колонист умеет править телегою и владеть бичом, то его воспитание почти кончено; ибо его не обучают ни читать, ни писать. В четырнадцать лет он допускается в общество совершеннолетних и занимает между ними свое место; и с сего времени подает руку мущинам, целует женщин и курит табак. Ему дают ружье с правом заниматься охотою, сколько ему угодно; и с сей минуты вступает во все права совершеннолетних, он сам считается таковым, и не замедлит выбрать из соседних девиц любовницу, на которой и женится».

Вальян передает рассказы о том, как вели себя в колонии привезенные туда из Голландии преступники. Особенно возмущается тем, как они угнетали и истребляли одно из готтентотских племен (Вальян называет его «гузуаны»).

«Сии порочные и ленивые люди захотели пользоваться плодами земли, не возделывая оной. При том гордясь своим происхождением белых, они сочли, что люди не одинакового с ними

цвета рождены быть их невольниками. Посему они и отяготили их самыми тяжкими работами и за то платили им дурным с ними обхождением. Гузуаны, раздраженные сим своевольным тиранством, бросили работы и удалились в ущелья своих гор. Их там преследовали с оружием в руках, убивали безжалостно и овладели их стадами и их страною. Те, которые избегали сего гонения, убежали и поселились в той земле, которую ныне занимают, но, уходя, поклялись как своим именем, так и именем своего потомства, истребить чудовищ, которым мстить они имели столько причин; и вот, естьли справедливое предание, как мирный и трудолюбивый народ сделался воинственным, мстительным и жестоким».

Вальян много говорит о таких колонистах, которые стремились «только грабить, устрашать, опустошать. В такой стране, в которой мы жили, все это было очень удобно».

Рассказывает о том, как преступники из колонистов подбивали африканцев на участие в грабежах. И о том, как спаивали африканских вождей; те становились пьяницами и, пишет Вальян, нередко просили и у него «воды моей страны».

Резонанс в России

С переводом Вальяна читатели екатерининской России получили подробное описание Юга Старого Света. Для русских читателей книга Вальяна была открытием еще одного края Земли. Живые люди, их труд, ремесла, одежда, домашняя утварь, охота, искусство. Сама жизнь — горечь и ликование после удачной охоты, бедствия африканцев, вызванные захватами их земель.

Первая книга Вальяна получила известность в России сразу же после ее выхода в Париже и Лондоне и еще до выхода русского перевода. В 1791 году подробнейшая рецензия на нее — 35 страниц — появилась в «Московском журнале». Там говорилось: «Сие путешествие есть такое сочинение, которое, несмотря на нынешние смутные обстоятельства Франции... найдет читателей и будет для них так же занимательно, как бы и в самые мирные времена, когда единственно думали о науках и литературе...» Рецензия, подписанная «Шапфор», была перепечатана из «Меркюр де Франс», но со своим комментарием. Это уже само по себе значило, что, по мнению «Московского журнала», книга и ее оценки в этой рецензии должны были заинтересовать русского читателя.

В рецензии подчеркнуто, что Вальян прошел по землям многих племен, которые не причинили ему никакого вреда, и путешествовал обычно в сопровождении лишь африканцев, без бе-

лых спутников. Жил «в обществе верных готтентотов, с которыми он поступал как с друзьями».

«Г. Вальян взял на себя труд выучиться одному (языку.— *Авт.*) и нашел — вопреки сказанному другими,— что он не похож ни на куричье клохтанье... ни на кошачье мяуканье».

«Гонаки суть народ вольный и мужественный, почитающий выше всего свою независимость и во всех своих поступках показывающий чистосердечие, доверенность и человеколюбие. Известны смешные Кольбовы сказки, которые были повторяемы всеми путешественниками и которые распространяли в Европе столь нелепые понятия о готтентотах».

Конечно, многих читателей этой рецензии мнения Вальяна удивили. И рецензент подправляет Вальяна. «Можно также попрекнуть автора тем, что он слишком любит хвалить диких и осуждать некоторые неудобства, неразлучные со всяким гражданским обществом... Он конечно знает, что просвещенные нации не сердятся, когда бранят их учреждения и общественной порядок. А естьли бы не терпели они сатир на своих философов, поэтов, ораторов: то бы они еще несовершенно просвещены были. Г. Вальян всеми силами способствует успехам сего просвещения, так же как и успехам натуральной истории».

Читать книги Вальяна, понимать их, следить за наблюдениями и рассуждениями автора было легко. Увлекала непривычность обстановки, необычайные происшествия и опасности.

А само изложение по тем временам просто мастерское. Книги Вальяна отредактировал французский писатель Варон — так утверждал через полвека соотечественник обоих, географ и астроном Альбер Монтемон. Если верно, что рука Варона сильно вмешалась тут, то, к чести Вальяна, нужно сказать: подопечный у писателя Варона оказался способным.

Книги Вальяна долго еще находили в России читателей. Даже через шестьдесят лет, во время плавания фрегата «Паллада», Гончаров сопоставлял свои впечатления с тем, что он читал у Вальяна. И тогда же, в 1852 году, в Петербурге писали: «Из любопытнейших путешествий по Африке — есть путешествие француза Вальяна, которое предпринимал он тому лет 70 с южного конца Африки... Вальян путешествовал на больших телегах, или, лучше сказать, в небольших избушках на колесах, где помещались у него люди, и ружья, и порох, и всякие припасы, даже петух и мартышка. В телеги эти запрягались быки, и Вальян как будто с целой деревней ездил по диким местам Африки. Вальян подружился с дикарями, охотился с ними на слонов, буйволов, тигров и диких коз» [4].

Из всего, что в XVIII столетии появилось на Западе о Юге

[4] [И. Данилевский и А. Оссовский]. Есть ли где конец свету? с. 119.

Африки, книга Вальяна была самой интересной, так что российский читатель, можно сказать, получил последнее, новейшее печатное слово.

Но это была все же только одна из многочисленных переводных книг.

По географиям, картам и книгам о путешествиях

Век либерализма Екатерины, как бы он ни был короток и ограничен кругом дворянства, все же оказал свое влияние. Комиссия по составлению Уложения просуществовала недолго, но все же люди что-то обсуждали, толковали о каких-то свободах. Издания Новикова, обилие журналов, а потом и «Путешествие из Петербурга в Москву».

В 1779 году Екатерина купила большую библиотеку Вольтера, в 1786 году — библиотеку Дидро. Несколько тысяч книг, среди которых в изобилии были путешествия вокруг света в XVII и XVIII веках. В их числе помянутые уже нами труд Петера Кольбена в амстердамском издании 1743 года и «Путешествие и приключения Франсуа Лега и его компаньонов на некоторых пустынных островах Ост-Индии... на мысе Доброй Надежды, на острове Св. Елены» — два тома, изданных в Лондоне на французском языке.

Иностранные книги широко расходились среди служилого дворянства, петербургских чиновников и части образованных разночинцев. Но литературу на русском языке, конечно, читали больше.

Переводы иностранных книг и обобщения иностранных материалов весь XVIII век оставались в России главным источником знаний о южной половине земного шара. Своих собственных свидетельств не было, кроме совсем коротеньких, таких, как у Рюмина и Полубояринова, Лебедева и Лисянского. Да и те известны не были.

Каковы же были представления, приходившие с иноземными разного рода сочинениями и географическими картами? Они ведь переводились не подряд, а с выбором, нередко с обобщениями, комментариями отечественных ученых.

В отборе книг для перевода, конечно, играл роль и Ломоносов, член Академической канцелярии, глава Географического департамента с 1757 года до конца жизни. А он охватывал мир своим взглядом, видел и Африку, и ее Юг.

«По изобретении южного ходу около мыса Добрая Надежда в Ост-Индию... старались разные морские державы сыскать проезд севером в те же стороны для избежания толь далекого по раз-



А таким — может быть впервые — видели русские читатели воина-африканца

ным морям плавания и для избытия многообразных в нем случающихся противностей и опасностей... Крутые морские берега редко вливают в море великие реки, но оные обыкновенно протекают в море с краев отлогих: так, из Африки низменный Египет дает путь Нилу в Средиземное море; на южной стороне сея части, к крутому мысу Доброй Надежды лежащей, таких рек не произвела натура» [5].

Академик Петр Симон Паллас не только руководил географическими, естественнонаучными и этнографическими исследованиями в России, организованными Академией наук по замыслу Ломоносова уже при Екатерине. Паллас собирал списки слов на различных африканских языках, в том числе на «мадагаскарском», «кафрском» и готтентотском — как раз в ту пору, когда он готовился к участию в экспедиции Муловского. Он возглавил издание «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая. СПб., 1787. Часть вторая. СПб., 1789».

В следующих томах намечались словари африканских языков. Правда, завершал эту работу уже не Паллас. Его отстранили по высочайшему повелению. Под редакцией Ф. И. Янковича де Мириево вышли четыре тома «Сравнительного словаря всех языков и наречий по азбучному порядку расположенных» (СПб., 1790—1791).

«По-видимому,— пишет Д. А. Ольдерогге, старейшина советской африканистики,— это издание осталось в Зимнем дворце как справочник для Екатерины II и ее приближенных, часть экземпляров была передана в Академию наук и в Императорскую публичную библиотеку... Внимательный просмотр материалов второго издания „Сравнительного словаря" дает возможность установить, что в него были включены сведения по 33 языкам народов Африки... Шесть языков банту и готтентотский. Особо следует отметить язык, названный в словаре „арабским на острове Мадагаскар"... Академик И. Ю. Крачковский в работе, посвященной истории русской арабистики, упоминает о нем как о словаре арабского языка». Однако в действительности, пишет Д. А. Ольдерогге, это словарь малагасийского языка [6].

Не обойден Юг Старого Света и в первой русской энциклопедии. «Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь, из наилучших авторов, как российских, так и иностранных, выбранный, сочиненный и по азбучным словам расположенный... священником Иоанном Алексеевым в Москве, в Университетской типографии,

[5] М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 6, с. 426.
[6] Д. А. Ольдерогге. Изучение африканских языков в России, с. 17, 20.

1793—1794». В статье «Берега морские» названы «Кафрский берег, разделяемый а) Северную часть здесь королевство Матамин. б) Южную: Земля готтентотов, Тьерра де Наталь». Словарь Алексеева задуман был на много томов. Удалось издать только два тома на А и Б.

Большинству читателей сведения о далеких странах — как и ближних и о самой России — давали учебники географии, книги о путешествиях, карты и повременная печать.

География преподавалась в широком объеме (преподаватели и учащиеся пользовались и пособиями на иностранных языках) в высших учебных заведениях: в Академическом университете — с 1726 года, в Морском шляхетском корпусе и Московском университете — с 1755 года, в Главном народном училище — с 1783 года.

В это столетие в России издан 31 учебник по общей и русской географии. Первый в 1710 году, последний в 1798-м.

Первым послепетровским учебником географии было «Краткое руководство к географии в пользу учащегося при гимназии юношества в Санктпетербурге», напечатанное в 1742 году типографией Академии наук (небольшого формата, 66 страниц; второе издание — в 1767 году).

Здесь в отличие от географии 1710 года все расстояния и положения исходят не от Амстердама, а от России. «Какое положение имеет Португалия? В рассуждении России лежит она к западу». Это первый русский оригинальный учебник географии, хотя есть некоторое сходство с Гибнеровой географией. Имя автора не указано. Вероятно, им был преподаватель гимназии. Материал излагается по 16 ландкартам.

«XV Ландкарта о Африке... в нежилых тамошних местах находятся многие дикие звери, как например, львы, тигры, верблюды, слоны и другие им подобные... Какие моря около Африки примечать должно? Вверху лежит Средиземное море; к западу Атлантическое море; к югу Ефиопское море; к востоку Чермное море...

Как Африка разделяется?.. Королевство Абиссинское, которое есть подлинная Ефиопская или Арапская земля... берега Кафферн, жители которых называются готтентоты, где в самом низу находится славный мыс, Ди Буона Сперанца, или Доброй Надежды...»

Далее описываются страны Цангебар, Мономотапа. Язык этой географии проще, яснее, чем петровских географий, латинских географических наименований нет.

Заимствования у иноземных стран в области географической науки и общей культуры не оставались внешними, они органически сливались с уже накопленными географическими познаниями.

Учебники и пособия по географии издавались самого различ-

ного рода. По физической и даже «математической» географии: в Петербурге в 1738 году издано на немецком языке, а в 1739-м переведено на русский «Руководство к математической и физической географии со употреблением земного глобуса и ландкарт Г. Крафта, профессора Академии наук в Петербурге».

По политической географии: «Краткая политическая география» Х. Винсгейма (профессора и руководителя Географического департамента с 1744 года) вышла в 1745 году как приложение к изданному в 1737 году «Атласу, сочиненному к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг»; с 1758 по 1772 год изданы четыре части «Политической географии, сочиненной в сухопутном Шляхетском кадетском корпусе для употребления учащегося во оном корпусе шляхетства».

Во времена Елизаветы, в 1753 году, издано было даже «Краткое руководство к древней географии с изъяснением нынешнего состояния известных в древние времена земель, собрано из разных авторов трудами Императорской Академии наук конференций архивариуса Ивана Стафенгагена», которому «сочинить изволил приказать ясновельможный гетман и Академии Наук господин президент его сиятельство граф Кирила Григорьевич Разумовский».

В этой-то книге и утверждалось, что «вся Африка наполнена слонами, львами, барсами, верблюдами, обезьянами, змиями, драконами, страусами, казуриями и многими другими лютыми и редкими зверьями, которые не токмо проезжим, но и жителям самим наскучили». Мы приводили эти слова в своем «Предуведомлении».

Очень бы хотелось передать читателям те чувства, что вызвала у нас работа с тогдашними географиями. Там находишь и на удивление ясные оценки — даже такие, которые в позднейших книгах как бы утрачивали четкость, наверно, от нагромождения детальной информации. Не об этом ли в наши дни писала Белла Ахмадулина?

Влечет меня старинный слог.
Есть обаянье в древней речи.
Она бывает наших слов
и современнее и резче.

А порой, листая эти географии, трудно удержаться от улыбки. Непосредственность, простота выражений, старые слова, изменившие ныне свой прежний смысл.

Вот хотя бы книга архивариуса Ивана Стафенгагена. В ней язык поры Тредиаковского и Сумарокова, как и более ранних — петровских и допетровских времен. Сколько было с тех пор реформ, преобразований в языке! Буквы выпадали из алфавита, употребление знаков препинания менялось. Иной текст уже из-за одного этого трудно понять. Что уж говорить о самих геогра-

фических названиях! Многие так отличны от теперешних, что попробуй, узнай их.

«Ежели вообще о всей Африке рассуждать, то она таких как Европа или Азия не имеет преимуществ. Хотя оные золотом, серебром, драгоценными камнями или другими дорогими вещами ее и не превосходят, однако она такие имеет неспособности, что жители по большей части сокровищ своих так употреблять не могут, как то чинится в других землях». Помеха тамошней жизни — «великие жары и суши».

А вообще-то она, Африка, плодоносна. «Имя ей дано, как сказывают, от некоего Афра, Геркулесова сына; но к тому еще немалые доказательства требуются. Найдены еще и другие произведения, по коим обнадеживают, что имя Африки произошло от аравитского или сирского слова Фелик или Ферух, которое колос значит, и потому Африка знаменала бы землю плодоносную, за что древние Африку и почитали».

Так что все ведомо было этому архивариусу! Даже происхождение слова «Африка», до которого мы и сейчас докопаться никак не можем.

Появился и карманный путеводитель, хорошо изданный, с четким, убористым шрифтом: «Дорожная география, содержащая описания о всех в свете государствах, о их качестве, о климате, нравах или обычаях, их жителях, столичных городах». Перевели с французского и издали в Москве дважды, в 1765 и 1788 годах. Характеристики Южной Африки и Мадагаскара из этой географии мы уже приводили, когда рассказывали об одиссее камчатских ссылочных «злодеев».

Изложение, понятное и школьнику. Язык сближается с разговорным. Терминология и старые обороты речи географии Варения заменяются близкими к живому языку. «Горы горящие и огнь изметающие» называют вулканом, истмус — перешейком, пазухи морские — заливами, капут — мысом, носом. «Океан везде ли тояжде высоты?» уже становится устарелым оборотом речи. Скоро составители учебников начинают искать наглядные, образные сравнения. «Смерчи или тайфуны суть огромные водяные столбы, имеющие вид песочных часов»; «Какая жизнь на средине Азии, на этом дивном горбе, о который трутся облака»; «Средиземное море по всей справедливости назвать можно заводом, где выделываются облака и тучи. Да и как быть иначе... полоса воды в расстоянии 700 верст от жаркой полосы находящаяся». Жаркая полоса — это Сахара.

Россия в этой географии описана всего на четырех страницах, сжато. Говорится о ее пространстве, границах, о климате, о произведениях народного хозяйства и о жителях. «Россияне росту посредственного, плотные и сильные. Простой народ имеет склонность к вину; однако дворяне российские трезвы, учтивы, приятны к чужестранцам, говорят многими языками и между

прочим французским, немецким и итальянским. Они упражняются с великими успехами в науках, и можно подлинно сказать, что они никакому европейскому народу не уступают, как в науке воинского искусства, так и в отправлениях политических дел» (стр. 111).

Интересны описания россиян и в других общих переводных географиях, как представления европейцев о России и русских. Но описания России в общих географиях, переведенных на русский язык, чрезвычайно кратки, неопределенны в выводах, схожи с описанием в этой «Дорожной географии». Трудно определить и меру редактирования переводчиков — для этого нужно бы взять оригиналы географий. Но это увело бы нас далеко от основной темы нашей книги.

Учебники географии тогда читали и взрослые из-за отсутствия других сводных географических изданий. Ведь ни специальных географических журналов, ни исследовательских работ по общей географии не было. Для любителей географии не существовало журнала наподобие «Собеседника любителей русского слова», основанного в 1783 году. Почти через сто лет географ Весин писал: «Едва ли ошибусь, если скажу, что у нас географические познания не только лиц, ограничившихся так называемым средним образованием, но даже получивших высшее, исчерпываются в большинстве случаев только теми данными, которые дали им учебники; с ними они выступают на общественную деятельность» [7].

При Екатерине почти каждый год выходили в свет географии России, «всеобщие землеописания», «всеобщие географии», «введения в географию». Новые учебники и переиздания.

«Введение в географию, служащее ко изъяснению всех ландкарт земного шара... Печатано при императорском Московском Университете, 1771 года». Там сказано:

«Африка более и богатее Европы: она обыкновенно разделяется на шесть больших частей... В пятой части Африки или на берегах Кафернских примечания достойно... Капо де Бона Сперанца или мыс Доброй Надежды. Прежде сего назывался он Капо Торментозе... Из кафров, которых имя значит собственно неверные, примечания достойнейшие готтентоты... На мысу Доброй Надежды имеют голландцы изрядную крепость; хорошие сады и все выгоды для починки и принятия кораблей туда приходящих. В самой середине той земли все почти пусто...

...Народы живут по большой части в ужасном неведении, и притом либо в свирепстве, либо в порочные сластолюбия вдались».

«Новейшая всеобщая география», Санкт-Петербург, 1793 год.

[7] [Л. Весин]. Исторический обзор учебников общей и русской географии, с. I—II.

Издавалась три раза. Третье издание — в 1809 году. Она была всеобщая и по охвату стран земного шара, и писалась для всеобщего чтения. Очень популярная география среди петербургской публики. Некоторые ее сообщения как-то перекликались с бытом петербургского общества. «Мыс Доброй Надежды... За особливость сего места почитать должно отменной величины строусов, которые делаются довольно ручными». В это время входили в моду перья страусов.

С усовершенствованием картографии, общим повышением «просвещенности» дворянского сословия и разночинцев и ростом интереса к географии появляются и новые карты. Карты политической и физической географии, карты морские, на которых гидрологи морей указывают глубины, течения, границы плавающих льдов и температуру воды. В 1797 году основывается Депо карт. С 1812 года оно именуется Военно-топографическое депо.

В 1793 году издан «Новый Атлас или собрание карт всех частей земного шара, почерпнутый из разных сочинителей». 58 карт разных масштабов. Богатая географическая информация.

Карты этого времени скупо орнаментированы. Исчезают не только остатки фантастичности в рисунках на картах, но и сами рисунки. Обозначения гор, лесов, степей становятся все более отвлеченными, условными, лишенными предметного изображения.

Исчезают и петровские словообразования на иностранный лад, и старинные русские обороты речи. Они теперь не к месту в четких, экономно размещенных надписях. Карты сопровождают текст географий и в отличие от петровских не создают представления о природе и жизни в дальних странах. Соподчиненность королевств, областей и районов, народов и племен отчетливо выражается величиной шрифтов.

А иллюстрации в учебниках еще не появились. В книгах по физической географии они бывали только в виде орнамента.

За 34 года царствования Екатерины II выпущено в свет 25 учебников географии и пособий: по общей географии — 14 и географии России — 11. Издана даже география в стихах, может быть единственная в истории русской географической науки. «Сокращенное землеописание Российского государства, сочиненное в стихах для пользы юношества императорского шляхетского Сухопутного кадетского корпуса капитаном Иринархом Завалишиным. В С.-Петербурге, 1792».

Чтобы «скорее, легче и удобнее узнать предмет», капитан Завалишин писал:

Когда граждански мы Россию разделяем,
Тогда в ней сорок две губернии считаем,
Которые делит в три полосы климат.
Пятнадцать в северной к полуночи лежат...

Во всей сей полосе земля везде лесиста,
Поката к северу, а инде камениста...
Преславный Петербург являет нам столицу,
На троне мудрую в нем зрим императрицу...

...Курильцы в крепком сне, когда покоясь спят,
Естляндцов в те часы в трудах полдневных зрят.
Светило днéвное в Камчатке коль восходит,
То в Езеле оно окончив день заходит.
Пространная из всех Российская страна,
Морями многими кругом ограждена.
Знатнейший Океан меж протчих полуночной,
За оным следует известный всем восточной...

Широко пропагандировали географические познания для взрослых читателей, для юношества и для детей. «Отрок географ. Начальная география, сочиненная для употребления юношества», Москва, 1792. Вскоре, уже при Павле, вышла в свет книга-самоучитель «Способ научиться самим собою географии, издал И. Н. Москва, 1798, 124 страницы с 37-ю картами». «Книжка сия выдается для малолетних детей».

Отчего же Митрофанушка Простаков из «Недоросля» так несведущ в географии, почему так отвратительна география и ему, и его матушке? Госпожа Простакова говорит: «Да извозчики-то на что ж? Это их дело. Это таки и наука-то не дворянская».

Конечно, Простаковы и Скотинины и не могли думать иначе. Но все-таки вина не только на них. География в тогдашнем ее изложении даже для прилежного ученика была тягостна, невразумительна, непосильна и в конце XVIII века и много позднее. Вот как писал Н. В. Гоголь полвека спустя в «Мыслях о географии»: «Велика и поразительна область географии! Где найдутся предметы, сильнее говорящие юному воображению? Какая другая наука может быть прекраснее для детей, может быстрее возвысить поэзию младенческой души их? Но детям вместо того, чтоб показать прекрасный мир, подаренный нам его непосредственным зодчим, показывают безжизненный скелет, дают им вместо того грызть политические тела, превышающие мир их понятий». А ведь Гоголь был и преподавателем этого предмета.

Сколько еще лет после «Недоросля» в печати сетовали на неблагополучие с преподаванием географии в России. В 1858 году географ А. Телегин говорил: «Ни одна наука не представляет такого печального явления в России, как география. Не принятая в университетах, не доведенная до полного развития в гимназиях, она остановилась на одних частностях и осуждает воспитанника заучивать множество предметов, не принадлежащих к ее области» [8]. В 1877 году географ Л. Весин писал: «Ни один из

[8] Значение географии и преподавание ее..., с. 7.

ученых предметов не находится у нас в таком ненормальном положении, в какое волею судеб попала география»[9].

Это сказано через сто лет после появления «Недоросля». Стоит ли после этого удивляться качеству учебников географии конца XVIII столетия!

В 1884 году в России возникла первая университетская кафедра географии и этнографии — не без влияния 1-го географического конгресса, собравшегося в Антверпене в 1871 году. Но жалобы продолжались и после этого. Генерал Игнатьев в своих воспоминаниях «50 лет в строю», рассказывая о поступлении в Академию Генерального штаба на рубеже XIX и XX столетий, жаловался на «отсутствие в России в ту пору порядочных учебников по географии»[10].

Да и вообще нужно ли с полным доверием принимать сетования географов? Немногим меньше жалоб было в России на дурное преподавание словесности, истории или химии. С географией лишь чуть-чуть, может быть, хуже было. Составителей географий упрекали за избыток сведений, имен, дат, событий, но ведь и учебники по истории, по словесности и литературе тоже были похожи на справочные издания. Например, описания гербов губернских городов и дворянских мундиров по губерниям были и в географиях, и в учебниках по истории.

Одно безусловно верно. Учебники географии, изданные Комиссией по учреждению народных училищ, были лучшими в XVIII веке и продолжали переиздаваться до 40-х годов XIX столетия. Это о таких учебниках писали тогда, что благодаря обучению географии ученик, не покидая своего села или города, делается Одиссеем, проходя все земли, страны, знакомясь с обычаями многих народов.

С географиями тесно соприкасались и описания путешествий. Одним из первых, переведенных на русский язык, было «Путешествие около света» Д. Ансона, которое читали камчатские ссыльные. Они считали эту книгу такой достоверной, что поминали ее даже в очень кратких записях своего плавания. Так, Рюмин описывал «особливый фрукт, нам незнаемый, величиной с небольшую тыкву... уповательно этот фрукт господин Ансон назвал растущим на дереве хлебом на острове Тиниане, потому, что он питателен»[11].

Многотомный «Всемирный путешествователь». Полное его название звучит так: «Всемирный путешествователь, или познание Старого и Нового Света: то есть описание всех по сие время

[9] [Л. Весин]. Исторический обзор учебников общей и русской географии, с. 1.
[10] А. А. Игнатьев. 50 лет в строю, с. 101.
[11] Записки канцеляриста Рюмина..., с. 27—28.



Может быть, по этой гравюре создавались у россиян первые представления об охоте в Африке

известных земель в четырех частях света, изданное г. Аббатом де ля Порт, а на российский язык переведенное с французского». В 13-м томе, изданном в Петербурге в 1783 году, есть и описание Южной Африки, наиболее подробное из всех имевшихся в России к тому времени. Там не только история голландской колонизации, жизнь голландцев, их занятия и развлечения, вплоть до скачек верхом на страусах; для того времени много сказано и о коренных жителях, и о положении невольников, привезенных из других стран.

«Упоминаемые капские невольники суть смешение идолопоклонников, магометан и христиан. Голландцы не прилагают ни малейшего попечения о их наставлении и не говорят им никогда о вере; почему вдаются они во все пороки. Девки, проживя молодые годы для утех белых, предаются встречному и поперечному и явно манят по улицам людей, как парижские, у коих по крайней мере есть вера...

...Дети их родятся оливкового цвета, которые потом темнеют от привычки натирать кожу...»

Хотя не все сведения о коренном населении были во «Всемирном путешествователе» вполне достоверными, все же вывод гуманистичен и проникнут симпатией к африканцам. «Я нашел между сими народами, коих называем мы варварами, одинаковый образ мысли по поводу гостеприимства чужестранных, одинаковое сожаление о бедных, и поведение, утвержденное на коренных правилах естественного права. Сии люди, достойные почтения в простоте и невежестве своем, не покушаются вредить европейцам, как только в таком случае, когда сии хотят изгнать их из жилищ и лишить земли; что часто случается в стороне Капа. Таковые поступки возбуждают в них негодование и мщение... что принадлежит до диких, скитающихся внутри Африки, коль нечего им бояться в рассуждении владений своих, то пребывают они без нарушений привязанными к сему началу естественного закона: не делай другому того, чего не хочешь, чтобы другие тебе делали».

Правдивые сведения о жизни рабов время от времени, хотя и не так уж часто, доходили до России. Но в журналах и книгах (в учебниках и ожидать нельзя) не часто встретишь глубокое осуждение рабства. Как будто само собой разумеется: если европейцы постоянно живут в жарких и далеких от Европы странах, значит, на них там работают местные жители. Да и как иначе в тех тяжелых, непривычных природных условиях, если и в Петербурге «не токмо у знатных особ, но и у многих людей среднего состояния... часто до 50 и более ливрейных слуг в кучерах, вершниках, гусарах, швейцарах, скороходах, егерях, арапах и лакеях и пр.» [12].

[12] Описание российского императорского столичного города Санктпетербурга, с. 609.

Зачем переводить рассказы о тяжкой жизни в чужих странах, если и у себя дома целое сословие, крестьянское, или работает на барщине, или на собственном куцем участке земли изнывает от непосильного труда.

Прочие сочинения и повременная печать

Мы хотели получить общее представление о том, как выглядел Юг Старого Света в отечественной и переводной литературе, и не считали своей целью выискать каждую заметку в каждом журнале и газете. Но если бы и задались такой задачей, решить ее было бы, конечно, трудно, потому что, хотя с 1703 года, с появления петровских «Ведомостей», до 1769 года периодических изданий было не так уж много — 17, то к концу столетия они исчислялись многими десятками.

Правда, большинство их было недолговечно, лишь немногие просуществовали больше десяти лет. «Новые ежемесячные сочинения» — десять лет, с 1786 по 1796 год, «Труды Вольного экономического общества» — 37 лет, с 1765 по 1802-й. Во всех этих изданиях печатались произведения преимущественно естественнонаучные по своему содержанию.

Тринадцать лет, с 1729 по 1742 год, существовало издание «Примечания на Ведомости». Оно появилось на следующий год после того, как «Ведомости» перешли в ведение Академии наук, стали называться «Санктпетербургскими ведомостями» и выходить еженедельно (с 1729 года — два раза в неделю). «Примечания» (название за время существования их менялось) прилагались к каждому номеру газеты бесплатно. Возникли «Примечания» для объяснения читателю новых терминов, понятий, новых иностранных слов; комментировались события и явления, о которых сообщалось в газете.

Географии в «Примечаниях» отводилось много места: описывались разные страны, рассказывалось о путешествиях, о природе и жизни на всех материках. Появились сведения и о Южной и Тропической Африке, не говоря уж о Северной. В первый же год существования «Примечаний» там напечатано большое описание побережья Восточной Африки.

«Примечания» пользовались широкой популярностью. Вскоре по их образцу стали выходить несколько журналов. Первым, с 1755 года, был журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (название его изменялось). Тираж журнала достигал 700 экземпляров, журнал стоил два рубля в год, формат небольшой, в годовом комплекте от тысячи до тысячи двухсот страниц, много статей по географии,

этнографии. «Вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый русский ежемесячник, в котором много помещено иностранных переводных и больше половины русских любопытнейших статей исторических, географических, коммерческих, ученых и других» [13].

Главными читателями журналов были петербуржцы. Например, «Зритель» рассылался 136 петербургским читателям и всего 12 московским и 28 провинциальным.

Журналы выписывали и читали дома. Библиотек, а тем более читальных залов, по существу, не было. В 1780 году было в Петербурге Французское общество для чтения, «но поелику во втором году только 5 членов было, то оно и уничтожилось... В 1791 году старанием г. надворного советника Туманского завести Российское общество для чтения, которое одинако ж ради разных препятствий не пришло в совершенство». Но все же были созданы в Петербурге два «общества для журналов», где «платят по 12 рубли в год и 4 рубли для разносчика, который через каждые три дни приходит за прочтенными и приносит новые»[14].

В одном из ранних журналов напечатаны наблюдения по географии земного шара. «Из многих наблюдений, па сих путешествиях учиненных, усмотрено, что все места на картах шире между собой растянуты и от Европы больше отделены, нежели как подлинно быть надлежало, так что Европа, Азия и Африка меньше места занимали, нежели как до того думали; и сама Америка лежит к нам ближе, и следовательно Тихое море тем больше становится» [15].

В журналах об Африке немало и серьезного, и всякой всячины — в виде заметок, статей, описаний путешествий, рассказов, даже повестей. «Разные известия и происшествия в Африке» печатались во многих номерах «Собрания новостей» (1776), в «Зеркале света» (1786 — 1787), в «Магазине натуральной истории» (1788—1790).

Журналы второй половины XVIII столетия еще носили элементы газетной информации. В отделе «Хроника» печатались чисто газетные сообщения. Ведь слово «журнал» только что стало терять свое буквальное значение «дневник». Ежедневные записи, шканечные журналы вели моряки. Ежедневно отчитывались в полковых журналах дежурные офицеры. В специальных учебных заведениях тоже вели журналы. Поэтому читатели литературно-научных журналов не ждали широкого, пол-

[13] Е. Болховитинов. Митрополит Евгений. Т. 2, с. 67.

[14] Описание российского императорского столичного города Санктпетербурга, с. 424—425.

[15] Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1760, ноябрь, с. 479; в том же году был напечатан трактат «О виде и величине Земли».

ного изложения материалов в статьях или очерках. Мирились с сухостью языка, узостью тематики. Некоторые журналы возникали в кругу людей одной профессии, одного общественного положения. Таким был второй появившийся в России журнал — «Праздное время, в пользу употребленное»; он издавался Шляхетским кадетским корпусом с 1759 года.

Первый ежемесячный журнал — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» — издавался «при императорской Академии наук» с 1755 года почти десять лет, до 1764 года. В нем принимали участие многие писатели, поэты и мыслители. На титульном листе журнала был глобус с надписью: «Для всех».

Периодических изданий — газет, журналов — в XVIII столетии около ста сорока. Журналы были дороги. Все же их покупали и люди не такие уж обеспеченные. Читали с большим вниманием и доверием к печатному слову. Ведь и новый шрифт (он казался долго новым: одновременно издавались книги церковные на старом шрифте), и форма бесед с читателем, обращение прямо к нему, и обилие информации с обобщениями, выводами, для русского читателя предназначенными, — все это притягивало читателей из разночинцев. Не говоря уже о сатирических выпадах против привилегированных сословий, что еще больше привлекало молодых выходцев из «податных» сословий.

Журналам давались привлекающие названия: «Полезные упражнения», «Прохладные часы», «Приятное и полезное», «Иппокрена», «Аглая», «Свободные часы». Журналы, сборники обычно существовали год-два-три. Их сменяли новые издания с новыми названиями или с добавлением слов: «новый», «новейший». Большинство читателей составляли горожане. Новиков писал: «У нас те только книги 3, 4 и 5-м изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям по незнанию ими чужестранных языков нравятся. Напротив того, на вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных».

Приведем несколько статей и заметок о Юге Старого Света. Свое отношение обычно мало вносили в изложение этого переводного материала — только в виде небольших примечаний. А именно это отношение мы и старались всячески отыскать. Конечно, чем особенно мог дополнить русский переводчик или литератор сведения, например, в статье «Нечто о правах и обычаях готтентотов» в журнале «Полезное упражнение», 1789 год? Но все же его собственное мнение образованного человека както сказывалось.

«Детское чтение, для сердца и разума», часть VII, Москва, 1786. «Путешествие Васко де Гамы в Ост-Индию»:

«...Возвращаясь на корабль, провожаемы они были дикими... Де Гама из благодарности за ласковый прием назвал сию страну землею добрых людей. Она есть та часть африканского берега, которая лежит прямо против южного края большого острова Мадагаскар».

Конечно, далеко не всегда даже наиболее заметные африканские события находили отражение в русской печати. Этому не приходится удивляться. Удивительнее, пожалуй, другое.

О том, что Англия захватила Капскую колонию в ходе войны против революционной Франции, русские читатели получили подробную информацию уже через три месяца — не газетную, а журнальную, 20-страничную статью. Даже сейчас далеко не все журналы откликаются на события с такой быстротой. А тогда ведь известие должно было дойти с Капа в Западную Европу на парусном корабле, затем была написана немецкая статья, затем она попала в Петербург, затем ее перевели и напечатали. И все за три месяца!

Статья называлась «Описание мыса Доброй Надежды. Драгоценность его. Важность. Завоевание англичанами». Ею открывался «Политический журнал на 1795 год, перевод с немецкого. Часть IV, книжка 3, месяц декабрь. Москва, в Университетской типографии».

Смене господства на мысе Доброй Надежды в статье придавалось большое международное значение. «Так Великобритания, 16-го сентября, нашего отличного по достопамятностям своим года, взяла в свое владение мыс... В капитуляции, по которой отдан оный превосходный и важный мыс англичанам, нет ни одного благоприятного пункта для нещастной Голландии... По справедливости завоевание англичанами мыса Доброй Надежды названо в „Ведомостях" важнейшим происшествием во всей нынешней войне... делает совсем новую эпоху европейской торговле в Азию. Этот мыс, как известно, есть обыкновенное и большей частию необходимое место отдохновения для всех едущих в Ост-Индию и Китай европейцев».

Об окончании полуторастолетнего господства Голландской Ост-Индской компании в статье нет никаких сожалений. «Известно также, что на сем мысе есть благоприятные металлы и жилы с рудами. Но Голландская компания, по правилам политики, всевозможно препятствовала открытию таких руд и вообще всякому обработанию той земли. Главная причина была та, что земля сия при удобном ее удобрении, могла бы сделаться чрезвычайно населенной и сильною и не осталась бы долго под угнетающим господством торговой компании».

О некотором интересе русской читающей публики к коренным жителям Южной Африки говорит и очерк, который появился шестью годами раньше этой статьи и был специально

посвящен готтентотам. Заглавие: «Нечто о нравах и обычаях готтентотов». В книге «Полезное упражнение юношества, состоящее в разных сочинениях и переводах, изданных питомцами вольного благородного Пансиона, учрежденного при императорском Московском университете».

Говорится о готтентотах в общем благожелательно. «Они вообще учтивы и гостеприимчивы; по большей части дружелюбивы, честны и откровенны. Находятся между ними и шайки разбойников, которые живут одним хищничеством и особливо европейцев всегда ловить стараются; но где есть такой народ, в котором бы не было злых извергов?»

Конечно, в глазах православных они были даже не просто иноверцы, а нехристи, язычники, и за то заслуживали всяческого порицания. Но оно тут выражено мягко, с оговоркой: «Готтентоты сколько глупы и бесчувственны в своей религии, столько похвальны в обхождении своем».

Природа дальних южных земель и простота, непосредственность их обитателей вызывали восхищение.

Размышления, близкие к идеям Руссо, а может быть, и Радищева, могли возникать у читателей книги Вальяна или таких, например, мест рецензии на нее в «Московском журнале».

«Сии кафры, которых после автор посещал, были предметом всеобщего ужаса. Он нашел их весьма не таковыми, каковыми ему описывали их в колонии. Правительство мыса Доброй Надежды... не знает — или показывает, будто не знает, — тех ужасных тиранств, через которые распространили они границы своих владений во вред соседственных народов. От сего-то произошла... сия ненависть к белым, которая есть ничто иное, как праведное омерзение к их жестокостям; и от сего же самого белые распускают те страшные клеветы, которыми стараются они очернить людей простых и невинных, мстящих им за дело... Дикие думают более о целомудрии, нежели о покрывале».

Конечно, в те времена не могло еще быть и речи не только о научном объяснении, но и о сколько-нибудь серьезном понимании обычаев столь далекого народа.

Но российские знания о далекой оконечности Старого Света постепенно разрастались. Первое южноафриканское слово, первое название попало в русские книги на восходе XVIII столетия, а к концу его — уже двухтомное издание, чуть не тысяча страниц.

Нельзя тут не вспомнить снова и о той легенде, которую мы уже вскользь упоминали. Хотя все путешествия Шарлотты, жены царевича Алексея, и были вымышленными, все-таки они очень привлекли внимание читающей публики к местам

этих ее странствий, в том числе к островам Индийского океана, где она якобы провела много лет.

Ведь роль Шарлотты в российской истории оказалась весьма заметной. Со смертью ее сына, Петра II, династия Романовых пресеклась в прямом мужском поколении. А сама она была в этом доме первой иностранкой — первой в длинном ряду немецких принцесс. Да и трагическая судьба ее мужа, царевича Алексея, тоже привлекла к ней немало внимания.

Скорее всего, легенда родилась за пределами России, и до XIX столетия, может быть, даже до его середины, до многотомной «Истории царствования Петра Великого», выпущенной Николаем Герасимовичем Устряловым, вряд ли особенно поминалась в русских изданиях. Распространение подобных странных историй о царствующем доме не поощрялось: там, за границей, пускай пишут, что хотят, а тут, у себя — ни-ни. Но ведь немалая часть российской читающей публики свободно читала на иностранных языках, а многие и предпочитали это чтение. Так что с легендой знакомы были многие.

Причиной появления легенды, вероятно, была действительно несчастная судьба этой женщины, выданной замуж семнадцати лет и умершей через четыре года. Муж бил ее, потом вообще бросил, завел ту Евфросинью, которая так ярко выведена в фильме «Петр Первый». Это была пленная, принадлежавшая учителю Алексея, Н. Вяземскому. «А была та девка... собою дюжая, толстогубая, волосом рыжая, и все дивились, как пришлось царевичу такую скаредную чухонку любить и так постоянно с нею в общении пребывать» [16].

Шарлотта любила царевича Алексея, старалась склонить его к деятельной помощи отцу. Она не хотела лечиться, выбрасывала лекарства, говорила докторам: «Не мучьте меня! Дайте умереть мне спокойно». Скончалась «с радостной надеждой на лучшую жизнь там». Своей сестре, которая была замужем за Карлом VI, Римским императором, последним из Габсбургов, она просила передать:

«При жизни моей,— сказала она,— много было говорено и писано обо мне злоковарных вымыслов; найдутся злые языки... и после смерти моей, которые распустят слух, что болезнь моя произошла более от мыслей и внутренней печали, нежели от опасного состояния здоровья моего» [17].

И правда, как было не появиться слуху. Как было не предположить, что она все-таки жива — уж очень несправедливой казалась ее смерть! Как было не решить, что «вся Европа

[16] Н. Устрялов. История царствования Петра Великого. Т. 6, с. 628.
[17] Там же, с. 43.

носила траур по чурбану, что был в тот царственный гроб положен» [18].

Немецкая принцесса оказалась так вдруг в семнадцать лет в чуждых ей условиях быта, природы, климата и, главное, в прерывистом, неравномерном ритме строек нового города, порта, новых государственных порядков — и в замужестве за противником новизны этой.

Все это знали в Европе, куда Петр открыл окна. Знали его мадагаскарский замысел не только одни европейские адмиралы. И вот сочиняется, творится легенда, миф, по давним примерам греков, новая одиссея. Кронпринцесса Шарлотта начинает свои послесмертные странствия по океанам. Сноха царя Петра, перед которым она преклонялась, исполняет его замысел.

О том, что книги, содержащие эту легенду, попадали в Россию, можно судить хотя бы по экземпляру объемистого труда «История Маврикия или Иль-де-Франса и соседних островов с их первоначального открытия до наших дней, составленная главным образом по бумагам и мемуарам барона Гранта, который жил на острове в течение двадцати лет, его сыном, Чарльзом Грантом, виконтом Во» [19]. В книге — список лиц, заказавших себе заранее ее экземпляры. Среди них: «Аничков, эсквайр».

К тому же эта легенда стала сюжетом для повести Чшокке «Принцесса фон Вольфенбюттельская» и для оперы «Санта Чьяра» (текст Ш. Бирх-Пфейффера, музыка герцога Эрнста Саксен-Кобургского). О них знали и в России.

Резюмируя все, что было связано с этой легендой, Н. Устрялов писал:

«Впоследствии распространился слух в Европе, что кронпринцесса в 1715 году тайно бежала из России в Америку, в Луизиане вышла замуж за француза, лейтенанта Обера, или д'Обана, возвратилась с ним в Европу, жила несколько лет в Иль-де-Франсе, потом в Париже, и умерла в глубокой старости в Брюсселе. Это сказка...» [20].

Самый дальний, южный конец Черного материка вызывал в России наибольший интерес. И представляли себе его лучше. Знали Капштадт, его роль на великом мировом океанском пути. Знали немного и о сопредельных землях, а читатели книг Вальяна — и о жизни нескольких африканских племен и народов. Но все это были книжные знания, шли от иноземцев.

Объявились уже и свои бывальцы, но не очень-то довелось им поведать об увиденном. Да и не всех бы стали слушать, а тем более печатать: крамольники, злосчастные. Повидать

[18] [B o s s u]. Nouveaux voyages dans l'Amérique septentrionale..., p. 39.
[19] C. G r a n t. The History of Mauritius...
[20] Н. У с т р я л о в. История царствования Петра Великого. Т. 6, с. 45.

далекий край земли глазами своих людей России еще предстояло.

Говоря словами Багрицкого:

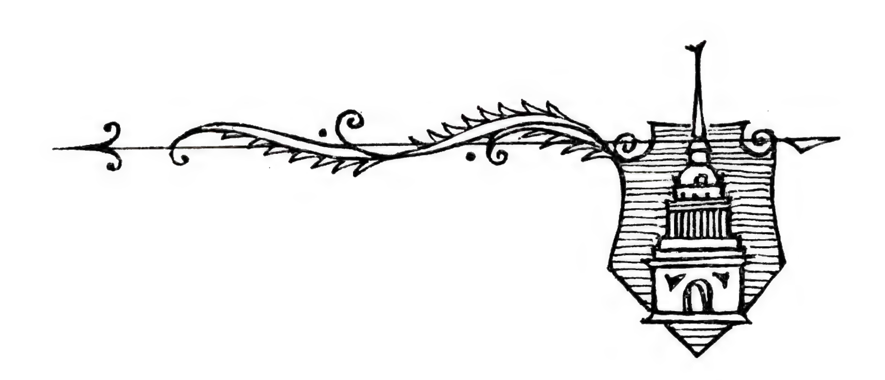
Еще моря свои скрывали тайны...

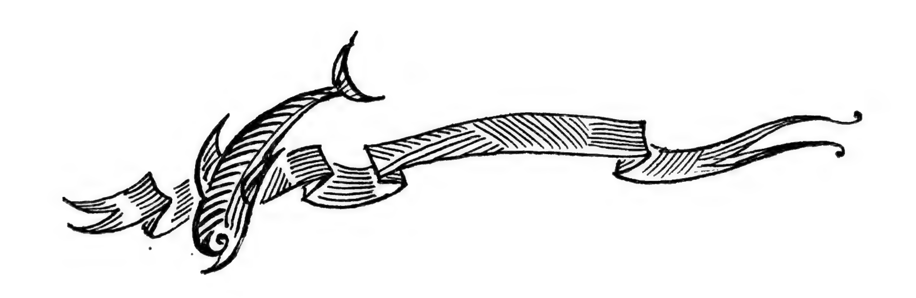
Из душных звезд слагался Южный Крест,
И водоросли глуби потаенной
Оберегали тайну этих мест...

В ту пору можно было разве что загадывать, как и когда России откроются эти тайны.

Когда ж сбегут усталые матросы
По сходням
На чужие берега?
Какая песня запоется всеми,
Как будет сердце
Биться и стучать,
Какое неизведанное племя
Тогда пришельцев выбежит встречать?
Все неизвестно!

Но хозяйственные, да и политические потребности молодой великой державы заявляли о себе все настойчивее. И глухой, тревожащий призыв дальних южных морей начал бередить души. Вот и рождались еще тогда, во времена Петра и Екатерины, те мечтания, замыслы и даже планы, которые мы пытались воссоздать на страницах этой книги.

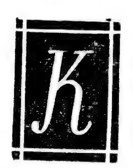




Вот и конец книги

Кто был изобретатель колеса?
Никто не знает. Все о нем забыли.
В каком краю, когда он родился?
Ни имени не помним, ни фамилии.
А был изобретатель колеса.
Оно в природе не существовало,
Пока на белый свет не родился
Великий гений, неизвестный малый.

Сергей Орлов



акими богатыми казались, должно быть, людям Века Просвещения их знания о мире — и о дальних морях и землях. Как гордились они, наверно, что знают куда больше своих отцов и дедов. Каждое поколение этим гордится, но в тот век натуралистов и путешественников это было так естественно — ведь тогда земля и ее народы открывали свои тайны действительно очень быстро.

И все-таки как мало на самом деле народы знали друг о друге! А уж те, что жили за морями-океанами,— их облик был и вовсе смутен. Из каких случайностей он возникал, какими только небылицами ни обрастал!

Может быть, не так уж важно теперь знать все это? Любопытно, и только?

Ключевский писал: «Прошлое надо знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последст-

вий». Не только верные представления, но и предрассудки уходят корнями в незапамятные времена. Это давнее, неизвестно когда и как возникшее, может лишь теплиться в подсознании, но может порой и заявить о себе явно, определенно. Эпиграфом к своим заметкам о Южной Африке Марк Твен поставил когда-то горькие слова: «Даже чернила, которыми пишется всемирная история, не что иное, как разжиженный предрассудок».

Складывание образа народов далеких стран — процесс сложнейший. Облик человека иных земель, «инородца», возникает не только под влиянием социальных и экономических условий. Он впитывает в себя тончайшие, подчас трудно распознаваемые психологические особенности своего времени. И именно они могут послужить, как это бывало в истории, питательной средой для предрассудков и предубеждений.

В описаниях «благородных дикарей», в идеализации примитивной жизни проявлялось неприятие общественного устройства в своем отечестве, желание устранить несправедливость, совершенствуя человеческую личность путем возврата к природе. А в сочувствии к страданиям африканских народов нередко находил себе выход протест против народных бед и притеснений в своей собственной стране.

Образы «отвратительных дикарей» наводнили литературу, когда появилась необходимость оправдать колониализм.

Нередко литературный стереотип — например, Африки — составляли из захватывающих дух описаний пейзажа и фауны, но без людей. Создатели такого стереотипа оказывали двойственное влияние. Они, несомненно, помогли многое узнать о географии Африки, ее природе. В то же время, обходя молчанием коренных жителей и создавая впечатление о якобы пустующих, малозаселенных землях, они объективно помогали идее колониального «освоения», освобождали от моральной ответственности за судьбы покоряемых народов.

А ведь теперь так нужно понимать другую страну, другой народ. И завтра, может быть, станет еще важнее. Уже сейчас можно сказать, что наша планета становится плоской, обозримой. Страны будто придвинулись друг к другу, стали близкими соседями. Они зависят теперь друг от друга куда больше, чем раньше. Хочешь не хочешь — приходится лучше понимать друг друга. Избавляться от стародавних небылиц — мало их разве осталось от времен, когда жили молвой, что есть в южной стороне султан Махнут персицкий да султан Махнут турецкий.

В последние годы в разных странах все чаще стали появляться книги о том, как Европа узнавала Америку и Восток или как Япония открывала для себя Европу.

Нам кажется, это очень важно — и надо снова и снова оглядываться в прошлое. Разыскивать пути, по которым шли вести

об одних народах к другим, выяснять, как отзывались они в умах и сердцах наших прадедов, а через них и в нас самих. Тогда только и можно будет понять, каким же эхом отдается в нынешних днях тот давний зов далеких морей. «Изучая дедов, узнаем внуков, т. е. изучая предков, узнаем самих себя». Опять Ключевский.

В XVIII столетии андреевский флаг еще не появился в южных морях. Но сколько уже было замыслов, планов, мечтаний. Брюсов писал потом:

Снилось ты нам с наших первых веков
Где-то за высью чужих плоскогорий,
В свете и в пены полдневных валов,
Южное море.

И сколько российского люда еще тогда, в XVIII столетии, все-таки познакомилось с Южным полушарием, добралось даже до самой южной, самой дальней окраины Старого Света. Музыкант из Петербурга, сын винного компанейщика из Нижнего Новгорода, попович с Камчатки, шельмованный казак... Ссыльные гвардейские офицеры, опальные придворные, беглые работные люди...

Через какие тяготы, опасности и лишения прошли все они, прежде чем увидели тот край земли. Он был для них неизведанней, чем в наше время лунные просторы, уже хоженые и знакомые по многочисленным фотографиям. И чтобы повидать тот край, на годы покидали родную землю, не зная, увидят ли ее вновь. Они не верили ходячей истине ленивых и нелюбопытных, что раз уж все равно лучше своей земли ничего нет, то нечего делать в чужих краях.

Очень разные они были. Многие невидящим взглядом скользили по чужим селениям. Их не прельщала яркая южная природа и кипучая жизнь океанских гаваней. На чужой стороне они жили только своей тоской.

Были и такие, что бежали от злосчастья, искали на чужбине покоя или успехов. Не могли простить своей отчизне обид и несправедливостей. Крепились, когда тоска щемила сердце, и под Южным Крестом ждали извечной участи детей человеческих — старости и смерти.

А иные думали о будущем своей страны и искали в чужих краях все, что могло бы послужить к ее пользе, все, что стоило перенять. Они-то больше всего и рассказали своему народу о том, каков есть мир и что в нем происходит.

Понимаем ли мы их, тех неспокойных людей? Они заслужили право на память и понимание.

Но понять их — как же это все-таки трудно! Можно узнать, по каким землям они путешествовали, куда стремились, можно

даже найти и собрать записи их впечатлений. А что это были за люди? Что они считали главным для себя? Как они подводили черту своей жизни? И как они встречали неизбежное для каждого из нас — уход из этого бытия?

И каковы были их печаль, уныние, страх, тоска, малодушие, зависть, ненависть — те чувства, которые, по мнению их современника, знаменитого немецкого врача Х. Гуфеланда, больше всего укорачивают человеческую жизнь?

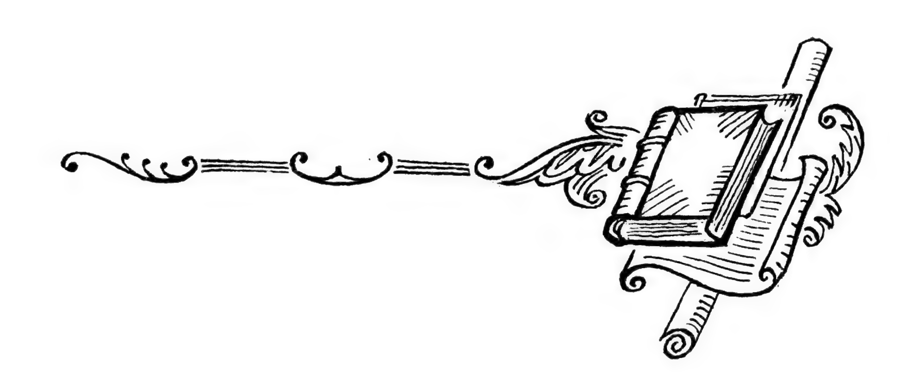
Какие они разные — и сколько общего в их радостях и бедах, в их извечных трагедиях! Ко многим ли власти и общество были справедливы? Скольких постигла невеселая участь тех двух известных офицеров, которые вслед за камчатскими ссыльными странствовали по морям Тихого океана! Андрей Вознесенский метко написал о том, как отнеслись к ним их современники:

Восхитились. Разобрались. Заклеймили.
Разобрались. Наградили. Вознесли.
Разобрались. Взревновали. Позабыли.
Господи благослови!
А Довыдова с Хвастовым посадили.

Что ж, современники не часто умели по достоинству оценить таких людей, но все-таки именно от них черпали свои представления о мире. Именно эти люди вносили вклад в копилку знаний своего народа о других народах и странах. Те, кто сам поездил по белу свету, да и те, кто совершал такие путешествия с помощью книг... Одним словом все, кто стремился побольше узнать и поделиться узнанным с другими.

Наша книга — дань памяти этих людей.





Авторы черпали сведения в этих книгах и старинных документах

Архив внешней политики России МИД СССР. Ф. «Сношения России с Мадагаскаром, 1723 г.», оп. 65/2, д. «Отправление вице-адмирала Вилстера с несколькими офицерами Мясным и Кошелевым 1. к королю мадагаскарскому для склонения его быть в российском покровительстве и 2. в Ост-Индию к Моголу для убеждения его производить с Россией коммерцию», «Грамота государя императора к королю мадагаскарскому о благосклонном принятии отправленного к нему адмирала Вилстера и о доверии к предложениям его», «Полномочная и удостоверительная грамота государя императора Петра I, данная вице-адмиралу Вилстеру, капитану Мясному и капитан-поручику Кошелеву о принятии в его государево покровительство мадагаскарского короля, позволяя ему жить в России и обещая всевозможным образом его защищать»; ф. «Сношения России с Францией, 1771 г.», оп. 93/6, д. 262 (Депеши первоприсутствующему члену Коллегии иностранных дел графу Панину от поверенного в делах в Париже Хотинского, с приложениями. Депеши шифрованные, приложения печатные и на французском языке).

Институт русской литературы (Пушкинский дом). Ф. 285, оп. 2, д. 4025 (Африканские дневники, записи и письма из Африки Г. С. Лебедева. Начато 12 февраля 1798 года. Кончено 14 февраля 1800 года).

Центральный государственный архив Военно-морского флота (ЦГАВМФ). Ф. 233, оп. 1, д. 230 (Канцелярия графа Ф. М. Апраксина); ф. 417, оп. 1, д. 688 (О портах Индийского океана, 1890 г.).

Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 6, ед. хран. 409 (Дело о происшедшем в Камчатке в Большерецком остроге от сосланных злодеев бунте. Начато в 1769 г. Кончено в 1774 г.);

ф. 248, кп. 231 (Дела Правительствующего Сената, следственных комиссий. Дела следственные о прохождении дела между Адмиралтейской коллегией с вице-адмиралом Вилстером, производившиеся в 1729, 1730, 1731 и 1732 годах. Начато в 1729 г. Кончено в 1732 г. за смертью Вилстера).

Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 1337, оп. 1, ед. хран. 135 (Журнал лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, веденный им во время службы его волонтером на судах английского флота с 1793 по 1800).

А - в. П. Курляндская колония в Африке в XVII в. СПб., 1891.

А. Л. Юрий Федорович Лисянский.— «Морской сборник». 1894, № 1, январь.

[Алексеев И. П.]. «Пространное поле», обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь из наилучших авторов, как российских, так и иностранных, выбранный, сочиненный и по азбучным словам расположенный... священником Иоанном Алексеевым. Т. 1—2. М., 1793—1794.

[Ансон Д.]. Путешествие около света, которое в 1740, 1741, 1742, 1743, 1744 годах совершил адмирал лорд Д. Ансон. СПб., 1751.

Антошко Я. Ф. История географического изучения земли. М., 1965.

«Апраксин Ф. М.».— Русский биографический словарь. СПб., 1909.

Аренс Е. И. Конспект по русской военно-морской истории. СПб., 1909.

Арсеньев А. Первая книжная лавочка при Петре Великом. СПб., 1887.

Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг. СПб., 1737.

Балязин В. Дорогой богов. М., 1976.

Барсуков А. Рассказы из русской истории XVIII в., по архивным документам. СПб., 1885.

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 16. СПб., 1902.

Белавенец П. И. Нужен ли нам флот? СПб., 1909.

Белавенец П. И. Значение флота в истории России. Пг. [б. г.].

«Бениовский».— Военная энциклопедия. Т. IV. СПб., 1914.

Берг Г. Побег Графа Бениовского из Камчатки во Францию.— «Сын отечества». 1821.

Берков П. Н. О так называемых петровских повестях.— «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии Наук СССР». Т. VII. М.— Л., 1949.

Берх В. Н. Жизнеописание первых российских адмиралов. Ч. 1—2. СПб., 1836.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958.

Бильбасов В. А. Россия и Англия в XVIII веке.— «Русская старина». Октябрь 1893.

[Богданов Г., Рубан В.]. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала его заведения с 1703 по 1751 год. Сочиненное Г. Богдановым, а ныне дополненное Василием Рубаном. СПб., 1779.

Боголюбов Н. П. Граф Мориц Беньовский, историческая быль. М., 1894.

Боголюбов Н. История корабля. Т. 2. М., 1880.

[Болотов А.]. Записки Андрея Болотова.— «Отечественные записки». 1850, № 3.

Болховитинов Е. Митрополит Евгений. Т. 2. 1845.

Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966.

Буато П. Мадагаскар. Очерки по истории мальгашской нации. М., 1961.

Бурьянов В. Прогулка с детьми по Земному шару. Ч. 2. СПб., 1837.

[Вайян Ф.]. Второе путешествие Вальяна во внутренность Африкѣ чрез мыс Доброй Надежды. Т. 1—3. СПб., 1824—1825.
[Вайян Ф.]. Путешествие г. Вальяна во внутренность Африки чрез мыс Доброй Надежды в 1781, 1782, 1783, 1784 и 1785 годах. Т. 1—2. М., 1793.
[Варений Б.]. География генеральная или повсюдная, в ней же аффекции или действа... земноводного круга толкуются автором Берн. Варением медиц. доктором. М., 1718.
Введение в географию, служащее ко изъяснению всех ландкарт земного шара. М., 1771.
Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937.
Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895.
Веселаго Ф. Краткая история русского флота. М.—Л., 1939.
Веселаго Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852.
Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1875.
[Весин Л.]. Исторический обзор учебников общей и русской географии, изданных со времени Петра Великого по 1876 год. Составил Л. Весин. СПб., 1877.
[Винсгейм Х.]. Краткая политическая география Х. Винсгейма. СПб., 1745.
Вольтер. История Карла XII, короля шведов. Т. 2. СПб., 1909.
Воскресенский Н. Г. Законодательные акты Петра I. М.—Л., 1945.
Всемирный путешествователь, или познание Старого и Нового Света; то есть описание всех по сие время известных земель в четырех частях света, изданное г. аббатом де ля Порт, а на российский язык переведенное с французского. Том второй-на-десять. СПб., 1782. Том третий-на-десять. СПб., 1783.
Всеобщая география, или описание всех частей света, изданная ст. советником Ив. Степановым. СПб., 1810.
Всеобщее землеописание, изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующей Екатерины Второй. СПб., 1788.
Всеобщее землеописание, изданное для народных училищ. Ч. II, содержащая Азию, Африку, Америку и Южную Индию. СПб., 1795.
[Гагара В. Я.]. Житие и хождение в Египет казанца Василия Яковлевича Гагары в 1634—1637 г.— «Православный Палестинский сборник». Т. XI. Вып. 3, 1891.
География или краткое земного круга описание. М., 1710.
Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 12. М., 1957.
Гибель английского корабля «Гровенор» на восточном берегу Африки в 1782 г.— Рассказы о кораблекрушениях. Т. 2. СПб., 1854.
[Гибнер И.]. Земноводного круга краткое описание, из старыя и новыя географии. По вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное... М., 1719.
Гоголь о географии.— География в школе. Сб. 1. СПб., 1913.
Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя. Т. 9. М., 1838.
[Головнин В. М.]. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку... М., 1961.
Голомбиевский А. А. Сотрудники Петра Великого. М., 1903.
Гордон Л. Мальгашская тема в русской поэзии на рубеже XVIII—XIX столетий.— «Вопросы литературы». 1960, № 11.
Горфункель А. Х. Город Солнца и монархия мессии (о политической утопии Томмазо Кампанеллы).— «Вопросы истории». 1970, № 10.
[Давыдов Г. И.]. Двукратное путешествие в Америку морских офи-

церов Хвостова и Давыдова, написанное сим последним. Ч. 1. СПб., 1804.
Да-н Г. Р. Об одежде. В отношении к правам и цивилизации. СПб., 1878.
Данилевский И. и Оссовский А. Есть ли где конец свету? СПб., 1852.
Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973.
[Дашкова Е. Р.]. Записки княгини Дашковой. СПб., 1907.
Дефо Д. Жизнь и пиратские приключения славного капитана Сингльтона. М.— Л., 1930.
Дефо Д. Избранное. М., 1971.
Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971.
Дирин П. Великая княгиня Екатерина Алексеевна до ее самодержавия, 1729—1761. СПб., 1885.
Дмитриев В. Что читали в 1803 году.— «Наука и жизнь». 1976, № 10.
Дмитриев Г. Кейпроллеры.— «На суше и на море. 1977». М., 1977.
Дорожная география, содержащая описание о всех в свете государствах, о их качестве, о климате, нравах или обычаях, их жителях, столичных городах. М., 1765.
Дридзо А. Д. Курляндская колония в Гамбии.— Африка: встреча цивилизаций. М., 1970.
Дунаев Б. И. Гистория о Василии Кириацком.— Библиотека старорусских повестей. М., 1914.
[Екатерина II]. Записки Екатерины II, императрицы России. Пер. с франц. СПб., 1906.
[Екатерина II]. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей. СПб., 1907.
Елагин С. И. Список судов Балтийского флота в царствование Петра Великого, 1702—1725. СПб., 1867.
Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане, первая половина XVIII в. М., 1948.
[Ефремов Ф. С.]. Российского унтер-офицера Ефремова... десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии, Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786.
Рец.: «Зеркало света». Декабрь 1786, № 52.
[Завалишин И.]. Сокращенное землеописание российского государства, сочиненное в стихах для пользы юношества императорского Шляхетского сухопутного кадетского корпуса капитаном Иринархом Завалишиным. СПб., 1792.
Заозерский А. И. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом.— Россия и Запад. Ч. I. Пг., 1923.
Записка о бунте, произведенном Бениовским в Большерецком остроге и о последствиях оного.— «Русский архив». Вып. 1—2. М., 1865.
Записки Гидрографического Департамента Морского министерства. Ч. VII. Спб., 1849.
Записки русских людей. События времени Петра Великого, собрал Н. Сахаров. СПб., 1841.
Записки ученого комитета морского штаба. Ч. X. СПб., 1833.
Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. М., 1951.
Зейдель И. Снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году.— «Морской сборник». Сентябрь 1867, № 9.
Значение географии и преподавание ее в Московской практической Академии коммерческих наук. М., 1858.

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954.
Игнатов В. И. Русские исторические песни. Хрестоматия. М., 1970.
Игнатьев А. А. 50 лет в строю. М., 1948.
Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 14. Кн. 2. СПб.
Изъявление по полосам губерний, наместничеств, областей всей Российской Империи... Издано для пользы общества, под смотрением г. надворного советника В. Г. Р. СПб., 1785.
Иконников В. С. Русская женщина накануне реформы Петра и после нее. Киев, 1874.
История Российского флота в царствование Петра Великого. Перевод с неизданной английской рукописи графом Е. Путятиным. СПб., 1897.
[Камоэнс Л.]. Луизияда, ироическая поэма Лудовика Камоэнса. Перевод с французского де-ла-Гарпова переводу Александром Дмитриевым. М., 1788.
Канторович В. По Советской Камчатке. М., 1931.
Карамзин Н. М. Избранные сочинения. Т. 1. М.— Л., 1964.
Кин Д. Японцы открывают Европу, 1720—1830. М., 1972.
Кириллов И. Цветущее состояние Всероссийского государства. Кн. 1. М., 1831.
Ключевский В. О. Воспоминание об Н. И. Новикове и его времени.— Сочинения. Т. 8. М., 1958.
Ключевский В. О. Курс русской истории.— Сочинения. Т. 5. М., 1958.
Ключевский В. О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М., 1968.
К[омаров] М. Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мещанина, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных похождений. М., 1775.
Конецкий В. Среди мифов и рифов. Путевые заметки. Л., 1972.
Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. СПб., 1903.
Котошихин Гр. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам. СПб., 1884.
Краткая всемирная история. Кн. 1. М., 1966.
Краткое описание города Петербурга и совершавшегося в нем в 1720 году.— «Русская старина», 1879, № 6.
Краткое руководство к географии в пользу учащегося при гимназии юношества. СПб., 1742.
Крачковский И. Ю. Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955.
Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М., 1950.
[Кук Дж.]. Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 г. М., 1971.
«Куракин Б. И.».— Русский биографический словарь. Том «Кнаппе-Кюхельбекер». СПб., 1903.
Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании.— «Ученые записки Академии наук». СПб., 1859.
Лебедев Г. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев. СПб., 1805.
[Лисянский Ю. Ф.] Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах по повелению е. и. в. Александра Первого на корабле «Нева» под начальством флота капитан-лейтенанта ныне капитана I ранга и кавалера Юрия Лисянского. СПб., 1812.

[Лихачев В.]. Статейный список посольства дворянина и Боровского наместника Вас. Лихачева, во Флоренцию, в 7167 [1659] годе.— Древняя российская вивлиофика. Т. IV. М., 1788.
Лихачев Д. С. Культура Руси. М., 1946.
Ломоносов М. В. Древняя Российская история.— Полное собрание сочинений. Т. 6. М.— Л., 1952.
Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.
Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время, 1725—1740. Л., 1976.
Мадагаскар.— «Северный архив». 1828, № 3.
Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом.— «Сборник Отделения русского языка и словесности». Т. 52, № 8, 1891.
Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. 3. СПб., 1871.
Марков С. Земной круг. М., 1966.
Материалы для истории русского флота. Ч. II—V, XI, XIII, XV. СПб., 1865—1895.
Маховский Я. История морского пиратства. М., 1972.
Мерсье Л.-С. Картины Парижа. Т. 1. М.— Л., 1935.
Модзалевский Б. Л. Летопись историко-родословного общества в Москве. Родословная Ганнибалов. М., 1907.
Моисеева Г. Н. Гистория о российском матросе Василии Кириацком.— «Труды Отдела древнерусской литературы». Т. X. 1954.
Мордовцев Д. О русских школьных книгах XVII в. М., 1862.
«Муловский».— Военная энциклопедия. Под редакцией Леера. Т. IV, 1891.
Наказ ее имп. величества Екатерины Второй, самодержицы всероссийския, о сочинении проекта нового уложения. СПб., 1776.
Наковольнин С. Ф. Политическая география, сочиненная в сухопутном Шляхетском кадетском корпусе для употребления во оном корпусе шляхетства. Ч. I—IV. СПб., 1758—1772.
Некрасов Г. А. Внешняя торговля Швеции в 20—30-х гг. XVIII века.— «Скандинавский сборник». II. Таллин, 1957.
Немецкая старина. Классическая и народная поэзия Германии XI—XVIII веков. Переводы Льва Гинзбурга. М., 1972.
[Неплюев И. И.]. Записки Ив. Ив. Неплюева. СПб., 1893.
Никитин Афанасий. Хождение за три моря. М., 1958.
Новейшая всеобщая география, содержащая в себе сведения о четырех частях света. СПб., 1793.
Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, с присовокуплением самого древнего учения о сфере. СПб., 1795.
Обозрение главнейших путешествий.— «Вестник Имп. Русского географического общества». Кн. 3 и 4, 1851.
Общий морской список. Ч. I—IV. СПб., 1885—1888.
Окладников А., Васильевский Р. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976.
Ольдерогге. Д. А. Изучение африканских языков в России.— Изучение Африки в России (дореволюционный период). М., 1977.
О медалях в память знаменитых происшествий до флота относящихся.— «Записки Ученого комитета Морского штаба». Ч. X. СПб., 1833.
Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. 1. СПб., 1877. Т. 3. СПб., 1882.
Описание российского императорского столичного города Санктпетербурга. СПб., 1794.
Опись шканечным журналам судов, совершивших кругосветные вояжи... и реестр клеркским протоколам с 1723 по 1826 год. СПб., 1856.
Опыт трудов Вольного российского собрания при Имп. Московском университете. Ч. I, 1774.
Отрок географ. Начальная география, сочиненная для употребления юношества. М., 1792.

Очерки истории Ленинграда. Т. 1. Период феодализма (1703—1861). М.— Л., 1955.
Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1871.
Пекарский П. Наука и литература при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
[Пельский П. А.]. Мое кое-что. М., 1803.
Перцмахер В. В. Русские моряки в Индии в 60-х годах XVIII в.— Страны и народы Востока. Вып. V. М., 1875.
Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. IX. XVIII век. М., 1872.
Петербургский некрополь. Т. 2. СПб., 1912.
Петр Великий. Сборник статей под редакцией А. И. Андреева. Т. 1. М., 1947.
Петров П. Н. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885.
Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. II. М., 1962.
Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в. СПб., 1904.
Плещеев Сергей. Обозрение Российской Империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии. СПб., 1786.
Побег графа Беньевского из Камчатки во Францию.— «Сын отечества». Ч. 71, 1821.
Полезное упражнение юношества, состоящее в разных сочинениях и переводах, изданных питомцами Вольного благородного пансиона, учрежденного при Московском университете. М., 1789.
Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XII, XIV и XVI. СПб., 1830.
Полные анекдоты о Балакиреве, быв. шуте Петра Великого. М., 1879.
[Полубояринов]. Журнал путешествия мичмана Полубояринова в Индию в 1763-64 г.—«Труды Института истории естествознания и техники». Т. 27. М., 1959.
Порошин С. Записки. СПб., 1844.
Потемкин П. Статейный список 1667 года.— Древняя российская вивлиофика. Ч. IV. М., 1788.
Похождение готтентота, или дикого африканца, писанное им самим. СПб., 1780.
Рец.: «Санктпетербургский вестник». Апрель 1780.
Предприятие императрицы Екатерины для путешествия вокруг света в 1786 году, на пяти судах. СПб., 1840.
Приготовление кругосветной экспедиции 1787 года.— «Записки Гидрографического департамента Морского министерства». Ч. VI. СПб., 1848.
Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань, 1914.
Путешествие Герасима Лебедева в Индию.— Воспоминания на 1832 год, издаваемые С. Руссовым. Кн. VII. СПб., июль 1832.
Путешествие из Белема к мысу Доброй Надежды и к Мозамбику.— Детское чтение для сердца и разума. Ч. VII. М., 1786.
Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. Сост. К. В. Сивков. СПб., 1914.
Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1887.
Рабинович Я. Б. Юрий Федорович Лисянский — славный русский мореплаватель.— Сборник трудов заканчивающих Военно-Морскую Академию им. А. Н. Крылова. Л., 1949.
Радищев А. Н. Беседа о том, что есть сын отечества.— Полное собрание сочинений. Т. 1. М.— Л., 1938.
Разумов Н. К. Картина земли. М., 1848.
Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Из прошлого русского естествознания. М.— Л., 1947.

Реклю Элизе. Земля и люди. Всеобщая география. Т. XIV. СПб., 1900.
Р. Р. В. Любопытный акт из биографии Беньевского.— «Русский вестник». Май и июнь 1842, № 5 и 6.
Руководство к математической и физической географии со употреблением земного глобуса и ландкарт Г. Крафта. СПб., 1739.
Руководство по географии. В пользу учащегося при гимназии юношества. СПб., 1742.
Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собрал М. Забылин. М., 1880.
Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке. М., 1948.
Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. М., 1971.
Русское песенное народное творчество. Хрестоматия. М., 1971.
Русско-индийские отношения в XVIII веке. Сборник документов. М., 1965.
[Руссов С.]. Воспоминания на 1832 год, издаваемые С. Руссовым, СПб., 1832.
[Рюмин И.]. Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским.— «Северный архив». 1822, № 5—7.
Санкт-Петербург в 1720 г. Записки поляка — очевидца.— «Русская старина». Т. 25, № 6, 1879.
Свет Я. М. После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М., 1968.
Свет Я. М. Новые данные о пребывании на Камчатке третьей экспедиции Джемса Кука (1779 г.).— Новое в изучении Австралии и Океании. М., 1972.
Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке.— «Морской сборник». Июнь 1869, № 6.
Сгибнев А. С. Бунт Беньёвского в Камчатке в 1771 г.— «Русская старина». Январь 1876.
Скрягин Л. Тайна «Летучего голландца».— «Бригантина». М., 1970.
Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1894.
Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903.
Собрание анекдотов из жизни русских государей, князей, полководцев, министров и ученых, писателей, артистов и других замечательных людей. Т. 2. СПб., 1888.
Собрание инструкций, данных в разное время командирам русских судов при отправлении в дальнее плавание. СПб., 1853.
Соколов А. Муловский.— «Морской сборник». Май 1853.
Соколов А. Русская морская библиотека. СПб., 1883.
«Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., Ноябрь 1760.
Список личного состава судов флота. СПб., 1913.
Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872.
Способ научиться самим собою географии. М., 1798.
Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Под ред. Ф. И. Янковича де Мириево. Т. I—IV. СПб., 1790—1791.
[Стафенгаген И.]. Краткое руководство к древней географии с изъяснением нынешнего состояния известных в древние времена земель, собрано из разных авторов трудами Имп. Академии наук конференций архивариуса Ивана Стафенгагена. СПб., 1753.
Столетие С.-Петербургского благородного собрания. 10 мая 1883 г. СПб., 1883.
Столетие С.-Петербургского Городского общества, 1785—1885. СПб., 1885.
Тарле Е. В. Роль русского флота во внешней политике при Петре I.— «Морской сборник». 1946, № 11—12.

Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949.
Телегин А. Значение географии и преподавание ее в Московской практической Академии наук. М., 1858.
Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управляющих иностранными делами в России. Ч. 1. СПб., 1837.
Трутовский В. К. Флибустьеры XVIII века.— «Русский вестник». Т. 221, август 1892.
Туманский Фед. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 9. СПб., 1788.
Тынянов Ю. Из записных книжек.— «Новый мир». 1966, № 8.
Урсынович С. Л. Восстание ссыльных и казаков на Камчатке. Реферат доклада.— Северная Азия. Кн. 1—2. М., 1925.
Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 6. СПб., 1859.
Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971.
Фесечко Г. Ф. Иван Евстафьевич Хандошкин. Монографический очерк. Л., 1972.
Фидлер А. Горячее селение Амбинанитело. М., 1959.
Филологические записки. Вып. I—II. Воронеж, 1872.
Фонвизин Д. И. Письма к графу Н. И. Панину.— Собрание сочинений. Т. 2. М.— Л., 1959.
[Хоецкий К.]. Записки Карла Хоецкого.— «Киевская старина». Декабрь 1893.
[Храповицкий А. В.]. Дневник А. В. Храповицкого (1782—1795). М., 1902.
Хронологический указатель морских постановлений за время с 1700 по 1875 год с объяснениями кодификационного управления. Ч. 1. СПб., 1876.
[Чемоданов И. И.]. Статейный список посольства стольника и наместника Переяславского Ив. Ив. Чемоданова в Венецию в 1656 годе.— Древняя российская вивлиофика. Т. IV. М., 1788.
[Чичагов П. В.]. Архив адмирала П. В. Чичагова. Вып. 1. СПб., 1885.
[Чулков М.]. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен до ныне настоящего, сочиненное Михаилом Чулковым. Т. III. Кн. 1. М., 1785.
Чулков М. Д. Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий («Песенник Чулкова»). Ч. 2. М., 1780.
Шефнер Вадим. Имя для птицы. Летопись впечатлений. Л., 1976.
[Шишков А. С.]. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин. 1870.
[Шмалепов Т.]. Краткое описание Камчатки, учиненное в июне месяце 1773 года камчатским командиром капитаном Тимофеем Шмалеповым.— Опыт трудов Вольного российского собрания при Имп. Московском университете. Ч. 1. М., 1774.
Штернберг Я. И. Из истории экономических и культурных связей между Россией и Венгрией в XVIII в.— Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966.
Шубарт К. Фр.-Д. Мыс Доброй Надежды.— Немецкие демократы XVIII века. М., 1956.
Эксквемелин А. О. Пираты Америки. М., 1968.
[Экуано О.]. Жизнь Олаудаха Экиано, или Густава Вазы африканского, родившегося в 1745 году, им самим написанная; содержащая историю его воспитания между африканскими народами; похищение; невольничество; мучения, претерпенные им на вест-индских плантациях; приключения, случившиеся с ним в разных частях све-

та; описания как разных народов африканских, их веры, нравов и обыкновений, так и многих стран, виденных им во время своей жизни, со многими трогательными и любопытными анекдотами, и с присовокуплением гравированного его портрета. Перевел с немецкого А. Т. Ч. I—II. М., 1794.
Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению. Собранное от разных авторов. Напечатася повелением царского величества. В Санктъпитербурхе лета господня 1717, февраля 4 дня.
Ясуси Иноуэ. Сны о России. М., 1977.

Antonius Gvilielmus Amo Afer aus Axim in Ghana, Student, Doktor der Philosophie, Magister Legens an den Universitäten Halle-Wittenberg-Jena 1727-1747, Dokumente (Autographe) Belege, Halle (Saale), 1968.
[Benyowsky M. A.]. Voyages et mémoires de Maurice-Auguste comte de Benyowsky. Magnat des Royaumes d'Hongrie et de Pologne, etc. etc. T. I—II. P., 1791.
[Bérubé-Dudemène]. Journal de Bérubé-Dudemène, capitaine du «Bougainville», à Madagascar en 1774.— «Bulletin de l'Académie Malgache». Nouvelle série. Tananarive, 1972.
[Bossu]. Nouveaux voyages dans l'Amérique septentrionale par M. Bossu. Amsterdam. 1777.
Grant C. H. The History of Mauritius. or the Isle of France... L., 1801.
Davidson A. B. The Russian Experience.— «The New African». Cape Town, March 28, 1964.
Delegorgue A. Voyage dans l'Afrique Australe. 2 tomes. P., 1847.
Deschamps H. Les pirates à Madagascar. P., 1949.
Deschamps H. Pirates et Flibustiers. P., 1962.
Dictionnaire historique et géographique de Madagascar. Fianarantsoa, 1966.
Equano's Travel. Edited by P. Edwards. L., 1967. (First publ. 1789).
D'Esme J. Le conquérant de l'ile Rouge. P., 1945.
[Grandidier A. et G.]. Collection des ouvrages anciens concernant Madagascar. Comité de Madagascar. A. et G. Grandidier. T. 3 (1640-1716). P., 1905.
Fagereng E., Rakotomamonjy M. Ny tantaran'ny firenena malagasy. [Antananarivo], 1963.
Green L. S. Eight Bells at Salamander. The Unwritten Story of Ships and Men in South African Waters and Some of the Forgotten Adventures and Mysteries of the Wide Oceans that Wash the Shores of Africa. Cape Town, 1961.
Hardyman J. T. La République de Libertatia.— «Bulletin de l'Académie Malgache». Nouvelle série. T. L1 2. Tananarive, 1975.
Immelman R. F. M. Hollandse matrosliedere op die Kaapvaart in die 17-e en 18-e eeu.— «Kwartaalblad van die Suid-Afrikaanse biblioteek». Kaapstad, September 1960, deel 15, № 1.
Jókai M. Gróf Benyovszky Móric életrajza, sajat emlékiratai és utleirasai. Budapest, 1967.
Juta R. The Cape Peninsula. L., 1927.
Kling G. Benyowszky. Empéreur de Madagascar.— «Encyclopédie mensuelle d'outre-mer». P., 1956, juin, № 70.
Kolb P. Description du Cap de Bonne-Espérance. T. 1-3. Amsterdam, 1743.
[Leguat F.]. Voyage et avantures de François Leguat. et des ses compagnons, en plusieurs isles désertes des Indes Orientales. Vol. 1—2. Londres, 1710.
Lepecki M. Maurycy August hr. Beniowski. Zdobywca Madagaskaru. Warszawa, 1959.
Maurycy Beniowski. Pamietniki Fragment konfederacki. Opracowali L. Kukulski i S. Makowski. Warszawa, 1967.

Mendelssohn's South African Bibliography. Vols I—II.
Olderogge D. A. The Study of African Languages in Russia.— Russia and Africa. M., 1966.
Ramaroson L., Giambrone N. Teto anivon'ny riaka. Fianarantsoa, 4-ème édition, 1971.
Ratsivalaka G. Eléments de biographie de Nicolas Mayeur — 1747—1809.— Communication au Colloque des Historiens et Juristes. Académie Malgache (5—12 septembre 1977).
Shalkop A. Stepan Ushin. Citizen by Purchase.— «The Alaska Journal. History and Arts of the North». Anchorage, Spring 1977, vol. 7, № 2.
Sieroszewski A. Maurycy Beniowski w literackej legenzie. Warszawa, 1971.
Southern African Dictionary of National Biography. Compiled by E. Rosenthal. L. and N. Y., 1966.
Voltaire. Collection complète des oeuvres de Voltaire. T. 23 (внутри тома — t. 3). Genève, 1775.
Voyage et avantures de François Leguat. P., 1710.
Wilson E. T. Russia and Africa before World War II. N. Y. and L., 1974.
Woulkoff W. Un séminariste malgache à Rome en 1787.— «Bulletin de Madagascar». Avril 1972, № 311.

Оглавление

Давидсон А. Б., Макрушин В. А.

Д13 Зов дальних морей. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.

326 с. с ил. и карт.

Эта книга о том, как на Руси искали пути в южную половину шара земного; как Петр I и Екатерина II снаряжали экспедиции для плаваний вокруг Африки; как ссыльные бунтари и крамольники, приплыв с Камчатки в Европу, исполнили, сами того не ведая, прожект петровский; и о том, какой виделись россиянам южные моря и оконечность Старого Света в те давние времена.

По документам XVIII в. авторы дополняют и отчасти повторяют рассказ, начатый ими в книге «Облик далекой страны».

Д $\frac{10603\text{-}002}{013(02)\text{-}79}$ 30-78. 0504030000 9(С)14 + 91(09)

Аполлон Борисович Давидсон
Валентин Александрович Макрушин

Зов дальних морей

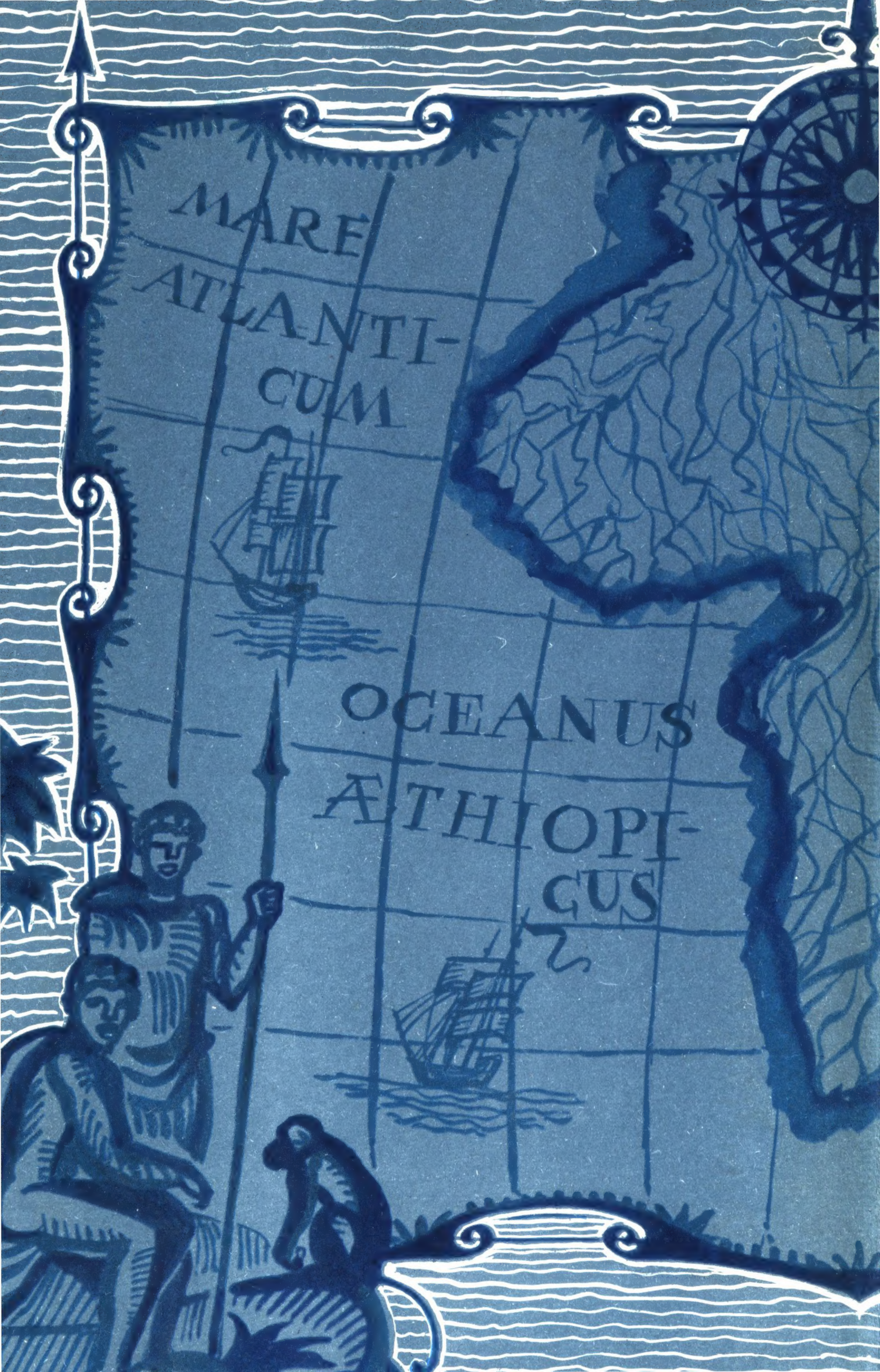
Редактор Е. Я. Бессмертная
Младший редактор М. В. Малькова
Художественный редактор
И. Р. Бескин
Технический редактор
Л. Ш. Береславская
Корректор Л. И. Письман

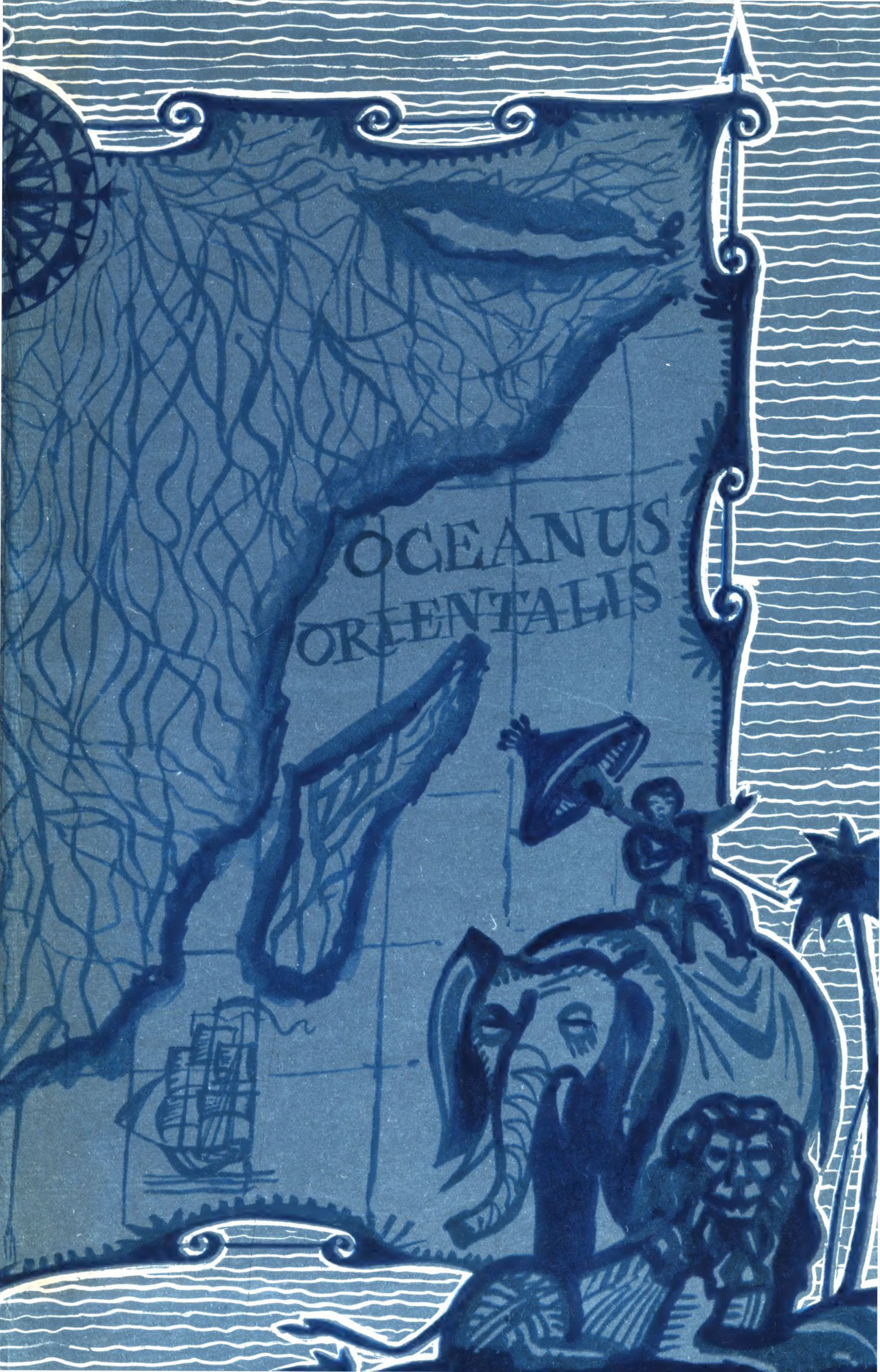
ИБ № 13305

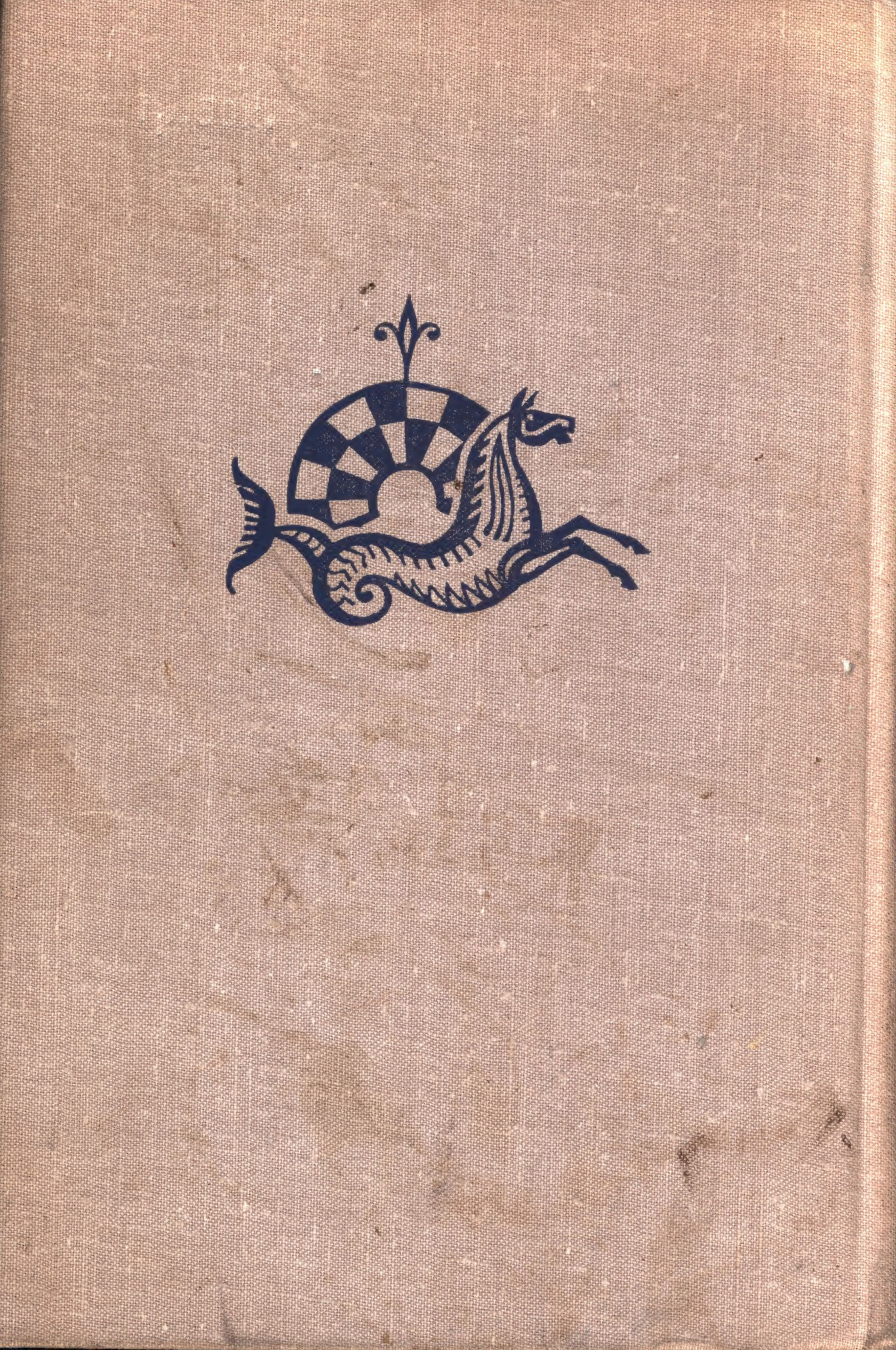
Сдано в набор 21/III 1978 г.
Подписано к печати 12/X 1978 г.
А-14810. Формат 60×90[1]/[16]. Бум. № 1.
Печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 20,85.
Тираж 50 000 экз. Изд № 4266.
Заказ № 2661. Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16


MARE
ATLANTI-
CUM
OCEANUS
ÆTHIOPI-
CUS


OCEANUS
ORIENTALIS




А.Б. ДАВИДСОН
В.А. МАКРУШИН
ЗОВ ДАЛЬНИХ МОРЕЙ